

Уральский государственный университет им. А.М. Горького

Культурно-речевая ситуация в современной России

Ответственный редактор
доктор филологических наук
Н.А. Купина

Екатеринбург • 2000

ББК Ш 141.12-72
К 906

*Книга издана при финансовой поддержке
Института «Открытое общество»
(грант НАН 915)*

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

член-корреспондент РАО, доктор
филологических наук, профессор
С.Г. Ильенко;
доктор филологических наук,
профессор М.П. Котюрова

К 906 Культурно-речевая ситуация в современной России /
Под ред. Н.А. Купиной. – Екатеринбург: Изд-во Урал.
ун-та, 2000. – 379 с.

ISBN 5-7525-1112-7

В пяти разделах книги обсуждаются теоретические и прикладные вопросы, связанные с культурно-речевой ситуацией в современной России.

В первом разделе разрабатываются проблемы ортологии: характеризуются типы норм, их реализация в различных сферах общения, вырабатываются критерии культурно-речевых оценок, предлагается решение проблемы ортологии текста, описывается язык русского зарубежья в аспекте нормативности. Во втором разделе исследуются функциональные разновидности русской речи в контексте культуры: выявляются особенности газетной и телевизионной речи, обосновываются гипотезы существования церковно-религиозного функционального стиля, демонстрируются формы отражения языковых изменений в поэтических текстах. В третьем разделе на фоне общих проблем теории речевых жанров рассматривается взаимодействие жанров фатических и информационных, диапазон влияния жанров агитационных, политических, развлекательных. В четвертом разделе выявляется механизм коммуникации в живом диалогическом взаимодействии, описываются типы разговорных диалогов в зависимости от характера замысла и коммуникативного результата, предлагается типология языковой личности. В пятом разделе обсуждаются проблемы преподавания русского языка в школе, формируются предложения, направленные на повышение речевой культуры обучаемых.

Для лингвистов, культурологов, учителей русского языка и всех интересующихся проблемами речевой культуры.

К $\frac{4602000000-107}{182(02)-2000}$ Без объявл.

ББК К906

ISBN 5-7525-1112-7

© Коллектив авторов, 2000

© Издательство Уральского университета, 2000

Предисловие

Предлагаемый вниманию читателя коллективный труд посвящен исследованию культурно-речевой ситуации в современной России.

Более десяти лет носители русского языка явственно ощущают речевую свободу. Расширение границ речевой свободы обусловлено группой факторов, в числе которых социальные, экономические и политические перемены, происходящие в нашей стране, отсутствие продуманной государственной языковой политики и лингвистической регламентации нормативности речи в средствах массовой информации, возможность издания словарей и учебников русского языка, подготовленных неквалифицированными авторами, наблюдающаяся в современной художественной литературе тенденция к гипертрофированному отражению сиюминутных языковых новаций в ущерб традициям. Речевая свобода, безусловно, оздоровила язык: избавила его от идеологической лжи, способствовала активизации процесса демократизации, обновлению стилевого облика текстов, принадлежащих к различным разновидностям литературного языка, раскрепостила межличностное общение, предоставила возможность для реализации языковой индивидуальности. Вместе с тем речевая свобода принесла с собой негативные для культурно-речевой ситуации явления, в числе которых безразличие к правильности, фактографической и лексической точности речи, утрата чувства меры в употреблении нелитературных языковых средств, легализация вербальной агрессии. Задача русистики – диагностировать культурное состояние языка, определить оптимальные направления культурно-речевой регламентации.

Коллектив авторов отталкивается от необходимости оперативного исследования русского языка во всех, в том числе нелитературных, сферах его функционирования. Вот почему в качестве исследовательского материала используются только факты современного речевого существования: рассматриваются употребления языковых элементов всех уровней в речи носителей русского языка, живые разговорные диалоги, речь радио, телевидения и газеты, политическая речь, церковно-религиозная речь и речь поэтическая. Принципиальным для авторского коллектива является функциональный подход к речевым явлениям, выступающий в качестве необходимого условия культурно-речевых оценок и интерпретаций. Рассматривая любой речевой факт в социально-культурном контексте, мы стараемся при выработке ортологических оценок и рекомендаций продемонстрировать возможность выбора варианта (выбора, а не запрета), определить коммуникативную значимость речевого явления.

Культурно-речевая ситуация в современной России исследуется в пяти аспектах: ортологическом, функционально-стилевом, речеганровом, коммуникативно-деятельностном и прикладном, культурно-образовательном. Каждому из обозначенных аспектов соответствует содержательно определенный раздел. Все пять разделов книги объединены нормативным взглядом на русскую речь как культурно-ценностный объект.

Раздел первый «Ортология» посвящен проблемам, связанным с нормой, ее типами, факторами, обуславливающими изменения нормы, с оценкой культурного состояния русской речи в России и за ее пределами.

С. Н. Ширяев отталкивается от возможности выделения норм общеязыковых, этических (в том числе этикетных) и коммуникативных. Отмечая характерную для современной культурно-речевой ситуации трансформацию либерализации во вседозволенность, он ставит вопрос о поиске объективных норм и принципах их кодификации. На фоне понятия «идеальной нормы», как полагает автор, могут быть выявлены основные тенденции развития живой нормы, определены системы оппозиций (для каждого типа норм), выработаны рекомендации к употреблению вариантов. Важным условием для выработки культурно-речевых оценок, по мнению автора, является учет широкого спектра языковых вкусов носителей языка.

Т.В. Матвеева поднимает вопрос о необходимости ортологической интерпретации объекта наивысшего лингвистического уровня – текста. Обсуждаются сложности ортологии речевого целого. Единицами культурно-речевого анализа целого, имеющими композиционный характер, являются, по мнению автора, текстовые категории, функционально-смысловые типы речи, речевые реализации коммуникативных стратегий и тактик. Приводятся аргументы в пользу тезиса о более строгом разведении статического и динамического аспектов нормы текста. Последний интерпретируется в терминах прав и обязанностей личности.

Л.П. Крысин ставит вопрос о социолингвистической оценке ненормативных вариантов, обращает внимание на фактор социальной среды, для которой характерны те, а не иные предпочтения, описывает случаи перехода определенных вариантов из профессионально ограниченной сферы употребления в кодифицированный литературный язык и факты социальной маркированности отдельных явлений. Показано, как социально и профессионально ограниченные речевые употребления влияют на формирование и развитие оппозиции «свой – чужой». Интерес читателя вызовут социоортологические этюды, связанные с источниками форм типа *события в Косово, задействовать резервы, произошли подвижки* и др. Предложенный подход открывает перспективы системной социолингвистической «паспортизации» речевых неправильностей.

О.П. Ермакова рассматривает изменения семантических оппозиций между именами лиц, свидетельствующие о сдвигах социального характера. На материале устных и письменных высказываний продемонстрированы семантико-стилистические процессы в лексике современного русского языка; выявлено направление изменений значений: от просторечного к разговорному (*мужик*), от общеидеологического к частноидеологическому (*товарищ*), от активного переносного к активному прямому (*раб*). Вывод о проявлении изоморфизма социальных отношений во власти и в криминальном мире проиллюстрирован на материале соотношения членов оппозиции *человек – хозяин*.

И.Т. Вепрева обращает внимание на активизацию метаязыковой деятельности носителей русского языка, стимулированной тенденцией к стилистической сниженности речи. Оценочное высказывание (рефлексив) выступает как маркер естественно складывающегося стилистического узуса. Выделяются типы экспли-

цированных оценок речи, комментирующих нормативно-стилистический выбор автора высказывания. Показано, что рефлексия, будучи аксиологической основой формирования стилистических норм, может реализовываться в функции средства социального и культурно-речевого контроля.

Е. А. Земская на материале записей живой речи русских эмигрантов первой волны, живущих в Италии, Германии, Франции, Финляндии, США, прослеживает драматические судьбы языковой нормы и нормы поведенческой в особом социально-культурном контексте, сопряженном с нравственными, психологическими проблемами людей, которые волею судьбы оказались за пределами России. Выявляются черты архаичности, разговорности, просторечности в устной речи эмигрантов, спроецированные на соответствующие характеристики речи россиян – носителей современного русского языка. Особое внимание уделено описанию речевого поведения эмигрантов. Выявляются факторы, воздействующие на устойчивость / изменчивость нормы.

Раздел второй «Функционально-стилевые разновидности русской речи» посвящен исследованию речевых новаций, определяющих стиливый облик современной культурно-речевой ситуации.

Л. М. Майданова рассматривает внутри- и межстилевые модификации коммуникантов прессы. Показано, что отношения пропагандиста и объекта пропагандистского воздействия, одинаково жестко подчиненных господствующей идеологии, постепенно сменяются отношениями равноправных участников цивилизованного рынка информации. Рассматривается межстилевая модификация коммуникантов, когда один из них, усмотрев в публикации ущемление собственных интересов, подает на журналиста в суд. В результате коммуниканты прессы превращаются в коммуникантов официально-деловой сферы общения, в истца и ответчика. При этом меняется тип чтения текста СМИ: не воспринимается его концепция, игнорируются неопровержимые факты, неадекватно интерпретируются отдельные слова. Новые отношения коммуникантов содействуют более ответственному и профессиональному осуществлению журналистом его деятельности. Это не может не сказаться на улучшении культурно-речевой ситуации в обществе, переживающем перестройку литературных норм.

О. А. Михайлова анализирует газетно-публицистический стиль в аспекте типов речи. Чужая речь, включенная в тексты современных региональных газет, рассматривается с коммуника-

тивно-прагматических позиций. На основе структурных особенностей чужой речи, способов включения чужой речи, используемого репертуара речевводящих глаголов описывается позиция адресанта: функции и прагматический потенциал, которые он «задает» чужой речи, отношение к автору текста-источника. Воссоздается культурно-речевой портрет молодого журналиста.

О.А. Крылова разрабатывает дискуссионный вопрос о существовании в современном русском языке функционального церковно-религиозного стиля (Л.П. Крысин). Предлагается модель анализа, реализация которой должна привести к выводу о степени самостоятельности церковно-религиозного стиля (имеется в виду максимально широкий охват репертуара жанров). Демонстрируется приложение предложенной методики к жанру церковно-религиозного послания. На фоне стилевых особенностей публицистических текстов выявляются маркеры церковно-религиозного типа.

Э.В. Чепкина рассматривает стилевые изменения молодежных телевизионных программ, связанные с прагматической ориентацией современной прессы, радио и телевидения на разные типы адресатов в пределах одного и того же текста. Анализируется программа «Декодер», выходящая на канале MTV–Россия. На фоне феномена полиадресованности показано, что канал ориентирован на молодежную субкультуру и в тематическом, и в коммуникативном планах, что проявляется в обращении к сугубо неофициальной тематике, создании тональности фамильярного общения за счет использования сниженной, в том числе жаргонной, лексики, в обращении к коммуникативным нормам бытового неформального общения.

Л.В. Зубова рассматривает динамический процесс взаимодействия языка и поэзии. На обширном материале поэтической речи рассмотрены факты всегда живой для поэта истории языка: в речевой ткани художественного произведения старое и новое парадоксально соединяются. Автор выявляет отношение к новейшим языковым изменениям литературы постмодернизма, для которой характерны внимание к непозитическим явлениям бытия, сближение элитарного и массового. В проекции на современную культурно-речевую ситуацию интерпретируются такие преломленные в поэтических текстах явления, как семантическое опустошение слова, штампованность речи, канцеляризация, нелепость аббревиации и других

видов языковой редукции, вульгаризация языка, причудливость общекультурного и собственно речевого освоения заимствований, утрата источников метафоричности, подмена «сущности ее отражением».

Раздел третий «Жанры речи и грани культуры» посвящен анализу теоретических проблем жанра, описанию репертуара жанров в новом социально-культурном контексте, исследованию феномена жанров влияния.

В.А. Салимовский исследует проблему речевых жанров с позиций функциональной стилистики и лингвокультурологии. Стилль и жанр, согласно автору, включаются в технологический план культуры. Предложено понимание жанров речи как объективируемых в текстах форм осуществления духовной социокультурной деятельности. На этой основе рассматриваются принципы стилистической классификации жанров речи, анализируются различия в характере и степени стереотипности текстов.

В.В. Дементьев обращается к изучению пространства не прямой коммуникации, предлагая нежесткую трактовку ее содержательной стороны в терминах «интенциональных состояний» (по Дж. Серлю), допускающих множественность интерпретации коммуникативных смыслов. Выявляются смыслы, не эксплицируемые языковыми средствами (фатические интенции, художественные смыслы и варьируемые смыслы). Дается типологическое описание нового для культурно-речевой ситуации вторичного жанра не прямой коммуникации – фатического общения посредством газетных объявлений («посланий»).

В.В. Блажес характеризует комический дублет русского народного разговорного этикета. Автор описывает шутливо обыгранные словесные формы приветствия, благопожелания, прощания, приглашения, поздравления, благодарности, принятые в народной речевой культуре. Возрастной параметр выдвигается как определяющий при выборе юмористической тональности, хотя имеют значение и другие признаки: степень знакомства и родства, социально-имущественное положение, степень принужденности общения. Особое внимание уделяется интерпретации записей живой народной речи, сделанных на Урале в 1970–1980 годах.

М.Ю. Федосюк обращает внимание на появление новых форм публичной речи фатического типа. Анализируя речь ведущих современных музыкальных радиопрограмм, он выявляет

жанровые составляющие, которые дают возможность представить культурный уровень речевых навыков ведущих. Записи, сделанные автором, демонстрируют общую скудость репертуара жанров, тенденцию к отбору жанров фатических, тенденцию к стилистической сниженности, безразличие к кодифицированной норме, отсутствие чувства меры, культурный произвол. Все это не может быть оправдано установкой на общение с молодыми радиослушателями. Очевидна необходимость серьезного обсуждения вопроса о формах лингвистического контроля радиоречи.

Л.В. Енина рассматривает приметный в современной культурно-речевой ситуации жанр лозунга. На фоне живой диахронии анализируется функционирование в текстах лозунгов идеологем *социализм, коммунизм, капитализм, демократия, народ, власть, враг*. Выявляется степень устойчивости идеологических смыслов, их трансформации, диапазон влияния. Лингвоидеологический анализ лозунгов протеста позволяет автору сформулировать вывод о состоянии идеологического сознания россиян.

Н.А. Кутина рассматривает отбор и синтагматику жанровых форм в пределах агитационного дискурса (избирательные кампании в Екатеринбурге и Свердловской области 1999 года). Репертуар жанров зависит, как показывает автор, от лежащего в основе агитации культурно обусловленного сценария, в границах которого устанавливается коммуникативная рамка. Описаны жанры поддержки, протеста, рационально-аналитические, а также группы низших жанров. Показано, как в поисках жанров влияния разработчики агитационных технологий приходят к формированию диалогического принципа агитационного взаимодействия. Эффект влияния обуславливается объективностью прогнозирования точки зрения адресата. Автор обращает внимание на беззастенчивую манипуляцию общественным сознанием, оказывающую отрицательное влияние на культурно-речевую ситуацию.

Раздел четвертый «Механизмы коммуникации и типы языковой личности» посвящен анализу процесса коммуникации, протекающей в форме диалога, исследованию типов речевого поведения и типов языковой личности.

И.Н. Борисова предлагает интерпретацию коммуникативных механизмов текстообразования спонтанного разговорного диалога на основе универсальной категории речевого замысла. Описывается структура замысла речевой партии коммуниканта и

особенности его реализации в условиях спонтанного диалогического общения. Типы разговорных диалогов в сфере непринужденной и актуальной коммуникации выделяются по критерию доминирующей текстообразующей макроинтенции. Особое внимание уделяется выявлению механизмов реализации замысла в спонтанном разговорном диалоге. Прослеживается экспликация компонентов замысла (проспективная и ретроспективная вербальная рефлексия) в спонтанном диалогическом тексте.

И. В. Шалина анализирует коммуникативные ситуации с дисгармоническим результатом. На материале записей живой речи горожан-провинциалов выделяются ситуации риска, предконфликтные и конфликтные. Причины дисгармонии автор видит в мере / степени напряженности, несоблюдении партнерами общения коммуникативных норм, в нарушениях табу, дисбалансе ролевых ожиданий, отсутствии диалога культур.

И. С. Иссерс предлагает рассматривать коммуникативное поведение с точки зрения успеха / неуспеха как реального результата коммуникативного взаимодействия. Рассматриваются максимумы Грайса и другие сформулированные в литературе общие правила успешной коммуникации в приложении к различным типам дискурса. Выявляется зависимость коммуникативного успеха от стратегических установок речи, набора тактик и коммуникативных шагов. Автор полагает, что обучение оптимальной коммуникации должно опираться на типовые модели коммуникативного взаимодействия, разрабатываемые применительно к типовым ситуациям общения.

К. Ф. Седов разрабатывает типологию коммуникативного поведения языковой личности по способности последней к коммуникативной кооперации (гармонизации речевого поведения) в диалоге. Выделяются три типа речевого поведения: конфликтный, центрированный и кооперативный. Определение типа языковой личности проводится на основании трехкомпонентного иерархического «личностного комплекса», состоящего из доминанты, субдоминанты и субстрата речевого поведения. Автором намечены контуры жанровых и тактических предпочтений языковых личностей разных типов в нейтральном нериторическом общении.

М. А. Канчер предлагает трехаспектную модель интерпретации речевого поведения говорящего, включающую стилистическую, коммуникативно-прагматическую, лингвокультурологичес-

кую составляющие. Выявление речевых доминант на фоне представлений об усредненном типе языковой личности, по мнению автора, предполагает характеристику индивидуальных способов реализации языковых средств, тактико-стратегической организации дискурса, сопоставление полученных результатов с национально-культурными нормами и традициями речевого поведения.

В.Д. Черняк рассматривает в качестве приметы современной языковой личности агнонимы (термин В.В. Морковкина, А.В. Морковкиной). Предлагается набор признаков, позволяющих зафиксировать агноним как пустую клетку индивидуального лексикона. Выделяются системные блоки лексики, обычно содержащие агнонимы. Демонстрируются проявления агнонимии как феномена группового языкового сознания и как общекультурного феномена. Экспериментальные материалы позволяют автору создать штрихи к портрету «усредненной языковой личности», выявить группу факторов «усреднения» и обеднения лексикона.

Раздел пятый «Технология культурно-речевого образования» посвящен анализу реальной учебной ситуации, исследованию проблемы научных основ активных образовательных технологий.

Н.Д. Голев видит свою задачу в том, чтобы определить значимость метаязыкового сознания рядовых носителей языка, существующего в несознаваемой и осознаваемой формах, для формирования содержания школьного курса русского языка. Показано, что знания о речезыковой действительности являются частью наивной языковой картины мира, воздействуют на язык и на мировоззрение. В то же время школьное образование также находится под воздействием обыденного сознания. Обращается внимание на влияние орфографоцентрической концепции преподавания, внушающей обучаемым ложное представление о тождестве языка и правил правописания. Преодоление орфографоцентризма автор связывает с разработкой риторических образовательных технологий.

Н.Е. Богуславская анализирует ответы учащихся на вопросы анкеты, цель которой – выявление особенностей восприятия школьниками курса русского языка. Анализ детских ответов позволил автору сформулировать предложения, касающиеся постановки школьного курса и перспектив его совершенствования.

С.А. Минеева рассматривает культурно-речевую образовательную ситуацию в России в контексте культурной ситуации в

мире. Автор полагает, что вхождение России в мировое культурное пространство непосредственно зависит от налаживания отношений диалогического характера, которые необходимо сделать основой образовательных технологий. Предлагается система понятий, составляющих понимание риторики как деятельности диалогического типа, способной оказать влияние на повышение уровня речевой культуры.

И. А. Стернин задает парадоксальный вопрос: «Можно ли культурно формировать культуру в современной России?» Отвечая на этот вопрос, автор отталкивается от понимания культуры как передаваемого по наследству образа жизни и утверждает, что в России на бытийном уровне сознания наследуется «простота»; культура же не может быть «простой». Он останавливается на фактах демонстративного недемонстрирования формульной этикетной культуры в ежедневном общении и выдвигает программу практического решения проблем бытовой речевой культуры. Основы программы жестких, в том числе административных, требований коренятся, по мнению автора, в ментально и социально обусловленных особенностях современной культурно-речевой ситуации, отсутствии мотивации совершенствования родного языка у его носителей.

Функциональный подход к изучаемому речевому материалу, ортологоцентризм, внимательное отношение к различным сферам актуальной коммуникации позволили авторам коллективного труда описать важнейшие особенности современной культурно-речевой ситуации в России, определить перспективные направления дальнейшего исследования, очертить принципы не жесткой «рецептурной» лингвистики.

Н. А. Кутина

Ортология

Е.Н.ШИРЯЕВ

Типы норм и вопрос о культурно-речевых оценках¹

Будем исходить из следующего определения понятия культуры речи. Культура речи – это такой набор и такая организация языковых средств, которые в определенной ситуации общения при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач [Культура русской речи... 1996: 13]. Норма – один из ключевых компонентов этого определения. Она касается всех трех составляющих понятия культуры речи, требуя различения общеязыковых, этических (в том числе и этикетных) и коммуникативных норм.

Понятие нормы во всех ее разновидностях неразрывно связано с историей становления и развития литературного языка как языка сознательно культивируемого и оберегаемого принятыми для него нормами. Разные периоды в истории литературного языка делают актуальными различные стороны нормы.

Современное состояние русского языка определяется двумя взаимосвязанными характеристиками. С одной стороны, по сравнению с тоталитарно-административной эпохой, когда русский язык находился в железных тисках новояза, происходит демократизация языка, преодоление новояза, что оценивается как

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Функционирование современного русского языка и культура речи», финансируемого Российским гуманитарным научным фондом (проект № 00-04-00-101-а).

позитивный процесс. М.В. Панов отмечает такие особенности языка газет перестроечного периода (эти особенности характерны и для многих других публичных жанров): усиление личностного начала, диалогичность, стилистический динамизм и, как следствие этого, изменение самого понятия языковой нормы. Норма становится не столько системой запретов, сколько выбором языкового средства [Панов 1988]. С другой стороны, демократизация языка перерастает в своеобразную языковую вседозволенность со всеми ее негативными процессами. И поэтому, как это часто бывает в переломные моменты истории страны, поиск объективных норм и их кодификации стоит особенно остро.

Чтобы добиться такой кодификации языковых норм, которая была бы наиболее объективной и, следовательно, приемлемой для большинства носителей литературного языка, необходимо, как кажется, определить тенденции развития современной нормы с учетом современных демократических процессов в развитии языка. Следует ясно осознать, что норма не должна быть тормозом в поиске новых средств выразительности и образности языка, особенно это касается языка средств массовой коммуникации. Суждение М.В. Панова о том, что сейчас норма связана прежде всего с выбором, представляется чрезвычайно важным. Оно требует и своего теоретического осмысления, и исследования на большом конкретном материале. Особенно важно понятие нормы как выбора для анализа коммуникативных норм, тем более, что коммуникативный аспект в исследовании нормы стал развиваться только в последние десятилетия и еще далеко не завершен.

В качестве методического приема определения тенденций в изменении норм можно предложить понятие идеальной нормы. Естественно, понятие идеальной нормы для разных компонентов культуры речи различно. Следует особо подчеркнуть, что предлагаемое понятие рассматривает норму как идеальную не только в значении 'очень хорошая', но и в значении 'труднодостижимая' или даже 'совсем недостижимая' в реальной языковой действительности. Реальную объективную норму можно получить, если по отношению к каждому идеальному параметру сформулировать противодействующие ему параметры, проявляющиеся в современном языковом употреблении.

По отношению к общеязыковым нормам идеальной может быть признана норма с параметрами: консерватизм («чтоб не

распалась связь времен»), всеобщность и безвариантность. Им обычно противодействуют следующие параметры: консерватизм / динамичность; безвариантность / вариантность; всеобщность / локальность. Вариантность возникает тогда, когда вследствие динамичности нормы появляется несколько приемлемых для литературных носителей языка образований. Примером локальных норм может служить название проездного документа для городского транспорта: в одном городе он может называться *билетик*, в другом – *талончик*, и нет оснований проводить здесь унификацию, поскольку речь не идет о каких-то официальных обозначениях.

По отношению к этическим нормам могут быть названы такие нормативные оппозиции, как всеобщие этические нормы общения / нормы общения, принятые в определенных микроколлективах, примером чего может служить обращение на *ты* и *вы*, обращение по имени и отчеству или только по имени в кратком варианте (*Петр Иванович* – *Петя*). Если всеобщая литературная норма требует обязательного обращения на *вы* по отношению к незнакомому человеку (исключением в этом плане могут быть только дети), то нормы общения в микроколлективах регулируются самими микроколлективами, никакие общие рекомендации здесь не нужны и, вероятно, невозможны.

Другим примером нормативных оппозиций в области этических предписаний является, с одной стороны, консервативный запрет на использование в литературном языке нелитературных компонентов и явная современная тенденция к использованию этих компонентов (просторечие, жаргоны, аргó и т.п.) для разных целей, прежде всего стилистических, во многих жанрах массовой коммуникации.

Что касается коммуникативных норм, то они являются различными по отношению к разным функциональным разновидностям языка и их жанрам. Для каждого жанра можно назвать некоторые общие закономерности, следовать которым необходимо, иначе можно разрушить жанр. Однако это требование не должно препятствовать проявлению творческого начала в таких функциональных разновидностях, как научный и, особенно, публицистический стили.

Понятие нормы, построенное на основе предложенных оппозиций по отношению к идеальной норме, с неизбежностью требует ответа на вопрос, какие отступления от идеальной нормы

в речи носителей литературного языка оправданы и не выводят носителей языка из числа литературно говорящих. При решении этого вопроса, если ставится цель достичь культурно-речевых рекомендаций, приемлемых для большинства носителей языка, рекомендаций, не сковывающих языковой поиск, должен быть учтен максимально широкий спектр речевых вкусов носителей литературного языка. Не стоит думать, что такой демократический подход разрушит сам литературный язык: и в этом случае оценка многих речевых проявлений как недопустимых в литературном языке должна сохраниться в полной мере. Важно, чтобы эти запреты не были голословными. Обоснованность запрета – необходимое, на наш взгляд, условие для того, чтобы он стал рациональным и не вызывал противодействия в обществе.

Далее позволим себе на основе изложенных положений остановиться только на одном, но сейчас весьма остром вопросе о том, как выбирать языковые средства нелитературных сфер языка для использования их в текстах, явно претендующих на статус литературных. То, что такие средства используются сейчас в самых разных жанрах, за исключением официально-деловых и, вероятно, научных, я думаю, ни у кого не вызывает сомнения. Где здесь границы того, что можно и что нельзя? То, что этот вопрос совсем не праздный, я хочу продемонстрировать на ряде высказываний по этому поводу самих носителей литературного языка (или, во всяком случае, считающих себя таковыми), высказывающих очень разные, часто взаимоисключающие мнения.

Режиссер Театра им. Моссовета А. Житинкин в одном из своих интервью рассказывает: «Однажды в Париже, в Сорбонне, мы играли для студентов-славистов пьесу “Игра в жмурки”, целиком построенную на мате. Пришли старшекурсники с профессурой, стали смотреть: 10, 15 минут... Уже через 20 минут я хохотал: зрители не понимали, что же они изучали столько лет! 5 лет учили какой-то непонятный язык! Наш народ потрясающе талантлив – ни в одном языке мира нет такого количества ненормативной лексики, как в русском» [Моск. комсомолец, 19.10. 1999]. Не берусь судить, насколько правомерно использовать такую сверхненормативную лексику, как мат, в литературе, но вот то, что мат является, по мнению А. Житинкина, свидетельством талантливости народа, это, кажется, звучит без всякой иронии. Не думаю, что найдется много носителей литературного языка, которые согласились бы с таким суждением.

В краткой рецензии на один словарь с выразительным названием «Ругайтесь правильно, или Довольно толковый словарь русской брани» нарисована такая картинка: «Представь, дорогой читатель, едешь ты в трамвае и вдруг слышишь: “Сударыня! Будьте, пожалуйста, аккуратнее. Удалите, прошу вас, ваш каблук с моей ноги”. Звучит как издевка, не так ли? Может быть, мольбу страдальца и выполнят, но при этом наверняка зонтиком в ребра заедут... А если бы он сказал, как нормальный человек: “Куда прешь, дура?! Слепла?!” – результат был бы иным. Враз бы извинились и потеснились... Этот простой пример показывает нам, как важно уметь ругаться. Не переходя границ, не скатываясь в вульгарную матерщину, срезать обидчика крепким словом, да так, чтобы он только рот разинул...» [Книж. обозрение, 1999. № 21]. Итак, рекомендуется: в определенных конфликтных ситуациях обходись без «вульгарной матерщины» (любопытно было бы узнать, а что, матерщина может быть и не вульгарной?), но крепким словом не пренебрегай. Не совсем понятно при этом, как же быть с собственной внутренней культурой, ведь хотя бы мало-мальски воспитанный человек даже в описанной экстремальной ситуации едва ли позволит себе назвать незнакомую женщину *дурой* и употребить слово *прешь*. Неужели русский язык настолько беден, что люди с хорошим воспитанием не могут эффективным способом выразить своего недовольства так, чтобы не поколебать своих собственных этических правил? Вопрос, надо думать, риторический. Но повторим, что мат в приведенных рекомендациях все же запрещен.

С точки зрения демонстрации разнообразия культурно-речевых оценок заслуживает внимания словарь «Живая речь» [Белянин, Бутенко 1994]. Его авторы во введении пишут следующее: «Словарь адресован всем, кто ценит и любит меткое и красивое слово. Думается, особенно полезен он будет филологам, преподавателям русского языка, литераторам, специалистам в области культуры, психологам, этнографам, а также переводчикам и тем, кто изучает русский язык как иностранный». Позволим себе привести ряд характерных для этого словаря выражений живой речи: *А в рот тебе не плюнуть (жареной морковкой)?* (грубовато) – угроза; *А женщину на подносе не хочешь?* – несогласие со слишком большими запросами собеседника-мужчины; *Арбуз растет, а кончик сохнет* – о стареющем и полнеющем мужчине; *Девушка! У вас нога отстегнулась!* – обращение к девушке; *Если в*

доме нет воды, значит вылили жида. Если в доме есть вода, значит в доме ни жиды (грубовато) – об отсутствии воды в водопроводном кране; *Ешьте, ешьте, дорогие гости / А на базаре все так дорого... // Все равно выбрасывать! // Нам что в вас, что в таз! Ну и жрете же вы!* (вторая часть фразы обычно добавляется гостями) – говорится при угощении гостей. Я пощажу слух многих своих читателей и не стану приводить многочисленные примеры с обсценной лексикой (матом). Вполне допускаю мысль, что многим читателям словаря с крайне невзыскательным языковым вкусом (или читателям-антисемитам) приведенные выражения действительно покажутся «меткими и красивыми». Что же касается меня не как автора статьи, который обязан быть беспристрастен, а просто как рядового носителя литературного языка, то мне эти выражения представляются элементарной языковой пошлостью, и у меня нет никакого сомнения в том, что я далеко не одинок в своей оценке.

Диаметрально противоположными по сравнению с тремя приведенными оценками нелитературных «заимствований» в литературном языке отличается книга «Не говорите ржавым языком...» [Горбаневский и др. 1999], в которой собрана богатая коллекция ненормативных, по мнению авторов книги, слов и выражений широко известных журналистов, политиков, чиновников, бизнесменов, военных, деятелей культуры и пр. Авторы этой книги категорически запрещают употребление в средствах массовой информации следующих слов: *Когда задница мерзнет, удовольствие получаешь колоссальное* (С. Корзун, радиожурналист р/с «Эхо Москвы»); *...расхлебачили республику...* (Ю. Калинина, обозреватель газеты «Московский комсомолец»); *Инвесторы, держатели ГКО не хотят иметь дело с людьми, которые их обули или кинули...* (А. Шохин, руководитель фракции НДР в Госдуме); *...На же тебе, падла, социализм!.. У народа достаточно дерьма накопилось...* (М. Леонтьев, телеведущий); *...У тебя самая говняная передача... Начинай, блядь, прогонять снова... Греешь жопу... Будут тебя, блядь, по морде заряжать...* (Б. Титомир, певец).

Легко могу предположить, что далеко не все – и в первую очередь журналисты – согласятся с запретами авторов [Горбаневский и др. 1999] но, конечно, и сторонников таких запретов будет много. Интересно отметить следующее. Газета «Московский комсомолец» [5.11.1999] поместила небольшую и весьма положительную рецензию-информацию на отмеченный источник [Горба-

невский и др. 1999]. Но при этом в авторском тексте этой заметки использованы такие выражения, которые авторы явно бы не одобрили: во-первых, это само название заметки «Типун на вашу задницу», во-вторых, выражения *пристёбная абракадабра*, *улетные приколы*. Вот уж воистину: «красиво» говорить не запретишь. Между прочим мой компьютер, на котором я набирал эту работу, неизменно выделял все приведенные выше нелитературные компоненты как неправильные. Ну, не приучили его, бедного, снисходительно к ним относиться.

Итак, были показаны весьма различные точки зрения на возможность употребления нелитературных компонентов в литературном языке. Задача лингвиста состоит не в том, чтобы присоединиться к каким-то запретам или, наоборот, отвергнуть их, а в том, чтобы дать объективные характеристики нелитературных компонентов, которые могут способствовать тому, чтобы по отношению к этим компонентам проводить обоснованную языковую политику, в осуществлении которой должны принять участие самые широкие слои общественности. Только лингвистам с этой задачей явно не справиться. Для того, чтобы добиться объективных оценок употребления в литературном языке нелитературных компонентов, необходимо ответить, по крайней мере, на следующие вопросы: кто, кому, зачем и где так говорит?

Так, несомненно, что нелитературные компоненты из словаря [Белянин, Бутенко 1994] характерны прежде всего для носителей языка с низким уровнем чувства языка, его образных средств. Их желание сделать речь живой и образной заставляет их употреблять такие средства образности, которые абсолютно чужды носителям языка с высокой языковой культурой. Можно думать, что основная сфера бытования таких компонентов – это вообще такая нелитературная сфера языка, как просторечие, одним из отличительных признаков которого является общий невысокий культурный уровень его носителей.

Актуальность вопроса «зачем?» покажем на примере употребления такого яркого жаргонного слова, как *братва*. Материал [Ермакова и др. 1999] ясно показывает, что это слово в значении ‘преступная группировка’ широко употребляется в современной прессе для обозначения данной реалии:

Русская «братва» в академии «Коза Ностра» [згл.]; «Братве» шантаж не помог. И в Ленинске-Кузнецке за А. Тулеева проголосовали почти 86% избирателей [Изв., 21.10.97]; Есть здесь бар с громким

названием «Голливуд». Любимое место отдыха местной «братвы» [Изв. 1997]; До недавних пор связь тюрьмы с волей была исключительно привилегией «урук», по-нынешнему «братвы». ...Наш заключенный, пожалуй, самый одинокий и бедный. Речь, понятно, о «мужиках» – «братва» своих хорошо греет.

Интересно отметить, что во всех приведенных примерах слово *братва* взято в кавычки, что ясно показывает: это слово является для журналиста заимствованием из жаргона, вполне, вероятно, оправданным для данных текстов. Совсем иные цели имеет данное жаргонное слово в надписи на венке на могиле погибших, вероятно, в автокатастрофе: ...таким-то *от братвы* (надпись зафиксирована мной на Калитниковском кладбище в Москве. – Е.Ш.). В этом случае слово *братва* для данных носителей языка вполне естественно и демонстрирует своего рода гордость за принадлежность к данной группировке. Кажется ясным, что никто в таком случае, кроме самой *братвы*, не будет пользоваться этим словом.

Чтобы продемонстрировать актуальность для оценки нелитературных компонентов вопроса «кому предназначается текст с данным словом?», воспользуемся широко распространенным в молодежном жаргоне, особенно в школьном, междометия *блин*; оно явно ассоциируется с известным матерным выражением, связь с которым, вероятно, не всегда ощущается, о чем свидетельствуют такие реплики из молодежной речи: *Ах, блин, чуть не упал; Во, блин! Красотища!* – и даже в сугубо официальной обстановке, на уроке английского языка, зафиксирована реплика девушки 18 лет: *Трудно, блин* [Ермакова и др. 1999]. Но все же отмеченные ассоциации этого слова не позволяют ему легализоваться в нейтральных текстах литературного языка. Приведенные в [Ермакова и др. 1999] письменные примеры употребления этого слова ясно показывают, что оно является средством адресовать текст «своему» кругу читателей: *Набьемся, бывало, в кабинет нашей старухи Ульяны Поцелуевой и задумаемся не по-детски: «О чем, блин, в этом "Тинейджере" писать? Чем наша молодежь интересуется?»* [МК, 11.12.94].

Тексты более нейтральной ориентации с междометием *блин* редки, ср. примеры из [Ермакова и др. 1999]: *В чем сила В.С. Черномырдина в сравнении с Е.Т. Гайдаром? Да в том, что он, зная, куда идти, понимает, как этого добиваться. Понимает, что в России, привыкшей за столетие вытягивать руки по швам, иногда,*

вместо того, чтобы искать новые рыночные механизмы, надо просто стукнуть кулаком по столу и сказать глухим голосом: «Снизить, блин, инфляцию во втором и третьем кварталах» [Л. Бруни. Красный четверг // Сегодня, 1994, окт.]. Вероятно, авторы книги «Не говорите ржавым языком...» запретили бы междометие *блин* в таком тексте. Нельзя, однако, не видеть, что ряд *стукнуть кулаком по столу, сказать глухим голосом и блин* стилистически весьма гармоничен, и поэтому автору цитаты не стоит отказывать в праве употребить данное междометие.

Необходимость ответа на вопрос, где употребляется тот или иной нелитературный компонент, также весьма актуальна. Так, например, в разговорной речи – и только в разговорной – высококультурных носителей языка вполне возможны и даже могут быть частотными такие жаргонные слова, как *балдеть, вкалывать, обалденный, облом, отпад, совок, халява* и многие другие.

Исключение вкусовщины, предъявление реальной картины функционирования нелитературных компонентов в современном литературном языке с исчерпывающим набором собственно лингвистических, социолингвистических и прагматических характеристик этого функционирования – необходимые условия для достижения объективных культурно-речевых оценок в этой области.

Т.В. МАТВЕЕВА

Об ортологии текста¹

Идеи Пражского лингвистического кружка, касающиеся типологии норм, получили развитие в современной теории культуры речи. Это привело к выделению новых типов норм: стилистических, охватывающих языковые элементы наряду с собственно текстологическими, и коммуникативных, с обязательными элементами невербального поведения [Едличка 1988]. В отечественной русистике, с развитием функционализма и антропоцентризма, системно-языковые нормы дополнены нормами коммуникативными и этическими [Культура русской речи... 1996: 63]. Два родовых денотата, стоящие за названными компонентами культуры речи, – это коммуникативная ситуация и нравственно-этический кодекс общества. Каждый из них представляет собой многофакторное и многоэлементное образование и характеризу-

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Функционирование современного русского языка и культура речи», финансируемого Российским гуманитарным научным фондом (проект № 00-04-00-101-а).

ется большим количеством вариантов, отражающих различное сочетание частей целого.

Таким образом, смена научной парадигмы лингвистики в целом, приоритет функционализма получили распространение и в культурно-речевой области, причем нашли отражение в самом ее центре – опорной типологии классифицирующих понятий. Это, безусловно, очень важно, хотя определение новых типов нормы значимо лишь при том условии, что осмыслены и новые принципы их теоретического описания, далее – практического внедрения. Противоречие сегодняшнего дня в области ортологии создается несовпадением продекларированной коммуникативности и реализуемого повсеместно системно-структурного ортологического описания.

Ортология в целом изначально, как и ныне, эксплуатирует уровневый подход к анализируемому факту. Единицы ортологического описания или принадлежат определенному уровню языковой системы, или (в собственно речевых сферах, например, в речевом этикете) приводятся к определенному уровню и предстают списком изолированных номинаций, способных, как и любые системные единицы, вступать в парадигматические, синтагматические и эпидигматические отношения. В результате даже лучшими, наиболее полными и точными списками такого рода можно пользоваться либо для первичного разучивания образцовых фактов, либо в справочных целях. Вопрос о применении культурно-речевых образцов остается открытым, и это относится к орфоэпии, акцентологии, формообразованию, речевому этикету, т.е. к любой культурно-речевой сфере. Легко получить справку о культурно-речевых фактах, которых собрано превеликое множество. «Склад нужных вещей» – в каждом культурно-речевом справочнике, словаре, пособии. И в то же время трудно, почти невозможно получить руководство к действию в отношении того или иного факта.

Может быть, действие случится само собой, если знать, положим, что *сосредотачивать* – это разговорный вариант, а *сосредоточивать* – эталонно-книжный? Но каждый знает, что всякая форма существует не сама по себе, она вплетается в общую ткань текста. Для знающего плетение научных словес включить нужную форму в контекст легко, как легко и устранить ту или иную речевую погрешность. Ну, а для незнающего? Для него речевая правильность – это нечто хорошее со склада нужных вещей, но что с ней делать – непонятно.

Уровневый подход к норме, с его изначальным, по определению, аналитизмом и с его абстрагированием от функции (сначала форма и содержание) не способен ориентировать на культуру речевых действий, на операции с позиций культуры речи.

Сформулировав это ответственное заявление, будем искать альтернативу или дополнение теории. Может быть, выход состоит в дотраивании системы языковых уровней до текста?

Теоретическое обоснование текстового уровня языковой системы с типичным отношением по форме и функции к соседним уровням (текст оформляется синтаксически и функционирует в сфере культуры) дано Л.Н. Мурзиным [1996]. При культурно-речевом подходе к тексту на общих основаниях может использоваться понятие нормативности (заметим попутно, что данное понятие эмпирически применялось и раньше, например, И.Р.-Гальперин делил тексты на правильные и неправильные – [1981: 25].

Здесь и возникает вопрос о единице научного описания. По общим законам науки единица описания в своих основных чертах должна представлять целое. В системно-структурной ортологии – это соответствие ортологической единицы определенному уровню языковой системы: орфоэпический факт соответствует фонетическому уровню, норма словоупотребления – лексическому и т.д. Следовательно, единица нормативного описания текста должна характеризоваться текстовыми свойствами.

Такая единица не может принадлежать исключительно одному из нижележащих по отношению к тексту уровней языка как к элементарному типу речевых актов в силу их атомарности, элементарности. Уже высказывалось мнение, что норма текста связана с рассмотрением разноуровневых языковых средств [Разинкина 1982], однако при этом остается неясным вопрос о принципах определения подобного комплекса и основаниях его выделения из целого текста. Вероятно, эти основания следует искать в основных особенностях текстового феномена.

Специальные исследования [см.: Баженова 1999] показывают, что частный текст (субтекст, микротекст) в составе текстового целого может в равной мере проявляться и континуально – в виде текстового фрагмента, и дискретно-точечно – в виде свободно размещенной совокупности языковых средств разной уровневой принадлежности, коррелирующих друг с другом и с речевым целым. Иначе говоря, способ выражения определенного текстового смысла может быть собственно текстовым (подобно-тексто-

вым), а может организовываться по принципу языкового множества (например, функционально-смыслового поля или парадигмы). Очевидно, единица текст-описания, в том числе ортологического, не может отвечать понятию текста во всей совокупности его признаков, достаточно соответствия конструктивному принципу текста. В.В. Одинцов видел в тексте функциональный тип речи, делая акцент на способах организации языковых фактов, их связи и соотносительности в пределах целого речевого произведения [1982: 135–136], т.е. на структурно-композиционных основах текста. На этом несущем стержне – на стержне композиционности – и должна удерживаться единица описания текста и норм текста.

Свойством композиционности характеризуются, по крайней мере, три группы понятий, каждая из которых имеет свое особое основание.

Во-первых, это текстовые категории – содержательно-структурные композиции разноуровневых языковых средств, выражающих неотъемлемые отражательные смыслы текста: тему, время, пространство и др. В формальном плане они предстают по преимуществу дискретно-точечными субтекстами с возможными континуальными включениями.

Во-вторых, это различные формально-смысловые структуры, соответствующие частным или общим технологическим целям говорящего. Образцами таких структур являются прежде всего функционально-смысловые типы речи (повествование, описание, рассуждение). Замечание о технологичности цели, на наш взгляд, следует делать по той причине, что любые смыслы могут быть выражены структурами всех трех типов. В то же время качественный подход (какая из них будет лучше или хуже, более или менее адекватно отразит замысел автора) объясняет необходимость и желательность авторского выбора наиболее подходящей структуры. В этом выборе отражается связь с реальной экстралингвистической сеткой целей автора. Реализация названных структур континуальна.

Наряду с функционально-смысловыми типами речи, назовем также такие функционально-смысловые структуры, как прямая и несобственно-прямая речь на фоне косвенной речи, композиционно-смысловые и тематические блоки (микротексты). Они континуальны или могут быть сведены в континуум (например, дискурс персонажа в художественной прозе).

В-третьих, это типы целесообразных речевых поступков и приемы как речевые действия с запланированным коммуникативным эффектом. В соответствии с тенденциями антропоцентризма, правила создания текста по нормам определенного текстотипа могут формулироваться как обязанности и права личности в процессе ее общения с партнером посредством текста. Композитивное объединение использованных тактик и приемов в данном случае находится на прагматической оси, представляет собой диалогическое единство и/или совокупность таких единств. Ортологически оно может быть осмыслено только с позиций диалогизма как неотъемлемой черты всякого текста. Такого рода композиции результативно равны реализованным речевым стратегиям, общим или частным.

Системообразующий принцип целого (текст не сумма, а организация) [Одинцов 1982: 135] определяет, что описание текста будет подразумевать наблюдения по всем линиям использования единиц описания: выбор, трансформацию, повторение, комбинирование, размещение. Текст-ортологическое описание будет отличаться от объективно-безоценочного лишь качеством исходного материала: повторяющиеся свойства определенного класса текстов (текстотипа) являются его объективными признаками и откладываются в сознании личности в качестве текстовой компетенции. Если такая информация извлекается из авторитетных текстов, характеризующихся эффективностью речи и высоким этико-эстетическим качеством, т.е. из образцовых текстов, то типологические свойства такого текстотипа совпадают с текстовыми нормами этого текстотипа и несут в себе текстовые нормы данного жанра в целом.

Отметив схождение традиционной ортологии и речетипологической лингвистики в области текста, обратимся к сложностям «ортологии целого».

Интерпретация единиц анализа в традиционной ортологии осуществляется с помощью одной-двух автономных характеристик (запрет / рекомендация и характер ограничений в пределах рекомендованного). Применительно к текстоподобным, композитивным единицам анализа, о которых идет речь, вопрос о запрете теряет смысл: текст, даже стандартизованный, – это реализация креативной способности говорящего (клишированные деловые тексты – исключение из общего правила). Гипотетическая стилистическая характеристика тех или иных композитивных

образований (*разг., книж., шутил., презрит.* и т.д.) затруднена в силу неисчислимости последних, неоднозначности сложного смысла, незакрепленности за отдельными функциональными стилями и жанрами. Следовательно, кодификация текстовых норм потребует совсем иного аппарата интерпретации единиц анализа.

Уже сейчас ясно, что принятый в ортологии статически-результативный подход к материалу в области текста чреват громоздкостью описания и размытостью квалификативных характеристик. Не отрицая необходимости поиска способов преодоления этих недостатков (например, с помощью моделирования), обратит внимание на другой аспект текста – динамический.

Данный аспект имеет речедетальностную природу, причем деятельность текстопорождения имеет духовный, социокультурный характер. Текст при таком подходе понимается как «идеологическое преломление бытия» (М. Бахтин), а жанры речи – как относительно устойчивые формы (модели) духовной социокультурной деятельности, которая объективируется посредством системы речевых действий в тексте как единице общения [Салимовский 2000].

Нормативный характер культурной деятельности получил солидное обоснование в этнокультурологии [см., например, Бромлей 1991], так что ортологический взгляд на текст вполне естествен. Главное же для нас, что такой взгляд направлен на поиск культурных технологий. Не языковой / речевой факт как результат определенного культурного процесса, а сам процесс – образец конвенционализированного в культуре социально-духовного поведения попадает в фокус внимания ортолога.

Иерархия целей, естественная для всякого замысла (глобальная цель автора, во-первых, дробится на ряд частных, во-вторых, дополняется второстепенными целями), намечает контуры общей технологической карты текста определенного функционального стиля и жанра, вплоть до конкретных речекультурных операций. Что очень существенно, процесс действия речью принадлежит человеку говорящему и неотрывен от него. Динамическая текст-ортология, таким образом, в принципе не может занимать квалификацией и складированием квалифицированных фактов, она вынуждена стать сводом речекультурных инструкций, руководством и действию.

Проще говоря, динамическая текст-ортология предполагает опору не на понятие «норма», а на понятие «правило», причем

не на правило как догму, а на правило как речекультурную обязанность одной стороны коммуникации во имя прав другой стороны. Восстановив связь понятий «правило» и «право», а также взаимосвязь прав и обязанностей, мы можем понимать всю ортологию текста как ответ на главные вопросы: как должен действовать человек, имеющий определенный внеречевой замысел? какими правами он наделен в процессе общения посредством текста?

Предпосылкой ортологического анализа текста является учет затекстовой ситуации и осмысление культурной конвенции, принятой в данной речевой ситуации.

Так, научная статья – письменный монологический жанр среднего объема, который в соответствии с его принадлежностью научному стилю речи отражает ситуацию познавательно-коммуникативного взаимодействия речевых партнеров. Динамическая модель данного типа текстов определяется движением от имеющегося знания к новому, а в области нового знания – от гипотезы к теории [Котюрова 1988].

Непринужденная дружеская беседа имеет противоположные ситуативные и формальные признаки – это устный диалогический жанр разговорной речи, отражающий ситуацию неформального общения, которая предполагает ценностное отношение говорящих к самому процессу общения. Динамическая модель жанра определяется стремлением к гармонии общения, выравниванием баланса гармонии и дисгармонии в случаях его нарушения.

Продемонстрируем процессуально-ортологический подход к данным жанрам (текстотипам) на материале текстовой категории тональности (субъективной модальности).

В статике категория тональности в научном тексте логизирована, что проявляется в полной неупотребительности интонационных средств субъективной модальности, эмоциональных междометий и экспрессивной лексики разговорного характера.

В линейно развертывающемся научном тексте отметим обязанность автора сдержанно обозначить интерес к теме, проблеме, материалу своего текста во введении (позиции «актуальность темы», «неразработанность проблемы») и право многообразно, в том числе полярно, характеризовать старое знание (позиции «научный предшественник – сторонник автора» и «научный предшественник – противник автора») как во введении, так и в основной части текста (в полемических фрагментах). Кроме того, обязанность автора – избегать субъективно-модальных оце-

нок собственной теории (*смелая гипотеза* – так не говорят о собственной гипотезе).

Степень уверенности авторского поведения при выстраивании собственной концепции или определении собственной позиции – это право автора действовать в диапазоне модальностей: констатация теории (модальность спокойной уверенности), предположительность теории (модальность неуверенности), должностовательное представление теории (гипертрофированная уверенность).

В научном тексте автор обязан проявлять субъективно-модальные смыслы по преимуществу дискретно-точечно, не вмешиваясь в действие других категорий, а лишь оснащая их модальными привнесениями. В жанре научной статьи у него нет права на тематические тонально-континуальные включения, на предпочтение ассоциативно-субъективных логических ходов и т.п.

Разговорная беседа характеризуется доминированием категории тональности и качественной определенностью последней. Беседу как жанр формируют неторопливость общения, равноправие его участников, а главное – спокойная задушевность, дружелюбие, открытость, готовность к гармоническому времяпрепровождению.

По сравнению с научным текстом в разговорной беседе партнеры получают множество дополнительных прав, касающихся выражения субъективной позиции, эмоционального отношения к обсуждаемому. Эти права настолько важны, что в беседе ущемляются другие текстовые категории. Так, активно используется «фигура умолчания» при отборе тем для обсуждения, допускаются логические перебивы и недоговоренности и др.

Обязанности же собеседников связаны с обеспечением гармонии общения. По законам жанра каждый из участников беседы обязан действовать в пользу своего партнера, его положительных эмоций или, по крайней мере, резонируя эмоциональному состоянию партнера. Конкретные речевые действия такого рода: комплименты, реплики – эмоциональные реакции на речь собеседника, экстра- и интралингвистические знаки переживания и др. Культурно-этническая дисгармония, которая, конечно, не исключена, также регулируется и, по ходу беседы, сводится на нет с помощью замены темы, «нулевых реакций», попутных замечаний речевого партнера.

Думается, что права и обязанности личности в процессе текстовой деятельности в рамках определенного стиля и жанра могут быть сформулированы как **правила**, т.е. **речедетельностные инструкции**. Например, из правил ведения разговорной беседы: «Начинайте разговор с нейтральных общеизвестных тем»; «Выражайте внимание к речи собеседника с помощью следующих речевых приемов...»; «Желая сгладить остроту разговора, предложите другую тему» и т.д. Деловая беседа требует сохранения ряда правил, но и формулировки новых, например: «Будьте осторожны в оценках лиц и фактов»; «Отвлекайтесь от эмоций собеседника» и т.д.

Фактический речевой материал (стандарты речевого пользования, лексические группы, интонационно-стилистические конструкции, стилистические приемы и т.д.), будучи подключен к речедетельностной операции, теряет свою инертность, становится инструментом деятельности, средством для достижения коммуникативной цели.

Корпус речедетельностных норм текстопорождения, безусловно, изнашивается веками и представляет собой явление национальной культуры, ожидающее научного описания. Антропоцентризм как глобальная концепция современной лингвистики позволяет поставить в центр текстовой ортологии не речевой факт – результат оценки авторитетных пользователей языка, а личность, соотносящую свой речевой поступок с эталоном культуры определенного социума. Именно так определялась норма в основополагающих для ортологии трудах ученых Пражского лингвистического кружка: норма – обязательность в сфере деятельности, направленная на достижение наилучших результатов в сфере реальности (Б. Гавранек).

Л.П. КРЫСИН

Социолингвистический аспект изучения речевых «неправильностей»¹

Возникающие в речи «неправильности» обычно анализируются с точки зрения **нормы**, существующей в данное время в данном литературном языке.

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Социальная дифференциация современного русского языка: проблемы изучения», финансируемого Российским гуманитарным научным фондом (проект № 97-04-06153).

Собственно нормативный взгляд на разного рода речевые ошибки и отклонения от языковой правильности может быть дополнен их *социолингвистическим* анализом. Суть его в том, чтобы квалифицировать (естественно, там, где это возможно) нарушения литературной нормы как возникающие в определенной **социальной среде**.

Ниже мы рассмотрим ряд фактов, относящихся к современной русской речи (и к недавнему прошлому русского языка) под углом их «социального происхождения». При этом сами языковые явления привлекаются к анализу в более или менее свободном порядке – главное внимание обращается на среду, которая порождает эти явления.

Такой подход, как кажется, полезен для осмысления механизма и перспектив развития литературного языка: общеизвестно, что многие факты литературной речи, вполне одобряемые современной нормой, в прошлом могли оцениваться как чуждые языковой традиции или просто как «неправильности». «*Поезда* вместо *поезды* ныне во всеобщем употреблении, но совершенно неправильно и неизвестно, на каком основании» – читаем в заметке «Неправильности в современном разговорном, письменном и книжном русском языке», подписанной инициалами «Н.Г.» [СПб., 1890].

По свидетельству Корнея Чуковского, знаменитый юрист Анатолий Федорович Кони возмущался употреблением наречия *обязательно* вместо *непреренно*. «Представьте себе, – говорил он, хватаясь за сердце, – иду я сегодня по Спасской и слышу: “Он *обязательно* набьет тебе морду!”. Как вам это нравится? Человек сообщает другому, что кто-то любезно поколотит его!» [Чуковский 1982: 14]. Сам Чуковский признавался, что его коробит пришедшее из актерской среды прилагательное *волнительный* (и наречие *волнительно*) [там же: 21–22].

Еще в начале нынешнего века ревнителей чистоты и правильности русского языка выводил из себя глагол *выглядеть* (*Вы сегодня прекрасно выглядите*), в котором они видели «незаконную» словообразовательную кальку с немецкого *aussehen* [см., например: Огиенко 1915]. А. Блок писал: «Нам кажется недопустимым, чтобы в пьесе, под которой подписано имя такого стилиста, как Сологуб, хотя бы и в ремарке встречалось выражение “выглядит хорошо”» [цит. по: Грановская 1996: 12].

Примеры такого рода можно многократно умножить.

Некоторые из фактов, квалифицировавшихся на определенном этапе развития литературного языка лингвистами как «неправильности», первоначально были характерны для определенной социальной или профессиональной среды и лишь спустя какое-то время распространялись среди других групп носителей языка. Это же характерно и для современного этапа развития русского языка.

Например, формы родительного падежа множественного числа существительных, обозначающих единицы различных физических величин (веса, мощности, напряжения и т.п.), не имеющие флексий: *сто грамм*, *двести двадцать семь ватт*, *семьдесят пять вольт* (вместо «положенных» по традиционной норме с флексией *-ов*), – возникли в технической среде и первоначально были признаком «технического» стиля, но не допускались литературной нормой. Например, Б.Н. Головин в книге «Как говорить правильно» [Головин 1966: 61] запрещал форму (*сто*) *грамм*. Д.Э. Розенталь отмечает формы *граммов* и *грамм* как свидетельство колебания нормы [Розенталь 1965: 103], а К.С. Горбачевич пишет: «Форма с нулевым окончанием в родительном падеже множественного числа слова *грамм* прочно завоевала право на существование» и приводит многочисленные примеры, подтверждающие это мнение [Горбачевич 1971: 186]. «Современный орфоэпический словарь русского языка» вводит понятие счетной формы (впервые счетная форма как особый падеж рассматривается в работе [Бидер и др. 1978: 38]), которое актуально для единиц измерения – существительных мужского рода с основами на твердый согласный. При указании количества формы типа *5 вольт*, *10 ампер*, *100 ватт* являются нормативными; наряду с ними возможны и формы с флексией на *-ов*: «отмена, введение (как единиц измерения) *вольтов*, *амперов*, *ваттов*...» [Орфоэпический словарь 1989: 670–671].

«Незаконное» причастие *несгораемый*, образованное, вопреки правилу, от непереходного глагола *сгорать*, возникло, по видимому, в профессиональной среде пожарных, но впоследствии стало настолько распространенным в других слоях носителей языка, что сейчас было бы явным анахронизмом призывать к запрету этого слова.

Некоторые языковые факты не несут в своей структуре никаких особенностей, характеризующих ту или иную социальную среду, и лишь специальные лингвистические исследова-

ния могут указать на их происхождение, как это имеет место, например, в истории слов *животрепецущий*, *двурушник*, *промокашка*. Хотя по отношению к такого рода языковым фактам термин «неправильность» едва ли применим, в языке прошлого они воспринимались как новшества, шедшие вразрез с литературной традицией.

Как известно, слово *животрепецущий* первоначально было принадлежностью профессионального языка торговцев рыбой (*животрепецущая рыба*), «но уже в критике и публицистике 30–40-х гг. (XIX в.) выступает употребление слова в расширительном смысле: *животрепецущая новость дня*, *животрепецущий опыт*» [Сорокин 1965: 497]. *Двурушником* в языке наших нищих называли того, кто собирал милостыню обеими руками. В.В. Виноградов отмечает, что впервые в художественной литературе слова *двурушник* и *двурушничать* были употреблены В.В. Крестовским в «Петербургских трущобах» при описании быта нищих, и приводит обширную цитату из этого произведения, иллюстрирующую употребление существительного и глагола [см.: Виноградов 1994: 130].

Слово *промокашка* попало в общее употребление из школьного аргю, и в словаре В. Долопчева оно отмечается как неправильность – вместо правильного сочетания *промокательная бумага* [Долопчев 1909].

Естественно, далеко не всякий факт, характерный для словоупотребления той или иной социальной среды, может расширить сферу своего использования и проникнуть в общий речевой обиход. Например, многочисленные случаи нарушения современной акцентной нормы остаются локализованными в определенных группах носителей языка. К.С. Горбачевич отмечает акцентные профессионализмы типа *álкоголь*, *агонíя* (в речи врачей), *астрóном*, *атóмный* (в речи физиков) и др. [Горбачевич 1978: 59]. Сюда можно добавить *пříкус* – у стоматологов, *пríвод* – в речи милицейских работников, *прóгиб* – в речи строителей, *наркоманíя* – в речи врачей, *каучук* – в речи химиков, *сóзывает* – в речи парламентариев, политиков и др.

Акцентные явления – одна из характерных примет, по которым распознается социально или профессионально специфическая речь. Например, яркой приметой речи милицейских работников, прокуроров, следователей служат два акцентных варианта: *осужденный* и *возбужденное (дело)*. Интересно, что известный в прошлом юрист П. Сергеич (псевдоним П.С. Пороховщикова)

отмечал накоренное ударение в глагольной форме *возбуди́л* как характерное для речи юристов XIX века [Сергеич 1960: 38].

В этой же профессиональной среде распространены такие формы, как *срока́*, *сроко́в* (*Незаконно увеличиваются **срока́** пребывания подследственных в СИЗО; Постановление предусматривает сокращение **сроко́в** предварительного заключения.* – Телевидение, 11.06.99, выступление заместителя министра юстиции России). Эта же словоформа встречается и в речи заключенных, ср. в стилизованной песне Ю. Визбора: *Идут на север **срока́** огромные, Кого ни встретишь – у всех Указ..., обыско́в* (*Прокуратура дала санкцию на проведение **обыско́в** в помещениях обеих фирм.* – Телевидение, май 1999, в речи милицейского начальника).

Формы именительного падежа множественного числа существительных мужского рода с основой на согласный, имеющие ударную флексию -а' (-я'), как известно, широко распространены в речи представителей разных профессий. Систему ударных флексий в формах множественного числа обычно приобретают наиболее употребительные в данной профессии слова и термины: если юристы могут говорить о *срока́х* и *обыско́ках*, то работники «скорой помощи» сетуют на то, что в иную ночь у них бывает по несколько *вызово́в*, военные укомплектовывают личный состав *взводо́в*, кулинары варят *супа́* и изготавливают *торта́*, строители закрепляют такелажные *строса́*, старатели недовольны задержкой зарплаты на *примиска́х* и т.п. Краткая справка об истории развития тенденции к распространению форм на -а' (-я'), данные массового социолингвистического обследования фактов использования этих форм говорящими, а также перечень работ, посвященных этому языковому явлению, содержатся в специальном исследовании [см.: Русский язык 1974: 179–187].

Профессионально ограниченными являются и некоторые другие особенности ударения, характерные для слов или словоформ. Так, накоренное ударение в словоформах *све́рлить*, *све́рлит*, *све́рлят*, *рассве́рлить*, *рассве́рлит*, *рассве́рлят* и др. характерно для речи рабочих, имеющих дело со слесарной / токарной обработкой металла. На текстильных фабриках работают *мотальщицы́* – именно так называют эту профессию сами мотальщицы и те, кто близок к текстильному производству. А в цехах механических заводов стоят *стро́гальные станки*, на которых работают *стро́гальщицы́*, и такое ударение является единственно возможным в этой профессиональной среде (ска-

зять здесь *строгáльный станок, строгáльщик* – значит обнаружить себя как чужака).

Помимо акцентных явлений, социально маркированными могут быть и некоторые факты словоупотребления и синтаксиса. При этом явления, характерные для той или иной социальной или профессиональной среды, находятся в разных отношениях с литературной нормой: одни резко контрастны ей (и принятым в литературном языке образцам), другие более или менее «эластично» входят в речевой обиход носителей литературного языка.

Так, источником языковых «неправильностей» (которые, однако, все шире распространяются в речи) часто становятся чиновничья среда и среда военных. Отмечаемая современными словарями трудностей и неправильностей русской речи как яркая черта канцелярского стиля конструкция «*согласно* + род. пад. существительного» (*согласно заявления*) в военном языке употребляется как единственно возможная: *согласно приказа, согласно указания вышестоящего начальника* и т.п. Этот же профессиональный язык, как известно, стал источником распространения тенденции к несклонению топонимов на -о: *под Нахабино, из Быково, до Перedelкино* и т.п., что уже стало почти нормой (во всяком случае, средства массовой информации, освещающая события в Югославии в марте–июне 1999 года, писали о ситуации *в Косово*, о последних известиях *из Косово*, о том, что *к Косово* приковано внимание всех людей мира и т.д.).

Из языка военных перешел в общее употребление глагол *задействовать* (первоначально, по-видимому, он употреблялся применительно к новым подразделениям, вводимым в военную операцию: *задействовать все резервы, задействовать дивизию* и т.п.), особенно активно используемый сейчас в языке административных документов и вообще характерный для речи чиновников.

Чиновничий язык порождает такие непривычные для традиционного литературного словоупотребления образования, как *проговорить* в значении ‘обсудить’ (*Необходимо проговорить этот вопрос на совещании*), *обговорить* как синоним все того же общепотребительного глагола *обсудить* (*Обговорим это позднее*), *озадачить* – в значении ‘поставить перед кем-нибудь какую-либо задачу’ (*Главное – озадачить подчиненных, чтобы не болтались без дела*), *подвижка* (*Произошли подвижки по Югославии* – из выступления В.С. Черномырдина), *наработки* (*По этой проблеме у нас*

уже есть некоторые *наработки*), конкретика (Документ важный, но надо дополнить его конкретикой, применить к реальным ситуациям в разных префектурах Москвы – Телевидение, июнь 1999, из выступления сотрудника Московской мэрии) и некоторые другие.

Не все из перечисленных фактов представляют собой прямое нарушение литературной нормы, тем не менее все они находятся (пока?) вне нормативного поля и осознаются как характерные для узуса людей из определенной социальной среды.

Несколько иначе обстоит дело с многочисленными жаргонизмами, проникающими в литературный оборот. Хотя источник их распространения весьма определенный – это уголовная или полуголовная среда, теневой бизнес и т.п., – едва ли можно утверждать, что такие слова, как *крутой (парень)*, *разборка*, *наехать (на кого-либо)*, *тусовка*, *баксы*, *беспредел* и т.п. ограничены в своем употреблении именно указанными социальными группами. Напротив, такого рода лексика весьма активно используется в устно-разговорной разновидности литературного языка, в языке средств массовой информации. Она формирует так называемый *общий жаргон* – языковое образование, составляющее, по-видимому, часть словаря, используемого носителями современного литературного языка. Общий жаргон характеризуется особыми функциями и лингвистическим статусом [Ермакова и др. 1999]. Параллельно отметим, что понятие общего жаргона (общего сленга) используется также при описании современного состояния других национальных языков, например американского варианта английского языка, французского языка [Швейцер 1983; Хорошева 1998].

Современная социальная и языковая ситуация в российском обществе такова, что жаргонные лексические элементы, подобные перечисленным выше, не только не осуждаются носителями литературного языка, но и активно вовлекаются в речевой оборот. Их вхождение в литературный обиход, несомненно, нарушает культурную традицию, но, по-видимому, не нарушает языковую норму, даже если иметь в виду норму стилистическую: слова общего жаргона, как правило, имеют стилистическую отмеченность и употребляются носителями литературного языка лишь в определенных ситуациях (обычно при непринужденном общении в своем кругу).

В заключение отметим, что мы лишь заострили постановку вопроса о возможности *социолингвистической* интерпретации ре-

чевых «неправильностей» и наметили типы языковых явлений, которые могут быть таким образом проинтерпретированы. Более или менее полное описание «неправильностей», встречающихся в современной русской речи, под социальным углом зрения – задача самостоятельного исследования (а, возможно, и специального словаря, который содержал бы «социальную паспортизацию» речевых ошибок).

О.П. ЕРМАКОВА

Новые семантические оппозиции старых названий лиц

Социальные изменения, находящие отражение в языке, как правило, способствуют разрушению старых семантических оппозиций и образованию новых. В этой небольшой заметке я хочу рассмотреть некоторые новые оппозиции в группе имен лиц. Известно, что антропоцентричность языка предопределяет особое положение имен лиц. Они всегда находятся в центре системы языка и внимания говорящих. Поэтому изменения семантических оппозиций даже в небольшом участке языкового пространства, занятого именами лиц, могут представить некоторые особенности состояния российского общества, в том числе и культурно-речевую ситуацию.

Будут рассмотрены следующие оппозиции: человек – мужик – мужчина; человек – товарищ; человек – хозяин; раб – хозяин.

Человек – мужик – мужчина

Освоение литературным языком жаргона отмечают все лингвисты, изучающие языковую ситуацию в России конца XX века. Взаимодействие кодифицированной речи со сферой просторечия, прежде всего в области семантики, протекает несколько менее активно, но тем не менее заметно. Приведу один пример.

Слово *мужик* в значении ‘мужчина’ в толковых словарях до сих пор сопровождается пометой «прост.» [см.: Ожегов, Шведова 1999]. Однако оно все чаще так употребляется в разговорной речи и публицистике в чисто номинативной функции, в качестве обращения и в составе предикативной группы. Приведем группы примеров из разговорной речи, газет, телевидения.

Идут два мужика...; Стоят мужики, разговаривают...; Подходит к ней один мужик... Характерно, что так начинаются многие анекдоты, которые печатает «Комсомольская правда»: ср. *Мужик вызвал телемастера...*; *Мужик приходит домой и...*; *Встречаются два мужика...*; *В бар заходит мужик с собакой...*; *Мужики, что дарить будем женецинам?* [КП¹, 6.03.2000]; Ср.: *А теперь, мужики, четвертый тост...* [КП, 29.03.2000]; *А пока – насильственное внедрение в корку и подкорку: выбери меня! Одно слово: мужики на выданье. Есть еще барышня, но я о мужиках* (о выборах президента. – О.Е.) [КП, 4.03.2000]; *У меня наблюдается пара – мать и дочь, которым, по их словам, вообще никто не нужен. Они любого мужика высмеют* [КП, 14.12.99]; *Они [проводницы] сказали, что сами помогут наши чашки. – Ну, это они, наверное, только мужикам.* (устная речь, говорят два доктора филологических наук).

В непринужденном диалоге вопрос о членах семьи мужского пола, по моим наблюдениям, при хорошем знакомстве, чаще содержит слово *мужики*, чем *мужчины*: – *Как твои мужики?* (это может быть муж и сын / сыновья, сын и брат, муж и зять и т.д.). В то же время, по отношению к одному лицу такой вопрос носителем литературного языка обычно не употребляется, особенно по отношению к мужу, так как другое просторечное значение слова *мужик* – ‘муж’ остается за пределами литературного языка.

Таким образом, в разговорной речи в чисто номинативной функции слово *мужик* составляет в настоящее время конкуренцию слову *мужчина* как член оппозиции с разговорной окраской (но уже не просторечной).

Еще более активно осваивается носителями литературного языка слово *мужик* в предикатной функции в составе именной группы: *он – хороший мужик* (‘настоящий’, ‘замечательный’) и т.д. Это освоение в разговорной речи началось гораздо раньше номинативного употребления и сейчас только заметно активизировалось. Ср.: *Я всегда считал, Игорь Николаевич, что ты мужик с головой* [Ю. Трифонов. Исчезновение]; *Павел Иванович Никодимов... был его старый товарищ... отличный мужик, честнейший и принципиальный до глупости* [Ю. Трифонов. Исчезновение]; *...Писатель был средний и мужик невыдающийся* [Ю. Трифонов. Время

¹ Здесь и далее используются сокращения: АиФ – Аргументы и факты; КП – Комсомольская правда; МК – Московский комсомолец; ИГ – Независимая газета; Общ. газ. – Общая газета.

и место]; – *Он как раз из нашей с тобой Тамбовщины. Добрейший мужик* [В. Аксенов. Московская сага]. Во всех этих случаях говорят носители литературного языка. Ср. также более ранний пример имитации разговорной речи у Маяковского:

А Некрасов

Коля,

сын покойного Алеши, –

он и в карты,

он и в стих,

и так

неплох на вид.

Знаете его?

вот он

мужик хороший.

Приведем примеры из современной публицистики и устной речи:

– *Если он хочет быть настоящим мужиком, главой семьи, пусть проявит инициативу* [МК, 30.12.99]; *Господин Глазунов (художник Илья Глазунов. – О.Е.) не любит и не знает России. Вы любите в России барство. Когда вам сказали «Вы – отличный мужик!» – вы ответили: «Я не мужик! Я дворянин!»* [КП, 14.1.2000]. Во время предвыборной кампании В.В. Путина на телевидении многие женщины-актрисы высказывались о нем: *он – настоящий мужик.*

В предикатной функции слово *мужик* составляет оппозицию и слову *человек*, и слову *мужчина*.

В оппозиции *человек – мужик* противопоставленность носит, во-первых, стилистический характер, кроме того, слово *мужик* соответствует семантике слов *человек* и *мужчина* и в разных ситуациях может быть ориентировано на оценку человеческих и чисто мужских качеств лица. В сравнении с ним и слово *человек*, и слово *мужчина* имеют некоторые ограничения в лексической сочетаемости. Так, в живой речи распространено сочетание *настоящий мужчина* ('истинный'), но в сочетаниях *хороший, замечательный, прекрасный, великолепный* (не в сексуальном смысле) предпочитается слово *человек*. В то же время *настоящий человек* (но не *истинный, подлинный*) отдает неуместным в разговорной речи высоким слогом. Слово *мужик* в предикативной функции обладает более свободной лексической сочетаемостью.

Разумеется, это не значит, что слово *мужик* и в разговорной речи может быть свободно употреблено по отношению к любому лицу. Вряд ли носителю литературного языка придет в голову сказать: *Академик Лихачев был замечательный мужик!* Сниженность предиката с опорным словом *мужик* проясняется при выборе объекта оценки. Мы лишь пытались показать, что во многих случаях это слово не чуждо носителям литературного языка и может составить оппозицию таким именам лиц, как *мужчина* и *человек*.

Человек – товарищ

Известно, что в постсоветское время слово *товарищ* деактуализировалось в функции обращения (или компонента обращения) и названия лица в официальных бумагах: *Товарищи!*; *Товарищ Иванова!*; *Товарищ председатель!*; *Настоящая справка дана товарищу...* и т.п.

Устойчивыми номинациями были также в речи партийных работников сочетания *ответственные товарищи* и *руководящие товарищи*, например: – *Вы что, в своем уме?* – *защипел он.* – *В первом ряду – ответственные товарищи, секретарь обкома по пропаганде, а вы что?; ...Гостей назвали, из области приедут руководящие товарищи* [С. Антонов. Разорванный рубль].

Наряду с этими функциями слово *товарищ* могло употребляться в составе именной предикативной группы вместо и в значении слова *человек*. Такое употребление было свойственно прежде всего партийной и другой номенклатуре: *Он – идейный (ответственный, подкованный, сознательный и т.п.) товарищ*. Под влиянием речи номенклатурных работников это употребление встречалось и в другой среде, набор определений при этом расширялся: *Он (она) – серьезный (положительный, образованный и т.п.) товарищ*. У какой-то части населения оно могло быть слегка ироническим, у другой – совершенно нейтральным.

В настоящее время предикатное употребление слова *товарищ* встречается (хотя и не очень часто) только в речи коммунистов и примыкающих к ним носителей коммунистической идеологии: «*Идейный товарищ*», – *отрекомендовала мне Надю ее соратница Лена* (о девушке из группы Лимонова, ударившей по лицу М.С.Горбачева.– О.Е.) [КП, 23.03.2000].

Таким образом, можно говорить не только о деактуализации советского употребления слова *товарищ*, но и о знаковом его характере, показателе идеологического размежевания общества в настоящее время.

Человек – хозяин

Оппозиция *человек – хозяин* недавно отчетливо определившаяся на страницах газет, иллюстрирует некий изоморфизм социальных отношений во властных структурах и преступном мире.

В настоящее время распространилось выражение, одинаково употребительное по отношению к «верхам» (в разных сферах) и по отношению к криминалу – *человек кого-то*: *человек Ельцина, Чубайса, Березовского* – с одной стороны; *человек Багирова, Япончика, Валета, Квантришвили* – с другой. Некоторые примеры: *«Человек Лебедя» лишь облегчит задачу областного начальства отодвинуть чубайсовцев от руля городского управления* [НГ, 27.06.97]; *Сегодня вас называют «человеком Березовского», вы не собираетесь протестовать по этому поводу?* [Общ. газ., 1999, 4–10 марта]. *На место прокурора предлагаются Е. Лисов (работал в «Огоньке» при Юмашеве, считается человеком БАБА (Березовского. – О.Е.) [КП, 18.03.99]; В Грузии почти все знали, что Георгадзе – не человек Шеварднадзе [АиФ, 1995, № 40]; Известие о том, что Илюшенко попал в опалу к президенту, застало Генпрокуратуру врасплох. До последнего времени... «человек Ельцина» пользовался «наверху» всяческой поддержкой [КП, 13.09.95]; Котелкин, Кузык, Свечников – это люди Коржакова [КП, 27.04.95]; Характерно, что Лебедь не имеет собственной команды, которая может прийти на смену людям Грачева [Завтра, 1997, 26 (134)]; Шалва Руруа не осмелится тронуть человека Давида Гогия; ...А с Тamarой будь осторожнее. Она человек Шалвы Руруа; ...В Москву прилетел уже человек Рябого [Ч. Абдуллаев. Закон негодяев]; В администрации президента после прихода туда Николая Бордюжи – человека Примакова – у Березовского также не осталось рычагов влияния [КП, 3.02.99].*

Нередко сочетание *человек кого-то* заключается в кавычки, что указывает на небуквальный характер значения, очевидно, в силу отрицательных коннотаций из-за ассоциации с выражением *человек господ* (Дубровских, Маниловых и т.д.). Ср.: – *Чей ты?* – *Я дворовый человек господ Дубровских*, – отвечал рыжий мальчик [Пушкин. Дубровский].

В советское время в официальной печати такого употребления по отношению к партийным руководителям быть не могло: считалось, что партия, все руководство страны едино, хотя само явление, разумеется, существовало и в постсоветский период нашло отражение в печати: *«Сидоров сгорел, он человек Первого»*, – шумело в голове у розовощекого секретаря обкома комсомола [Глади-

лин. Репетиция в пятницу]. По инициативе Берии были приняты важные кадровые решения, – например, был снят с поста секретаря ЦК Игнатьев – «человек Маленкова» [АиФ, 1995, № 46].

В оппозиции к *человек кого-то* находится слово *хозяин*. Оно также может обозначать и мафиози, главаря банды, и главу группы людей, обладающей финансовой властью (*хозяин* – ‘тот, кто финансирует газету, телепрограмму и т.п.’): ...Можно подумать, ты приехал просто так, без разрешения *хозяина*. У каждого из нас есть свой *хозяин*. Просто одни это признают честно, а другие, как ты, только делают вид, что такие гордые. ...Кстати, ваши *хозяева* в Москве могут быть очень недовольны, – он специально употребил это уничижительное «*хозяева*», подчеркивая зависимость своего собеседника [Ч. Абдуллаев. Кредо негодяев]; Ср.: Впрочем, доказывать *Примаков*, видимо, ничего не собирается не только Доренко, но и его *хозяину* Борису Березовскому [МК, 24.11.99].

Раб – хозяин

Эта оппозиция – жуткое свидетельство появления на территории России отношений, свойственных рабовладельческому строю. На пороге ХХI века слова *раб*, *работорговля*, *продать в рабство*, *купить раба* стали употребляться в самом прямом значении: *Контрабанда топлива в Ичкерии – второй после работорговли национальный вид бизнеса* [КП, 12.12.99]; Уже к девяносто седьмому году, пожалуй, во всей республике нельзя было найти села, где бы не содержались заложники – *рабы* [КП, 24.03.2000]; ...Украинец *Петро Примак*, который несколько лет был *рабом* заместителя Гелаева, объяснил... [КП, 11.03.2000]; Даже государственный бандитизм кажется просто детской шалостью в сравнении с концлагерем для *рабов* под селением Итум-Киле [КП, 24.03.2000]; ...Здесь располагался невольничий мелкооптовый рынок – следующий пункт путешествия по «гостеприимному» Кавказу. Здесь торговцы человечинной «заказывали» у *рабодилеров* товар, сюда же привозили пленников для продажи и обмена. *Раб* стоил от 1000 рублей до десятков тысяч баксов. ...Для разъяснения человеку его положения требовались пара дней и несколько крепких тумачков, но обычно *хозяева* просто показывали пленнику видеозаписи пыток и отрезания голов [КП, 24.03.2000].

Слово *хозяин* в настоящее время входит и в другие оппозиции, отражающие современные рыночные отношения, но на них я останавливаться не буду, ограничившись демонстрацией изменений в семантических оппозициях небольшой группы названий лиц.

Рефлексия как аксиологическая основа формирования стилистической нормы¹

Русский язык современной России на рубеже веков переживает новое состояние: он приспосабливается к переменам в жизни общества, чутко реагирует на изменения в социуме. «Своего рода лабораторией, в которой возникают и опробуются стилистические инновации литературного языка» [Цоллер 1993: 73], является язык публицистики, которому в большей степени свойственна экстралингвистическая зависимость.

Ученые отмечают общий процесс, ведущий к стилистической сниженности речи. Существенным признаком этого процесса является «отказ от прежней официозности» и «усиление разговорной струи, экспрессивной составляющей текста» [Сиротинина 1999: 16], при этом «обычное разговорное теснит нормативные варианты» [Колесов 1999: 145]. Либерализация норм литературного языка привела к чрезмерному и часто неумеренному употреблению сниженной лексики: просторечной, жаргонной и арготической, грубо вульгарной. Ученые, метафорически осмысливая сложившуюся ситуацию, говорят об ухудшении лингвистического здоровья общества, о его хронической болезни, «о детской болезни увлечения жаргоном, инвективной лексикой», «о вирусе разрушения». Экспансия разговорного языка обозначается в литературе с помощью гипербол: «волна разговорности буквально захлестнула» язык и перерастает в «вал разговорности», наблюдается «массированное вторжение разговорной стихии в узус репрезентативного языкового употребления» [Нещименко 2000: 117]. О невзыскательности нынешнего языкового вкуса и торжестве третьей культуры пишут В.Г. Костомаров [1994], Л.Ферм [1994], В. Шапошников [1998] и др.

Масштабность трансформации публицистических текстов рассматривается как диалектический процесс: «...с одной стороны, по сравнению с тоталитарно-административной системой, происходит демократизация языка, что должно рассматриваться как положительное явление, с другой же стороны, демократизация языка перерастает в своеобразную языковую вседозволенность со всеми ее негативными последствиями» [Ширяев 2000:

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Функционирование современного русского языка и культура речи», финансируемого Российским гуманитарным научным фондом (проект № 00-04-00-101-а).

198], «в разнузданность» [Земская 1997: 200], в «вульгаризацию публичной речи», которая трактуется как «издержки общего процесса демократизации русского литературного языка» [Сквородников 2000: 156]. Отсюда полярные оценочные характеристики стилистических изменений в современном русском языке: с одной стороны, либерализация, демократизация языка как «форма языкового сопротивления» [Купина 1999: 7], с другой стороны, вульгаризация, люмпенизация и даже его криминализация. Таким образом, на современном этапе развития языка динамизм языковых норм, будучи постоянной чертой литературного языка, отражающей действие закона единства и борьбы противоположностей, проявился, в частности, в разрешении одной из языковых антиномий между стандартом и экспрессией в пользу последней.

Констатация факта стилистической сниженности речи, выводы о стилистической нейтрализации (стирании стилистической окраски) разговорной лексики воспринимаются современниками как загрязнение языка, «временная атрофия эстетического компонента нормативной оценочности» [Бурукина 2000: 32]. Именно поэтому для современной речевой ситуации актуальным является «собственно нормативный взгляд на разного рода ...отклонения от языковой неправильности» [Крысин 2000: 105], поиск путей решения культурно-речевых проблем: «Наше время – время новой социологической и нормативной этики и эстетики. Нам необходимо поэтому представлять учение о культуре речи как об орудии социальной солидарности и симпатии» [Граудина 1996а: 172].

«Высокодинамический тип эволюции» [Граудина 1996б: 413] стилистических норм привел к возрастанию роли метаязыковой деятельности говорящего, дающего оценку употребляемому знаку с точки зрения уместности в тех или иных условиях общения. Анализ речемыслительных процессов, связанных с нормативно-стилистическим выбором, находится в контексте современных исследований, ориентированных на говорящего, в русле проблем, которые Э.Бенвенист называл «человек в языке». Одной из функций языка как объекта языкового сознания является оценочная функция, суть которой состоит в оценке языковых единиц «в нормативном, стилистическом, эстетическом, этническом, вероятностном, темпоральном, ксеноразличительном и социальном аспектах» [Ейгер 1988: 59]. Оценка речи, по Шварцкопфу, это «реакция говорящих и слушающих (пишущих и читающих) на ис-

пользование языковых средств в процессе функционирования речи, оценочные характеристики, даваемые в процессе речи ее участниками, относящиеся к ней самой (чужой и своей) и эксплицитно в ней выраженные» [Шварцкопф 1996: 415]. Анализ метаязыковых высказываний современной речи показывает, что оценочная деятельность языкового сознания проводится в двух направлениях: во-первых, в фокусе внимания говорящего оказывается оценка фактов речи; во-вторых, за оценкой фактов речи часто скрываются суждения о мире [см.: Булыгина, Шмелев 1999; Вепрева 1999].

Объектом нашего исследования являются метаязыковые высказывания, или рефлексивы, которые относятся к стилистической критике уместности / неуместности употребления слова, свидетельствуют о размытии границ функциональных стилей и расшатывании литературной нормы. Польза языковой нормы состоит в том, что языковой стандарт, будучи устойчивым и повторяемым, усваивается носителем языка и обеспечивает автоматизм речевой деятельности, экономит усилия при порождении и восприятии речи. Разрушение языкового стандарта приводит к нарушению автоматизма речепроизводства. Процесс становится осознанным, происходит интеграция бессознательного и осознваемого.

Как автоматические, так и осознанные процессы порождения речи предполагают наличие разных степеней постоянного контроля за речевой деятельностью. «В языковом сознании существует блок контроля, который поддерживает мышление говорящего в состоянии “языковой бдительности”» [Шварцкопф 1971: 9]. В языковом сознании говорящего всегда идет сопоставление данного факта речи с нормативным эталоном. Этот сложный по природе процесс обычно сжат во времени и замедляется при переходе с низших уровней бессознательного на высший, в сферу осознания.

Исследование естественного речемыслительного процесса, посредством которого «облако мысли проливается дождем слов (Л.С.Выготский), недоступно глазу исследователя, но о нем можно судить по эксплицируемым в речи метаязыковым оценочным высказываниям, и в этом видится вспомогательная «методологическая роль оценок» [Шварцкопф 1996: 420]. Речемыслительные процессы, ориентированные на нормативно-стилистический выбор, будучи наименее автоматизированными, протекая под боль-

шим контролем сознания, «способны относительно легко перестраиваться в соответствии с новыми требованиями, продиктованными обществом» [Мечковская 1994: 141]. При этом эксплицитированные оценки речи напрямую связаны с сознательно-культурным началом в языке.

Активизация исследовательского интереса к оценкам речи сопровождается обостренным вниманием к проблемам культуры речи. Б.С. Шварцкопф [1996] выделяет несколько этапов активного изучения учеными метаязыковой деятельности говорящих. Первый этап относится к 20-м годам, когда в работах ведущих лингвистов Л.П. Якубинского, А.М. Пешковского, Г.О. Винокура, Л.В. Щербы рассматривалось оценочное отношение носителя литературного языка к языковым свойствам, обращалось внимание на природу оценочного чувства правильности / неправильности речевого высказывания. Именно языковая ситуация 20-х годов, когда особенно рельефно проявлялись колебания в речевом употреблении под влиянием революционных потрясений, обусловила всплеск борьбы за чистоту литературного языка. Второй этап приходится на 60-е годы. На фоне широкого усвоения норм литературного языка идет стилистическая дифференциация средств литературного языка, наблюдается стремление общества освободиться от «канцелярита» (К. Чуковский). Именно в эти годы складываются социолингвистические методы исследования литературного языка, формируется культура речи как самостоятельная лингвистическая дисциплина. Создание теории культуры речи требовало учета реального представления о культурно-речевом состоянии литературного языка, которое можно воспроизвести в опоре на оценки речи. Именно в эти годы В.В. Виноградов обратился к понятиям «языковое сознание» и «оценка речи». К проблемам культуры речи обратились также С.И. Ожегов, В.Г. Костомаров, В.Д. Левин, В.А. Ицкович, Л.И. Скворцов, Л.К. Граудина, К.С. Горбачевич и др.

Культурно-речевая ситуация в современной России знаменует новый этап обращения исследователей к рефлексивной деятельности говорящих. Этот этап совпал с формированием когнитивного направления в современной лингвистике, которое сосредоточивает внимание на «познавательных, ментальных, интеллектуальных и т.п. процессах» [Кубрякова 1995: 189], а поскольку эти процессы осуществляются с помощью языка, то и наука не может развиваться без анализа порождения и восприятия речи.

Таким образом, включение говорящего, языковой личности в лингвистику означает, что язык принадлежит личности, осознающей себя в практической деятельности. Субъективный и непреднамеренный характер оценок речи отражает ценностную ориентацию языковой личности и является одним из существенных элементов культурно-речевой ситуации.

Дифференциация современного социума по интеллектуальному капиталу выделяет в российском обществе группу людей, носителей элитарного и среднелитературного типов речевой культуры, для которых слово является «поступком в личной жизни» (Г.О. Винокур). Безусловно, в речи этих людей отражаются живые стилистические процессы современного языка. Этому способствует, во-первых, «глубокая ментальная потребность людей говорить на двух языках» [Степанов 1997 :727], во-вторых, для образованного человека свобода языкового творчества обнаруживается «в стремлении не быть вполне нормативным и не быть неправильным» [Степанов 1997: 718]. И здесь на первое место выступает такой субъективный фактор языковой нормы, как языковой вкус (целесообразность, мера), проявляющийся, кроме всего прочего, в осторожном вводе «сильной» лексики, в постоянном ощущении тонкости границ допустимого диапазона, в стремлении не выйти за пределы «зоны безопасности» (Н.В. Черемисина).

Поскольку носитель литературного языка по сути своей диглоссичен, он обладает способностью к кодовым переключениям в зависимости от ситуации общения. Эти кодовые переключения носят автоматический характер, автоматизм речепроизводства обеспечивается нормами кодифицированного литературного языка, которые хранятся у образованного человека в долговременной памяти, в его подсознании. В условиях спонтанного речевого акта уровень владения литературными нормами определяется степенью автоматического владения механизмом родного языка.

Смена стилистических стереотипов, изменения в стилистических нормах дают сбой работы подсознания, работы на «автопилоте». Переход на «ручное управление», на уровень сознательного отбора сниженной лексики заставляет говорящего мотивировать свой выбор. «Избыток чуткости к священному достоинству» языковой нормы (С. Аверинцев) усиливает метаязыковую деятельность говорящего, поскольку в предпочтении одного языкового средства другому, в степени осознанности выбора пред-

стает сам говорящий, автор данного высказывания, переживающий степень соответствия / несоответствия определенным нормативно-ценностным представлениям. При этом оценка рассматривается «как своего рода лифт-посредник из подсознания в сознание, из природы в социум» [Выжлецов 1996: 38]. В дискурсе языковой личности эксплицируется стилистическая характеристика факта речи.

Отметим типы эксплицированных оценок речи, комментирующих стилистический выбор говорящего:

1. Предпочитая сниженное слово нейтральному, носитель нормативного литературного языка испытывает языковой дискомфорт. Ему приходится виниться. Говорящий делает попытку изгладить деликт, нравственную вину [Верещагин, Костомаров 1999: 9], совершаемую в слове. Об этом сигнализируют речевые формулы извинения. Например: *Наша семья, простите за грубое слово, на самом деле – вырожденная* [МК–Урал, март 2000]; *Извините за грубое выражение, у нас либо по фигу, либо по блату* [Час пик, 11.02.97]; *Не хотелось бы употреблять грубое слово, но ближайшая родственница Николая П. попросту оплошала* [АИФ, июль 1998]; *Мы не собирались смяться, извините за это слово* [ОРТ, из интервью с космонавтом, 16.08.97]; *Если это будет международный треп, простите меня...* [Г. Селезнев в интервью с журналистами 3.02.98]; *...Чтобы не очутиться в левом, извините за жаргонное выражение, учебном заведении* [Человек и закон, 20.06.97]; *Рядом должна быть очень сильная команда. Чтобы она не пристраивалась, извините, к заднице* [АИФ. дек. 1999]; *Академия наук с финансированием сидит, простите, в глубокой заднице* [МК–Урал, июнь 1999]; *В итоге в коллекции Юдашкина смокинг оказался надет на, простите, попу* [АИФ, дек. 1999]; *В предвыборные денечки на потенциальных избирателей вывалили такую кучу г..., извините, информации, что впору растеряться* [МК–Урал, дек. 1999]. Чаще всего метаоператоры представляют собой этикетные клише, готовые формулы (*извините, простите за...*), вводимые в текст при употреблении табуированной лексики. Парадокс заключается в том, что, извиняясь, говорящий тем не менее употребляет ненормативную лексику. Рефлексив при этом сигнализирует о процессе детабуизации сниженного слова.

2. Говорящий, сопротивляясь бурной стихии просторечной и жаргонной лексики, чаще всего прячется за чужую речь. Чтобы не стать жертвой дурновкусия, носитель литературного языка

свою свободу в стилистическом аспекте реализует в совмещении своей и чужой речи. Например: *Как добиться богатства без халявы, говоря народным языком?* [Час пик, 8.12.97]; *Мальчишки... истоково возбуждают свою плоть, предаются мастурбации, говоря по-простому, – дрочат* [А. Кончаловский. Низкие истины]; *Колкой дров солдаты не только греются, но и лечатся от «спермотоксикоза» (чисто армейский термин)* [АИФ, янв. 2000]; *На Москву тоже наехали, выражаясь жаргонным языком* [Час пик, 4.09.97]; *...отдельные перекосы, вызванные их одержимым стремлением к прекрасному (в их понимании, конечно). Или, в просторечии, на понты корявые* [АИФ, март 2000].

Ориентация на чужое слово имеет определенный подтекст: «Я прекрасно знаю, что применяя данное языковое средство, я рискую подвергнуться осуждению за то, что употребил нелитературное выражение. Учитывая это, я принимаю меры предосторожности, предупреждаю критику по моему адресу, ввожу формулу: “как говорят...”. Теперь всем ясно, что это выражение не свойственно моему лексикону, а если я и употребляю его, то только потому, что оно весьма выразительно и подходит к тому, что я хотел сказать; но при этом я отдаю себе полный отчет в характере данного выражения, если хотите, я его цитирую» [Шварцкопф 1970: 293].

Иногда в рефлексивах подчеркивается необходимость употребления сниженно-экспрессивного слова: *Этому серьезному информированию и комментированию противостоит стихия, иначе не скажешь, «тусовочности»* [Рус. журналистика, 1996]; *Можно сказать, искусство находится в яме, если не сказать еще более круто* [Э. Рязанов, 25.05.98]. Приведенные рефлексивы констатируют характерную для современного языка несдерживаемую речь, манеру усиленного наименования.

3. Аргументацией употребления сниженного слова, представленной в рефлексиве, может быть ссылка на частотность употребления единицы в современном языке («все так говорят»). Механизм подражания, или феномен моды в языке, сложен и определяется многими причинами, такими, как эстетическая потребность в обновлении формы знака, развитие сочетаемости, изменение круга бытования слова. На первом этапе вхождения сниженной единицы в общий лексикон необходима фоновая поддержка в виде рефлексива: говорящий через рефлексив «все так говорят» распространяет степень нравственной вины на все общество в целом.

Принимая частотную сниженную единицу, слушающий включает ее в свой индивидуальный лексикон, а когда выступает в позиции говорящего, стремясь «скоординировать свой личный опыт с опытом других людей, что является неотъемлемым аспектом языковой сущности каждой личности» [Гаспаров 1996: 17], сам способствует ее дальнейшему распространению. Во взаимодействии позиций говорящего и слушающего осуществляется вхождение ненормативной единицы в литературный лексикон. Частотность употребления позволяет воспринять единицу в качестве нормы, поскольку массовая и регулярная воспроизводимость – признак, характерный для всех норм «второго порядка» (М.М. Маковский). Обычное говорение устраняет личностные особенности нашей речи в пользу массового, принятого всеми, модного. Проиллюстрируем данный тип эксплицирования оценки: *Как принято говорить, они парили мозги охране* [Детектив-шоу, 4.03.2000]; *Один из авторитетных людей, как это модно сейчас говорить, заказал убийство* [РТР, Вести, 10.03.2000]; *Неужели Генпрокурор не человек системы, а, как теперь выражаются, «отморозок»?* [КП, март 1999]; *...кто-то раскручен, как сейчас говорят, а кто-то не раскручен* [МК–Урал, ноябрь 1999]; *Технического директора, как сейчас принято говорить, достают* [Человек и закон, 6.01.99]; *Я нашел одно слово, оно модное сейчас, я, ребята, в завязке* [Пока все дома, 25.01.98]; *И в Минобороны, и в МВД уже не скрывают, что у них есть заказ «замочить», как сейчас говорят, Басаева и Хаттаба* [КП, окт. 1999].

Процесс стилистического понижения взаимодействует и с процессом в области стилистических норм – с вымыванием высокого стилистического яруса. Пропорциональные стилистические отношения между разнородными языковыми стихиями в прошлом разграничивались знаменитой ломоносовской теорией «трех стилей». Система трех стилевых уровней языка способствовала постоянному созданию новых слов среднего стиля. Усиление разговорности в литературном языке В.В. Колесов [1998] связывает прежде всего с утратой высокого стиля, в результате которой трехстилевая система сократилась до двухмерной. Ироническое отношение к высокому стилю поднимало средний стиль до высокого, а средний, включающий нейтральные языковые средства, которые составляют основу кодифицированного литературного языка, стал заполняться сниженной лексикой. Так шел, по мнению В.В. Колесова, процесс смещения стилистических

уровней языка. В публицистике мы встретили рефлексивы, комментирующие стилистическое многоголосие текста по модели: «высокое – среднее – низкое», например: *Отче – церковнославянское слово. Но нам не надо переводить его словом «отец», тем более словом «папа». Если мы будем переводить это слово, то мы будем не переводить, а низводить. Высокое благоговейное обращение «отче» мы сделаем более низким, обыкновенным. Следующим шагом будет уже низведение на бытовое, суетное, спешное «папа», «папаня», «папаша», «бацька». От Бога – через две ступеньки, «отец» и «папа» – привести к «пахану»? Господи, прости* [Рус. вестник, 1994, № 10–12].

В современной речи наблюдается двойственное отношение к высокому стилю. «В бытовой речи нам присуща боязнь громких слов» [Колесов 1998: 216]. Мы избегаем их, так как хотим сохранить высокие слова для тех моментов, когда они окажутся уместными в речи. Отсюда все рефлексивы, которые комментируют употребление высоких слов, отмечают осторожное обращение с ними: *И пусть кто-то считает это громкими словами, но я действительно счастлива* [КП, янв. 1999]; *Я открыл для себя Дм. – Кончаловского и его книгу «Пути России» – не побоюсь сказать, великую книгу* [А. Кончаловский. Низкие истины]; *Я не стесняюсь этого слова, он гений* [Час пик, 9.02.98]; *...Я пишу музыку как композитор. Композитор, конечно, громко сказано* [МК–Урал, ноябрь 1999]; *Когда мне говорят: «Вы – поэт», – я говорю: «Я не поэт, поэт у нас Пушкин, я литератор».* *Слишком высокие слова: «звезда», «поэт»* [АИФ, янв. 1998]; *Я бы не стала сейчас бросаться такими словами и оперировать всякими терминами – буддизм, иудаизм, христианство... И вообще эта тема слишком серьезная, чтобы мы с тобой ее вот так на кухне обсуждали. Слово – это очень сильная штука* [МК–Урал, дек. 1999].

Неприятно пафосной лексики способствует предшествующий лингвокультурный период, который характеризовался отстоянием и расхождением между официальным и неофициальным языком. Официальный язык советской власти занял нишу высокого стиля: он звал в бой, трубил о небывалых достижениях народа, культивировал путь к сияющему идеалу. Отторжение официального языка власти как языка лжи автоматически отторгает и пафосную лексику. Вымывание высокого стиля – это своеобразная реакция на советский официоз, на лжевысокий стиль тоталитарного времени. Высокие слова приобретают характери-

стику тривиальных слов, лишенных оригинальности. Характерно, что слова, воспринимаемые как высокие, часто оказываются стилистически нейтральными. Рефлексивы передают ироническое отношение к высокому стилю, при употреблении высоких слов авторы вынуждены комментировать свой выбор: *Хотя слова «свобода» и «равенство» звучат очень красиво*, сказал Лужков, *но вся история последних двух веков, как ни парадоксально это звучит, может рассматриваться как непрерывный спор свободы и равенства* [МК–Урал, дек. 1998]; *Пишино выражаясь*, коммунизм ушел от суда истории [Как это было, 5.12.99]; *Я не хочу говорить громких слов о чувстве ответственности за порученное дело* [АИФ, окт. 1999]; *Как объяснить, не прибегая к высокому стилю, почему они провозглашают тост за своего министра даже в его отсутствие и держатся за эту адскую работу?* [АИФ, окт. 1999]; *Цель моей работы в программе – побуждать людей... думать, что ли... – О, какой пафос! – Да, сказал и сам испугался. А это правда* [МК–Урал, апр. 2000]; *Женщина должна знать, что она необходима мужчине. Я не говорю «любить», потому что это высокие слова, но мне они кажутся банальными* [Женский взгляд О. Пушкиной, 13.11.99]; *Главное в наших взаимоотношениях было ощущение жизни и работы. Не говорю: «искусства», «творчества». Ненавижу эти слова* [АИФ, янв. 1999]; – *Как это влияет на Ваше творчество?* Макаревич: *На то, что вы назвали творчеством, подводное плавание влияет хорошо* [Тема, 21.07.98]; *Банальная фраза «запах кулис», но это именно так* [Пока все дома, 21.02.99].

Анализ рефлексивов показывает, что для современной речи характерна усиленная модализация сообщения, речь изобилует большим количеством метаязыковых оценок в связи с нормативно-стилистическим выбором единиц, поскольку нормативно-стилистические качества речи – это то, на что люди обращают внимание в первую очередь, то, что вызывает оценочную реакцию. Покушение на стилистический узус носители языка воспринимают как событие, меняющее весь язык. Рефлексивы отмечают сдвиги в общей стилистической структуре русского языка 1990-х годов: изменение стилистической принадлежности единиц, развитие стилевой диффузии, изменение вкусового отношения к стилистическим сферам сниженной и высокой лексики. Поскольку речь всегда развивается на ходу, рефлексивы являются своеобразными маркерами естественно складывающегося, меняющегося стилистического узуса. Употребление в речи образованного носителя

языка сниженной лексики с последующим метаязыковым комментированием говорит о первом этапе ввода этой лексики в состав литературного языка, о формировании новых стилистических стереотипов. Второй этап – кодификация этих стереотипов, которая в литературном языке обычно ретроспективна. Это та регламентация языка, которая отражает результаты естественно складывающегося процесса. Активное вхождение в литературный язык сниженной лексики уже сейчас позволяет ученым говорить о возникновении общего жаргона [Ермакова и др. 1999]. Эксплицитно выраженная «боязнь» высоких слов, с одной стороны, ослабляет позиции высокого стилистического яруса, с другой стороны, оставляет за высоким стилем заповедную область разговора «о сущностях».

Рефлексия как аксиологическая основа формирования стилистических норм может проявляться не только на уровне метаязыковых оценок собственной речи. Рефлексия реализуется и как способ функционирования социального контроля, т.е. как реакции адресатов, воспринимающих письменные и устные речевые тексты, содержащие отступления от стилистических норм литературного языка. В качестве подобного рефлексивного сверткста можно представить реакцию современного общества на знаменитую фразу В.В. Путина. Напомним ситуацию возникновения контекста. 16 сентября 1999 года, в самом начале политической карьеры премьер-министра, произошел эпизод: в официальной обстановке В.В. Путин, отвечая на вопрос журналиста об отношении премьер-министра к чеченской войне, употребил выражение, ставшее визитной карточкой политика: *Мы будем преследовать террористов везде: в аэропорту – в аэропорту, вы меня извините, в туалете поймает – мы их и в сортире замочим*. Реакция адресата была мгновенной и долгосрочной: с 17 сентября и по сей день это высказывание в разных контекстных вариантах не сходит со страниц печати.

Охарактеризуем анализируемое событие с точки зрения коммуникативно-этических норм. Встреча с журналистами проходила в рамках официальной ситуации, которая опирается на риторические критерии нормативности и эффективности и включает комплекс средств, выражающих категорию официальности: строго прогнозируемый характер коммуникативных ситуаций; совпадение границ официального общения с границами социально-статусного общения; выбор нейтраль-

ных языковых средств общения; учет аудитории, четкая коммуникативная цель.

В.В. Путин нарушает практически все критерии официальности. Понятна его стратегия нарушения официальности – причина кроется в отторжении ритуальных рамок официального общения, сформированного во многом тоталитарным обществом. Внутренний протест выработал речевую тактику личностно ориентированного общения. Понятна коммуникативная цель – усилить эффективность высказывания, при этом выбран самый простой способ аффектации речи – употребление «сильной» сниженной лексики. В.В. Путин реализовал право говорящего на выбор двух возможных стилистических видов – нейтрального и маркированного. Но, с другой стороны, «акт предпочтения одного языкового средства другому – так же, как степень его осознанности, – это и есть сам говорящий, “образ автора” данного высказывания» [Винокур 1989: 18]. В.В. Путин не вышел за рамки своего образа «сильной руки», аудитория ждала жестких слов от политика. Тем не менее говорящий не добился желаемого результата. Полученный коммуникативный диссонанс объясняется тем, что В.В. Путин использовал стратегию, конвенционально недопустимую в данной коммуникативной ситуации. В связи с этим вспоминается известное высказывание Ю.М. Лотмана: «Голый человек в бане не равен голому человеку в общественном месте». Носитель литературного языка, представитель высшего эшелона власти, используя лексику уголовников, демонстрирует раскованность в ущерб чувству меры, что характерно для инвективной речевой стратегии, которая отражает эмоционально-биологические реакции языковой личности. В.В. Путин в желании приблизить к себе адресата использовал сильный прием, нарушив при этом нормы риторического этоса, – унизил достоинство адресата, обращаясь к нему на языке уголовников, тем самым понижая всю российскую аудиторию до говорящих на этом языке. Это, как представляется, коммуникативная неудача В.В. Путина.

В.В. Путин не учел интеллектуальной дифференциации современного общества. В России по-прежнему значимо общественное мнение людей, для которых важны традиции престижа знания и культуры. Интеллектуальная часть общества, приходя в себя после коммуникативного шока, в качестве реакции самозащиты превращает реплику В.В. Путина в его визитную карточку, тиражируя высказывание в рамках иронических текстов.

Покажем типы рефлексивных реакций на высказывание В.В. Путина. Рефлексия по поводу авторско-адресного нехудожественного текста в официальной ситуации публичного общения осуществляется по двум направлениям: интерпретационному и собственно оценочному. Интерпретационный фон общественного мнения связан с обсуждением вопроса, является ли Путин куклой в руках имиджмейкеров или он продемонстрировал проявление индивидуального типа речевого поведения. Первая точка зрения представлена, например, в журнале «Эксперт». Ирина Волкова, проводящая психолингвистический анализ устных выступлений и.о.президента России, утверждает: «Речевое поведение Путина соответствует эталонным образцам политического ток-шоу. Его ответы интервьюерам почти всегда логически отстроены, исчерпывающе немногословны и достаточно информативны. Вместе с тем необходимо отметить высокую степень спичрайтерского участия, направленного на “синхронизацию” речевых фигур премьера со вкусами и ожиданиями широкой публики. В первую очередь вспомним крылатое “мочить в сортире”. Для нас очевидна навязанность этих слов Путину, их неадекватность его манере публичной риторики» [Волкова 2000: 53].

Существует точка зрения журналистов, которые в поисках истины опрашивали одноклассников, студенческих друзей Путина, чтобы выявить особенности его речевого поведения. Они пришли к выводу, что в рамках личностно ориентированного общения в ряде ситуаций Путин может себя реализовать как инвективная языковая личность. Приведем лишь один пример: *Друг Путина по разведшколе рассказывал: «Как-то носились мы по Ленинграду на стареньком путинском “Запорожце”. За рулем сидел Владимир. Вдруг на дорогу выскочил пьяный бомж. Бац! – и алкаш кубарем покатился по асфальту. Меня поразила железная выдержка Путина. Он медленно вышел из машины и, сжав кулаки, громко произнес: “Б. дь, я этого козла сейчас замочу!” Бомж в шесть секунд протрезвел и резво-резво сделал ноги»* [КП, янв. 2000].

На наш взгляд, при решении обсуждаемого вопроса необходимо учитывать коммуникативные условия данного речевого акта. Ситуация, в которой была произнесена крылатая фраза В.В. Путина, это ситуация разговорного диалога. Устная форма диалога предполагает спонтанность и необходимость постоянной координации субъектов диалога. Официальная обстановка определяет предварительное заполнение содержательно-темати-

ческого блока общения, представления о возможных и желательных темах, обсуждение которых значимо при встрече с премьер-министром. Безусловно, была намечена и стратегия поведения Путина. Но подобное прогнозирование в рамках интервью не может предусмотреть детальной проработки реплик, особенно с точки зрения отвечающего на вопросы. Спонтанность диалога проявляет себя в «точечном прогнозировании его содержания» [Борисова 2000: 26]. В этих условиях анализируемая реплика была неосознанной, поскольку «бессознательное проявляет себя как в выборе языковых средств, так и в моделях их употребления, которыми люди пользуются... Переключение с одного стиля на другой у людей с высокой степенью языковой компетенции происходит почти автоматически» [Лебедева 1999: 138]. Сознание представляет собой многоуровневую полифункциональную психологическую систему и противостоит неосознанным процессам, включая их в свое функционирование. Полноценное осуществление осознаваемых действий невозможно без неосознанных. При общей стратегической направленности речевого поведения Путина на устранение дистанцированности в рамках официального общения его автоцензура, его блок контроля на бессознательном уровне скорее всего пропустил этот сниженный оборот из его лексикона во внешнюю речь, и таким образом возник стилистический диссонанс.

Второе направление рефлексивных контекстов – собственно оценочное, отражающее реакцию общества на нарушение стилистических норм. Практически все контекстные реакции носят иронический характер. Ирония как один из видов комического наилучшим образом помогает психологически справляться с трудностями и является самым распространенным способом защиты. Иронический смысл текста создается прежде всего за счет высокой степени мнимого одобрения. Например: *Лозунг «Утопим терроризм в сортире!» был с воодушевлением подхвачен нацией* [КП, окт. 1999]; *Паук тут же принялся всех, кто пользуется сортирами, мочить...* [АИФ, дек. 1999]; *И.о. президента провозгласил новую, удивительно урологическую стратегию наведения порядка в стране: «Будем, обязательно будем мочить. Нужно только понять, кого и какими средствами». А чего тут понимать: мочатся все! Если средства потогонные – на рабочих местах. Если мочегонные – в сортире»* [КП, март 2000].

Часто ирония пересекается с метафорическим характером контекста: *Пока сводный хор российских политиков на разные голоса*

исполняет хит осенне-зимнего сезона «Замочим злых ченен в сортире!», Григорий Алексеевич трендит себе в углу на балалайке [МК–Урал, нояб. 1999]; Это политическое блюдо многие называют пушечным мясом. Или мясом «по-путински». Способ его приготовления нам продемонстрировали. Нужно, оказывается, собрать это мясо по России-матушке, замочить его в чеченском сортире и преподнести нации как продукт вынужденных потерь, случившийся во имя общей и непререкаемой победы над шайкой бандитов [МК–Урал, март 2000].

Еще один тип оценочности представлен афористикой с элементами языковой игры, карикатурами и анекдотами. Такая креативная реакция общества, направленная на осмеяние объекта, тоже свидетельствует об устойчивости отрицательного восприятия фразы Путина. В качестве иллюстрации приведем известный анекдот:

Ельцин зовет Березовского:

– Скажи, Абрамыч, а говорят, что Путин – твой человек...

– Ну, мой.

– А докажи, понимаешь.

Березовский включает телевизор, как раз идет выступление Путина в прямом эфире.

– Ну, хотите, Борис Николаевич, – говорит Березовский, – я сейчас вот в этот микрофончик скажу слово и Путин заговорит о пенсиях?

Сказал, Путин перешел на доклад о пенсиях. Ельцин:

– Совпадение, понимаешь!

– Хотите, станет про Чечню говорить?

Березовский шепнул в микрофончик – Путин на экране заговорил про Чечню.

– Тоже совпадение! – говорит Ельцин.

– А ты вот сделай так, чтобы он сказал, ну, что-то, понимаешь, совершенно невероятное, чего и выдумать нельзя! Ну, пусть вот хоть скажет: «Будем мочить в сортирах!»

Активное функционирование ставшего устойчивым оборота замочить бандитов в сортире в современной публицистике способствовало процессу фразеологизации высказывания, превращению его в высокочастотный речевой стереотип, который путем расширения лексического наполнения объектной позиции стал употребляться в контекстах различной общественно-политической тематики.

Подведем некоторые итоги. Нормативно-стилистическая система языка – это та его область, которая непосредственно связана с сознательно-культурным началом в языке. С одной стороны, рефлексивная деятельность общества, проявляющаяся как аксиологическая реакция говорящего на вхождение в литературный язык сниженной лексики, свидетельствует о формировании новой стилистической нормы, о динамике нормы в рамках синхронной системы языка. С другой стороны, стабильность системы должна обеспечиваться движением в оптимальных пределах. Резкие отступления от норм, нарушающие относительно подвижное равновесие, активизируют отрицательную оценочную деятельность современных носителей языка по поводу этих нарушений.

Е.А. ЗЕМСКАЯ

Язык русского зарубежья: проблемы нормы и речевого поведения

0. Я обратилась к этой теме по ряду причин. Первая: XX век породил обширные колонии русских в разных странах Европы, Азии, Америки, Австралии и даже Африки. Русская диаспора обширна и многолика, неоднородна во многих отношениях. Люди, уехавшие из России, как правило, сохраняют с Россией и ее жителями какие-либо связи – родственные и дружеские, профессиональные, экономические, культурные. Их культура имеет родство с российской культурой и в то же время обладает чертами своеобразия. Русское зарубежье крайне неоднородно по своему отношению к России и вообще ко всему русскому, неоднородно оно и по степени сохранности русского языка. Мне хотелось понять, что происходит с русским языком за пределами России.

Вторая причина: мне хотелось сравнить язык русских эмигрантов, живущих в разных странах, с языком жителей современной России. Я изучала речь русских эмигрантов разных волн и разных поколений, живущих в пяти странах: Италии (Рим), Германии (Берлин, Франкфурт-на-Майне, Бонн), США (Лос-Анджелес, Кембридж (Гарвардский университет), Нью-Йорк), Франции (Париж), Финляндии (Хельсинки).

Основной материал исследования составляют сделанные мной в 80–90-е годы XX века магнитофонные и ручные записи естественной неподготовленной устной речи – разговоры на разные

темы (беседы о жизни, рассказы об истории семьи, воспоминания о переселении из России, впечатления о жизни в новой стране, бытовые диалоги во время прогулок, поездок, обедов и т.п.).

Третья причина: мои наблюдения показывают не только отличие языка русской диаспоры от литературного языка современной России, но и своеобразие **речевых установок** русских эмигрантов, их **речевого поведения**, их отношения к языковой норме.

И я думаю, что именно этот подход к рассмотрению материала может быть созвучен теме, связанной с культурно-речевой ситуацией, может показать некоторые **специфические аспекты** ортологии и лингвокультурологии, следовательно, может быть полезен для изучения общих проблем социолингвистики и общей теории языковой нормы.

1. Что отличает русскую эмиграцию? Я буду говорить преимущественно об эмигрантах первой волны, лишь иногда прибегая к сравнению с эмигрантами других волн. К первой волне эмиграции относят лиц, бежавших из России после революции 1917 года. В конце 90-х годов не осталось в живых почти никого из лиц, уехавших в начале 20-х годов. Живут в эмиграции их потомки – дети, внуки и правнуки. Иными словами: первая волна эмиграции может быть представлена людьми четырех поколений. В моих материалах имеются данные обо всех четырех поколениях первой волны.

Значительная часть эмигрантов первой волны и их потомков – люди высокообразованные. Их объединяет целый ряд особенностей речи, психологии и отношения к России. Их родители – русские аристократы (родовитые дворяне, князья) или высокообразованные люди других сословий, преданные России, стремящиеся сохранить свою «русскость». Им свойственно **многоязычие**, которое, с одной стороны, способствует их умению легко переключаться с одного языка на другой, а не строить макаронический дискурс, с другой стороны, обуславливает определенные особенности их русской речи в области лексики, грамматики и фонетики.

Представители первой волны, как правило, в детстве дома говорили по-русски со всеми членами семьи (или, во всяком случае, с матерью и бабушкой). Этим людям свойственно достаточно хорошее владение русским языком. Они могут подолгу, свободно, на разные темы говорить по-русски, не воспроизводя вы-

ученные тексты, но порождая их. Русский язык у них не выученный, а естественный, приобретенный дома, его отличает богатство лексики, а также наличие некоторых особенностей, присущих литературному разговорному языку. Они посещают православную церковь, в которой богослужение ведется на церковнославянском языке. Обычно они читают по-русски, но пишут далеко не все [Земская 1999].

Знание нескольких языков – характернейшая черта эмигрантов первой волны. Она объясняется происхождением и воспитанием (их с детства учили нескольким языкам – няни, гувернантки и гувернеры), а также особенностями их жизни: многим из них пришлось жить после бегства из России в разных странах.

Старую эмиграцию объединяет одна общая черта – эти люди бежали из России (спасая свою жизнь и жизнь своих детей) на время, на короткий срок. Долго жили на чемоданах. Они свято верили, что вернутся в Россию. Недаром они называли себя беженцами, а не эмигрантами. Они хранили свою «русскость». Русский язык был важнейшим элементом этой «русскости». Независимо от того, сколько языков они знают, в каких ситуациях их используют, насколько хорошо они владеют русским, в их жизни русский язык занимает особое место. Это – родной язык. Это – семейные корни. Это – связь с родиной, ее культурой и историей.

Большая часть лиц старшего возраста никогда не бывала в России, но мечта о ней живет в них. Так, Елена Волконская, родившаяся в Италии, не решалась поехать в Россию – боялась! Ее дедушка был убит террористами, первый муж матери был убит на Гражданской войне. Эта женщина владеет четырьмя языками, но русский – не на первом месте. И, несмотря на это, она говорит: «Я всю жизнь мечтала – Россия! Россия! Россия! Россия!.. Пушкин – такой родной!».

2. В среде русской эмиграции первой волны существует особое отношение к языковой норме. Норма консервативна, ей чужд динамизм. Норма не всеобща. Норму диктует не общество, не социум, а семья или круг социально и духовно близких людей. Из этого следует установка на сохранение языка дореволюционной России и вытекающая отсюда архаичность речи.

3. Черты архаичности. Архаичность проявляется прежде всего в словоупотреблении, но свойственна и фонетике, и грамматике.

Начну с фонетики. Многие эмигранты сохраняют особенности старомосковского произношения. Например: мягкий [р'] в слове *це[р']ковь* и некоторых других, произношение [ы] в словах типа *жара* [*жыра*], наличие [j] в местоимениях перед и: [*jim*], [*jux*].

Архаичность резко проявляется в сфере лексики. Для речи эмигрантов первой волны и их потомков (особенно в тех случаях, когда они относятся к русской аристократии) характерно острое желание сохранить в чистоте язык, который они вывезли с родины. Они не принимали новые слова, появляющиеся в СССР, относили их к разряду советизмов [Грановская 1995; Голубева-Монаткина 1993]. Показательно, что в число советизмов наши информанты включают многие разряды слов, относящихся к конкретной бытовой лексике, не имеющие никакой связи с советской властью. Так, одна из прихожанок русской церкви в Риме рассказывает: *Мы говорили автомобиль (не машина), аэроплан (теперь стали говорить и самолет). Мы не употребляли таких слов, как пластмасса, квартплата, зарплата (только – жалование).*

Римлянка 40 лет, происходящая из рода князей Волконских, вспоминает: *Мне запрещали говорить ручка. Только перо. В ванной и на море – купаться (не мыться). Только аглицкий язык (не английский).*

Многие реалии сохраняют те названия, которые они носили до революции [Голубева-Монаткина 1993, 1998]: *старческий дом, сестра милосердия (не медсестра)*. Немалое число таких слов составляют заимствования, преимущественно французские: *фуляр* (легкий шейный или головной платок), *оранжад* (напиток из апельсинового сока).

Интересно, что лица, чуткие к языку, нередко, употребив привычное заимствование, тут же могут заменить его русским словом. Так, римлянка с высшим образованием и развитой языковой рефлексией говорит, объясняя отсутствие одного из спутников во время прогулки: *Он хотел купить фуляр / (поправляясь) платок //*.

Для новых реалий, появившихся или вошедших в жизнь после революции, используются те названия, которые имели предметы, выполнявшие аналогичные функции. Так, *холодильник* называют словом *лёдник* (и *ледник*). Широко распространенный в современной западной жизни апельсиновый сок именуют словом *оранжад*, которым раньше называли прохладительный напиток, приготовленный из апельсинового сока и содовой воды. Некото-

рые новые реалии называют заимствованиями из французского или английского: *рефрижератор* (холодильник), *амбулянс* (машина скорой помощи).

Старые эмигранты, живущие в разных странах, обычно говорят не *водить автомобиль*, а *править автомобилем*. Возможно, что это перенос по функции выражения *править лошадьми, коляской* и т.п. Так говорят люди, живущие в разных странах – в Италии, США, Германии. Запись в США: *Я теперь не правлю / Я теперь без автомобиля // Прямо как без рук //*; запись в Италии: – *Это ваша машина?* – *Да / мой автомобиль // И я люблю править //*.

Значительное расхождение по линии *мы* (эмигранты) – *они* (советские) наблюдаются в группе слов, связанных с речевым этикетом – формулы приветствия, прощания и др. Эмигранты обычно употребляют слова *здравствуйте* и *до свидания*. Римлянка 65 лет замечает: *Они так здороваются: Привет! И прощаются: Пока! Мы так не говорим. Они говорят: Во сколько вы придете? Мы говорим: В котором часу...? или Когда? Я сначала даже не понимала, что значит – во сколько? Мы говорим: Кланяйтесь или передайте поклон, а они говорят: Привет! Они говорят: Ладно, договорились. – А вы как говорите? – Хорошо.*

Добавлю, что слова *пока!* и *привет!* особенно широко распространились в последние годы и нередко вызывают неодобрение и в современной России. И в языке России они несут черты некоторой фамильярности. Во всяком случае, их невозможно употреблять по отношению к незнакомым или малознакомым, а также к лицам, старшим по возрасту и общественному положению.

Отмечу еще некоторые речевые факты, несущие налет устарелости или книжности. Старые эмигранты, живущие в разных странах, обычно употребляют такие слова, как *скончаться* (не умереть), *доктор*. Например, *Мне непременно надо пойти к главному доктору*. (Мы бы скорее сказали – к главному врачу.)

В разговоре между женщинами приняты обращения *дорогая, милая, душа моя*. Как высокая положительная оценка используется определение *чудный* (этот факт отмечен в публикации: [Голубева-Монаткина 1993: 104]). Наши записи: *Какая она чудная!; У меня была чудная бабушка //*; *Анюта чудная!; В Козельске есть музей / чудный музей!; Это чудные деревья!*

Обращает на себя внимание употребление союза *либо* в тех случаях, когда мы бы сказали *или*. Обычно говорят *смотреть телевизор*, а не *смотреть телевизор*, как принято в современном языке.

Изучение речи старой эмиграции дает интересные материалы для новейшей истории русского литературного языка, заставляет нас резче почувствовать и увидеть историческую изменчивость лексики, ее подвижность. С удивлением я узнала, что такие привычные для нас и нейтральные в социальном отношении слова, как *тапочки* и *трусы*, старые эмигранты не употребляли. Эти слова впервые зарегистрированы в Словаре Д.Н. Ушакова. Соответствующие предметы называли иначе: *ночные туфли*, *шлепанцы*; *штаны*, *панталоны*.

Приведу составленный на основе моих записей список слов, которые употребляет старая эмиграция, живущая в таких странах, как Италия, Германия, Франция (см. табл.).

4. Черты разговорности. Неверно было бы думать, что у старой русской эмиграции язык мертвый, «засушенный», лишенный эмоциональности. Я не разделяю мнение о том, что речи эмигрантов первой волны не свойственно владение **разговорным** литературным языком [Голубева-Монаткина 1993: 101]. Мои материалы не подтверждают этот вывод. Убедительное и красочное свидетельство того, что русские эмигранты пользовались разговорным языком, по современным оценкам несколько старомодным, дает статья Н.И. Толстого, основанная на его собственных воспоминаниях [Толстой 1998].

Наряду с иноязычными вкраплениями и кальками речь старых эмигрантов содержит немалое число разговорных слов и выражений, усвоенных в детстве в семейном кругу, чем она резко отличается от речи тех лиц, у которых русский язык выученный. Несколько примеров: *Я возьму ваше перо [ручку] / мое перо тово* [т.е. не в порядке]; *Он стал ку-ку* [т.е. сумасшедшим]; *В тридцать пятом году уехали в горы [из Рима] и там застряли; уплетала чернику; проворонила землянику; Такая толстая тетка под нами жила; С сыном по-немецки приятно жарим.*

Разговорные выражения: *И [ш]то я буду сидеть на шее у своих племянников //*; *Италия в этом смысле не реклама; Был дикий мороз //*; *Я страдала как не знаю что; У нее была мания преследования / потому что Бог знает что она видела //*; *Он маху дал //*.

Рассмотрим подробнее один особенно интересный факт из речи эмигрантки второго поколения, принадлежащей к знатному дворянскому роду (ИЛ), родившейся в Марокко в 1934 году, получившей образование во французской гимназии. Кроме Марокко, ИЛ долго жила во Франции, несколько лет в – Англии, пос-

Список слов	Комментарий
<i>автомобиль</i>	не <i>машина</i>
<i>аглицкий</i>	не <i>английский</i>
<i>аэроплан</i>	не <i>самолет</i>
<i>вакации</i>	–
<i>варить</i>	не <i>готовить</i>
<i>государь</i>	не <i>царь</i>
<i>дождевое пальто, дождевик</i>	словом <i>плащ</i> называли накидку без рукавов
<i>До свиданья!</i>	не <i>Пока!</i>
<i>есть (о себе)*¹</i>	<i>кушать</i> (о других)*
<i>жалованье</i>	не <i>зарплата</i>
<i>жандармерия</i>	–
<i>Здравствуйте!</i>	не <i>Привет!</i>
<i>карточка</i>	в знач. 'открытка'
<i>купаться (на море и в ванной)²</i>	не <i>мыться</i>
<i>лавка</i>	в знач. 'небольшой магазин'
<i>ледник</i>	не <i>холодильник</i>
<i>номер</i>	в знач. 'размер': <i>Я не знаю, какой у меня номер</i> (об одежде)
<i>непреренно</i>	не <i>обязательно</i>
<i>обед* – вечерняя трапеза</i>	не <i>ужин</i>
<i>пеленальник</i>	в знач. 'столик для пеленания'
<i>перо</i>	не <i>ручка</i>
<i>поклон кому-л. (в письме)</i>	не <i>Привет</i>
<i>править автомобилем</i>	не <i>водить машину</i>
<i>публика</i>	в знач. 1) зрители, посетители; 2) люди, народ, общество
<i>санатория</i>	в жен. роде
<i>сестра милосердия</i>	не <i>медсестра</i>
<i>скончатся</i>	не <i>умереть</i>
<i>служить</i>	не <i>работать</i>
<i>старческий дом</i>	не <i>дом престарелых</i>
<i>телевизия</i>	не <i>телевизор</i>
<i>учение</i>	не <i>учеба</i>
<i>фотографировать</i>	не <i>снимать</i> ³
<i>чахотка, чахоточные</i>	не <i>туберкулез, туберкулезные</i>
<i>ночные туфли, домашние туфли, шлепанцы</i>	слово <i>тапочки</i> не было известно; впервые отмечено в Словаре Ушакова
<i>штаны, панталоны</i>	не <i>трусы</i> ; впервые отмечено в Словаре Ушакова

¹ Знаком * отмечены слова, характеризующие словоупотребление старой русской аристократии (беженцев). Социальные различия в среде эмиграции первой волны, находящие отражение в различии словоупотребления, рассматриваются ниже.

² Вспоминаю, что в Москве в 30-е годы – даже при жизни в коммунальных квартирах, при отсутствии ванной комнаты – еще жило такое употребление слова *купаться*. Словарь Д.Н. Ушакова дает пример. «Он ежедневно купается в ванной». Обычная фраза: *Сегодня будешь купаться?* О детях говорили *купать*, а не *мыть*.

³ Значение 'фотографировать' у глагола *снимать* (*снять*) впервые отмечено как отдельное в БАС: «12. Запечатлеть на фото- или киноплёнке; фотографировать». Словарь Д.Н. Ушакова не выделяет его как отдельное значение, а помещает как оттенок к значению: «15. что с чего. Сделать что-н. копирующее или так или иначе изображающее, передающее оригинал. *С. копию с документа. С. отпечаток с медали. <...> С. мерку с ноги для шитья обуви. // кого что. Изобразить, запечатлеть каким-нибудь способом. С. план местности. С. детей в фотографии*».

ледние 40 лет живет в США. Она вышла замуж в Париже за «русского американца» (так она сама назвала своего мужа), который служил в американской армии. Муж был из семьи русских эмигрантов и говорил по-русски. Ее языковая компетенция: французский – английский – русский – арабский. Говорит, что теперь арабский забывает. Мне посчастливилось познакомиться с ней в соборе Пресвятой Богородицы «Взыскание погибших» в Лос-Анджелесе в 1999 году.

Речь ИЛ живая, образная. Она говорит на всех языках очень быстро. Мы часто беседовали, сидя в церковном дворике, и ИЛ мгновенно переключалась с русского разговора со мной на английский или французский (в зависимости от того, кто проходил мимо нашей лавочки). В ее речи разговорные слова и выражения – не редкость. Они разнообразны и выразительны. Вот примеры: *Как мы говорили дома «ни бум-бум»* [о плохом знании языка]; *шляться по улицам* [о военных]; *Эту работу в общем прозевала*; *Он спускался [по лестнице] на попе* (о пожилом человеке); *У меня тут [в церкви] полно крестных / детей //*; *Они были здорово рады //*; *Ей стукнуло девяносто лет //*; *И я обратно значит пеешком бреду домой //* *И вижу какая-то дама перед домом своим ковыряется / с подругой* [роется в земле, саду] *//; И тут она [мама] ахнула / как я много ошибок сделала //*; *Моя мать дико обрадовалась //*.

Интересно соединение американского *о'кэй* и старого, сохранившегося в эмигрантской среде обращения *душка* в одной фразе. Так, ИЛ отвечает проходящему мимо нас мальчику: *О'кэй, душка!*

Речи ИЛ свойственен типично разговорный прием экспрессивно-усилительного повтора: *Я остановилась / и она болтала-болтала //*; *Ну / разговаривали-разговаривали //*.

Однажды ИЛ пригласила меня к себе домой. Нас встретила кошка. ИЛ тут же обратилась к ней: *Ням-ням¹ хочешь?*

Услышав это народное «нянькино» *ням-ням*, я внутренне ахнула. Вот как сильны русские корни! У меня не поворачивается язык назвать это слово областным, потому что его знает каждый русский, в том числе и житель Москвы, Петербурга и других городов. Я провела мини-опрос (50 мужчин и женщин), и не на-

¹ Слово *ням-ням* отсутствует в современных толковых словарях русского языка. В Словаре Даля находим: «Нямкать, есть, жевать, говорят детям. *Нямням хочешь? Нямонки дать?* есть. *Нямня* – *вят.* свежий, мягкий хлеб. (По-пермяцки или повотски, *нянь*, хлеб)».

шлось человека, который не знал бы этого слова. Слово *ням-ням* называет одно из существеннейших, базовых понятий человеческого мира ('есть'), принадлежит к числу важнейших слов языка, несмотря на свою функциональную ограниченность (мир матери, няньки и ребенка). Отмечу, что в конце 90-х годов XX века, в период раскрепощения языка, изобретательные торговцы использовали его для называния готовых, замороженных котлет: «Ням-ням» красовалось на упаковке¹.

В приведенном выше обращении ИЛ к кошке интересно и другое: ощущается близость языковых контактов взрослого с детьми и домашними животными. Взрослый воспринимает маленьких детей и домашних животных как нечто родственное. Он может обращаться к ним одинаково. ИЛ не только говорит со своей американской кошкой по-русски, но и употребляет слово, предназначенное для маленьких детей. Знаменательно, что ИЛ, которой свойственна высоко развитая языковая рефлексия, как-то сказала мне: «Я замечаю, что с маленькими детьми (не умеющими еще говорить) говорю по-русски».

Итак, можно предположить, что существуют два сильные поля сохранения русского языка у старой эмиграции: разговоры с маленькими детьми и домашними животными.

5. Черты просторечия. По отношению к языку лиц, русский язык которых идет от бабушек, родившихся в середине XIX – начале XX века, трудно говорить о просторечии в современном смысле этого термина. Напомню, что еще в начале XIX века, во времена Пушкина, многие явления, которые сейчас оцениваются как просторечные, входили в нейтральную речь образованного человека (например, *брюхатая*, ср. в современном нейтральном употреблении: *беременная*).

Русская аристократия в начале XIX века воспитывалась по-французски, а позднее – и по-английски, и русский язык нередко усваивала от нянь и в девичьей. С.М. Волконский вспоминает: «Она [бабушка] по-русски плохо говорила. Она принадлежала к тому поколению, которое воспитывалось по-французски, а русский язык воспринимала в девичьей. Так, выходило, что, тончайший цвет аристократизма, бабушка, говоря по-русски, употребляла такие выражения, как “в эфтом” и “с эстим”» [С.Волконский. Мои воспоминания, т. 3, с. 21; цит. по: Грановская 1998: 101].

¹ Благодарю за сообщение этого факта Н.Н. Розанову.

Дед С.М. Волконского декабрист С.Г. Волконский (предок двух моих информанток) употреблял многие слова, которые мы бы теперь отнесли к просторечию. В его записках «До Сибири», изданных в 1918 году в Петрограде, встречаются, как отмечает один из редакторов, Б.Л. Модзалевский, слова и выражения типа *таперь, пужает, вдругоредь* [Волконский 1918].

Сошлюсь на свидетельство русской художественной литературы XIX века. Во многих произведениях лексику, которую мы теперь считаем просторечной, употребляют высокообразованные герои и героини, да и сами авторы. Так, в речи княжны Марьи мы встречаем прилагательное *ихний* (Л. Толстой. «Война и мир»). В романе Достоевского «Идиот» все персонажи (в частности, князь Мышкин, Иволгин, генеральша Епанчина) и сам автор употребляют слово *давеча* (в значении 'недавно'), которое современные толковые словари оценивают как просторечное. Любопытно одно социальное противопоставление. Рогожин (в лексиконе которого есть простонародные словечки типа *вона* и т.п.) в значении 'недавно' использует слово *ономнясь*: *Ономнясь подумал: стану приезжать не с пустыми руками, – так только ее насмешил* [Рогожин князю Мышкину]. Это противопоставление подтверждает стилистическую нейтральность слова *давеча* для человека середины XIX века. БАС дает *ономнясь* с пометой «обл.». Даль помещает *ономнясь* среди многих других произносительных вариантов (*онагдысь, надысь* и т.п.).

В речи многих информантов нередко отдельные слова и формы, которые типичны для современного просторечия. В речи многих, и неоднократно, звучит форма притяжательного прилагательного 3-го лица *ихний* (не *их*!): *ихняя жизнь, ихние разговоры*. Форму *их* я не встречала ни разу.

Употребляется наречие *откудова*: *Когда я училась / я не хотела чтобы люди знали откудова я //* [т.е. из русской семьи].

Отмечена форма глагола *плóтит*, свойственная старомосковскому говору: *Он плóтит за меня всегда гостиницу //*.

Резкие черты грубого просторечия мною не отмечены. Что касается приведенных фактов, то можно думать, что эти слова пришли в речь наших информантов из семьи, от старших родственников, которые, в свою очередь, унаследовали их от нянь и другой домашней прислуги. Сами говорящие эти слова как нелитературные не воспринимают. Для них семейный узус представляет не меньшую, а большую ценность, чем социальные каноны.

Необходимо отметить следующее. Многие нарушения норм литературного языка соответствуют теории естественной морфологии (natural morphology) [Дресслер 1986; Земская 2000]. Так, употребление склоняемой формы *ихний* (вместо литературного *их*) устраняет непоследовательность морфологической системы русского литературного языка, в котором притяжательные местоимения склоняются (ср. *мой, твой, наш, ваш*), а несклоняемое *их* занимает периферийное положение.

6. Особенности речевого поведения. Особенности речевого поведения эмигрантов первой волны сближают их прежде всего с носителями языка дореволюционной России.

Обозначение времени обычно дается по церковным праздникам: *на Пасху, на Рождество, в Троицын день, на Покров и т.д.* Примеры: *На страстной неделе придет моя дочь / из Нью-Йорка /* /; *В день Успения / немцы расстреляли из пулемета его отряд и закидали гранатами //* / *Милиционер рассказывал нам / как в его деревне гуляют на Троицу //*

Реже в речи дворян и аристократии, как вехи, упоминаются какие-либо важные события, связанные с жизнью царствующих персон и лиц, приближенных ко двору: *Это было вскоре после покушения на Великого князя //* и т.п.

Напрашивается сравнение. В СССР время тоже часто определялось по праздникам, но советским: *на Октябрьские, на Май*. Но это обозначение сосуществовало со старым, идущим от дореволюционных времен. Люди пожилые, люди религиозные любого возраста продолжали вести отсчет времени по церковному календарю (Пасха, Рождество, Троица, Покров, Ильин день, Николин день и мн. др.).

Наименования лиц. Старые эмигранты называют Николая II только *государь* (не *царь*!). Лиц духовного звания именуют при обращении и за глаза, как это полагается: *отец Михаил, отец Венямин, Владыка* (епископ). Используются и слова *батюшка* и *матушка* по отношению к священнику и его жене.

Себя и других, давно покинувших Россию, называют *беженцами*, а новых эмигрантов – *новоприезжими*.

Наименования по титулу сохраняются: *князь, княгиня, граф, графиня* и т.д. Из моих записей в Риме (1998 год): *Вы хотели видеть княгиню? Она сейчас в кафе / рядом //*. Интересное свидетельство жизни таких обращений в современном Париже

дает Г. Андреев в своих заметках эмигранта «Обретение нормы» [Андреев 1994].

Исследование речи эмигрантов первой волны обнаруживает сходство между лицами, живущими в разных странах, в употреблении многих слов и выражений. Это сходство касается явлений, свойственных русскому языку конца XIX – начала XX века и сохранившихся в качестве архаизмов в речи лиц, покинувших Россию после революции, и неприятия соответствующих по семантике слов, отражающих советское словоупотребление (см. приведенный в таблице список слов).

Различия в речи эмигрантов немногочисленны, они охватывают небольшое число слов и отражают социальные и культурно-исторические разграничения внутри общего потока лиц, оказавшихся после революции за пределами России. Я считаю важным рассмотреть подробнее эти различия в словоупотреблении, так как они являются своеобразными лексическими маркерами. Начну с разграничения, имеющего социально-исторический характер.

Беженцы / эмигранты

Как уже указывалось выше, люди, покидавшие Россию после революции 1917 года, спасали свою жизнь и жизнь своих близких. Они не эмигрировали, а убегали и, соответственно, называли себя *беженцами*. Это наименование жило и живет среди лиц, вынужденных покинуть родину, прежде всего в среде русской аристократии и духовенства.

Называли себя *эмигрантами*, а не беженцами, люди, которым был разрешен выезд из России как лицам других национальностей. В первую очередь это касалось немцев, живших в России, а также финнов и прибалтов. Немцы, долго жившие в России, обрусевшие, нередко знавшие русский язык лучше, чем немецкий, считали себя эмигрантами, а не беженцами.

Есть / кушать

Различие в осмыслении семантики этих глаголов и вытекающем отсюда их употреблении объясняется социальными различиями между соответствующими слоями населения России, а впоследствии и эмиграции. Это различие очень резко противопоставляет два типа речевого узуса, а сами глаголы являются яркими социально-речевыми маркерами.

Кратко и огрубленно данное различие можно охарактеризовать так: *есть* – говорится о себе, *кушать* – о других. Именно

так объясняли мне разницу между словами *есть* и *кушать* многие высокообразованные эмигранты первой волны. Вот эмоциональная реплика-реакция на мой вопрос «Вы употребляете слово *кушать?*»: – *Кушать! Это же о других!*

Такое разграничение между рассматриваемыми глаголами принято в современном литературном языке и поддерживается справочниками по культуре речи. Подробно оно сформулировано в Словаре Ушакова, имеющем ярко выраженный нормативно-стилистический характер: «*кушать*. Есть, принимать пищу (употребляется в форме пов. накл. и инф. при вежливом или ласковом приглашении к еде, иногда к питью). *Кушайте, пожалуйста, пироги! Пожалуйста кушать! Садитесь чай кушать!* // То же во всех формах, кроме 1-го лица, употреблялось в подобострастно-вежливом выражении (о господах, высоких особах и т.п.; дореволюц. простореч.). *Барышня кушают* // То же – о себе и о всех (обл.). *Я такого мяса не кушаю*» [т. 1: 1561]. Ср.: «*есть*. 1. Поглощать пищу, питаться чем-н.; употреблять в пищу. *Он никогда не ест мясного. Есть с аппетитом*» [т. 1: 839].

Из современного литературного узуса ушло лишь употребление глагола *кушать* применительно к напиткам (в современном языке нельзя сказать: *Садитесь чай кушать*). В остальном Словарь Ушакова, составленный в начале 30-х годов, наиболее точно характеризует нормы литературного словоупотребления, закрепившиеся в определенной социальной среде в России и в части первой волны эмигрантов (в кругу аристократии и высокообразованных людей), отталкивающихся от возможности применения глагола *кушать* к говорящему лицу. В этом кругу лиц для нейтрального наименования процесса поглощения пищи употребляется глагол *есть*.

Можно думать, что такое употребление глагола *кушать* существовало уже в эпоху Пушкина. Во всяком случае, все семь примеров, помещенных в «Словаре языка Пушкина» к слову *кушать*, иллюстрируют народную речь (сказки), или речь слуг, обращенную к господам, или слова слуг о господах, или же устойчивые формулы типа *кушать подали, извольте кушать* [т. 2: 443].

В ином социальном кругу глагол *кушать* оценивается как вежливый, а *есть* – как грубый. Этот круг лиц охватывает городское мещанство, в том числе носителей просторечия, и сельских жителей – носителей диалектов, в более позднее вре-

мя – лиц, сохраняющих традиции подобного семейного употребления.

В моих материалах применение глагола *кушать* как более вежливого к себе и другим свойственно немногим эмигрантам первой волны, в первую очередь тем, кто уезжал через Китай – Харбин или Пекин (реже). Вот пример из речи эмигрантки второго поколения первой волны, родители которой бежали в Китай; она родилась в Пекине (рассказывает о туристической поездке в Россию): *Группа кушала / а мы хотели пойти пешком // И мы ушли //*.

В большинстве своем лица, бежавшие от революции через Харбин, не относились к русской аристократии, обычно они были выходцами из крестьян, среди них были купцы, промышленники. Многие перед революцией успели получить высшее образование, но особенности приобретенного в детстве семейного словоупотребления сохранились. Они следуют принципу: «Так говорила моя бабушка (вариант: мама). Она считала, что *кушать* – вежливо, а *есть* – грубо».

В среде новой эмиграции такой узус (назову его: *кушать* – вежливое) фиксируется нередко (третья и четвертая волны) – у многих жителей Украины и юга России, но не только у них. Сторонники «*кушать* вежливого» опираются на Словарь Даля: «**Кушать, кушивать** что, есть и пить, *выражение более вежливое* (курсив мой. – Е.З.); **обедать, ужинать**. *Что ел, что кушал, все равно. Хлеб-соль кушай, а хозяина слушай. Есть что слушать, да нечего кушать. Семеро стоят да слушают, семеро едят да кушают*» [т. 2: 590]. Примеров много. Я их привела не все. Многие из них имеют характер народных рифмованных речений, поговорок.

Глагол *есть* Даль толкует так: «**Ъсть, Ъдать, ясти, принимать** пищу через рот, питаться, насыщаться; **кушать; жрать**» [т. 4: 1522–1523]. Иллюстраций очень много, и большая часть имеет характер речений, поговорок типа: «Не евши легче, а поевши крепче».

Очевидно, что обе статьи в Словаре Даля никаких нормативных рекомендаций не содержат. Не следует из них и то, что глагол *есть* – грубый.

Обед / ужин

В наименовании приемов пищи, приуроченных к определенному времени дня, старая аристократическая эмиграция следовала европейским (французским) традициям, действовавшим и

в России: *завтрак* – утренняя трапеза (*petit déjeuner* и *déjeuner*); *обед* – вечерняя трапеза, не ранее семи часов вечера (*dîner*); *ужин* – трапеза перед сном, после театра, концерта (*souper*)¹.

В некоторых эмигрантских семьях, относящихся к высшему свету, такое разграничение поддерживается очень строго. Так, мне объясняли:

– *Обед / только вечером! Не ужин!*

– *А днем? Как это называли?*

– *Завтрак // В любое время завтрак //*

Эта традиция жива и сейчас. В 1997 году в Риме меня пригласили на обед. Я подумала, что надо прийти днем, но все-таки спросила: «В какое время?» Ответ был: *В семь / восемь часов //*.

7. Встает интересный вопрос социоисторического, а также психологического характера. Как влияет время на речевое поведение эмигрантов и на их отношение к семейной норме? Ведь русский язык у эмигрантов первой волны живет вне России около века! Иными словами: менялся ли язык эмигрантов первой волны только под влиянием чужезычного окружения и жизни вне России? Всегда ли внуки следовали тем языковым канонам, которые защищали бабушки? Влиял ли и каким образом язык метрополии на язык беженцев? Эти вопросы очень сложны и не имеют однозначного ответа. Но очевидно, что перед внуками было, как минимум, два пути: следовать полностью семейным предписаниям или нарушать их, открыто либо тайно.

Вполне отчетливо и очень верно ощущали эту дилемму многие эмигранты первой волны третьего поколения. Они понимали всю ценность языковых семейных традиций и свято их соблюдали (естественно, что в первую очередь – или даже исключительно – это касалось лексики и не затрагивало область фонетики и грамматики). Но вместе с тем они ясно видели и чувствовали, что языковые традиции семьи (за которыми, конечно, стояли определенные идеологические установки) не согласуются (и даже противоречат) с тем, что происходит в русском языке вне их семейного круга или узкого круга ближайших друзей и знакомых. При этом идеологически внуки чаще всего сохраняли позиции отцов и дедов. Приведу два примера, чтобы показать, как

¹ Petit Robert так толкует значение этих слов: «*dîner. Repas du soir*» (p. 544); «*souper. Repas ou collation, qu'on prend à une heure avancée de la nuit, après le spectacle, au cours d'une soirée*» (p. 1844).

именно сохранение старых семейных языковых традиций могло корректироваться жизнью.

Жительница Италии из рода князей Волконских (третье поколение первой волны) русский язык унаследовала от бабушки и матери (в меньшей степени), а образование получила во французской гимназии в Риме. Она твердо усвоила речевые правила, которым ее учили дома, но в 18 лет поняла, что разговоры с бабушкой – это «baby-talk» (детский лепет), что ей этого не хватает. Ее русский был только домашний. Отсюда ее вывод: «У меня лингвистический регистр французский гораздо выше [чем русский]». В результате, она приняла решение получить необходимое образование и, поступив в Высшую школу переводчиков, выбрала три языка: английский, французский и русский. Были и важные дополнительные основания для выбора русского языка, которые она сама отчетливо осознает: «Это был выбор не только такой ностальгический. Я поняла, что это драгоценный язык, я могу с ним работать». И она действительно работает как профессиональный высококвалифицированный переводчик. Обучение для нее было интересным, но психологически нелегким, потому что многое из того, чему ее учили в университете, не совпадало с бабушкиными уроками. Например, дома надо было говорить *перо*, а в университете говорили *ручка*. Но девушка выполняла и те, и другие правила. Вот как она описывает свое состояние: «Мне казалось: я иду по двум дорогам. У меня развивается шизофрения».

Другой пример: эмигрантка первой волны второго поколения, Маргарита Романовна Гизетти, тоже княжеского происхождения. Она выросла в Эстонии, но дома говорили только по-русски. Во время Второй мировой войны семья бежала в Германию, и позднее МР переехала в США, где окончила славянское отделение UCLA и преподавала в университете русский язык. МР очень внимательна к русскому языку, отличается сильно развитой языковой рефлексией. Она заметила, что ее русский язык отличается от того, которому учат в университете: некоторые слова коллеги произносят не так, как говорила ее мама. И она переучилась: стала говорить не *что*, а [*ш*]*то*, *смотреть телевизор*, а не *телевизию*, как говорили у нее дома (родители и ее муж-священник).

Мои материалы показывают высоко развитую языковую рефлексию эмигрантов, которые очень внимательно и вдумчиво воспринимают новые языковые факты, приходящие из современ-

ной России. Вот реакция двух эмигранток первой волны (второе поколение) на новые для них формулы речевого этикета. Прихожанка русской церкви в Риме замечает: *Мы говорим: Здравствуйте! До свидания. Мы не говорили Добрый день! или Добрый вечер! Но это хорошо. Это мне нравится.*

М.Р. Гизетти, матушка собора в Лос-Анджелесе, пишет мне в письме: «Всего Вам доброго и хорошего. Я не знаю, почему, но мы всегда желали друзьям всего самого хорошего или наилучшего, а *доброго* – пришло недавно из России, и я думаю – так лучше» (17.12.99).

Литература

Андреев 1994 – Андреев Г. Обретение нормы // Новый мир. 1994. № 2.

Баженова 1999 – Баженова Е.А. Политекстуальность научного текста // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 1999.

БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965.

Белянин, Бутенко 1994 – Белянин В.П., Бутенко И.А. Живая речь: Словарь. М., 1994

Бидер и др. 1978 – Бидер И.Г., Большаков И.А., Еськова Н.А. Формальная модель русской морфологии. М., 1978. Ч. 1.

Борисова 2000 – Борисова И.Н. Замысел непринужденного разговорного диалога: миф или реальность? // Культурно-речевая ситуация в современной России.: вопросы теории и образовательных технологий. Екатеринбург, 2000.

Бромлей 1991 – Бромлей Ю.В. Этнические функции культуры и этнография // Этнознаковые функции культуры. М., 1991.

Булыгина, Шмелев 1999 – Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Человек о языке: (Метаязыковая рефлексия в лингвистических текстах) // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М., 1999.

Бурукина 2000 – Бурукина О.А. Культура русской речевой коммуникации на современном этапе // Культурно-речевая ситуация в современной России: вопросы теории и образовательных технологий. Екатеринбург, 2000.

Вепрева 1999 – Вепрева И.Т. Рефлективы и их функционально-системная организация // Русский язык в контексте культуры. Екатеринбург, 1999.

Верещагин, Костомаров 1999 – Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. М., 1999.

Виноградов 1994 – Виноградов В.В. История слов. М., 1994.

Винокур 1989 – Винокур Т.Г. К характеристике говорящего: Интенция и реакция // Язык и личность. М., 1989.

Волкова 2000 – Волкова И. Слово Путина. Что показал психолингвистический анализ устных выступлений и.о.президента России // Эксперт. 2000. № 6 (219). 14 февр.

Волконский 1918 – Волконский С.Г. До Сибири, I / Под ред. кн. С.М. Волконского и Б.Л. Модзалевского. Пг., 1918.

Выжлецов 1996 – Выжлецов Г.П. Аксиология культуры. СПб., 1996.

Гальперин 1981 – Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.

Гаспаров 1996 – Гаспаров Б. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М., 1996.

Головин 1966 – Головин Б.Н. Как говорить правильно. Горький, 1966.

Голубева-Монаткина 1993 – Голубева-Монаткина Н.И. Об особенностях русской речи потомков первой русской эмиграции во Франции // Рус. яз. за рубежом. 1993. № 2.

Голубева-Монаткина 1998 – Голубева-Монаткина Н.И. О староэмигрантской речи: (к типологии современной русской речи дальнего зарубежья) // Русистика сегодня. 1998. № 1 / 2.

Горбаневский и др. 1999 – Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н., Шаклеин В.М. Не говори шершавым языком: О нарушениях норм литературной речи в электронных и печатных СМИ. М., 1999.

Горбачевич 1971 – Горбачевич К.С. Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971.

Горбачевич 1978 – Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978.

Грановская 1995 – Грановская Л.М. Русский язык в «расселении»: Очерки по языку русской эмиграции первой волны. М., 1995.

Грановская 1996 – Грановская Л.М. Русский литературный язык в конце XIX – XX в. Баку, 1996. Ч. 1.

Грановская 1998 – Грановская Л.М. Сергей Михайлович Волконский (1860–1937) // Русистика сегодня. 1998. № 1/2.

Граудина 1996а – Граудина Л.К. О современной концепции отечественной риторики и культуре речи // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996.

Граудина 1996б – Граудина Л.К. ЭВМ и культура речи: итоги и перспективное планирование // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996.

Долопчев 1909 – Долопчев В. Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи. Варшава, 1909.

Достоевский 1973 – Достоевский Ф.М. Идиот // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 8.

Дресслер 1986 – Дресслер В. Об объяснительной силе естественной морфологии // Вопр. языкознания. 1986. № 5.

Едличка 1988 – Едличка А. Типы норм языковой коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 20.

Ейгер 1988 – Ейгер Е.В. Языковое сознание и механизм контроля языковой правильности высказывания // Тезисы IX Всесоюзного совещания по психологии и коммуникации «Языковое сознание». М., 1988.

Ермакова и др. 1999 – Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина-Р.И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999.

Земская 1997 – Земская Е.А. Лингвистическая мозаика: Особенности функционирования русского языка последних десятилетий XX века // *Studia slavica Finlandensia: Оценка в современном русском языке*: Сб. ст. Helsinki, 1997. Т. 14.

Земская 1999 – Земская Е.А. Об угасании письменной формы русского языка в среде эмиграции // Роман Якобсон. Тексты, документы, исследования. М., 1999.

Земская 2000 – Земская Е.А. Речевой портрет эмигранта первой волны: (к вопросу об объяснительной силе естественной морфологии) // Русский язык сегодня / Под ред. Л.П. Крысина. М., 2000.

Колесов 1998 – Колесов В.В. Русская речь: Вчера. Сегодня. Завтра. СПб., 1998.

Колесов 1999 – Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». СПб., 1999.

Костомаров 1994 – Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. М., 1994.

Котюрова 1988 – Котюрова М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста. Красноярск, 1988.

Крысин 2000 – Крысин Л.П. Социолингвистическая интерпретация речевых «неправильностей» // Культурно-речевая ситуация в современной России: вопросы теории и образовательных технологий. Екатеринбург, 2000.

Кубрякова 1995 – Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века: (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М., 1995.

Культура русской речи... 1996 – Культура русской речи и эффективность общения / Отв. ред. Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяев. М., 1996.

Купина 1999 – Купина Н.А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. Екатеринбург, 1999.

Лебедева 1999 -- Лебедева Л.Б. Бессознательное в языковом стиле // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М., 1999.

Мечковская 1994 – Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. М., 1994.

Мурзин 1996 – Мурзин Л.Н. О лингвокультурологии, ее содержании и методах // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996.

Нещименко 2000 – Нещименко Г.П. «Устнизация» современной публичной вербальной коммуникации и ее влияние на динамику языковой культуры // Активные языковые процессы конца XX века: Тез. докл. междунар. конф. IV Шмелевские чтения, 23–25 февр. 2000 г. М., 2000.

Огиенко 1915 – Огиенко И.И. Иноземные элементы в русском языке. Киев, 1915.

Одинцов 1982 – Одинцов В.В. Композиционные типы речи // Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. М., 1982.

Ожегов, Шведова 1999 – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1999.

Орфоэпический словарь 1989 – Орфоэпический словарь русского языка: Произношение. Ударение. Грамматические формы. 5-е изд. М., 1989.

Панов 1988 – Панов М.В. Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики // Язык современной публицистики. М., 1988.

Разинкина 1982 – Разинкина Н.М. О понятии языковой нормы применительно к функциональному стилю // Основные понятия и категории лингвостилистики. Пермь, 1982.

Розенталь 1965 – Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1965.

Русский язык 1974 – Русский язык по данным массового обследования / Под ред. Л.П. Крысина. М., 1974.

Салимовский В.А. – см. работу в данной монографии.

Сергеич 1960 – Сергеич П. Искусство речи на суде. М., 1965.

Сиротинина 1999 – Сиротинина О.Б. Современный публицистический стиль русского языка // Русистика. 1999. №1/2.

Сковородников 2000 – Сковородников А.П. О соотношении процессов экспрессивизации и вульгаризации русской публичной

речи конца XX века // Активные языковые процессы конца XX века: Тез. докл. междунар. конф. IV Шмелевские чтения, 23–25 февр. 2000 г. М., 2000.

Словарь Даля – Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 3-е изд., испр. и доп. / Под ред. И.А. Бодуэна-де-Куртене: В 4 т. СПб.; М., 1903.

Словарь Ушакова – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова; В 4 т. М., 1934–1940.

Словарь языка Пушкина: В 4 т. М., 1956–1961.

Сорокин 1965 – Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка (30–90-е годы XIX века). М.; Л., 1965.

Степанов 1997 – Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 1997.

Толстой 1998 – Толстой Н.И. Воспоминания о русском языке // Лики языка / Отв. ред. М.Я. Гловинская. М., 1998.

Ферм 1994 – Ферм Л. Особенности развития русской лексики в новейший период // Acta Universitatis. Uppsala, 1994.

Хорошева 1998 – Хорошева Н.В. Промежуточные формы городской разговорной речи: (на материале русского общего жаргона и французского общего аргю): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1998.

Цоллер 1993 – Цоллер В.Н. Семантико-стилистические инновации в языке газеты новейшего времени (социолингвистический аспект) // Язык и культура: Вторая междунар. конф.: Тез. Киев, 1993. Ч. 1.

Чуковский 1982 – Чуковский К.И. Живой как жизнь. М., 1982.

Шапошников 1998 – Шапошников В. Русская речь 1990-х: Современная Россия в языковом отображении. М., 1998.

Шварцкопф 1970 – Шварцкопф Б.С. Проблема индивидуальных и общественно-групповых оценок речи // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.

Шварцкопф 1971 – Шварцкопф Б.С. Оценки говорящими фактов речи (лингвистический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971.

Шварцкопф 1996 – Шварцкопф Б.С. Изучение оценок речи как метод исследования в области культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996.

Швейцер 1983 – Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США. М., 1983.

Ширяев 2000 -- Ширяев Е.Н. К вопросу о культурно-речевых оценках // Культурно-речевая ситуация в современной России: вопросы теории и образовательных технологий. Екатеринбург, 2000.

Andrews 1998 – Andrews D.R. Socio-cultural Perspectives on Language Change in Diaspora: Soviet immigrant in the United States // Impact: Studies in Language and Society. Amsterdam; Philadelphia: John Benj. Publishing Company, 1998. Vol. 5.

Petit 1980 – Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris, 1980.

Функционально-стилевые разновидности русской речи

Л.М. Майданова

Газетно-публицистический стиль: метаморфозы коммуникантов

Каждая из сфер общения, обслуживаемых функциональными стилями, формирует не только свой дискурс, но и свои типы коммуникантов. Говоря о жизни А.С. Пушкина, Ю.М. Лотман отмечает: «Чем бы ни занимался, что бы ни делал Пушкин в годы своей творческой зрелости, он был, в первую очередь и прежде всего, Поэт. Именно это он считал основным и определяющим в своей личности, именно так его воспринимали окружающие. Отныне ему приходилось постоянно думать о том, что такое поэт, каким он должен быть в творчестве и жизни, и считаться (или бороться) с тем, что от него ждут читатели, какие представления связываются в окружающем его обществе с этим понятием... он... обречен носить клеймо “поэта”, постоянно подвергаясь бесцеремонному любопытству и сталкиваясь с настойчивым ожиданием, что он будет вести себя в соответствии со штампами поведения “поэтической личности”» [Лотман 1999: 64, 78]. Стереотипы «поэт», «писатель», пусть изменившиеся со времен Пушкина, существуют и в нашем сознании.

О стереотипе читателя в этой области общения говорить сложнее. «Писательство, – отмечает У. Эко, – всегда конструирование самим текстом своего идеального читателя» [Эко 1988: 97].

Однако тип читателя художественного текста, по-видимому, все-таки можно выделить, и основанием для такого выделения служит специфика деятельности того, кто воспринимает текст. У. Эко обозначает ее как развлечение [Эко 1988: 99]; психологически ее можно представить как «аутотелический» (несущий цель в самом себе) опыт [Дормашев, Романов 1995: 249]. Погруженность в чтение художественного текста – это то же «состояние потока», что и погруженность в другие виды деятельности: «Ваша концентрация совершенно полная. Ваш ум не блуждает; вы не думаете о чем-то еще и всецело вовлечены в то, что делаете... После того, как я действительно вхожу в процесс, я совершенно забываю обо всем, что меня окружает» [Дормашев, Романов 1995: 250]. Авторы по-разному организуют текст, чтобы вызвать это состояние у читателя (своеобразный парад приемов представлен в кн.: [Ауэрбах 1976]). Конечно, художественное произведение может, вспомним классика, «сеять разумное, доброе, вечное» но только при условии, что оно способно обеспечить читателю условия для аутотелической деятельности.

Распространенная нелюбовь к художественным произведениям, изучаемым в школе, вполне вероятно, во многом объясняется привнесением посторонней, внешней по отношению к тексту цели в процесс его восприятия. Такая метаморфоза адресата (вместо наслаждающегося субъекта – субъект обучающийся) приводит и к метаморфозе текста (вместо увлекательного рассказа или романа – предмет многочасовых рассуждений, а потом сочинений, быть может, еще и экзаменационных).

Подобные стереотипы коммуникантов характерны и для других сфер общения. Нас будет интересовать сфера СМИ. Различные теории прессы по-разному изображают взаимодействие журналиста и читателя. Авторитарная теория прессы, получившая развитие в Англии XVI–XVII веков, проповедовала постулат, согласно которому «человек может реализовать свой потенциал полностью только как член общества». Поэтому государство берет на себя роль гаранта, обеспечивающего личности условия для развития у нее «качеств цивилизованного человека». Первейшее условие такого развития – знания, поставляемые обществом прессой под контролем государства. «Знание, приобретенное или продвинутое вперед таким образом, становится нормой для всех членов общества и приобретает абсолютную ауру, которая делает перемены нежелательными, а стабильность и

преемственность сами по себе превращаются в добродетель». В этой теории адресант предстает как «мудрец, способный к анализу и синтезу», а адресат – как лицо, обучающееся и обеспечивающее за счет обучения свою интеграцию в общество [Сиберт и др. 1998: 27, 28].

Предельный вариант авторитарной системы прессы – советская система, в которой средства массовой коммуникации функционируют только как инструмент партийного руководства массами. Ленинская формула «газета – коллективный пропагандист, агитатор и организатор» точно отражает назначение тоталитарной прессы. Журналист при этом выполняет роль проводника партийных указаний и решений, а читателю достается роль исполнителя этих решений. Нарисованная картина, однако, весьма абстрактна. В 60–80-е годы XX века советские СМИ, безусловно воплощая общую суть тоталитарной прессы, психологически были близки читателю. Местные новости и события большой политики, проблемы экономики, образования, воспитания, анализ различных конфликтных ситуаций из разряда «борьба между чувством и долгом» – все это вызывало у читателя немалый интерес, о чем свидетельствовало огромное количество читательских писем как в редакции, так и лично журналистам. Проводя в массы партийные указания, лучшие журналисты 60–80-х годов облекали эту информацию в форму уважительной беседы с читателем. Журналист продолжал оставаться на роли обладателя партийной мудрости, но текст свой предпочитал строить (умело или неумело – это другой вопрос) как убеждающее рассуждение, обращенное к собеседнику.

И теоретики журналистики той поры, и сами журналисты видели задачу в том, чтобы заставить читателя мыслить, хотя и в определенном направлении. Вот что пишет известнейший журналист тех лет Анатолий Аграновский: «Что такое публицистика? Существует много определений, и каждое по-своему правильно. Главное для меня такое: публицистика призвана будить общественную мысль. И когда, садясь за стол, мы ищем новый поворот, новый сюжет, новые слова, все это делается для того, чтобы повести читателя путем мысли. Если же публицистика монотонна, если повторение сказанного выдается за постановку темы, то мысль общества не будится, а усыпляется. Произведения такого рода называют иногда бесполезными. Неправда. Бесполезное

вредно. Бездумная публицистика наносит огромный вред развитию общественного сознания, вред, который мы еще не умеем оценивать. Хорошо пишет не тот, кто хорошо пишет, а тот, кто хорошо думает» [Аграновский 1986: 259]. Таким образом, носитель мудрости и стремящийся к совершенству ученик выступали в довольно привлекательных образах двух собеседников: знающего и желающего знать.

Сегодня, на рубеже двух тысячелетий, отечественная пресса овладевает основами двух теорий – либертарианской теории и теории социальной ответственности. Либеральная философия отводит государству роль организатора среды, в которой индивид получает возможность реализовать данный ему природой потенциал. «Счастье и благосостояние личности является целью общества, и человек как думающий организм способен организовать мир вокруг себя и принимать решения, которые будут отвечать его интересам» [Сиберт и др. 1998: 67]. Такое положение обеспечивается демократическим государством, в котором средства массовой информации призваны информировать, развлекать и рекламировать (последнее становится основным источником средств существования для самой прессы). СМИ предоставляют публике факты и мнения, среди которых читатели должны сами выбирать то, что соответствует их интересам. Свобода предоставления информации, мнений и развлечений, охраняемая государством, – основа функционирования СМИ в демократическом обществе.

Жизнь, однако, доказала, что сама же пресса должна эту свободу каким-то способом ограничивать. Поэтому появляется теория социальной ответственности прессы и разрабатываются кодексы, призывающие «газеты работать с чувством ответственности по отношению к общественному благу, соблюдая искренность, правдивость, беспристрастность, честность, порядочность и уважение к частной жизни человека» [Сиберт и др. 1998: 130].

СМИ вышли на рынок. Читатель сейчас вряд ли чувствует себя как ученик или жаждущий знаний друг журналиста. Он – покупатель интересующей его информации. А журналист – поставщик такой информации, и поставщику приходится заботиться о пригодности своего товара для покупателя. Демократическое общество защищает честный бизнес. Разработчики метода принципиальных переговоров поясняют, что он «означает жесткий подход к рассмотрению существа дела, но предусматривает

мягкий подход к отношениям между участниками переговоров. Он не прибегает к трюкам и не использует фактор положения. Принципиальные переговоры показывают, как достичь того, что вам полагается по праву, и остаться при этом в рамках приличий. Этот метод дает вам возможность быть справедливым, одновременно предохраняя себя от тех, кто мог бы воспользоваться вашей честностью» [Фишер, Юри 1990: 19 – 20]. Нечто подобное общество пытается выработать по отношению к СМИ. «Международные принципы журналистской этики», «Кодекс профессиональной этики российского журналиста» формулируют правила журналистской деятельности на основе социальной ответственности прессы, например: «Журналист распространяет только ту информацию, в достоверности которой он убежден и источник которой ему хорошо известен. Он прилагает все силы к тому, чтобы избежать нанесения ущерба кому бы то ни было ее неполнотой или неточностью, намеренным сокрытием общественно значимой информации или распространением заведомо ложных сведений» [Право и этика... 1996: 202]. Все эти правила призваны обеспечить высокое качество информации, передаваемой обществу с помощью СМИ.

Не будем подробно останавливаться на том, что все это существует лишь в идеале, а реальное положение дел от идеала далеко. Желтая пресса, манипулятивные технологии, искаженная информация – все это еще предстоит изживать нашим СМИ. Но, несмотря на все отрицательные явления, общество все-таки получает от СМИ разнообразную информацию, в том числе и развлекательную. Читатель может выбирать, у него нет обязанности читать те, а не иные публикации.

Итак, свободный в выборе адресат останавливает свое внимание на том или ином материале. В этой ситуации срабатывает интерес, который «определяет... мысли и воспоминания, ибо он в значительной степени обуславливает содержание... восприятия, внимания и памяти» [Изард 1999: 107]. Не будем говорить о вполне возможных незтичных целях адресанта (обман, манипулирование сознанием). Посмотрим на восприятие журналистского текста с точки зрения адресата, у которого, конечно, нет цели самообмана. С его стороны действуют потребности принадлежности, самоуважения и, вероятно, самоактуализации [Хьелл, Зиглер 1997: 487]. Человек читает газеты, слушает радио и смотрит телевизор; соотнося свои интересы с интересами группы, с которой

он себя отождествляет. Благодаря получаемой информации, он справляется с требованиями, которые ему предъявляет группа, и тем самым обеспечивает уважение к себе, а следовательно, поддерживает и самоуважение. Получение новой информации обогащает внутренний мир человека, расширяет сферу его интересов. Это один из способов реализации мотивов роста, которые «имеют отдаленные цели, связанные со стремлением актуализировать наш потенциал. Объективные мотивы роста... должны обогатить и расширить жизненный опыт, увеличить напряжение посредством нового, волнующего и разнообразного опыта. Мотивация роста предполагает не столько возмещение дефицитарных состояний (т.е. уменьшение напряжения), сколько расширение кругозора (т.е. увеличение напряжения)» [Хьелл, Зиглер 1997: 497]. Если восприятие текста СМИ происходит в обычных условиях, адресат удовлетворяет свои потребности: он узнал о новых событиях, ознакомился с мнением журналиста, которому доверяет, поспорил с теми, чьи умозаключения пришлось ему не по вкусу, обсудил полученную информацию с членами семьи, с друзьями или с коллегами по службе. В общем, товар оправдал себя, продавец и покупатель оказались более или менее удовлетворены друг другом. Такова картина взаимодействия коммуникантов в сфере СМИ с точки зрения адресата.

А теперь рассмотрим точку зрения адресанта. Документ «Международные принципы журналистской этики» гласит: «В журналистике информация понимается как общественное благо, а не как предмет потребления... Социальная ответственность журналиста требует, чтобы во всех обстоятельствах он действовал в соответствии со своим нравственным сознанием» [Право и этика... 1996: 198 – 199]. Мы оставляем в стороне клеветнические публикации, поскольку это и юридически, и психологически ясные случаи. Будем исходить из предположения, что рассматриваемые далее материалы подготовлены журналистами из самых лучших побуждений, в соответствии с их нравственным сознанием, из соображений общественного блага. А такой автор, согласно «Кодексу профессиональной этики российского журналиста», не допускает «намеренного сокрытия общественно значимой информации», и «в своей профессиональной деятельности он не обязан быть нейтральным» [Право и этика... 1996: 202].

Итак, журналист считает необходимым довести до сведения сограждан негативные факты деятельности властей и высту-

пает с критической статьей. Т. Джефферсон «утверждал, что прессу можно подвергать наказанию за ущерб личностям, но нельзя подвергать преследованию за нанесение ущерба репутации правительства» [цит. по: Сиберт и др. 1998: 81]. Не случайно пресса воспринимается в обществе как четвертая власть. В нашем обществе, страдающем от коррумпированности власти, от ее слабости и непоследовательности, такие публикации востребованы, поэтому, пожалуй, в любом случае автор критического материала будет ощущать себя борцом за социальную справедливость. Мы живем «в условиях игры с нулевой суммой (когда выигрыш одних автоматически означает проигрыш других)» [Панарин 1996: 257]. Суть критического выступления в таких обстоятельствах предельно проста: властвующий субъект присваивает какие-то суммы или позволяет их присваивать своему протеже (лицу или организации) и, следовательно, на эти же суммы грабит детей, пенсионеров и инвалидов. Даже если дети, пенсионеры и инвалиды прямо в материале не фигурируют, они безусловно подразумеваются, так как стереотип «ограбленных детей и стариков» прочно вошел в общественное сознание и самым беззастенчивым образом эксплуатируется в бесконечных предвыборных кампаниях. Условия игры с нулевой суммой автоматически ставят критикующего власть журналиста на сторону «униженных и оскорбленных». Таким образом, субъективная и объективная оценки совпадают, страдательная сторона принимает публикацию, получает от нее удовлетворение своей потребности в сочувствии и защите.

Но в этой массе адресатов вдруг появляется лицо, которое самим автором поставлено в иную позицию по сравнению с остальными. Журналист, конечно, может критиковать власть вообще, и в этом случае ему, скорее всего, обеспечена спокойная жизнь. Но во многих других случаях он критикует определенную организацию и, что самое главное, определенное лицо, которое и вынуждено читать текст не так, как описано выше. Это чтение нарушает потребности человека в безопасности и защите, в самоуважении и самоактуализации. Из этой ситуации есть два выхода. Можно разобраться в сущности критики и, если она справедлива, признать ее и постараться исправить положение. А можно, не разбираясь в существе дела или, напротив, разобравшись во всех деталях дела, начать с автором войну в форме судебного иска. Так коммуниканты «журналист» и «читатель» превращают-

ся в коммуникантов «истец» и «ответчик». И подобно тому, как художественное произведение, становясь изучаемым, «проходимым», оборачивается для учителя и ученика новыми сторонами, зачастую как бы утрачивая свою эстетическую сущность, так и журналистский текст преобразуется в зеркале судебного иска.

1. Прежде всего игнорируется обобщающий характер журналистского текста. Описывая одну негативную ситуацию, журналист показывает ее социальное значение. Попутно отметим, что в этой манере письма есть и плюсы, и минусы. Плюс – аналитический характер текста, смягчающий его агрессивность, а минус – слабая разграниченность фактов и мнений, которую, кстати, требует «Кодекс профессиональной этики» [Право и этика... 1996: 202]. Обобщающий характер текста, т.е. наложение конкретной негативной ситуации на негативное положение дел в стране, усиливает критический пафос выступления. Но для читателя, становящегося истцом, это только усугубляет переживания. В его восприятии весь обличительный пафос адресуется лично ему. Критика и сама по себе не может вызвать особой любви, а усиленная таким увеличительным стеклом, вообще воспринимается как оскорбление. Изложенная в газете, она становится известной широкому кругу читателей, поэтому грозит нарушить отношения человека с группой, пошатнуть уважение к нему. Кроме того, критическая информация может угрожать служебному положению лица. Таким образом, оскорбление, угроза привычным социальным связям – это причины, порождающие страх и гнев [Изард 1999: 247, 293]. Судебный иск можно истолковать как действие, разряжающее этот гнев, причем в иске отчетливо отражается пристрастный взгляд на текст.

Рассмотрим весьма показательный в этом отношении материал (фамилию критикуемого лица обозначим начальной буквой). Автор критической корреспонденции «Медвежья услуга» описывает две аферы с поставкой сахара в Пермскую область. Фирмы-поставщики обращались в администрацию с предложением поставки и с просьбой о кредите. Работник администрации С. давал резолюцию «Прошу поддержать» и направлял документы в банк, который и выдавал кредит. Деньги исчезали, а сахар в область не поставлялся. Журналист подробно расписывает похождения современных гоголевско-булгаковских чичиковых, которые и в бегах обретаются, и к чиновнику в доверие умеют втереться, и подставные фирмы организовать не прочь. Даже сквоз-

ной сатирический образ, отразившийся и в заголовке, навеян названием одной из фирм («Медведь»), причем дается фотография фирменного бланка с печатью, на которой изображен медведь. Работник администрации фигурирует в образе доверчивого чиновника, подписывающего заявления на кредит.

Специфика восприятия текста критикуемым лицом хорошо видна в вопросах, задаваемых судом эксперту. Публикация от 20 ноября предварялась анонсом в номере за 19 ноября. Приведем его полностью.

Читайте в следующем номере

Сколько ни говори «халва», слаще не станет. Эта поговорка приходит на ум при знакомстве со «сладкими аферами», наделавшими много шума в деловых кругах Прикамья. Под разговоры о поставках сахара, подкрепленные липовыми договорами с поставщиками, ушли неведомо куда, растворились на российских просторах сотни миллионов рублей. Сладкой деятельностью иных коммерсантов и их покровителей ныне интересуются правоохранительные органы. Возбуждены уголовные дела, проводятся проверки. Однако общественное любопытство заслуживает удовлетворения и ответа на вопрос: кто приложил руку (в прямом и переносном смысле) к выкачиванию денег на «сахар»?

Критикуемый, читая «во гневе» первый и второй тексты, не может и, вероятно, не хочет понять, что анонс при отсутствии полного текста никак не способен указать на работника администрации С. Кроме того, почти со стопроцентной уверенностью можно сказать, что никто, кроме критикуемого, 20 ноября не бросился перечитывать анонс, опубликованный в газете за 19 ноября. Однако эксперту задаются такие вопросы (цитируем без изменения стиля):

Какова смысловая нагрузка фразы «липовые договоры» в данном контексте?; В чем смысловая логика фразы «Однако общественное любопытство заслуживает удовлетворения и ответа на вопрос: кто приложил руку (в прямом и переносном смысле) к выкачиванию денег “на сахар”?»

Критикуемому кажется, что ему приписывается чуть ли не авторство «липовых договоров» и что неведомо как, но все-таки читатели знают, что «приложить руку» надо понимать не как «участвовать в деле», а как «подписать», хотя решительно ничто в тексте анонса на это последнее значение не указывает.

Столь же пристрастно чтение корреспонденции. Журналист постоянно критикует работника администрации С. за его резолюцию «Прошу поддержать», не выявляя, так сказать, деловой статус этой подписи. Например:

Безграмотно составленное письмо не смутило профессора С. Как первый заместитель главы он наложил резолюцию, адресованную начальнику Главного управления Центробанка России по Пермской области: «т. Савельеву А. Г. Прошу поддержать». Заметьте: и речи нет о проверке фирмы на состоятельность. Поддержка высокого начальства оказала медвежью услугу двум коммерческим банкам, выдавшим кредиты Дубову на закупку сахара. Ни возврата своих миллионов, ни товара кредиторы не дождались. Возмещать убытки пришлось через арбитражный суд.

В этом фрагменте вся суть критики С. Больше нет никакого анализа, только разбросанные по всему тексту оценки этой подписи, подтверждаемой фотографией документа.

Все эти случаи скрупулезно выбраны из текста критикуемого и, надо полагать, его адвокатом. Почти три десятка вопросов поставлены перед экспертом, и в каждом, по-видимому, кипит оскорбленное чувство критикуемого. Вот, например, журналист пишет: *Когда истек срок погашения кредита, генеральный директор фирмы «Западуралинтерстрой – СОЛМИКС» Ю. Михайли договорился об отсрочке. 26 февраля 1993 года первый заместитель главы обладминистрации С. начертал на прошении положительную резолюцию.* На это следует вопрос суда: *Какова функция слова «начертал» в предложении...* Ничего, кроме неяркой иронии в обозначении документально подтверждаемого факта, здесь нет. Оценивается факт подписи прошения о продлении кредита, и никак не затрагивается личность потерпевшего. Но истцу в каждом слове видится оскорбление.

Из почти трех десятков случаев только один действительно толкает читателя на умозаключение о недобросовестности С., о корыстных побуждениях в его действиях. Прямой формулировки тезиса нет, но имплицитный смысл может быть оценен как оскорбительный для критикуемого лица. Вот этот фрагмент:

На мой взгляд, обе сахарные аферы нельзя списать на легкомыслие, доверчивость или непрофессионализм. Ученые звания, степень и номенклатурный стаж С. говорят об искушенности в выборе деловых партнеров. Курируя сейчас кредитно-финансовую отрасль Прикамья, господин С. владеет, разумеется, информаци-

ей о том, как непросто достается сладкая жизнь пермским коммерсантам.

Как видим, журналист обращается к так называемому отрицательному определению: «это не легкомыслие, не доверчивость, не непрофессионализм». В «Логическом словаре» данное понятие описано так: «Отрицательное определение – определение, в котором указывается только то, какие признаки не присущи данному предмету, но не говорится, какие же признаки присущи этому предмету. Так, определения “химия – это не география”, “устье – это не приток” являются примерами отрицательных определений. Подобные определения не выполняют главной цели определения, заключающейся в том, чтобы раскрыть существенные признаки определяемого предмета, и не характеризуют определяемое специфическим образом» [Кондаков 1971: 368]. В полном соответствии со словарным описанием журналист говорит, что нельзя объяснять действия С. тем-то и тем-то, но не сообщает, чем их можно объяснить. Между тем критика не терпит пустоты. Читатель начинает заполнять пустое пространство концепции собственными – в меру своей фантазии, недовольства, осведомленности или неосведомленности. Поэтому вопрос суда, содержит ли этот фрагмент обвинение С. в умышленном пособничестве коммерческим структурам или пассаж можно истолковать как суждение о бескорыстном протекционизме, не имеет точного ответа. Если кому-то захочется, он может говорить о протекционизме. Но если кому-то другому захочется увидеть в действиях С. корыстные сделки, вымогательство, коррупцию, это тоже возможно.

Таким образом, текст действительно содержит в подтексте оскорбительное для С. суждение, но нельзя видеть оскорбление в каждом слове. В конце концов «сахарные» аферы действительно имели место, и заявления на кредиты С. подписывал, и деньги область теряла. Так что вместо судебной возни чиновник мог бы проанализировать положение дел и предложить меры по предотвращению таких просчетов.

2. Вторая особенность восприятия текста критикуемым – игнорирование неопровержимых фактов. Конечно, здесь можно видеть преднамеренность, осознанное желание не говорить об этих фактах ни в исковом заявлении, ни в прочих высказываниях по поводу спорного текста. Но наряду с этим, вполне вероятно, срабатывают защитные психологические механизмы, включен-

ные нестандартным типом чтения текста. Вряд ли обычное восприятие публикаций СМИ (информирующих, аналитических, развлекательных, рекламных) глубоко затрагивает адресата, вторгается в глубинные сферы его личности. Можно найти сотни причин, чтобы оправдать свое незнакомство с любой газетной, теле- или радиопубликацией. Поэтому это незнание простят даже члены самой ценной для субъекта группы, не говоря уж о всех остальных, которым, скорее всего, абсолютно безразлично, читал ли данный человек такую-то статью, слушал ли такую-то радиопередачу.

Напротив, восприятие критической публикации критикуемым лицом ранит самые чувствительные сферы психики. Все мы «воспринимаем себя благосклонно... люди охотно соглашаются с похвалой, когда им говорят, что они в чем-то преуспели (они относят успех на счет своих способностей и усилий), но приписывают неудачу влиянию внешних факторов типа неведения или изначальной нерешаемости проблемы”» [Майерс 1997: 79]. С большой долей вероятности можно допустить, что критикуемый не испытывает состояния, именуемого «восторгом надувательства» [Экман 1999: 56]. Допустим также, что критикуемый факт в свое время был признан человеком как неудача, за которую ему было совестно и которую он, в силу нашей всеобщей предрасположенности в пользу своего «я», оправдал обстоятельствами. Например, господин С. мог сказать себе: подписывал я эти заявления зря, но банки сами виноваты в том, что не проверили фирмы на состоятельность. И тут вдруг эта публикация, которая выставляет неудачу на всеобщее обозрение. В действие вступают механизмы подавления и переориентации. «Нам представляется невозможным признаться во многих наших желаниях, даже несбывшихся. Нам было бы очень тяжело, если бы они стали известны. Лучше бы их забыть, вытеснить в бессознательное и проявить социально приемлемые чувства... Это подавление происходит бессознательно; оно помогает нам сохранить наше представление о самих себе... обычно это напряжение дает толчок для замещающего действия, приемлемого для окружающих» [Робер, Тильман 1988: 95]. Потребность забыть неудачу переключает внимание критикуемого на моменты, которые можно провозгласить как незаслуженные оскорбления. Поэтому представляется, что в судебных исках щедро перемешаны и осознанные попытки скрыть правду, и искренние, совершенно естественные защитные психи-

ческие движения, порождаемые особыми отношениями коммуникантов в сфере СМИ.

Так, уже было показано, что факт подписи в иске С. рассматривается не как неудачное действие должностного лица (об этом нет и речи), а как объект для оскорбительной, несправедливой иронии журналиста. Почему она несправедлива, об этом снова ни звука, это как бы само собой разумеется, от эксперта требуется лишь подтверждение, что ирония есть. Само ее наличие уже рассматривается как повод для иска. Здесь хорошо видно, что факт подписи уже давно психологически оправдан неблагоприятными обстоятельствами и критикуемый чуть ли не искренне не понимает, за что его критикуют.

Такой обход «неудобных» фактов наблюдается нередко. Статья «По ком звонит колокол?» целиком посвящена вопросу финансирования прогимназии «Творческое развитие». Отдел образования администрации города Озерска откликается на нее публикацией «Кому закон не писан...», где приводит расчет часов, который закреплен постановлениями федерального правительства и который определяет уровень финансирования прогимназии местной администрацией. Попутно критикуется работа школы (низкие показатели успеваемости, недостаточный профессионализм педагогов).

С исковым заявлением выступает директор прогимназии. В заявлении оспариваются суждения, касающиеся успеваемости и профессионализма, но ни слова не говорится о финансировании. Вопрос: если расчет часов правилен и финансирование осуществляется в объемах, предусмотренных законом, почему вообще разгорелась газетная перепалка и кто на кого должен подавать в суд?

Отметим еще один интересный случай. В целом очень грубая публикация «Больше так не делай, Игорек...», направленная против депутата Государственной Думы, в частности, упрекает депутатов за высокую зарплату, которую они сами себе установили. В искомом заявлении критикуемый не обходит этот упрек, но оправдывает его, совсем в духе тенденции благосклонного отношения индивида к своему «я». Критикуемый заявляет, что суммы депутатских окладов не устанавливаются депутатами, они определяются законом «О статусе депутата Федерального Собрания Российской Федерации» и приравниваются к окладу федерального министра. Заявитель только обходит факт того, что

закон о статусе депутата принят Думой и никем другим принят быть не мог. Но этот раздражающий факт забыт, вытеснен из памяти и, разумеется, в исковом заявлении не признается, вполне возможно, совершенно искренне.

3. Тексты СМИ в подавляющем большинстве случаев не рассчитаны на очень внимательное восприятие. Радиотексты звучат как фон к основному занятию человека в данный момент. Телетексты постоянно прерываются рекламой, отчего даже целостное произведение превращается в клип, где объединение разнотемных фрагментов является нормой. Поэтому рассеивание внимания при восприятии «эфирных» текстов – правило, а не исключение. Казалось бы, хоть письменные, газетные тексты рассчитаны на вдумчивое чтение. Отнюдь. «Традиционный способ детального изложения информационного материала похож на перевернутую пирамиду. Самая свежая, самая важная информация расположена “вверху”, затем следуют менее значительные и интересные факты. Такая структура, как правило, наиболее удобна для читателя. Он быстро схватывает главное и может прервать чтение в любом месте, не упустив ключевых пунктов» [Справочник для журналистов... 1993: 34].

Факт такого восприятия стоит вне оценок «хорошо/плохо», он обусловлен спецификой фактуры так называемого «экрана знаний». В современной культуре «знания складываются из разрозненных обрывков, связанных простыми, чисто случайными отношениями близости по времени усвоения, по созвучию или ассоциации идей. Эти отрывки не образуют структуры, но они обладают силой сцепления, которая не хуже старых логических связей придает “экрану знаний” определенную плотность, компактность, не меньшую, чем у “тканеобразного” экрана гуманитарного образования. Мы будем называть эту культуру “мозаичной”, потому что она представляется по сути своей случайной, сложенной из множества соприкасающихся, но не образующих конструкций фрагментов, где нет точек отсчета, нет ни одного подлинно общего понятия, но зато много понятий, обладающих большой весомостью (опорные идеи, ключевые слова)» [Моль 1973: 45]. Фрагментарное восприятие текста СМИ отвечает структуре нашего «экрана знаний»: схваченные клочки и кусочки информации встраиваются в имеющуюся мозаику и совсем не плохо запоминаются. Из описанного типа восприятия с неизбежностью следует, что адресат не слишком внимательно

смотрит на отдельные слова, он схватывает содержание, а не форму.

В модификации «истец» коммуникант, напротив, пристрастен к словам и склонен вычитывать в некоторых из них особую злонамеренность автора. «Как следует понимать смысл слова “афера”», его роль в контексте и словосочетании “сладкая афера”?» – спрашивает суд, как будто это слово здесь имеет какой-то необыкновенный, особо каверзный смысл, а не является привычным обозначением мошенничества. «Как следует понимать смысл словосочетания “деловые партнеры”», его роль в контексте?» – а словосочетание употреблено в обычном значении, без всякой иронической окраски.

В публикации «Две недели, которые потрясли СМЗ» журналист задал вопрос, уж не начал ли работать мэр Салды «против металлургов СМЗ» (а надо учесть, что в области в этот период идет процесс захвата предприятий новыми владельцами). В исковом заявлении мэр долго рассуждает, кто такие «металлурги СМЗ» – все ли они работники завода, или это люди, чьей профессией является металлургия, или это жители муниципального образования, имеющие отношение к заводу. Разумеется, ни одному обычному коммуниканту в сфере СМИ не придет в голову мысль о возможности таких разночтений. Обычный читатель просто скажет: ага, и этот завод кто-то хочет «скушать», – а затем продолжит или прервет чтение. Критикуемый же внимательно вчитается в текст и за этими словами увидит электорат, который придет на выборы мэра. И сколько человек скажет «ага, и этот завод кто-то хочет “скушать”», ему, мэру, желающему переизбраться на новый срок, совсем не безразлично.

Депутат Госдумы, у которого не сложились отношения с «Воронежским курьером», на местном телевидении, как пишет автор реплики «Больше так не делай, Игорек...», безапелляционно причислил всех, работающих в «ВК», к представителям «древнейшей профессии». В исковом заявлении критикуемый отмечает, что никогда не говорил про такую категорию лиц, как «все, работающие в “ВК”». Снова обычный читатель просто вспомнит про журналистику как вторую древнейшую профессию с известными смыслами и коннотациями. А «истец» начинает решать проблему, напоминающую древнюю задачу «со скольких песчинок начинается куча?»: со скольких работников «ВК» начинается клевета в мой адрес?

Таким образом, критикуемый адресат СМИ, превращаясь в истца, демонстрирует особое чтение текста: меняются мотивации, внимание, эмоциональная окраска восприятия, смысловой анализ текста.

В истца может превращаться не только критикуемый, но и восхваляемый адресат СМИ. Эта метаморфоза связана, по-видимому, с издержками вмешательства журналиста в частную жизнь героя. В газете «Уральский рабочий» был опубликован очерк «Генка Бобров – дитя идеи». Судьба человека, ставшего бомжем, изображена здесь как результат краха тоталитарной модели личности:

Бывает так: встречается человек, и отразится в нем, в одном, все: проблемы отцов и детей, связь поколений, прошлое, настоящее и будущее страны. Мелькнет, кажется, мимолетом, как бабочка, летящая в ночи на огонь костра, и пропадет навсегда. Но оставит по себе память, тревогу, размышления. Такой человек встретился недавно и мне.

Это вступление точно передает серьезный тон изложения, высокий уровень обобщения фактов, аналитическую направленность текста. И, разумеется, ничего хоть намеком похожего на оскорбление. Обычный читатель газеты прочтет очерк, подчиняясь авторскому замыслу: он задумается об окончательно рухнувшем прошлом, о нелегком настоящем и неясном будущем. В общем, он выполнит все, что требуется при общении с текстом такого жанра.

Теперь попробуем представить чтение членов группы, в которую входит герой (имя его, кстати, в публикации не изменено). Пожалуй, здесь вполне возможна ситуация, давно проанализированная в журналистике: «Во всех случаях журналисты ничего не сочиняли, а просто стремились подать своих героев “со всей требухой” и поставили людей в неловкое положение. Видимо, так уж устроен человек: знает, что у того начальника под столом гиря стоит, что у другого голубые глаза, знает в два раза больше, чем корреспондент, и в четыре раза больше, чем сказано в очерке, а, встретив обо всем этом печатное сообщение, смеется, иронизирует, если не больше... Скорее всего мы имеем тут дело с каким-то особенным видом психологического барьера, преодолеть который вряд ли возможно» [Сушко 1978: 36]. Вероятнее всего, «дитя идеи» было осыпано насмешками и язвительными замечаниями. Поэтому вполне справедливым представляется такое суж-

дение: «У журналистов должны быть очень сильные мотивы для того, чтобы вторгаться в чью-то личную жизнь, и они должны ясно представлять себе последствия такой публикации» [Рэнделл 1996: 151].

Члены группы, с которой идентифицирует себя герой, строго говоря, являются уже особыми адресатами, отклоняющимися от общей нормы. Их фоновые знания относительно предмета публикации иные по сравнению со знаниями людей, которым герой неизвестен. Самое для данного случая главное – это знание групповых норм и то обстоятельство, что эти читатели видят отклонение от данных норм. «Стремление к сохранению стабильности группы усиливает необходимость единообразного поведения и соблюдения норм... Принадлежность к группе влияет на то, как член группы представляет себе некоторые ситуации или отдает предпочтение определенным общим ценностям. Существует групповая избирательность восприятия, определенный образ жизни и мысли» [Робер, Тильман 1988: 110]. Отклонение от нормы (в данной ситуации резкое выделение из группы) чревато санкциями против нарушителя, и санкцией в этом случае мог оказаться смех. Такая психическая работа, скорее всего, полностью разрушает контакт с автором публикации, никто в этой группе не будет разбираться в журналистской концепции, а если кто-то и разберется, то лишь с тем результатом, что будет больше простора для насмешек.

Сам герой, читая данный текст, превращается в истца. И психологических мотивов для такой метаморфозы предостаточно. Во-первых, он также ощущает нарушение групповых норм, в котором он совсем не виноват. Стыд, смущение, страх перед насмешками – все толкает человека к агрессии, в рассматриваемом случае – к судебному иску. Во-вторых, он вполне может чувствовать себя «подопытным кроликом», ведь на примере его жизни вывели «какой-то там» закон, неважно, справедливый или несправедливый. Реакция «я вас об этом просил?», гнев – и тот же судебный иск.

Анализ материала показывает, что изменения в отношениях коммуникантов прессы обусловлены историческим развитием средств массовой информации, повышением степени свободы и самосознания адресатов. В современных условиях можно уже говорить о том, что качество публикаций в известной мере становится подчиненным не только требованиям хозяина канала

СМИ, но и потребностям адресата. Дифференциация интересов аудитории позволяет разным СМИ существовать в условиях намечающегося диктата потребителей. Угроза судебного преследования требует от авторов большей осмотрительности, аргументированности, четкости, в конечном счете – большего профессионализма. На наших глазах складывается новая культура общения в сфере СМИ.

Если учесть, что именно в этой сфере наиболее активно обновляются языковые нормы и жанровые стандарты, повышение уровня профессионализма, более требовательное отношение к слову, быть может, способно сделать либерализацию литературной нормы не такой лавинообразной, какой она является сейчас. И более гибким правилам образования, оформления и употребления языковых единиц не обязательно идти через грубейшие речевые погрешности. Здесь больше поможет хороший вкус.

О.А. Михайлова

О чем говорит чужая речь на газетной полосе?¹

Логика исследования чужой речи отражала общую картину движения лингвистической мысли: от письменной речи, главным образом художественных текстов, к устной форме коммуникации. Изучение чужой речи на материале письменных текстов происходило преимущественно в грамматическом и стилистическом аспектах (С.Г. Бархударов, Н.А. Гвоздев, М.К. Милых, Г.М. Чумаков, А.А. Чувакин). Феномен чужого слова в устной речи первоначально исследовался также с точки зрения синтаксического оформления этих конструкций на фоне письменных текстов. Возросший интерес к прагматике повлиял на направление изучения синтаксических явлений, в том числе чужой речи. Коммуникативно-прагматический подход позволил выделить коммуникативные параметры, значимые для феномена чужой речи [Китайгородская 1993].

Современное культурно-речевое состояние общества, языковая раскованность, усиление диалогичности письменной публицистической речи, создающей иллюзию непринужденно-

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Функционирование современного русского языка и культура речи», финансируемого Российским гуманитарным научным фондом (проект № 00-04-00-101-а).

го контакта с адресатом, дают новый стимул динамике изучения данной проблемы, определяют новый виток исследований – от устной речи к письменной – и обуславливают описание чужой речи в письменных текстах с коммуникативно-прагматических позиций. Материалом для наших наблюдений явились городские газеты Екатеринбурга («Вечерние ведомости», «Наша газета» за 1999–2000 годы), в редакции которых работают молодые журналисты. Адресат у этих газет однозначно не определен – это не только молодежь, но и люди среднего и старшего возраста.

Газета – это своеобразный публичный диалог, и включение чужой речи в авторский текст расширяет границы коммуникативного акта, осложняя его присутствием третьего лица, т.е. тексты, содержащие конструкции с чужой речью, всегда, в том числе и в газетах, представляют собой коммуникативный акт, в котором, помимо говорящего (пишущего) и адресата, присутствует третий субъект – автор воспроизводимой речи. Причем этот компонент играет большую роль в описываемой ситуации и во многом задает языковые особенности конструкций с чужой речью. Наши наблюдения над такими конструкциями связаны лишь с одним компонентом – автором текста, хотя репродуцируемая речь дает разнообразную информацию обо всех участниках коммуникативного акта.

Яркой чертой современных периодических изданий является большой массив чужой речи в разных газетных жанрах. Иногда даже создается впечатление перенасыщенности, потому что в некоторых публикациях процентное соотношение собственного и чужого текста приблизительно равно. Это явление имеет интернациональный характер [Онхайзер 2000]. Экспансия чужой речи наблюдается и в том, что цитаты проникают в такие газетные жанры, в которых прежде они не встречались, например в информационные заметки. В расширении приема использования чужой речи можно видеть несколько причин: во-первых, это стремление журналистов к объективности, передаче сведений из «первых рук», поскольку цитаты создают впечатление точности в деталях; во-вторых, желание пишущего дистанцироваться от позиции автора высказываний; в-третьих, возрастающая роль «устности и ее адаптации в письменных текстах» [Онхайзер 2000: 126]. Как отмечала М.В. Китайгородская, в устной речи тексты повествовательного характера нередко строятся в форме воспроизведения моно-

лога или диалога [1993: 73], хотя вообще в нарративных текстах доля чужих слов меньше, чем в текстах полемических и дидактических [Николаева 1987]. Такую особенность устной речи мы наблюдаем и в современной публицистике.

Как известно, существует несколько способов оформления чужой речи в тексте, различающихся, во-первых, тем, как синтаксически организованы слова говорящего – существуют ли они отдельно или слиты с первичным сообщением, и, во-вторых, тем, как формально соотнесены слова говорящего и чужая речь – имеет ли место подчинение одной структуры другой или нет [Русская грамматика 1980: 485]. При прямой речи авторские слова и речь «другого» существуют отдельно и формально независимы друг от друга; при косвенной речи авторские слова и воспроизводимая речь также существуют отдельно, но при этом чужая речь синтаксически подчинена авторскому высказыванию; при несобственно-прямой речи авторский план и чужая речь слиты. Последний способ характерен больше для художественных текстов. Кроме того, чужая речь может маркироваться с помощью вводных конструкций; при таком способе авторские слова и речь «другого» существуют отдельно, но чужая речь семантически подчиняет себе авторскую. Г.М. Чумаков выделяет еще тематическую речь, которая соотносительна с косвенной, но отличается от нее большей обобщенностью содержания, передавая лишь общую тему первичного высказывания [Чумаков 1975].

В анализируемых нами газетах представлены с той или иной степенью частотности все возможные формы: **прямая речь** – «*Российский политик – это человек, цель жизни которого – защита здоровья, чести и благополучия своего народа*», – сказал он [Явлинский]; **косвенная речь** – *Валерий Алексеевич заявил, что окончательного решения о создании «УралТЭКа» до 15 февраля принято не будет*; **тематическая речь** – *Вчера двухпартийный мэр впервые в этом году провел пресс-конференцию, где рассказал, сколько у него теперь будет заместителей и кто именно займет новые чиновничьи посты*; **несобственно-прямая речь** – *По словам господина Попова, «Свердловскметрострою» требуется в 2000 году, как минимум, 150 миллионов рублей – для того, чтобы достроить одну только станцию «Геологическая». Беда лишь в том, что областные власти ну никак не хотят выделить нашим метростроителям 100 миллионов. Показателями несобственно-прямой речи служат эмоционально-оценочное слово беда и разговорная усилительная ча-*

стица ну, передающие своеобразие речи «другого». В первом предложении этого фрагмента представлена чужая речь, показателем которой служат вводные слова, указывающие на источник сообщения.

Избранная форма передачи воспроизводимой речи является сигналом авторской позиции и может в определенной степени служить характеристикой самого автора.

Основной формой передачи чужого слова в письменных текстах является косвенная речь, которая имеет установку на объективность, достоверность и нейтральность сообщения. В текстах, принадлежащих молодым журналистам, количество данных конструкций сравнительно невелико по отношению к общему объему высказываний с чужой речью. В этом, с одной стороны, проявляется стремление изменить модели, предопределенные сферой официального общения, освободиться от логизированной монотонности русского синтаксиса, внести личностный компонент в повествование. С другой стороны, здесь можно видеть недостаточный уровень языковой компетенции автора, поскольку степень отчужденности/приближенности воспроизводимой речи к речи говорящего (пишущего) определяет принадлежность последнего к носителям литературного языка [Китайгородская 1993]. Конструкции с косвенной речью иногда сопровождаются включением частиц *мол*, *де*, *дескать*, называемых Н.Д. Арутюновой ксенопоказателями, т.е. знаками чужого голоса, отчуждаемой речи, чужого мира [Арутюнова 1992: 42]: (1) *Посетительница попыталась возражать, что-де на самой анкете значится – бесплатно*; (2) *Говорят, незтично писать о том, что наркомания как болезнь неизлечима, мол, этой фразой пишущий убивает у больного надежду на исцеление*. Эти частицы усиливают разрыв между авторской и чужой речью, создавая «смесь» прямой и косвенной речи. Как неоднократно отмечалось исследователями (Н.Д. Арутюнова, Е.А. Иванчикова, М.В. Китайгородская, В.М. Колодезнев, Е.С. Отин), частицы выступают не просто маркерами чужой речи, но также призваны выразить и усилить субъективно-модальные оттенки, обычно отрицательную оценку содержания чужой речи, хотя в устной разговорной речи данные частицы могут выступать и как нейтральное средство, дублирующее вводные слова автора [Михайлова 1996]. В городских газетах названные «знаки чужого голоса» встречаются крайне редко и только как средство выражения отрицательной оценки. В этом

проявляется, на наш взгляд, не только соответствие требованиям публицистического стиля, но также и общая закономерность, свойственная устной речи, в которой сфера употребления этих частиц «чрезвычайно узка и связана прежде всего с отрицательно-оценочными контекстами» [Китайгородская 1993: 71], поскольку молодые журналисты вносят в свои тексты (не вполне осознанно) яркую разговорность.

Преобладание в газетных жанрах формы прямой речи, во-первых, является свидетельством расширения сферы разговорности, так как усиливает диалогичность дискурса, во-вторых, служит показателем прагматической установки – более эффективной направленности текста к адресату. Часто она используется как средство введения дублирующей информации в высказывании, содержащем косвенную речь: *Он заявил, что идет на областные выборы самостоятельно: «ОПС ни с кем блокироваться на выборах в Областную Думу не будет»* или в высказывании с чужой речью, введенной с помощью парентезы: *По словам Сергея Воробьева, победа Аркадия Чернецкого еще не значит, что ОПС будет одобрять все его действия: «то, что он одержал победу, не означает, что мы одобряем его прошлые шаги и будем их одобрять в будущем»*. Форма прямой речи в таких случаях, как нам кажется, используется в интересах аутентичности и оживления текста.

Помимо указанных способов, нередко журналисты используют соединение косвенной и несобственно-прямой речи: *Тот [Михаил Новиков] заявил, что уже не является директором «Детского фонда». А что касается анкет, то организация давно не занимается их распространением. Действительно, в октябре Фонд предлагал услуги по их заполнению (в частности, переводческие). Но ведь это не является нарушением законов – ни российских, ни американских*. Комбинация способов передачи чужой речи отличается определенной закономерностью: на первом месте стоит либо косвенная речь, либо парентеза, указывающая на источник сообщения, т.е. нейтральные способы, с помощью которых автор дает основной тезис чужой речи; продолжение воспроизводимой речи передается в форме прямой или несобственно-прямой речи, которые усиливают диалогичность дискурса, приближают автора к читателю, придавая тексту черты разговорности.

Введение в текст чужой речи служит разным коммуникативным целям: коммуникативной, апеллятивной, поэтической, эмотивной (экспрессивной), фатической, метаязыковой [Якобсон

1975: 90]. Такая полифункциональность свойственна конструкциям с чужой речью в художественном тексте, поскольку они «воспроизводят речевое произведение в единстве с речедетальностной ситуацией его существования» [Чувакин 1990: 90]. Функции чужой речи в нехудожественных текстах менее разнообразны: М.В. Китайгородская выделяет интерпретационную, конструктивную и риторическую функции [1993: 77]; И. Онхайзер – функции документализации и комментирования [2000: 126]. Двойное включение чужой речи в актуальную речь определяет ее различные функции. Несобственно-прямая речь при удвоенной передаче выполняет функцию документализации и, главное, оценочную функцию. Воспроизводя не только содержание, но и форму репродуцируемой речи, автор дистанцируется от третьего лица, маркируя его как «чужого» в оппозиции «свой–чужой», что и служит выражением отрицательной оценки. Еще более явно выражается отрицательная модальность высказывания, когда в форме несобственно-прямой речи воспроизводится гипотетическая речь, моделируемая автором и приписываемая говорящему: *Можно себе представить, как потирают руки после прошедших парламентских выборов родители «Единства». Хоть тот же Березовский. Ах, вы меня поголовно не любите, считаете мошенником и прохиндеем? А я вот вам мякинки подсунил в виде «медвежатины». Подумали, что это невиданный деликатес, и проглотили. С энтузиазмом и радостью. Теперь можете не любить еще четыре года – у себя на кухне, а я это время буду жить-поживать и добра наживать*. В таких случаях несобственно-прямая речь реализует только экспрессивно-оценочную функцию. О нереальном, воображаемом характере воспроизводимой речи свидетельствует глагол *представить*, показателями чужой речи являются план первого лица, междометия-частицы *ах, вот*, которые характерны для прямой речи. М.В. Китайгородская описывает подобные случаи в устной речи, фиксируя здесь интерпретационную функцию, «когда говорящий использует контексты чужой речи как прием более наглядного и убедительного толкования высказываемого суждения или мнения» [Китайгородская 1993: 77]. Включение подобного приема в письменную речь приводит к модальному осложнению интерпретационной функции, поскольку гипотетическая речь интимизирует текст, придает ему яркие черты разговорности и служит средством выразительности. Примечательно, что такой прием ис-

пользуется только для выражения отрицательной оценки, – положительной оценки в наших материалах нет.

Прямая речь в контекстах с удвоенной чужой речью направлена на реализацию лишь интерпретационной функции и является средством документализации и объективизации информации. Автору кажется недостаточным передать тему или главную мысль чужого сообщения, для него более важным оказываются модусные характеристики, которые могут быть выражены лишь формой прямой речи. Такое явление широко распространено в непринужденном речевом общении [Михайлова 1996]. В тех высказываниях, где прямая речь не предваряется иными формами чужой речи, она выполняет конструктивную функцию – служит для упрощения построения высказывания и экономии речевых усилий, так как автор синтаксически оформляет репродуцируемую речь как свою собственную. Данный факт свидетельствует о недостаточно высокой речевой культуре журналистов, которые не всегда могут обобщить, аналитически трансформировать первичный текст и лишь фиксируют в письменной форме живую разговорную речь. Подтверждение такому выводу мы находим, в частности, в том, что высказывания с прямой речью нередко обнаруживают отклонения от норм литературного языка, закономерно проявляющиеся в некодифицированной устной речи. Так, встречаются случаи неоправданной контаминации разных способов: (1) *Как заявил Олег Дмитриевич: «Падение производства ослабляет. Мы несколько лет не могли продать то, что выпускаем. В наступившем же году решено увеличить объем производства на 70 процентов. При этом самое сложное – сохранить наше уралмашевское качество продукции. Качество, которому доверяют»*; (2) *Как заявил Склад: «Я выезжал на место аварии. Как рассказала мне одна из сотрудниц, люди не эвакуировались до окончания смены, проработав там до семи часов утра»*. Метатекстовый сигнал, оформленный в виде парентезы, реализует установку на нейтральность и предопределяет синтаксическую форму чужой речи, в которой невозможны план первого лица, дейктические частицы «круга говорящего» и т. п., однако авторы газетного текста нарушают нормы кодифицированного литературного языка и передают чужие слова в форме прямой речи.

Типичное отклонение от нормы – введение чужой речи в текст без вербальных показателей: (1) *Великий борец прекрасно знает своих политических оппонентов и даже «имеет виды» на их*

дальнейшую судьбу: «Примаков – мудрейший человек. Он мог бы консультировать молодого председателя правительства»; (2) Единственное, что омрачает настроение фондовского руководителя – отсутствие взаимопонимания с начальником ГУВД области Алексеем Красниковым. «Мы прекрасно работаем с ФСБ, МВД, МЧС, ОБНОН. Противостоит только ГУВД и лично генерал Красников. Многие ребята из милиции помогают нам тайно, потому что начальник распорядился помогать Фонду только с его личного разрешения». Если в первом примере обнаруживаем нуль-предикатную позицию с сохранением позиции субъекта речи (великий борец), то во втором случае – полное отсутствие авторских слов.

Исследователями неоднократно отмечалось, что отсутствие вербального ввода типично для сферы некодифицированной устной речи, поэтому доминирование указанного способа в текстах одного автора (а такие явления очень часты) характеризует адресанта как носителя просторечия. Кроме того, данный факт указывает, на наш взгляд, и на особенности сознания пишущего, которое сложилось под влиянием эстетики видеоклипа: отсутствие целостности восприятия события, детерминированности в его частях, логической связанности фрагментов. Такое «клиповое» мышление характеризует как раз молодого журналиста, и здесь, безусловно, встает проблема образования и обучения.

Форма воспроизводимой речи дает адресанту возможность передать свое отношение к автору оригинальной речи. Средством выражения оценки речевого поведения «другого» и самого речевого акта служат также используемые речевводящие глаголы. В современных городских газетах наблюдаются две прямо противоположные тенденции: во-первых, ограничение круга собственно глаголов речи; во-вторых, увеличение числа глаголов, оформляющих чужую речь, многие из которых в нормативном смысле нельзя считать речевводящими.

Первая тенденция проявляется в конструкциях с невыраженной модальностью, когда автор лишь передает чужую речь, не интерпретируя и не оценивая речевой акт и его составляющие. Обычно такая репродуцируемая речь принадлежит лицам, чья точка зрения поддерживается автором. В таких случаях используются нейтральные глаголы-предикаты. При этом редко встречаются глаголы широкой семантики *сказал, говорил*; обычно упот-

ребляется глагол *сообщил*, и чаще всего – глагол *заявил*. Встречаются статьи, в которых все включения воспроизводимой речи даются с помощью этого глагола; например, в газете «Вечерние ведомости» за 28 января 2000 года в небольшой статье 4 раза использован глагол *заявил* и один раз – прямая речь без вводящего предиката; в номере за 3 февраля того же года из пяти конструкций с чужой речью три раза употребляется глагол *заявить* и в двух – глагол *сообщить*. Причем в глаголе *заявить* произошло расширение лексического значения. В 4-томном толковом словаре он имеет значение ‘сделать заявление, сообщение, обычно решительное по тону’ [МАС, т.1: 599]. В современном употреблении ограничительная вероятностная сема характера действия ‘обычно решительное по тону’ нейтрализуется и глаголы *сообщить* и *заявить* употребляются журналистами как абсолютные синонимы.

Вторая тенденция проявляется при интерпретации автором текста речевого поведения «другого». Разграничение речи по линии авторства сопровождается субъективной трактовкой ситуаций/событий и оценкой продуцента речи. Поступки и те, кто их совершает, являются предметом этической оценки, а суждения, составляющие содержание высказывания, подлежат истинностной оценке. При этом круг речевводящих предикатов значительно расширяется. Прежде всего используются глаголы речи, а также эквивалентные им устойчивые сочетания с оценочной семантикой, чаще с отрицательной коннотацией: (1) «*Делить портфели будем позднее, если победим*», – уел их ректор; Владимир Ветошкин огорошил всех собравшихся заявлением; (2) Григорий Алексеевич не мог не сказать пару ласковых и в адрес «Союза правых сил». Все предикаты такого рода являются стилистически маркированными, принадлежащими к разговорной (*огорошить, выпалить*) или просторечной (*уест, сказать пару ласковых*) сферам. Встречаются также нейтральные глаголы: *заявить, подтвердить, вторить*, однако они приобретают в тексте отрицательную коннотацию, так как обычно маркируют речь «чужого» в оппозиции «свой–чужой». «Заявляют» в подобных случаях о чем-либо заведомо несправедливом, что передается в воспроизводимой речи; «подтверждают» неэтичные поступки, а порой постыдные факты, «вторят» (ср.: ‘перен. Полностью соглашаясь с кем-л., поддерживать высказываемые мнения, суждения’ [МАС, т.1: 240]) лицам, имеющим сомнительную репутацию. Отрицательно-оценочная

коннотация этих глаголов наводится нередко семантикой контекстных партнеров или общей апперцепционной базой, в которую входят и представления о моральных ценностях, ср.: (1) *Он, смущаясь, подтвердил, что его поддерживают олигархи*; (2) *Игорь Пикалов, драматически разводя руками, заявил: «Сейчас решает вопрос – как нам с вами жить в Свердловской области. Если жить по принципу: “губернатору можно все”, то зачем тогда законодательство?»* Особо следует сказать о глаголах *уверить* ‘заставит поверить во что-л. или чему-л., убедить в чем-л.’ [МАС, т.4: 449] и *заверить* ‘убедить в достоверности чего-л., поручиться за что-л.’ [МАС, т.1: 500], которые используются исключительно для оценки воспроизводимой речи как неистинной, а говорящего характеризуют как лицо, вводящее адресата в заблуждение. Чужая речь, включенная в текст такими глаголами, подается как тезис, который затем опровергается в ходе повествования.

Для выражения субъективно-модальной оценки употребляются и глаголы книжного стиля, хотя вообще глаголы речи, принадлежащие к книжному стилю, встречаются в текстах молодых журналистов крайне редко. Обычно они выступают как средство выражения иронии, потому что контрастируют с содержанием чужой речи, при этом объектом иронии является автор воспроизводимой речи, например: *Обращаясь к судье Крутько, он изрек: «Ваши личные качества и решительность позволят решить эту проблему»*. Чаще всего используется глагол *изречь*, который и в системе языка имеет иронически окрашенный лексико-семантический вариант: ‘ирон. Сказать авторитетно, не допуская возражений’ [МАС, т.1: 655]. При передаче чужой речи, по нашим материалам, с иронией связана лишь стратегия оценки [Ермакова 1996], хотя вообще в публицистическом тексте ирония выполняет различные функции.

В качестве метатекстовых сигналов употребляются часто глаголы других семантических групп, например: (1) *«Не с того начали», – добил окружающих ректор УГТУ-УПИ*; (2) *Но он ловко вывернулся из щекотливой ситуации: «Не все, что показывают по телевизору, неправда»*. Обычно такую позицию замещают глаголы, обозначающие акты поведения, и их основная функция – дать оценку речевого поведения продуцента оригинальной речи. При этом автор по-своему интерпретирует коммуникативное намерение говорящего, нарушая часто этическую категорию вежливости, так как придает этому говоряще-

му «роль ниже той, на которую он претендует» [Формановская 1998: 61].

Подводя итоги, можно сказать, что чужая речь выступает как способ самовыражения автора публицистического текста, его симпатий и антипатий, его позиции и взглядов. Помимо этой эксплицитно представленной информации, в конструкциях с чужой речью присутствует и имплицитное содержание, связанное с культурно-речевой и этической характеристиками автора. По данным чужой речи складывается определенный облик молодого журналиста, получившего специальное образование, но не вышедшего за пределы разговорно-фамильярной речевой культуры. Этого человека характеризует невысокий уровень языковой компетенции, неумение логически связывать высказывания, нарушение максимы вежливости. Все особенности оформления и функционирования чужой речи в современных газетах свидетельствуют о том, что молодые журналисты необоснованно переносят из устной речи в письменную основные закономерности передачи чужой речи – от способов ее оформления до функционально-стилистической нагруженности.

О.А. КРЫЛОВА

Существует ли церковно-религиозный функциональный стиль в современном русском литературном языке?

Долгое время в нашей стране существовала одна сфера общественной деятельности, практически закрытая для филолога-исследователя. Это сфера церковно-религиозной общественной деятельности. В работах по истории литературного языка и стилистике вопрос о том, каким языком (каким стилем, какой функциональной разновидностью национального языка) обслуживается эта сфера, или вообще не ставился, или затрагивался бегло и решался слишком поверхностно. В частности, говорилось, что эта сфера обслуживается не русским, а церковнославянским языком, и вся проблема, таким образом, выводилась из сферы компетенции стилистики современного русского языка. Но даже если такое решение признать справедливым, то все же оставался вопрос: а тот ли это церковнославянский язык, который существовал в Древней Руси, или нет? Произошли ли в нем какие-

либо изменения или нет? А если произошли, то какие? И эти вопросы лингвисты начали поднимать только в самое последнее время. (По названной теме были защищены две диссертации в Институте русского языка РАН в 1999 году: «Проблема исправления книг в истории церковнославянского языка XX века» А.Г. Кравецким и «Вопрос о богослужебном языке в конце XIX – начале XX века» А.А. Плетневой.) Однако совершенно очевидно, что церковнославянским языком речевая деятельность в церковно-религиозной сфере в настоящее время не ограничивается. Изменение отношений между церковью и государством, между обществом и церковью, произошедшие в годы перестройки и в постперестроечное время, привели к тому, что «слово священника, – как справедливо заметил Л.П. Крысин, – звучит теперь не только в церковном храме, перед прихожанами, но и по радио, по телевидению; представители духовенства выступают в парламенте, на митингах, на всевозможных презентациях, освящают вновь открывающиеся школы, больницы, дома культуры; в некоторых учебных заведениях слово Божие вводится как учебный предмет; в изобилии печатается и распространяется среди населения религиозная литература. Все эти виды речевой деятельности характеризуются своеобразием в выборе и использовании словесных и синтаксических средств русского языка» [Крысин 1996: 135–138].

Такая ситуация позволяет поставить вопрос о наличии в составе современного русского литературного языка особой функционально-стилевой разновидности или особого функционального стиля, который Л.П. Крысин назвал религиозно-проповедническим, а мы предлагаем назвать **церковно-религиозным** (о термине – ниже).

Итак, выдвигаем гипотезу: сфера церковно-религиозной общественной деятельности в настоящее время – это сфера двуязычия: в ней функционирует церковнославянский язык (язык молитвы, язык богослужебных книг и богослужения), с одной стороны, и церковно-религиозный стиль современного русского литературного языка – с другой. Церковно-религиозный стиль современного русского литературного языка выступает в жанрах проповеди, церковного послания, надгробного слова, наставления и др. Разумеется, эта гипотеза может считаться доказанной лишь после того, как будут тщательно изучены все жанры, в которых этот стиль воплощается. На сегодняшний день мы провели анализ лишь одного жанра – жанра церковно-религиозного по-

слания на материале рождественских и пасхальных посланий патриарха Московского и всея Руси Алексия II и других священнослужителей высшего духовного сана. Изучены послания с 1990 года по настоящее время (этой теме посвящена диссертация, выполненная под нашим руководством аспиранткой Российского университета дружбы народов Сон Ын Ён). Некоторые результаты этого анализа представлены в данной работе.

Жанр церковно-религиозного послания (далее – послания) можно рассматривать как вторичный комплексный речевой жанр (по М. Бахтину), и тогда «портрет» этого речевого жанра будет представлен в виде набора характеристик по следующим параметрам: 1) содержательная сторона жанра; 2) коммуникативная цель; 3) образ автора; 4) характер адресата; 5) языковое воплощение жанра.

Разумеется, каждый из названных параметров может быть темой самостоятельного, отдельного исследования. Поэтому в настоящей работе мы остановимся только на двух из них: на содержательной стороне и на языковом воплощении (последнее придется ограничить рассмотрением лишь лексики).

Характеризуя содержательную сторону жанра послания, можно выделить в ней тему и собственно содержание (событийное, диктумное). Тема – это два самых значительных христианских праздника: Пасха, или Воскресение Христово, и Рождество Христово. Диктумное содержание рождественских и пасхальных посланий, как показало изучение девятнадцати текстов, с необходимостью включает три компонента. Первый – это напоминание о тех событиях библейской истории, по поводу которых были установлены эти два христианских праздника. Например: *Мы с вами явились как бы соучастниками того евангельского события, вестниками которого были святые жены-мироносицы. Это событие – их благоговейное шествие ко гробу Спасителя. Мы переживаем вместе с ними их изумление и ужас при виде камня, отваленного от двери гроба. Святые жены-мироносицы, войдя во гроб, увидели, как повествует о том евангелист Марк, юношу, облеченного в белые одежды, Ангела Господня, который возгласил: «Не ужасайтесь. Иисуса ищите Назарянина, распятого; Он воскрес; Его нет здесь. Вот место, где Он был положен. Но идите, скажите ученикам Его и Петру, что Он предваряет вас в Галилее; там Его увидите, как Он сказал вам»* (Мк. 16, 6–7); И, выйдя из гроба, свидетельствует свя-

той евангелист Матфей: «Они со страхом и радостью великою побежали возвестить ученикам Его» (Мф. 28, 8); И Сам Воскресший Господь явился им и сказал: «Радуйтесь!» И они ... поклонились Ему [ПА-96]¹.

Вторым необходимым элементом диктумного содержания является перечисление важнейших событий церковной жизни: открытие монастырей, восстановление храмов, перенос святых мощей, собрания священнослужителей и др. Например: *Из множества церковных событий 1997 года, – пишет в Рождественском послании Алексей П, – напомним о трех наиболее знаменательных. В феврале были прославлены в лике святых новомученики российские: святители Петр, митрополит Крутицкий, Серафим, митрополит Петроградский, и Фаддей, архиепископ Тверской.*

В Троице-Сергиевой лавре состоялось открытие святых мощей достоуважаемого подвижника нашей Матери-Церкви преподобного Максима Грека. 19 июля совершено торжественное поклонение мощам сего угодника Божия [РА-97/98].

Третьим составляющим диктумного содержания являются события и характеристика состояния социально-политической и экономической жизни современного российского общества. Например: *Ужасающая бедность, лишение людей честно заработанных ими денег, крайне высокий уровень преступности и безнравственности, кризисное состояние образования – все это проблемы, с которыми постоянно сталкиваются народы, духовно окормляемые нашей святой Церковью* [РА- 99].

Названные компоненты диктумного содержания посланий еще дополняются несколькими обязательными компонентами содержания текстов, но уже не диктумными, а такими, которые можно назвать модусными, образующими модальную рамку диктумного содержания: они не содержат фактологического материала, но также связываются с темой и формируют содержательную сторону текста. Эта модальная рамка включает: (1) поздравление с праздниками: *Возлюбленные о Господе преосвященные соборы-архиепископы, дорогие пастыри, всечестные иноки и инокини, боголюбивые миряне! С глубоким чувством пасхальной радости сердечно поздравляю вас с праздником Светлого Христова Воскресения!* [ПА-93]; (2) призывы-пожелания: *Да поможет Господь, пришедший в мир ради нас, человек, и нашего ради спасения, каждому из*

¹ Используемые автором сокращения: ПА – пасхальное послание и РА – рождественское послание Алексея П.

нас принести к Его яслям свой духовный плод, чтобы мы, по слову святого апостола Павла, среди великого испытания скорбями преизобиловали радостью. Бог и любви и мира да будет со всеми нами! [РА-93/94]; (3) восхваление церкви: ... Святая Церковь продолжает осуществлять в обществе свою примиряющую, преображающую и освящающую миссию, дабы люди жили в мире, справедливости и благоденствии [ПА-97/98].

Если соотнести выделенные нами элементы содержательной стороны текстов посланий с типами информации, описанными И.Р. Гальпериным, то это, во-первых, содержательно-фактуальная информация, эксплицитная по своей природе, и содержательно-концептуальная, которая «сообщает читателю индивидуально-авторское понимание отношений между явлениями, описанными средствами содержательно-фактуальной информации» [Гальперин 1981: 26–49]. Но если в других стилях и жанрах – прежде всего в языке художественной литературы – такая информация, по словам И.Р. Гальперина, «не всегда выражена с достаточной ясностью. Она дает возможность и даже настоятельно требует разных толкований» [там же], то в жанре церковно-религиозного послания эта информация всегда выражается эксплицитно, и в этом мы видим специфику жанра на уровне содержания. Все отношения между элементами содержательно-фактуальной информации авторы посланий выявляют четко, однозначно, с позиций церковно-религиозной идеологии, открыто подчеркивая значение описываемых событий в жизни верующих и церкви, а также позитивную роль церкви в жизни общества. Поэтому содержательно-концептуальная информация посланий не требует и даже не допускает различных толкований. Специфику жанра послания на уровне содержания мы видим еще и в том, что здесь нет третьего вида информации из числа выделенных И.Р. Гальпериным, а именно: нет содержательно-подтекстового типа информации, представляющего собой «скрытую информацию, извлекаемую из содержательно-фактуальной информации благодаря способности единиц языка порождать ассоциативные и коннотативные значения, а также благодаря способности языковых единиц приращивать смыслы» [там же]. Подтекстовая информация характерна для художественной литературы, поскольку именно художественные произведения воспринимаются адресатом сразу в нескольких планах, а тексты посланий таким свойством не обладают.

С особенностями содержательной стороны жанра непосредственно связано и его языковое воплощение. Языковое воплощение может быть охарактеризовано в плане стилистики языка – как характеристика языковых ресурсов жанра – и в плане стилистики речи (стилистики текста), по В.В. Виноградову и В.В. Одинцову, – как характеристика организации этих средств.

Остановимся на анализе языковых ресурсов жанра.

Исследование лексических ресурсов жанра в функционально-стилевом аспекте позволило выделить в них четыре пласта: 1) лексику нейтральную, 2) обще книжную, 3) церковно-религиозную и 4) газетно-публицистическую.

Приведем примеры каждого типа лексики.

Нейтральная: *говорит, приходится, пришел, делать, называть, старые, новые, общий, с детских, многих, остальные, прежний, постепенно, никогда, во время, тогда, в сентябре, нам, это, все, всем, наша, день, начало, страна, край, дети, молодежь, на земле, мир, радость, лица, слова, столица*. Обращает на себя внимание тематическая неопределенность, безликость нейтральной лексики, используемой в посланиях: такие слова, будучи взяты изолированно, не могут дать представления о содержательной стороне текстов, из которых они извлечены.

В гораздо большем объеме здесь представлена обще книжная лексика. Она включает, в частности, абстрактные имена, отглагольные существительные, заимствования, иноязычное происхождение которых еще ощущается носителями языка или отражается в неполной их освоенности системой русского языка. В качестве примера приведем лишь отглагольные существительные, имеющие обще книжную функционально-стилевую окраску, из одного только пасхального послания Алексия II [1994]: *возрождение, восстановление, гибель, книгоиздательство, ниспослание, поддержка, переустройство, призвание, просвещение, понимание, пополнение, посещение, решение, расширение, распространение, развитие, страдания, совершенствование, служение, сотрудничество, спасение, творение (добра), укрепление, устройство, упрочение*.

Третий – самый обширный – пласт лексических ресурсов жанра послания – это лексика, которую мы определили как церковно-религиозную. Термином «церковно-религиозная» мы обозначаем функционально-стилевую окраску такого пласта лексики, который, регулярно функционируя в жанре церковно-религи-

озного послания и – шире – в сфере церковно-религиозной общественной деятельности, приобретает стилистическую окраску, которая ощущается у этих слов и в случае их изолированного употребления (например, в перечне слов). При этом не имеет существенного значения этимология лексических единиц, образующих данный пласт: это могут быть по происхождению и общеславянские слова, и старославянизмы, и библеизмы, и кальки или заимствования из греческого. Главное, что их объединяет, – это единая функционально-стилевая окраска. Отмечаем ее у номинаций Бога, у географических названий, связанных с библейскими сюжетами и церковной жизнью, у наименований церковных учреждений, у названий лиц духовного звания или связанных с жизнью церкви, у собственных имен апостолов, святых и т.п., у богословских терминов; например: *Господь Вседержитель, Господь Бог и Спас наш Иисус Христос; старцы Оптиnsкие, Иоанн Богослов, великомученик Георгий Победоносец, святители, великомученики, боголюбивые пастыри, монашествующие, митрополит, пастыри, архипастыри, Спасо-Преображенский Валаамовский монастырь, Святая Земля, Галилея, храм, таинства, молитва, престольный праздник, царство Божие, патриаршество, преставление, вселенское торжество, благодатный путь, благочестивые, паломничество, крестные страдания* [ПА-96].

Обратим внимание на то, что вся эта лексика взята из авторской речи, а не из цитат из Евангелия, так как последние приводятся, как правило, на церковнославянском языке. Однако церковнославянский язык, на котором происходит богослужение, оказывает, несомненно, очень большое влияние на стиль рождественских и пасхальных посланий. Приведем только один пример такого влияния: это тот факт, что среди лексики, которую мы определяем как церковно-религиозную (а частично – и среди обще книжной лексики), большое место занимают сложные слова различных частей речи. Как известно, в старославянском языке, составившем основу церковнославянского, было множество калек с греческого, которые переходят сначала в церковнославянский, а затем и в современную речь посланий, придавая ей церковно-религиозную функционально-стилевую и архаически-торжественную эмоционально-экспрессивную окраску; например: *архипастырь, благодатный, благовестие, благословие, благословенный, благодатный, благотворительность, благочестие, благочестивые, богозабвение, боголюбивые, Богомладенец, богослужение, братолю-*

бие, братоубийственный, великомученик, ветхозаветный, всемилостивый, всерадостный, всечестные, высоконравственный, добродетельное, досточтимые, досточудные, инославные, местночтимые, месяцеслов, многополезная, многоразличные, многотрудные и многие другие.

Наконец, четвертый – тоже достаточно представительный – пласт лексики в жанре послания – лексика с газетно-публицистической функционально-стилевой окраской: *суверенные государства, сфера образования, социальное служение, преодолеть эти трудности, республики бывшего Союза, неустойчивая экономическая и социальная обстановка, проблемы беженцев и регионов, политические и вооруженные конфликты, совершенствование деятельности, активизация работы, состоялся ряд встреч, государственные деятели, весьма конструктивные, с глубоким удовлетворением, жизненные проблемы и т.д.*

Заканчивая характеристику лексики, употребляемой в авторской речи посланий, с точки зрения ее функционально-стилевой окраски, отмечаем два очень важных обстоятельства: во-первых, в лексическом составе проанализированных текстов не встретилось ни одного разговорного, просторечного, жаргонного слова; следовательно, этот жанр полностью исключает сниженную лексику; во-вторых, нейтральная лексика, в отличие от других функциональных стилей, в силу своей малочисленности и тематической неопределенности, не составляет лексической основы этих текстов: наряду с ней в меньшей, а чаще и в большей степени представлена общекнижная лексика, составляющая для этого жанра как бы нейтральный фон, на котором выступают стилистически окрашенные пласты: церковно-религиозная и газетно-публицистическая лексика современного русского литературного языка.

Кроме современной лексики, в текстах посланий очень широко представлены **архаизмы**. Их легко можно было заметить и среди уже приводившихся текстов; кроме того, можно привести примеры семантических архаизмов: *благоверный* (о князе, верном благому делу); *список* (копия иконы); *образ* (иконописное изображение); *полагает начало новому лету* (*полагает и лету*: открывает, начинает новый год), *град был чудесно спасен* (*чудесно* – с помощью чуда), *братья и сестры* (о единоверцах), *молитвенник* (святитель Филарет) и т.д.

Наконец, характеризуя лексику посланий с точки зрения эмоционально-экспрессивной окрашенности, отметим еще одну

характерную ее особенность: эта лексика обладает очень яркой эмоционально-экспрессивной окраской. Эта окраска может быть определена как **оценочная и архаически-возвышенная**. Например: *возвеличить, беспримерная преданность, величайшее событие, поистине дивное посещение, драгоценный вклад, торжественное поклонение; воссиял, благодатный путь, ревностными усилиями, Божественный свет, неземное величие, многозначительное событие, радость неизреченная и преславная.*

Таким образом, можно заключить следующее:

1. Стилистическая форма текстов посланий – книжная, не-литературные элементы (жаргонные, просторечные, диалектные), а также разговорные здесь полностью отсутствуют.

2. Наблюдается сочетание разностилевых элементов следующего характера: общекишных, церковно-религиозных и газетно-публицистических.

3. Шкала функционально-стилевых коннотаций в лексических средствах этого жанра специфична: если для других стилей фоном (точкой отсчета, нулевой отметкой) служит нейтральная лексика, то здесь эту роль берет на себя лексика общекишная.

4. При сочетании разностилевых элементов фактором, влияющим на выбор языковых средств с той или иной функционально-стилевой окраской, является характер содержательных компонентов текста: лексика с церковно-религиозной окраской участвует в разработке темы, непосредственно связанной с Рождеством или Пасхой, с пропагандой религиозных воззрений и с восхвалением церкви, а лексика с газетно-публицистической окраской – с информацией о современных автору событиях в жизни общества и о деятельности самого автора.

5. С точки зрения эмоционально-экспрессивной окраски лексические ресурсы послания характеризуются наличием архаически-возвышенной, торжественной окраски.

6. К средствам архаизации речи относятся не только архаизмы (лексические, семантические, синтаксические), но и введение эпиграфов и цитат на церковнославянском языке.

7. Коммуникативная цель воздействия на адресата определяет наличие в посланиях разнообразных средств усиления экспрессии.

8. Наблюдается наличие не только экспрессивных, но и стандартизованных средств, что сближает стиль посланий с га-

зетно-публицистическим функциональным стилем современного русского литературного языка.

Сближение стилистических черт жанра послания со стилистическими свойствами жанров газетно-публицистического стиля можно проследить не только на уровне лексики: оно проявляется, во-первых, в наличии воздействующей функции у тех и других жанров; во-вторых, в обобщенном и массовом характере адресата тех и других жанров; в-третьих, в наличии и чередовании экспрессии и стандарта; в-четвертых, в сочетании разностилевых элементов. Это сближение есть отражение складывающейся ситуации, когда среди теологов как в России, так и за ее пределами широкую поддержку получают «идеи о синтетическом соединении актуальных социально-политических и особенно нравственных проблем с церковным вероучением. По их мнению, церковное слово должно быть проповедью с Библией в одной руке и с газетой в другой», – пишет в своей диссертации К.И. Никонов со ссылкой на Христо Димитрова [Никонов 1969]. Такая установка, безусловно, сказывается на жанре церковно-религиозных посланий.

Однако различия в стилистическом оформлении текстов посланий гораздо значительнее, чем отмеченные черты сходства. Укажем их:

1. Тип диктумного содержания в газетно-публицистических жанрах, в отличие от жанра послания, не ограничен, не фиксирован.

2. В отличие от газетно-публицистических жанров, в жанре послания никогда нет критического элемента, а фиксация негативных явлений в жизни современного общества если и составляет компонент диктумного содержания, то воплощается в духе евангельской заповеди «не суди»: в тоне сожаления, скорби по этому поводу, но никак не в духе критического разоблачения.

3. С этим связано то, что направленность воздействия в сравниваемых жанрах различна: в газетно-публицистических она связана с воздействием и на эмоции, и на разум, а в жанре послания это исключительно эмоциональное воздействие, причем воздействие в религиозном духе, оно близко к внушению, и характер этого эмоционального воздействия всегда положительный.

4. Коммуникативная цель – передача информации – в жанре послания отходит на второй план, а главная составляющая коммуникативной цели – это пропаганда религиозных воззрений, роли церкви в жизни общества и государства. Таким образом,

сложный характер коммуникативной цели и наличие функции воздействия хотя и сближает эти жанры, но составляющие этой цели и направленность воздействия различны.

5. Массовый характер адресата – общая черта этих жанров, но и здесь есть существенное различие: послания адресованы всегда только православным христианам, а жанры газетно-публицистического стиля никаких ограничений на характер адресата не накладывают.

6. Наличие стандартизованных средств сближает эти жанры, но характер стандарта различен по стилистической окраске; ср.: *дело мира, социально не защищенные слои населения, горячие точки*, с одной стороны и *чада нашей Матери-Церкви, боголюбивые миряне, милостию Божией* – с другой.

7. Сочетание разностилевых элементов в языке газеты не имеет никаких ограничений, а в жанре посланий, как было показано, сниженные элементы отсутствуют полностью.

8. Архаический характер языкового воплощения жанра также не свойствен жанрам газетно-публицистического стиля.

9. Наконец, отличает жанр послания и стабильность композиции, чего нет в газетно-публицистических жанрах.

Конечно, выявленные особенности как в плане содержания, так и в плане выражения, это особенности именно жанра. Однако функциональные стили воплощаются в определенных жанрах. Поэтому гипотеза о существовании особого стиля – церковно-религиозного – в сфере современного кодифицированного литературного языка находит, как нам кажется, свое подтверждение. Этот стиль можно назвать и церковно-проповедническим, как предлагает Л.П. Крысин, но мы предпочитаем термин «церковно-религиозный» по двум причинам: во-первых, название «церковно-проповеднический» связывает этот стиль лишь с одним жанром – жанром проповеди, тогда как исследованный нами материал жанра церковно-религиозного послания позволяет расширить представление о жанровой реализации этого стиля. Во-вторых, выделение функциональных стилей опирается на такой объективный стилеобразующий фактор, как сфера общественной деятельности, который, в свою очередь, устанавливается с опорой на форму общественного сознания: в данном случае это церковно-религиозная сфера общественной деятельности и религия как форма общественного сознания, что и подчеркнуто в предлагаемом нами термине.

Стилевые особенности молодежных программ на телевидении

Одной из основных характеристик журналистского дискурса современной России в культурно-речевом плане является многоголосие, смешение разных речевых стихий, что обусловлено отчетливой ориентацией прессы на разные типы адресатов. Социальные жаргоны, многочисленные языковые новации, широко представленные в текстах, функционирующих в рамках журналистского дискурса, подтверждают вывод о том, что «дистилированный двухмерный язык тоталитарного времени сменился многопространственным либерализованным языком карнавала. Современная полифония индивидуального разнообразия, формируемая на дистанции: от либерализации языка к его карнавализации – характеризуется... снятием запретов, безрассудством... всеобщим пародированием, одновременным утверждением нового и отрицанием старого, смешением стилей, самоуничтожением личности, выросшей в мире традиционных ценностей. <...> В современном русском тексте звучит полифония голосов: он многопространствен» [Бурвикова, Костомаров 1998: 23; 25].

Многопространственность текста может быть показана на примере структурирования кода коммуникации – совокупности знаков, связанных с прагматикой текста. Код организуется структурно заданными внутри текста позициями субъекта речи и адресата и представляет собой разновидность коннотативных кодов [Барт 1994; Эко 1998]. Такие коды в тексте проявляются всегда косвенно, их смыслы воспринимаются на базе буквальных значений языковых единиц – слов, предложений, отрезков текста, – и поэтому прочитываются только в определенном контексте, только теми, кто владеет конвенциями, структурирующими данный код. Эти конвенции усваиваются практически, при восприятии и производстве текстов в рамках той или иной дискурсивной практики.

Код коммуникации моделирует адресата с определенными коммуникативными установками, а реальный адресат либо отождествляет себя с внутритекстовым персонажем, либо оказывается включенным в ситуацию общения в качестве наблюдателя за диалогом между другими коммуникантами. При этом структури-

рование в коде коммуникации позиции адресата предполагает не только включение элементов его языка (социолекта), но и отсылки к его фоновым знаниям. Совокупность знаний и представлений о мире, выстроенная в некоторую систему («энциклопедия» [У.Эко], «экран знаний» [А.Моль]), лежит в основе текстовой компетенции, т.е. способности понимать текст. Различия в объеме и структуре фоновых знаний определяют типы адресатов и формы текстового сотрудничества [Моль 1973; Эко 1996].

В качестве иллюстрации мы рассмотрим структурирование кода коммуникации на канале «MTV–Россия» («музыкальное телевидение» – российская версия канала, популярного во многих странах). «MTV–Россия» – канал для молодежи, формирующий стиль общения с аудиторией по правилам, которые находятся в оппозиции ко многим коммуникативным нормам, типичным для телевидения в целом. Это связано с тем, что молодежная музыкальная субкультура в России генетически связана с другими видами контркультуры, т.е. она бережно хранит семантику нонконформизма – субкультурной автономии и противостояния молодежи традиционным ценностям.

Знаками обособленности, принадлежности к «своим» на канале выступают, например, необычные прически, экстравагантная одежда, татуировки, особые детали внешности телеведущих и гостей студий. В общении используются неофициальные формы личных имен или прозвища: ведущий программы «Weekend'ный каприз» Василий Стрельников называет себя *друг агрессивно-прогрессивной молодежи дядя Вася*, другая ведущая всегда представляется просто *Таней*, третью представляют как *Шелест*; зрители тоже используют уменьшительные имена и клички, когда говорят о себе и передают привет знакомым: *Любашка, Михон, Кош Кузикус* и т.д. Подобные формы обращения, помимо маркирования сугубо неофициального регистра коммуникации, задают особый, кастовый стиль общения, предполагающий обмен информацией исключительно между «своими», использование знаков, непонятных для посторонних.

Зато внутри «своего круга» царит конформность, в том числе языковая. Последнюю обеспечивает широкое использование во всех программах канала молодежного жаргона, в том числе англицизмов и музыкальных терминов (в речи зрителей: *Привет, друзья молодежи! В нашем клубе проводится акция «Fan-club*

MTV Awards 99». *Вася, я награждаю тебя нашей award в номинации «Лучший друг молодежи»; Туттик, привет всем обезбашенным из Бусинова. Поставь что-нибудь навороченное;* в речи ведущих: *А сейчас music pop-stop. Впереди, не забудьте, премьера «Скуки»; ну, а Джордж Майкл следует моде выпускать кавер-версии на старые хиты*). Наряду с жаргонизмами часто употребляются принятые в молодежной среде речевые стереотипы (фразеологизмы, клишированные конструкции): *Ну вот, собственно, и все на сегодняшний день... Держите нос по ветру, хвост пистолетом. Как всегда, любите друг друга, всем peace*. Стереотипные выражения также объединяют коммуникантов в единую социальную группу: «В случае, когда стереотип употребляется *по принципу согласия* (здесь и далее выделено автором – Э. Ч.), он выполняет функцию указания на то, что говорящий *принадлежит к некоей социальной группе*: “Я – ваш!” или “Я – из такой-то группы!” ... Именно поэтому так много общих стереотипов находят в языке молодежи (во всех странах обнаруживают так называемое молодежное аргю), так как молодежь, до социального распада конкретных молодежных “стай”, максимально конформна, особенно “тинэйджерская” ее часть. (Как представляется, о бунтарстве можно говорить только в том случае, если человек выступает против своей возрастной или социальной среды)» [Николаева 1999: 257–258].

Канал «MTV–Россия» является общероссийским, его программы – по общим законам журналистского дискурса – рассчитаны на восприятие массовой аудиторией, и не стоит преувеличивать степень ее однородности. Молодежь сама по себе очень неоднородна и в возрастном, и в культурном плане: судя по звонкам телезрителей, это и школьники 10–14 лет, и учащиеся техникумов и ПТУ, и студенты вузов. Кроме того, канал смотрят и взрослые люди. Эта неоднородность реальной аудитории оказывается вписанной в текстовую структуру программ канала, которые коммуникативно ориентированы на многоголосие, на одновременное общение с разными типами адресатов.

Неподготовленный зритель канала MTV может освоить код коммуникации, если просмотрит некоторое количество программ. Разумеется, от него не обязательно требуется говорить так же, как говорят ведущие канала, достаточно читать тексты по определенным правилам. Коммуникативно многослойный текст задает для адресата позицию одновременной находимости в нескольких знаковых измерениях и, соответственно, свободы

выбора приемлемой знаковой системы; адресат может также опознать свой язык и довериться знакомой кодовой системе.

Рассмотрим подробнее, как обеспечивается многослойность текста в передаче «Декодер MTV». Цель этой программы – перевести с иностранного языка тексты песен, модных в российской аудитории, поэтому в программе демонстрируются популярные клипы с субтитрами на русском языке. Задача программы актуальна, так как подавляющее большинство клипов на MTV – на английском, иногда на других языках. Наш анализ касается структурирования кода коммуникации прежде всего на уровне текста субтитров. В наши цели не входило детальное сопоставление русского и иноязычного текстов; не анализировалось соотношение видеоряда и текста субтитров.

Речь пойдет о песенных текстах, которые, конечно, не имеют отношения к журналистике. Однако они транслируются по телевидению (т.е. функционируют в рамках журналистского дискурса) и играют немалую роль в формировании стилевых особенностей общения на канале «MTV–Россия». Песня как жанр органично включается в контекст массовой коммуникации, так как несет развлекательную функцию, несложна для восприятия, «легко вписывается в каждодневное существование в качестве фона, орнамента» [Купина 1999: 88]. Соотнесенность текстов песен в «Декодере» с контекстом журналистского дискурса проявляется и в том, что программа представляет не столько сами песни (в нее включаются клипы, уже хорошо знакомые аудитории канала), сколько вольный перевод их содержания. Например, при переводе традиционной английской рождественской песни в нее включаются строки *В лесу родилась елочка, в лесу она росла, зимой и летом стройная, зеленая была* (Желтый. Рождественские колокольчики), т.е. важнее буквального содержания песни оказывается указание на ее роль в культурной традиции; акцентируется внимание на самой процедуре перевода, на первый план выводится метареферентная рамка текста [Майданова 1987]. Эта метареферентная рамка несет семантику, важную для кода коммуникации на канале в целом: «Мы – канал “MTV–Россия” и наша аудитория – вписываем эти иностранные песни в контекст нашей, российской культуры».

Задача перевести текст песни с одного языка на другой неоднозначна сама по себе, и вопрос о том, какие элементы содержания, стилистики, эмоциональной тональности исходного

текста следует донести до российского адресата, может решаться по-разному. В «Декодере» перевод осуществляется с сохранением основных стилистических особенностей общения на канале. Так, широко используется разговорная и просторечная лексика: *Пойдем со мной под деревья, зальжем на травку... Дай мне услышать, как ты принимаешь решения без твоего телека* (Раммштайн. Голая); *Ты говоришь, что влюблен в меня, что глазенки оторвать от меня не можешь. ...Хочу верить твоим словам – уж больно красиво говоришь. ...Но каждый раз, когда ты подходишь, я сматываюсь* (Бритни Спирс. Иногда). Таким образом создается тональность непринужденности.

Текст субтитров пестрит и словами из молодежного жаргона: *Я родился с реперской распальцовкой. Мама сказала – иди тусуйся! Двигай телом, забей на дело! Колбасись, пока темно!* (Безбашенные мальчишки. Двигай телом.); *Вы все пялитесь на причиндалы моей чувики, потому что она крутая* (Шайка ищеек. Огненная вода горит, или Спасайте водку). Использование жаргонизмов придает текстам «свойскую», фамильярную окраску, маркирует образ адресата. Аналогичную функцию выполняют модные в молодежной среде англицизмы: *Дэнс! Все, что мне осталось, – это дэнс! ...Эй, диджей, врубай музон! Вся жизнь моя – тусовка. Эй, диджей, комон, комон.* (Джамироквай. Консервированный жар).

Однако нельзя сказать, что использование подобной лексики свидетельствует об адресации текстов только носителям жаргона. Эти элементы кода коммуникации обладают прагматической амбивалентностью, могут прочитываться, по крайней мере, двояко в плане социальных характеристик адресата. Так, разговорная и просторечная лексика, жаргонизмы используются как средство создания непринужденности и неофициальности общения и в других социальных группах: «Яркая экспрессия многих сленговых слов... делает их привлекательными и для лиц, не принадлежащих к профессиональной или социальной группе, где бытует определенный сленг. ...Сленг... становится существенной частью бытового общения» [Юганов И., Юганова Ф. 1994: 3–4]. Кроме того, яркая образность многих жаргонных слов приводит к тому, что для человека, владеющего литературной нормой и потому способного оценить языковую игру, «жаргон воспринимается как призма, причудливо искажающая привычную реальность» [Баранов 1994: 305]. Таким образом, те же языковые эле-

менты, которые маркируют обращенность текста к молодежной аудитории, вводят и другого адресата – его социальные характеристики менее опеределенны, зато он, несомненно, способен оценить языковую игру. Использование в тексте жаргонизмов, среди которых, возможно, есть и слова, неизвестные адресату, предлагает ему игру на угадывание смысла, новый взгляд на давно известное и обыденное позволяет «увидеть *другую* действительность, превратив в нее с помощью новой категориальной сетки повседневный мир. Остраненная жаргоном реальность притупляет обыденность существования и дает человеку столь необходимое чувство искренности бытия» [там же: 309].

Накопление жаргонных и просторечных слов может создавать и комический эффект, также внося в коммуникацию ироническую двойственность: *Крыша, крыша, крыша горит. Мы ее тушить не будем – гори, мазафака, гори. Эй ты, бандюга, братела, блин, ваще, в натуре, на фиг! Ты, поди, долго работал над имиджем!* (Шайка ищеек. Огненная вода горит, или Спасайте водку). Сигнал иронии, вероятнее всего, будет опознан как раз той аудиторией, которая «не внутри» соответствующей субкультуры и которая способна оценить языковую игру.

Субтитры в «Декодере» могут привлечь внимание «внешних» адресатов, не включенных непосредственно в сниженную, жаргонную языковую стихию молодежной субкультуры, и потому, что текст строится с использованием достаточно сложных коммуникативных практик. Начиная с того, что здесь наглядно реализуется стратегия, типичная для художественных произведений, принадлежащих литературному течению постмодернизма: постулируется сознательный отказ от ориентации на оригинальность, текст произведения рассматривается как палимпсест – письма на пергаменте, которые всегда наносятся поверх старого текста [Липовецкий 1997: 14]. В нашем случае текст пишется поверх другого буквально – в виде субтитров. И это обстоятельство обыгрывается разными средствами.

Например, множество игровых приемов связано с передачей имен собственных. Никогда не известно, как поступят с именем исполнителя или названием группы в следующий раз.

Иногда имя передается с помощью обычной транскрипции: *Jamiroquai* – Джамироквай; иногда транскрипция имени дополняется приданием ему формы, типичной для русских личных имен: *Britney Spears* – Бритни Спирсова; *Enrique*

Iglesias в начале клипа представляют как *Э.Х. Иглесиаса*, а в конце того же клипа пишут *Энрике Хулиович Иглесиас*. В последнем случае возникает комический эффект не только в связи с тем, что иностранное имя выглядит необычно, но и потому, что исполнителей поп-музыки не принято именовать в такой официальной форме (другой вариант коннотативного смысла имени можно усмотреть в иронической связи с возвышенно-романтическим содержанием песни «Байламос», которая в контексте музыки, звучащей обычно на канале, выглядит чересчур сентиментальной; третий смысл можно связать с другим коммуникативным вектором: неподготовленному адресату сообщают, что Энрике Иглесиас является сыном известного певца Хулио Иглесиаса).

Еще один прием передачи имен в «Декодере» (используемый обычно при переводе художественных текстов) – вместо транскрипции иностранного имени подбирается аналогичное по каким-то признакам имя из собственной культуры [Гиляревский, Старостин 1985]. Так, известного латиноамериканского певца *Рики Мартина* «Декодер» называет *Ринат Мартынов*. Здесь можно усмотреть ироническую фиксацию того, что популярный в англоязычном музыкальном мире певец из Пуэрто-Рико все же занимает в этом мире отчасти маргинальное положение.

Звуковой облик имени исполнителя может каламбурно обыгрываться, если оно, например, обретает смысл из-за фонетического сходства с русскими словами: *Бритни Спирс* – *Бритни с пирса*.

В некоторых случаях дается буквальный перевод имени без видимой связи с содержанием клипа или характеристиками самого певца (*Стинг (Sting) – Жало, Ос*), что делает имя похожим на прозвище, тем самым оно вписывается в общую фамильярную стилистику общения с адресатом программы.

Знакомство с практикой передачи личных имен в «Декодере» может служить основой для игры со зрительскими ожиданиями. Так, в одном из выпусков «Декодера» после композиции *Стинга*, в которой его имя перевели как *Жало*, показали клип, где исполнителя называли *Тунак*. Зритель, не знающий этого певца, может решить, что снова использован буквальный перевод имени или прозвища, которое не выглядит странным в контексте молодежной культуры, представленной на MTV. Однако в данном случае использован не перевод и не транскрипция имени, а транс-

литерация: *Typac Shakur* – *Тунак*. Более того, для зрителя, знакомого с музыкальной хип-хоп-культурой, здесь практически исключено и восприятие этого имени как каламбурного, потому что клип сделан уже после смерти певца, посвящен его памяти, и употребление имени без фамилии передает скорбь в связи с утратой близкого (хотя бы метафорически) человека.

Аналогично игре с именами исполнителей обыгрываются и названия групп. Если в целом на канале они даются в латинской графике, то «Декодер» их переводит: «Beastie boys» – Безбашенные мальчики; «Offspring» – Отпрыски.

Иллюстрацией обращения программы к усложненным коммуникативным практикам служит использование авторами субтитров игры языкового тождества и различия. Так, при переводе песни «Body moving» было использовано семь русских синонимических вариантов английской фразы, послужившей названием (в английском тексте эта фраза повторяется без изменений): *Двигай телом, тушкой двигай, Меняй свои координаты в пространстве, Двигай тушей, телом двигай, Шевели корпусом, Приводи организм в движение, Колбасись в полный рост* (Безбашенные мальчики. Двигай тушкой)

Игру с самой процедурой перевода реализует использование макаронической речи, в которой причудливо сочетается русский и иностранный текст, в том числе запись иностранных слов русским алфавитом (сохраняем орфографию источника):

Байламос (исп. «Мы танцуем»)

...Байламос -- в ритме закрути свой Байламос.

Хочу, чтобы ночь с тобою не кончалась,

Ё те кьеро и все такое.

Сегодня мы танцуем, как будто

Завтра не настанет...

Quidate conmigo esta noche – bailamos...

Беломорос – мой каналос.

Ё те кьеро, амор мио, ё те кьеро.

Ой, как ё те кьеро!!!

[Э.Иглесиас. Байламос]

Приведенный текст является типичным примером смешения различных стилевых ориентаций в переводе одного произведения. Здесь возвышенная лирико-романтическая стилистика соседствует с подчеркнуто сниженным описанием той же ситуации на молодежном жаргоне и с языком, описывающим мир на уров-

не детских стихов Агнии Барто: *Сегодня ночью мы танцуем, я вверяю тебе свою жизнь, мы захватили танцпол (танцевальная площадка. – Э.Ч.). Сегодня все разрешено. Не отстраняйся от мира, не упускай момент, ничто нас не тормозит... Этой ночью я твой, у нас это случится – я уверен. Я уж этот шанс не упущу. Ты пойми, что... ни за что тебя не брошу, потому что я – хороший. Будем танцевать всю ночь... Я дотянусь до звезд.*

Существенно, что такая организация текста использует не просто двойное, тройное, но неизбежно амбивалентное кодирование. Мы видим на языковом уровне «разрушение единства и целостности каждой из культурных логик, взятых в отдельности» [Липовецкий 1997: 17]. Соседство разных языков, разных культурных логик здесь принципиально равноправно. Например, то, что может читаться как пародия на романтические клише, одновременно выступает и формой утверждения, актуализации романтических идеалов. Когда каждый образ в тексте обнаруживает свою изнанку, одновременно прочитывается и в системе знаков высокой романтической культуры, и в сниженном бытовом контексте, возможная антитеза поэзии и пошлости разрушается. Обнаруживается, что «в современном мире высокая и низкая культуры играют одну и ту же роль, и именно поэтому способны перетекать друг в друга» [Липовецкий 1997: 98].

Разрушение в рамках текста любой культурной логики, взятой в отдельности, подчеркивается в данном случае тем, что слово *байламос*, переведенное с испанского в начале текста, затем повторяется без перевода, а потом заменяется по созвучию на бессмысленное в контексте описываемой ситуации *беломорес*, которое дальше порождает абсурдную образность: *Беломорес – забей в привычном ритме Беломорес. Ох, люблю же я тебя – Беломорина моя!* Вплоть до того, что лирический герой обращается к своей визави, как к мужчине: *«Беломор» – ритм закрутит тебя – «Беломор».* *Я так люблю тебя, любовь моя – дядька «Беломор».* *Беломорос – мой каналос.*

Кроме языковых игр, прагматическое усложнение текста субтитров происходит и за счет отсылок к прецедентным текстам. Вместо перевода отдельных строк текста-оригинала приводятся цитаты, которые обычно никак не маркируются. Каждая такая цитата или аллюзия ориентирована на какую-то часть фоновых знаний зрителя, следовательно, структурно вписывает в текст образ адресата с определенным культурным кругозором.

Пример установления интертекстуальной связи со стихами Агнии Барто мы уже привели, вообще же встречающиеся отсылки к прецедентным текстам очень разнообразны. Это и хрестоматийные тексты (*А ведь были люди в наше время! А сейчас богатыри, да не те.* (Отпрыски. Дети в порядке), *Рожденный репером ползать не может* (Безбашенные мальчики. Двигай тушкой); и студенческий фольклор советских времен (*Крыша, крыша, крыша в огне... ну и пусть ее горит, железяка ржавая* (Шайка ищеек. Огненная вода горит, или Спасайте водку); и известные кинофильмы (*У меня такие же припадки, как у психопата из фильма Хичкока* (Еминем. Пример для подражания).

Прагматическая неоднозначность текста субтитров показывает, что ключевая для стиля общения на канале MTV оппозиция «свой–чужие» оказывается нечетко определенной, может структурироваться по разным основаниям и, кроме того, она амбивалентна: «свой» и «чужие» могут меняться местами.

Язык песенных текстов указывает на то, что оппозиция «свой–чужие» может трансформироваться в оппозицию «молодые–немолодые». Однако деление это условно, так как имеется в виду не столько биологический возраст, сколько разные системы мировидения, прежде всего связанные с семантикой конформизма/нонконформизма. Так что человек любого возраста, чувствуя себя нонконформистом, может включиться в заданный стиль общения на правах «своего».

Другой значимый признак для структурирования оппозиции «свой–чужие» на молодежном канале – наличие или отсутствие социального опыта, в том числе образования. На уровне содержания текстов граница оппозиции размыта еще больше. Понимание буквального смысла песен Бритни Спирс и многих других исполнителей требует от аудитории минимального культурного кругозора, тексты легко доступны школьникам, начиная с 10–12 лет, учащимся ПТУ и т.п. Однако то же самое содержание может восприниматься иначе – за счет структурирования дополнительной коммуникативной рамки: «Мы (другие) наблюдаем в качестве зрителей, как общается молодежь, мы знакомимся с их – другим – миром». Эти другие адресаты вводятся сигналами иронии и другими приемами языковой игры, требующими для опознания высокой текстовой компетенции, а также использованием прецедентных текстов, отсылающих к фоновым знаниям, большей частью чуждым современной молодежи, когда, например,

упоминается имя Маты Хари, шпионки и танцовщицы в нацистской Германии: *Я вам спляшу, как Хари Мата* (Джамироквай. Консервированный жар) – или в субтитры в качестве эквивалента английскому тексту включаются строки из песни на стихи Ю. Мориц, популярной в 70–80 годах в среде любителей бардовского песенного творчества.: *Когда мы были молодыми, будущее было светлым (и розы красные цветы)* (Отпрыски. Дети в порядке) и т.п. Само подчеркивание прецедентности, вторичности предлагаемого зрителю текста (часто скрытое, максимально ненавязчивое) может выступать в качестве пароля для «посвященных».

Другой – не принадлежащий к молодежной субкультуре – адресат может воспринимать эту коммуникацию как свою и на тематическом уровне. Обыденная, «низкая» тематика абсолютного большинства текстов может прочитываться в связи с ориентацией на стилистику молчания, связанную с практикой литературного авангарда и постмодернизма. Пустая болтовня как субститут молчания, а также жаргон и клише становятся формами сдержанности и бегства от лжи, софистики. Банальное, повседневное, низовое может наделяться статусом ценного, а возвышенное и бессмертное пародийно снижается и обесценивается.

Обращение канала «MTV–Россия» к банальному, низкому и на уровне смысла, и на уровне языка является частым объектом пристрастной критики. Но «было бы недопустимым упрощением в очередной раз представить дело таким образом, что использование “низовых” языков означает слияние художника со своим объектом. Как будто писать о чем-то означает пропагандировать это нечто, как будто банальность, бездуховность, жестокость прибавляются или убавляются в мире от того, что кто-либо называет их или указывает на них» [Кропотов 1999: 100].

Мы видим в программе «Декодер MTV» постоянное сопоставление (ироническое или нет) нескольких способов семиотического описания объекта, когда каждый из этих способов имеет свой прагматический контекст. В текст на равных правах включаются и элементы, отсылающие к эстетически и интеллектуально сложным системам миропонимания, и элементы, описывающие мир с помощью языка улицы, разнообразных социальных жаргонов, что позволяет обеспечить интерес к этому тексту для максимально разнородной аудитории.

На наш взгляд, популярность молодежной музыкальной субкультуры, представленной на канале «MTV–Россия», у адресатов, принадлежащих к различным социальным группам, объясняется не только экспрессивной стилистической организацией текстов. То, что тексты, несущие явную печать принадлежности к молодежной субкультуре, вписываются в гораздо более широкий социальный контекст, заставляет вспомнить о феномене популярности блатной песни в советской тоталитарной культуре, который подробно исследован Н.А. Купиной [1999: 121–150]. Блатная песня, тесно связанная с узкой социальной средой, тем не менее стала явлением массовой культуры: «...блатную песню принимали и ценили туристы, геологи и полярники, школьники, студенты и ученые, моряки, солдаты и даже милиционеры...» [Купина 1999: 121]. Как и молодежные песни сегодня, блатные песни несли семантику нонконформизма и поэтому стали проявлением языкового сопротивления официальной культуре. Мы видим сходство роли песен, представленных на MTV, в сегодняшней культурно-речевой ситуации и роли блатных песен в советской тоталитарной культуре в том, что и те, и другие «остраивали» (В. Шкловский) окружающую действительность: «блатная песня выводила обыденную ситуацию из автоматизма восприятия, высвобождала восприятие из тисков надоевших стереотипов» [Купина 1999: 123]. Кстати, сегодня блатные песни тоже пришли на телевидение и радио, при том, что их роль в либерально ориентированном обществе, конечно, изменилась.

Любая культура включает в себя элементы социального противостояния, в том числе на уровне борьбы языков (Р. Барт). В отличие от недавнего прошлого, в сегодняшней культурно-речевой ситуации тексты, принадлежащие той или иной субкультуре, не только функционируют устно или в виде рукописей, самодеятельных магнитофонных и видеозаписей, но и транслируются по каналам массовой коммуникации, в том числе в рамках журналистского дискурса. Появление канала «MTV–Россия» свидетельствует о тиражировании молодежной субкультуры и о стилевой ориентации современной журналистики на многоголосие и смешение разных речевых стихий.

Русский язык конца XX века в поэтическом отражении

Состояние языка в любую эпоху неотделимо от состояния культуры. Во второй половине XX века на Западе и в России активно развивалась философия постмодернизма, значительно повлиявшая на все виды искусства, а также на содержание и стиль текстов, производимых средствами массовой информации. Резкие политические изменения в России конца 80-х годов вывели на всеобщее обозрение спонтанную, эмоциональную и не всегда грамотную речь самых разных слоев общества, языковую игру разного интеллектуального уровня. Те же процессы сделали общим достоянием постмодернистское искусство, которое было замкнуто рамками литературно-художественного андеграунда с конца 50-х до конца 80-х годов. У постмодернизма немало характеризующих признаков, и один из них — сближение элитарного и массового. Другим существенным признаком, имеющим особое значение для отражения живых языковых процессов, является повышенное внимание постмодернизма ко всяким «мелким», «непоэтическим» проявлениям бытия. Культ языка в постмодернизме становится культом именно неподготовленной, спонтанной речи, просторечия, внутренней речи, разнообразных отступлений от литературной нормы. Принципиальный стилистический эклектизм и антидидактизм постмодернизма резонирует с размыванием жанрово-стилистических границ между различными пластами языка.

Речевые неловкости, объективно отражающие динамику языкового развития, становятся базой разнообразных художественных приемов, порождают тексты, наполненные лингвистической рефлексией поэтов. Изучение этих текстов профессиональными лингвистами не просто дополняет наблюдения над бытовой речью, но и направляет внимание исследователя на самые конфликтные участки языковой системы.

Очевидная ускоренность языковых изменений, наблюдаемых во всех сферах функционирования языка, весьма обоснованно раздражает носителей нормы. Во-первых, потому, что эти изменения, как и полагается, исходят прежде всего от носителей неграмотной или неряшливой речи, т.е. преимущественно либо

от людей низкой культуры, либо от людей безответственных. Массовость актуальных процессов вовлекает в них и людей, бережно относящихся к языку, заставляя, по крайней мере, философски относиться к тому, что находится за пределами автоматического восприятия и воспроизведения, выработанных языковой культурой. Вторая объективная причина раздражения на ускоренную динамику и массовость изменений – неочевидность возможных результатов этих изменений. Разумеется, не все новшества останутся в языке, но их отбор – дело будущего.

Поэзия постмодернизма, чуткая к живым процессам языка и во многом гораздо более, чем практический язык, ориентированная на игру, на манипуляции с чужой речью, имеющая четкую установку на цитатность, становится обширным полем эксперимента над активными языковыми процессами. Авторы постоянно исследуют потенциал новых слов, форм, конструкций, нагружая их художественной функцией. В поэзии можно наблюдать и такую острую критику современной речевой практики, какая вряд ли может встретиться в статьях самых сердитых пуристов.

Что же критикуют поэты, сгущая краски и вызывая огонь на себя?

Критика направлена прежде всего на обесмысливание слова, что является неизбежным результатом многих объективных и узаконенных нормой проявлений языковой динамики, например, результатом семантического опустошения слова вследствие его фразеологизации:

Небо высинено, берлинская лазурь!!!

(это почему это – берлинская, когда – Крым?);

Море высверкано, полный ажур!!!

(это почему это – ажур, если ни одной дыры?);

Солнце надраяно, как медный диск!!!

(это почему это – медный, и почему не шар?);

Душа от радости устраивает визг!!!

(ну, визг, ну, допустим, но причем тут это – душа?);

Небо высинено, берлинская лазурь!!!

(это почему это – берлинская, когда – Крым?)

[Строчков 1994: 105]

– Но этика, позвольте возразить товарищу, одна из категорий эстетики, как всем давно понятно.

(Но верно и обратное.)

Так вот,
вооружась сим спорным утверждением,
я в башне из слона уединился,
как свойственно отпетым декадентам,
но не один – с женой, детьми, друзьями,
квартирой, магазинами, работой,
газетами, подругами вождей
(которых избежать не удастся,
но это не стесняет мне свободы)
и с музыкой. Ну, иногда стихами.

<...>

...Еще вопрос?

– Скажите, mister Levin,
зачем вы это все зарифмовали
столь пятистопно, да еще не в рифму?

[Левин 1995: 109]

Поэзия долго была специально занята освобождением речи от штампов – сравнений и метафор, которые занимали пограничное положение между художественными метафорами и языковыми:

Я Аллу люблю Пугачеву,
Когда, словно тополь стройна,¹
В неброском наряде парчовом
Выходит на сцену она.

[Иртеньев 1998: 153]

Она ушла и не простилась.
По небу плыли облака.
Слезой горючей обагрилась
его усатая щека.

[Левин 1995: 154].

Опасность бездумного повторения штампов, тотальная клишированность речи, заполненность сознания неточными цитатами разного происхождения остро критически изображена в длинной поэме В. Строчкова с характерным названием «Большая Р.» (Р. – ‘Россия’); автор пародирует клише из медицинских текстов, в частности из книг З. Фрейда. Поэма имеет подзаголовок «Хронический склероз. Из истории болезни. Широкоформатное многофигурное историко-эпическое полотно во вкусе Ильи Глазунова». В абсурдном хаотическом

¹ Стихотворение датировано 1984 годом, когда А. Пугачева еще была стройна.

смешении всех слов и явлений, когда поток сознания направляется внешними признаками сходства слов, воссоздается ситуация бреда:

И в белоснежных хлопковых полях
там, под Москвой, ну, в общем, в Елисейских,
на берегу своих пустынных дум
он вспомнил жизнь: как не было ее.
Он думал о Царевиче: о том,
как он в гробу видал свою невесту
хрустальном и таких же башмачках,
тойсть тапочках, свою Синедрильону,
тойсть Золушку, тойсть это, Белоснежку,
тойсть спящую, тойсть мертвую царевну,
т.е. мертвецки спящую ее.

[Строчков 1994: 311]

Поэты фиксируют семантические противоречия, возникающие при сосуществовании старых и новых значений одного слова, например, при сужении значения глагола в его абсолютном употреблении:

О главном я не умолчу –
Мне и на это хватит смелости:
Да, я хочу тебя, хочу!..
Но знаешь, меньше, чем хотелось бы.

[Вишневский 1992: 24]

Следующий парадоксальный афоризм (полный текст однострочного стихотворения) показывает, как история слова, в частности, сужение объема значения связана, с историей общества: *А за границей нет иногородних!..* [Вишневский 1992: 192]

В русском языке слово *иногородний* приобрело отрицательные коннотации: 'чужой, не имеющий определенных прав, которыми обладают жители данного города, но претендующий на эти права'. В применении к жизни демократических и экономически развитых стран эти смыслы не возникают. Поэтому для автора, видящего, как коннотации заслонили в языке первичное значение слова, исчезает и само слово, если оно не содержит этих коннотаций. Периферийная сема слова в данном случае вытесняет центральную по социальным причинам. В обиходном языке это почти незаметно, а у В. Вишневого суть языкового сдвига обнажена парадоксом. Заметим, что и предложно-падежное сочетание *за границей* тоже обнаруживает социально обусловленное сужение значения.

Во многих случаях уже давно состоявшиеся изменения в семантике слов вызывают не менее острую рефлексию, чем изменения актуальные:

И понял аз грешный, что право живет
лишь тот, кто за други положит **живот**,
живот же глаголемый брюхо сиречь,
чего же нам брюхо стеречь.

[Лосев 1985: 87]

Вы – объясните обо мне,
Последнем всаднике глагола.
Я зван в язык, но не в народ.
Я собственной не стал на горло.
Не обращал: обрящет род!
Не звал к звездам... Я объясняю:
умрет язык – народ умрет.

[Соснора 1998: 131]

Авторы предупреждают об опасности полного забвения исходного имени собственного, если оно функционирует как нарицательное (ср. судьбу имен *Медуза*, *Эхо*, *Галифе*):

Великой назваться ли может страна
с наследьем больным и тревожным,
столица которой была сожжена
каким-то слоеным пирожным?

[Голь 1995: 16]

Дезтимологизация как актуальный процесс приводит к тавтологии, как это случилось не только с заимствованными словами и словосочетаниями типа *в анфас*, *передовой авангард*, *горячие хотдоги*, но и с такими словами как *вовнутрь*, *здесь* (*сь + де + сь*), *тот* (*ть + ть*), деминутивами типа *крюочек*. Поэты постоянно напоминают об этой тенденции к редупликации, демонстрируя ее на той лексике, которая еще не привела к аналогичному результату, но вполне может привести:

Хочу любить-трубить на флейте
На деревянной тонкой флейте
На самой новой новой флейте
А на работу не хочу.

[Хвостенко 1995: 264]

Вдруг холод изменился и стал гораздо
неизменнее. я подумал: что это – боль
шая ошибка или Ордынка?

в ответ прогрохотал ответ – то с крыш,
то нет,
то с самых кровель.

[Казаков 1995: 169]

И в этот же миг подбегают
К ней три хулигана втроем
И ей угрожать начинают
Раздеть ее мыслят втроем.

[Пригов 1997: 196]]

Поэты в высшей степени иронично изображают опасную
экспансию официального стиля – «канцелярита»:

Сгущалась тьма над пунктом населенным,
В ночном саду коррупция цвела,
Я ждал тебя, как свойственно влюбленным,
А ты, ты соответственно, не шла.

[Иртеньев 1995: 41]

Я не в силах уснуть
От плохих отношений.
О, не встать бы на путь
Правовых нарушений!..

[Вишневский 1992: 161]

Подобные тексты, перенося фразеологию милицейского
протокола в контекст лирической ситуации, демонстрируют
утрату личности, принимающей тот язык, который направлен
на деперсонализацию и отчуждение человека. Тем не менее
отмечается и победа человеческого отношения к жизни над
казенным:

Да, да –
спивались трудовые коллективы,
и в директивы привносились коррективы,
и ограниченные наши контингенты,
внимая просьбам, занимали континенты,
и верным нюхом чуют мыслящих
иначе
умела каждая служебная собака,
и как ни стыдно, сын мой,
как ни странно —
мы были молоды, и жизнь была желанна...

[Бунимович 1999: 131]

В этом отношении показателен текст О. Григорьева, в котором под маской наивности героя осуществляется отказ от официального языка и его замена человеческим:

Скажи, Смирнов, откровенно,
Ты крысу кормил
Из гуманных соображений
Или из шалости?
Смирнов опустил глаза
И сквозь слезы сказал:
– Не из гуманных соображений,
А от жалости.

[Григорьев 1997: 88]

В поэзии получает ироническое отражение тенденция к вытеснению гипонимов гиперонимами. Характерно, что в тексте песни Ю. Кима к фильму «Обыкновенное чудо» такая замена происходит в речи самовлюбленного хвастливого охотника, видящего природу в прицел ружья:

Соперников жалких моих
Клеймлю я с презреньем во взоре:
Я знаю получше других,
Как фауна рыщет во флоре.

[Ким 1990: 83]

Остро подмечается и тенденция к подмене сущности ее отражением:

Гуляя в утреннем пейзаже,
я был заметно одинок,
и с криком: «Маменьки, как страшен!»
пустились дети наутек.

[Аронзон 1997: 539]

Обратим внимание на то, что подмена сущности представлена в этом тексте и на грамматическом уровне – искусственностью множественного числа в обращении *маменьки*. Реальным такой крик быть никак не может.

Многочисленны примеры высмеивания аббревиатур, вытесняющих уже на уровне номинации конкретные явления казенными абстракциями. Аббревиатуры предстают неестественными, неудобопроизносимыми звуковыми комплексами, за которыми теряется слово с его смыслом, системными языковыми связями и образным потенциалом:

ХБ-ПШ, ПМ ходили
то ПХЗ, то ОЗК
КПП ГАЗ-ВАЗ катались
ВДНХ и ЦПК
от КПП в ПК гуляли
КВ, Н₅ОНС₂
в ЦДКЖ ДК проснулись
кругом помятая трава
[Левин 1995: 181]

Впору взять и лечь в лазарет,
Где врачует речь логопед.
Вдруг она и срастется в гипсе
Прибаутки, мол, дул в дуду
Хабибулин в х/б б/у _
Все б/у. Хрущев не ошибся.
[Гандлевский 1999: 55]

Экспансия иностранных слов в русский язык, усилившаяся с начала перестройки, находит свое отражение в фиксации различных мотиваций, объективно определяющих эту экспансию. Так, например, в стихотворении А. Левина «В зеркале прессы» [1988 г.] словообразовательное пародирование и калькирование новых для русского языка англицизмов прямо связывается с обрушившимися на советского человека новыми впечатлениями о невиданных предметах:

В огромном супермаркере Борису Нелокаичу
показывали вайзоры, кондомеры, гарпункели,
потрясные блин-глюкены, отличные фуфлоеры,
а также джинсы с тоником, хай-фай и почечуй.
Показывали блееры, вылазеры и плюеры,
сосисэджи, сарделинги, потаты и моркоуфели,
пластмассерные блиюдинги, рисованные гномиксы,
хухоумы, мумаузы, пятьсот сортов яиц.
Борису Нелокаичу показывали мойкеры,
ухватистые шайкеры, захватистые дюодеры,
компотеры, плей-бодеры, люлякеры-кебаберы,
горячие собакеры, холодный банкен-бир.
Показывали разные девайсы и бутлегеры,
кинсайзы, голопоптеры, невспейпоры и прочее.

и Бóурис Нелокаевitch поклялся, что на родине
такой же цукермаркерет народу возведет!

[Левин 1995: 184]

В тексте В. Строчкова «Термидорские иды» сгущенный макронизм на фоне стилистической какофонии определяется сюжетом национального и социального смешения народов:

Пурпурный пентакль в головном уборе,
кожаный колет, на ремнях оружие:
едет комиссар в головном дозоре,
властною рукой чертит полукружье.
Черный баттерфляй, сапоги с халявой,
желтый портупей, самогон в баклаге:
едет атаман в походной заставе,
буйной головой рахуе зигзаги.
Вьющаяся прядь, пейсы, монгедовид,
на раменах парх, в пузырьрке касторка:
кружит по степи бидное жидове,
жидкою ногой рисует восьмерки.
Ох, эгалитэ, щира Украина,
где б шерше ля фам, там шумит гражданка.
Рыдает кобза, стонет окарина,
рыщет сюзерен на гнедой тачанке.
Ой, фратэрнитэ, кукуе зозуля.
Ты нам не патри, мы те не анфаны.
Ехал шевалье, пролетала пуля –
после портмонэ ангажэ урканы.
Эх ты, либертэ, шира самостийна,
о, грассэ, прононс местечковой мови.
Ах, Марат, Дантон, громадяньска вийна,
цурис на тэбэ, бидное жидове!
Ой же вы, жупаны, гетьман Скоропадский,
ой ты, Гуляй-Поле, вторая Вандея,
пане комиссар, пролетарий бр... лядски...
Дэ ж ты, самостийна ридна Иудэя!

[Строчков 1994: 267]

Не редкость – попытки прочитать русское слово как иностранное. В поэтическом объединении языков авторы находят импульс к осмыслению мира через метафоры, предлагаемые случайным сходством языковых элементов:

Не очень словам доверять – невозможно;
слова – это **край***, потому что они отвечают
не сами себе, а чему-то иному –
такому иному, что впрямь не найдешь.

* (cry)[†]

[Эрль 1995: 61]

Карга стрелку в ладонь сует кусок мохера:
«Он доведет тебя до логова **мин хера**».

Список редких слов

<...>

Мин хер (гол.) – то же, что милорд, обращение к мужчине; в русск. обиходе иногда первая часть спускается²

[Крепс 1996: 207]

Иностранные слова имеют тенденцию быть воспринятыми как русские. Следующий пример показывает болезненность вынужденного перехода в иноязычную среду:

Это как во французском, где ото всех **ilya**
я все время вздрагиваю: **не я ли?**
Но оказывается – не я,
и не только не я, но вообще – не звали.

[Кутик 1993: 71]

Острую пародию на неумелые и бездарные переводы, чрезвычайно широко распространившиеся в издательском бизнесе, можно видеть в таком тексте с утрированными синтаксическими и семантическими кальками:

«You're fool»
by John Levin

I got some pudель,
I make my strudelъ,
I bye my kitель,
And wash my kafель,

You beat my pudель,
You eat my strudelъ,
You dress my kitель,
You break my kafель,
And you're fool.

[†] Примечание В. Эрля.

² Примечание М. Крепса.

Yeah-yeah-yeah-yeah-yeah!

«Ты дурак».

[Литературный перевод Александра Ш. Леннона]

Я достал некоторого пуделя,

Я сделал мой штрудель,

Я купил мой китель

И мыл мой кафель.

Ты бил мой пудель,

Ты ел мой штрудель,

Ты одел мой китель,

Ты разбил мой кафель,

И ты дурак.

Ля-ля-ля-ля-ля!

[Левин 1997: 7]

Особую роль в современной литературе приобретают многочисленные вульгаризмы. С одной стороны, они всегда были сильным средством речевой экспрессии, своеобразной формой языкового сопротивления лживому казенному языку, отчуждаемому от человека [Гусейнов 1989]. С другой стороны, стихия вульгаризмов, хлынувшая в средства массовой информации и в художественную литературу, вызывает резкое отторжение от того низменного мира, который навязывается человеку этой стихией. В таких условиях вульгаризмы нередко меняют свою экспрессивную функцию на номинативную и становятся объектом этической антитезы. Часто создается впечатление, что поэзия, способная опуститься на самое дно, именно там находит точку отталкивания для взлета вверх:

Я лиру посвятил сюсюканью. Оно
мне кажется единственно возможной
и адекватной (хоть безумно сложной)
методой творческой. И пусть Хайям вино,
пускай Сорокин сперму и говно
Поют себе усердно и истошно,
я буду петь в гордыне безнадежной
лишь слезы умиления все равно.

[Кибилов 1997: 72]

Бурей брюхаты брови,
зенки, а в каждом – космос.

[Иконников-Галицкий 1995: 23]

Весьма заметное место в современной поэзии занимают элементы жаргона. Жаргон пародируется помещением в контекст культуры. Следующий текст, написанный в жанре веселого дружеского послания, непосредственно после цитаты из Лермонтова содержит одно из самых распространенных жаргонных слов – эвфемизм бранного слова, естественно, снижающий экспрессию инвективы и обычно заполняющий паузу в не слишком связной речи:

Кто из нас не знает Мишку?

<...>

Он, мятежный, просит бури,

Дышит гневом и тоской,

В нашей, блин, литературе

Он всего один такой.

[Иртеньев 1998: 164]

Для многих авторов актуально представление о том, что сейчас уже невозможно прямое лирическое высказывание [Кулаков 1989: 99–100]. Следующее двустишие демонстрирует своеобразный перевод прямого лирического высказывания на жаргон:

И за что такую тлю

Я, козел, тебя люблю?

[Иртеньев 1998: 100]

Характерно, что даже антропоморфизация образов природы вербализуется элементами жаргона. С одной стороны, этим демонстрируется ущербность сознания, с другой стороны, в убогий мир носителя жаргона внедряются картины мира, обогащающие сознание лирическим отношением к действительности. Кроме того, поэты, которые сами, конечно, носителями жаргона не являются, экспериментируют с лексикой, гипотетически способной расширить сферу употребления:

отличи же попробуй врага

если слово увенчано веткою

где спорыш шевелил по ногам

и сирень отцвела **малолеткою**.

[Алейников 1997: 485]

Проживатель единственной жизни, послушник и мот
выбирает себе в достояние ветер и мед.

Медуницы и осы его **обувают на бабки**.

[Куллэ 1997: 691]

Ослабление произносительной и формообразовательной нормы, характерное для современного состояния языка, становится объектом постоянного обсуждения и метаязыковых высказываний. При этом авторы не столько озабочены соблюдением не вполне очевидной нормы, сколько заняты фиксацией беспорядка в языке как динамической ситуации:

До радостного утра иль утра
(здесь ударение ставится двояко)
спокойно спи, родная конура, —
тебя прощает человек-собака.

[Новиков 1999: 32]

Папа пытался со мною вдвоем
Так без живительной влаги и сохну,
с грязной посудой вдвоем.
Мхом порастаю, а может, и мохом,
Может, и вовсе быльем.

[Щербина 1997: 13]

Ну ладно бы — конец недели,
иль на худой конец — дождя;
а то прождав (или прожда?..
(или — прождав?) ...), на самом деле
я все равно забыл о чем
хотел сказать. Переучет.

[Митюшов 1997: 685]

Такой перебор вариантов имеет широкое распространение не только в литературе [Ляпон 1989; Зубова 1999], но и в практической речи. В.Г. Костомаров видит в этом карнавальное языковое поведение: «Пренебрежение нормой нетрудно увидеть, например, в распространении забавной моды употреблять варианты колеблющихся форм, как бы подчеркивая свое нежелание разбираться, как правильно, а как ошибочно» [Костомаров 1999: 11]. Эта ситуация становится предметом насмешек и в поэзии. Так, например, Т. Кибиров пародирует известный текст В. Высоцкого «Мы говорим не штóрмы, а штормá...»:

Мы говорим не дísкурс, а дискúрс!
И фраера, не знающие фени,
трепещут и тушуются мгновенно,
и глохнет самый наглый балагур.

[Кибиров 1998: 14]

Необходимо иметь в виду, что наличием вариантов отмечены самые динамичные участки языковой системы.

Незавершенность и несовершенство речевых структур, изображающих неструктурированные подробности бытия, торопливое косноязычие, внутренняя речь или речь «для своих», содержащая множество намеков, оказываются родственными поэзии. И все эти свойства деформированной, редуцированной речи отчетливо согласуются с важнейшей причиной языковых преобразований, состоящей в экономии речевых усилий. Но, кроме того, очень существенно, что поэты постоянно отождествляют бытие с языком, утрата личности осмысливается как утрата языка, а утрата языка – как гибель личности.

В таком случае особую функциональную нагрузку приобретают эллипсис, усечение, свертывание синтаксических структур, незамещение каких-либо синтаксических позиций. Например, часто наблюдается пропуск инфинитива:

Простудишься – умрешь.

Я не могу утрат.

[Ширали 1992: 107]

Еще не издан документ,

И могут нас в любой момент.

[Вишневский 1992: 216]

Гулена, сластолюбец, сердцеед,

от этих игр у Марьи могут дети!..

[Строчков 1994: 94]

Хочу письмо тебе.

Жить без тебя – не настояще.

[Иконников-Галицкий 1995: 47]

Мамочка разве могла к ней хорошо

а ребенок не разбирает назло мамочке любит.

[Харитонов 1997: 525]

Мы погодим «трагически погиб»,

покуда церковь отпевать не смеет.

[Бурихин 1992: 82]

Возможно, причина этого явления состоит в том, что инфинитив входит в составное глагольное сказуемое, а оно имеет тенденцию становиться простым глагольным сказуемым, используя механизм семантического включения [см. об этом явлении: Янко-Триницкая 1964; Глотова 1972]. При этом синтаксический эллипсис сопровождается семантическим [Никитина 1966].

Широкое отражение в современной поэзии получает внутренняя речь. Вставные конструкции заметно теснят основной текст, становясь главным содержанием высказывания. Так, например, Б. Ахмадулина пародирует стиль А. Битова¹:

Когда о Битове... (в строку вступает флейта)
я помышляю... (контрабас) – когда...
Здесь пауза: оставлена для Фета
отверстого рояля нагота...
Когда мне Битов, стало быть, все время...
(возбредил Бриттен, чей возбранен ритм
строке, взят до-диез неверно,
но прав) — когда мне Битов говорит
о Пушкине... (не надобно органа,
он Битову обмолвиться не даст
тем словом, чья опека и охрана
надежней, чем Жуковский и Данзас),
Сам Пушкин... (полубовная беседа
двух скрипок) весел, в узкий круг вошел.
Над первой скрипкой реет прядь Башмета,
удел второй пусть предрешит Башмет.

[Ахмадулина 1999: 9]

Особое значение приобретают служебные части речи и модальные слова. Иногда они настолько сгущаются в тексте, что, вытесняя знаменательные части речи, сами по себе составляют содержание текста. Сильнейшую тенденцию к превращению служебных частей речи в самостоятельные показывает следующее стихотворение, построенное на тотальном эллипсисе, в результате которого комбинация союзов и частиц образует и сюжет, и портрет человека размышляющего, но недовольного своими или чужими размышлениями:

Коль скоро,
прежде чем,
поскольку,
не так чтоб,
именно,
зато,
как будто,

¹ Возможно, Ахмадулина намекает и на попытки Битова прочесть черновики Пушкина как самостоятельные произведения, в которых авторская правка не отменяет предыдущих фрагментов текста и выстраивает вычеркнутые слова и строки в сюжетобразующую линейную последовательность.

вследствие,
и только,
тем более,
что ни за что,
но лишь,
ввиду того что, ибо,
едва-едва,
и либо-либо –
добро бы,
ежели кабы,
равно как,
нежели,
дабы!

[Сатуновский 1989: 94]

Из обрывков речи, преимущественно модальных слов, выстраивается и диалог, мало отличимый от монолога:

Кому бы... Если так, то что?
Зачем же? Плохо. Мало ли чего.
Ну, знаете! Понятно? Так.
Куда? Везде, похоже; впрочем, ничего.
Конечно, почему бы нет?
Ну, скажем, так.
К примеру, никуда. Ну да, еще бы.
Чего-чего? Ну, вот еще! Чего там.
Да бросьте. Ничего. Так, пустяки.
Не в этом дело. Ладно.

[Дьяченко 1997: 561]

В целом можно сказать, что, исходя из личной потребности выразить свое мироощущение, поэты тем не менее выполняют некую задачу. Она определена вовсе не их произволом (хотя так кажется не только их критикам, но и часто им самим), а меняющимися свойствами вещей и меняющимся языком. Сама динамика языковых процессов часто становится предметом рефлексии, предметом изображения, темой и сюжетом. Пародийность, насмешливая тональность многих текстов, весьма созвучная нашему времени и проявляющаяся во многих сферах функционирования языка, у поэтов нередко направлена на критику языка в его современном состоянии, отражающем состояние сознания.

Литература и источники

Аграновский 1986 – Аграновский А.А. Давайте думать // Уроки Аграновского. М., 1986.

Алейников 1997 – Алейников В. // Самиздат века. Минск – Москва, 1997.

Аронзон 1997 – Аронзон Л. Гуляя в утреннем пейзаже... // Самиздат века. Минск; М., 1997.

Арутюнова 1992 – Арутюнова Н.Д. Диалогическая модальность и явление цитации // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992.

Астахов 1998 – Астахов Л. По ком звонит колокол // КамерТон (Озерск Челяб. обл.). 1998. 5 дек.

Ауэрбах 1976 – Ауэрбах Э. Мимесис. М., 1976.

Ахмадулина 1999 – Ахмадулина Б. Возле елки: Книга новых стихотворений. СПб., 1999.

Баранов 1994 – Баранов А.Н. Язык как игра: жаргон и превращенная реальность // Юганов И., Юганова Ф. Русский жаргон 60–90-х годов: Опыт словаря. М., 1994.

Барт 1994 – Барт Р. S/Z. М., 1994.

Бунимович 1999 – Бунимович Е. Естественный отбор. М., 1999.

Бурвикова, Костомаров 1998 – Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г. Особенности понимания современного русского текста // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века: Сб. ст. в честь профессора С.Г.Ильенко. СПб., 1998.

Бурихин 1992 – Бурихин И. Мы на мертвой волне. М., 1992. Вечерний каприз // MTV–Россия. 3.11.1999.

Вишневский 1992 – Вишневский В. Спасибо мне, что есть я у тебя. М., 1992.

Гальперин 1981 – Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.

Гандлевский 1999 – Гандлевский С. «Пидарасы», — сказал Хрущев... // Личное дело-2. М., 1999.

Гиляревский, Старостин 1985 – Гиляревский Р.С., Старостин Б.А. Иностранные имена и названия в русском тексте. М., 1985.

Глотова 1972 – Глотова И. П. Лексические включения в разговорной речи // Вопросы стилистики. Саратов, 1972. Вып. 4.

Голь 1995 – Голь Н. // Поздние петербуржцы: Поэтическая антология. СПб., 1995.

- Григорьев 1997* – Григорьев О. Птица в клетке. СПб., 1997.
- Гусейнов 1989* – Гусейнов Г. Сколько ни тамничай, а будет сказаться // Знание — сила. 1989. № 1.
- Две недели...* – Две недели, которые потрясли СМЗ // Салдинский металлург (Ниж. Салда). 2000. 17 янв.
- Декодер MTV* – Декoder MTV // «MTV–Россия». 18.08; 10.11; 15.12. 1999; 12.03, 4.04. 2000.
- Дневной каприз* – Дневной каприз // MTV–Россия. 2.11.1999.
- Дормашев, Романов 1995* – Дормашев Ю.Б., Романов В.Я. Психология внимания. М., 1995.
- Дьяков 1995* – Дьяков Д. Больше так не делай, Игорек... // Воронежский курьер. 1995. 11 февр.
- Дьяченко 1997* – Дьяченко В. // Самиздат века. Минск; М., 1997.
- Ермакова 1996* – Ермакова О.П. Вербализованная ирония в естественном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996.
- Зубова 1999* – Зубова Л. В. Вариантность слова в современной поэзии // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. 1999. Сер. 2. Вып. 3 (№ 16).
- Изард 1999* – Изард К.Э. Психология эмоций. СПб., 1999.
- Иконников-Галицкий 1995* – Иконников-Галицкий А. АГГЕЛОС. СПб., 1995.
- Иртеньев 1995* – Иртеньев И. Три Петра и два Ивана. М., 1995.
- Иртеньев 1998* – Иртеньев И. Ряд допущений. Книга стихов. М., 1998.
- Казаков 1995* – Казаков В. Изб. соч.: В 3 т. Стихотворения. М., 1995. Т. 3.
- Кибиров 1997* – Кибиров. Парафразис. СПб., 1997.
- Ким 1990* – Ким Ю. Летучий ковер. М., 1990.
- Китайгородская 1993* – Китайгородская М.В. Чужая речь в коммуникативном аспекте // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.
- Кондаков 1971* – Кондаков Н.И. Логический словарь. М., 1971.
- Костомаров 1999* – Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М., 1999.
- Крепс 1993* – Крепс М. // Петрополь: Литературная панорама 1993–1996. СПб., 1996.

Кропотов 1999 – Кропотов С.Л. Экономика текста в неклассической философии искусства Ницше, Батая, Фуко, Деррида. Екатеринбург, 1999.

Крысин 1996 – Крысин Л.П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Сб. памяти Т.Г. Винокур. М., 1996.

Кулаков 1989 – Кулаков В. ОБЭРИУ, модернистский гротеск и современная поэзия // Синтаксис. 25. Париж, 1989.

Куллэ 1997 – Куллэ В. // Самиздат века. Минск; М., 1997.

Купина 1999 – Купина Н.А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. Екатеринбург, 1999.

Кутик 1993 – Кутик И. Лук Одиссея. СПб., 1993.

Левин 1995 – Левин А. Биомеханика. М., 1995.

Липовецкий 1997 – Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм: (Очерки исторической поэтики). Екатеринбург, 1997.

Лобанов 1993 – Лобанов М. Медвежья услуга // Звезда (Пермь). 1993. 20 нояб.

Лосев 1985 – Лосев Л. Чудесный десант. Tenaflы, 1985.

Лотман 1999 – Лотман Ю.М. Пушкин. СПб., 1999.

Ляпон 1989 – Ляпон М.В. Оценочная ситуация и словесное само моделирование // Язык и личность. М., 1989.

Майданова 1987 – Майданова Л.М. Структура и композиция газетного текста. Красноярск, 1987.

Майерс 1997 – Майерс Д. Социальная психология. СПб., 1997.

МАС – Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд. М., 1981–1984.

Митюшов 1997 – Митюшов П. // Самиздат века. Минск; М., 1997.

Михайлова 1996 – Михайлова О.А. Жизнь чужого слова в разговорной речи горожан // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996.

Моль 1973 – Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973.

Никитина 1966 – Никитина С. Е. О семантическом эллипсисе в предложных сочетаниях (к постановке вопроса) // Проблемы лингвистического анализа. М., 1966.

Николаева 1987 – Николаева Т.М. Именем – нарицаемы – еже есть сказаемое (текстовые функции метакомпонентов в Ма-

риинском Кодексе) // Труды по знаковым системам. Тарту, 1987. Вып. 20.

Николаева 1999 – Николаева Т.М. О параллелизме в функционировании речевых клише и некоторых суперсегментных просодических моделей // Фразеология в контексте культуры. М., 1999.

Никонов 1969 – Никонов К.И. Опыт исследования современной церковной проповеди и ее роли в сохранении религиозности в СССР: Авторф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1969.

Новиков 1999 – Новиков Д. Самопал. СПб., 1999.

Онхайзер 2000 – Онхайзер И. О передаче чужой речи в современной печати // Активные языковые процессы конца XX века: Тез. докл. междунар. конф. М., 2000.

Отдел образования. Кому закон не писан... // КамерТон (Озерск Челябин. обл.). 1999. 23 янв.

Панарин 1996 – Панарин А.С. Философия политики. М., 1996.

Право и этика... 1996 – Право и этика в работе журналиста / Под ред. Б.Н. Лозовского. Екатеринбург, 1996.

Пригов 1989 – Пригов Д. А. Написанное с 1975 по 1989. М., 1997.

Робер, Тильман 1988 – Робер М.-А., Тильман Ф. Психология индивида и группы. М., 1988.

Русская грамматика 1980 – Русская грамматика. М., 1980. Т.2.

Рэнделл 1996 – Рэнделл Д. Универсальный журналист. М., 1996.

Сатуновский 1989 – Сатуновский Я. // Юность. 1989. № 4.

Сиберт и др. 1998 – Сиберт Ф.С., Шрамм У., Питерсон Т. Четыре теории прессы. М., 1998.

Смышляев 1998 – Смышляев М. Генка Бобров – дитя идеи // Урал. рабочий (Екатеринбург). 1998. 31 июля.

Соснора 1998 – Соснора В. Верховный час. СПб., 1998.

Справочник для журналистов... 1993 – Справочник для журналистов стран Центральной и Восточной Европы. М., 1993.

Строчков 1994 – Строчков В. Глаголы несовершенного времени: Изб. стихотворения 1981–1992 годов. М., 1994.

Сушко 1978 – Сушко К. А нужен ли портрет? // Журналист. 1978. № 3.

Формановская 1998 – Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М., 1998.

Фишер, Юрий 1990 – Фишер Р., Юрий У. Путь к согласию, или Переговоры без поражения. М., 1990.

Харитонов 1997 – Харитонов Е. // Самиздат века. Минск; М., 1997.

Хвостенко 1995 – Хвостенко А. // Поздние петербуржцы. Поэтическая антология. СПб., 1995.

Хьелл, Зиглер 1997 – Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб., 1997.

Чувакин 1990 – Чувакин А.А. Смешанная коммуникация в художественном тексте: Основы эвокационного исследования. Барнаул, 1995.

Чумаков 1975 – Чумаков Г.М. Синтаксис конструкций с чужой речью. Киев, 1975.

Ширали 1992 – Ширали В. Сопротивление: Стихи. СПб., 1992. Кн. 1.

Щербина 1997 – Щербина Т. Жизнь без. Мюнхен; Париж; М., 1997.

Экман 1999 – Экман П. Психология лжи. СПб., 1999.

Эко 1988 – Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // Иностранная литература. 1988. № 10.

Эко 1996 – Эко У. Инновация и повторение: Между эстетикой модерна и постмодерна // Философия эпохи постмодерна. Минск, 1996.

Эко 1998 – Эко У. Отсутствующая структура: Введ. в семиологию. СПб., 1998.

Эрль 1995 – Эрль В. Трава, трава. СПб., 1995.

Юганов, Юганова 1994 – Юганов И., Юганова Ф. Русский жаргон 60–90-х годов: Опыт словаря. М., 1994.

Якобсон 1975 – Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.

Янко-Триницкая 1964 – Янко-Триницкая Н. А. Процессы включения в лексику и словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964.

Жанры речи и грани культуры

В.А. Салимовский

Жанры речи как функционально-стилистический феномен

Жанры речи и технологическая грань культуры. При деятельностном подходе к культуре одной из наиболее важных областей исследования становится *технология воспроизводства социальной жизни*. (Слово «технология» здесь используется в самом широком смысле: имеется в виду *способ осуществления человеческой деятельности* во всех ее проявлениях.)

Эта сторона культуры в большей или меньшей степени была объектом анализа в различных по своей методологической направленности социально-философских доктринах XIX–XX веков О. Конта, Э. Дюркгейма, К. Маркса, М. Вебера, основателей структурного функционализма Т. Парсонса, Р. Мертона и др. Ей уделялось, пожалуй, преимущественное внимание в отечественной культурологии [Давидович, Жданов 1979; Каган 1974; Маркарян 1969, 1983; Петров 1991; и др.].

При изучении культуры в этом аспекте «на первый план выходит такая ее черта, как воспроизведение деятельности по исторически заданным основаниям. Она требует выражения в соответствующих понятиях. И прежде всего напрашиваются для применения такие, как “схема”, “алгоритм”, “код”, “матрица”, “канон”, “эталон”, “парадигма”, “стереотип”, “норма”, “традиция” и др. Все эти понятия... выражают момент устойчивости в изменяющемся содержании деятельности, переноса этого содер-

жания, трансляции образцов...» [Давидович 1995: 91]. В смене краткоживущих поколений культура сохраняется благодаря преемственному воспроизведению «определенных характеристик, навыков, умений, ориентиров, установок, ролей, ролевых наборов, институтов, т. е. всего того, что составляет социальность как таковую...» [Петров 1991: 28]. Важно добавить к этому, что целевая детерминация человеческой деятельности является ценностной. Ценность придает идеальной цели силу воздействия на способ и характер человеческой деятельности, побудительную силу [Чавчавадзе 1984: 8].

Указанная «кардинальная составляющая культурной реальности» (Б. Малиновский) присуща самым разным областям человеческой деятельности, в том числе речевому общению. Попытаемся раскрыть связь данного направления культурологии с функциональной стилистикой и жанроведением.

Согласно определению Э. С. Маркаряна, предложившего один из развернутых вариантов рассматриваемой культурологической концепции, культура – это «внебиологически выработанный, особый, лишь человеку присущий способ деятельности и соответствующим образом объективированный результат этой деятельности» [1969: 61]. Легко заметить связь данного понимания культуры с трактовкой стиля, сложившейся в функциональной стилистике. В самом деле, как пишет К. Гаузенблас, «стиль это специфически человеческое явление...» (здесь и далее разрядка наша. – В.С.), «стиль охватывает самые различные области и формы человеческого поведения, например, языковое общение, все виды искусства, характер одежды, интерьера, оборудования бытовой среды, разные виды развлекательной, спортивной и другой деятельности... Под стилем следует понимать определенный способ, принцип прохождения... деятельности» [Гаузенблас 1967: 70–71]. При этом стиль речевой коммуникации выступает как способ интеграции текста [Hausenblas 1972: 22; 1995: 235; Daneš 1995: 231–232]. Если к тому же принять во внимание репродуктивность функционального стиля («...то, что четко выделяет стилистический аспект их других видов дифференциации речевой деятельности, – это обращенность “назад”» [Леонтьев 1974: 254]), то станет очевидной его принадлежность к культуре как способу деятельности, воспроизводимой «по исторически заданным основаниям».

Общность теоретических представлений, используемых в культурологическом и стилистическом исследованиях указанной ориентации, видна и при сопоставлении понятия «специфический способ человеческой деятельности» («технология» в максимально широком смысле) с частным, конкретно-научным концептом «способ построения текста». Действительно, в феномене технологии «отражены средства деятельности и соответствующие их структурно-функциональные блоки (механизмы), взятые в активном, деятельном состоянии...» [Маркарян 1983: 49]. Описываемые же К. Гаузенбласом [1972: 13–15] средства построения текста – языковые, паралингвистические, тематические, тектонические (стилистические приемы) и др. как раз и характеризуют технологию текстовой деятельности.

Очень важно, далее, что и в рассматриваемом направлении культурологии, и в функциональной стилистике к числу базовых принадлежит понятие «сферы социальной деятельности» («сферы деятельности и общения»). Его применение необходимо как для выделения и описания типов культуры социума – художественной, научной, правовой и др. [Маркарян 1983: 69, 77; Морфология 1994], – так и для раскрытия механизма стилевой и жанровой дифференциации языка / речи [Бахтин 1979; Кожина 1968: 157–181; и др.].

Как видим, есть все основания для осмысления функциональных стилей в ряду объектов лингвокультурологии. Будем при этом учитывать, что «функциональный стиль, существующий реально как совокупность жанров, представляет собой научную абстракцию более высокого порядка, чем жанр» [Солганик 1978: 9]. «Функциональные стили – это не что иное, как обобщенные речевые жанры...» [Долинин 1978: 60].

Обратимся теперь непосредственно к жанрам речи и рассмотрим их отношение к свойствам культурных форм, чаще всего отмечаемым в литературе [Бобнева 1978: 25, 55, 155; Давидович 1995; Ионин 1988; и др.].

Культурные образцы (1) объективны по отношению к индивиду и нормативны; (2) историчны, вырабатываются людьми в определенную эпоху в соответствии с конкретными условиями социальной жизни; (3) характеризуются особым оценочным отношением к действительности; (4) многообразны и разнородны, дифференцированы по сферам человеческой деятельности; (5) являются опорой для творчества (вне культуры у творчества «нет

каких-либо опор для реализации» [Давидович 1995: 92]). Все эти характеристики культурных образцов присущи жанрам речи. Так, (1) «речевые жанры «для говорящего индивидуума... имеют нормативное значение, не создаются им, а даны ему» [Бахтин 1979: 260]; (2) «в каждую эпоху развития литературного языка задают тон определенные речевые жанры», они «чутко и гибко отражают все происходящие в общественной жизни изменения» [там же: 243]; (3) «...каждый жанр обладает своими способами, своими средствами видения и понимания действительности» [Бахтин 1993б: 148]; (4) «богатство и разнообразие речевых жанров необозримо, потому что в каждой сфере деятельности целый репертуар речевых жанров, дифференцирующийся и растущий по мере развития и усложнения данной сферы» [Бахтин 1979: 237]; (5) «если бы речевых жанров не существовало..., если бы нам приходилось... свободно и впервые строить каждое высказывание, речевое общение было бы почти невозможно» [там же: 258]. Кроме того, важной характеристикой речевых жанров является присущая всем культурным образцам функция интеграции индивидов в социум» [Долинин 1999: 11–12].

Итак, вполне очевидно, что жанры речи – одна из разновидностей культурных форм. (По отношению к жанрам художественной литературы на это указывает Л.Г. Ионин [1988: 36].) Но какую же именно деятельность они организуют?

Ответ на первый взгляд предполагается сам собой – речевую. Однако эта констатация еще недостаточна. Ведь речевая деятельность, как известно, является «наддеятельностью» (А.Н. Леонтьев). «Строго говоря, речевой деятельности как таковой не существует. Есть лишь система речевых действий, входящих в какую-то деятельность целиком теоретическую, интеллектуальную или частично практическую» [Леонтьев 1969: 27]. Интеллектуальная же деятельность всегда осуществляется, согласно М.М. Бахтину, в определенной «идеологической форме». Действительно, уже на начальном этапе продуцирования высказывания (текста) «внутрисловесный эмбрион выражения» установлен на определенные принципы «идеологического преломления бытия», на объективацию с помощью речевых действий и вхождение в «систему науки, искусства, морали, права...» [Бахтин 1993б: 99]. «Даже простое, смутное осознание какого-нибудь ощущения... не может обойтись без какой-нибудь идеологической формы» [там же: 95], «...сила сознания... закреплена в устой-

чивые идеологические выражения (наука, искусство и пр.)» [Бахтин 1993б: 99]. При этом познавательно-коммуникативная деятельность субъекта речи, характеризующаяся специфическими принципами идеологического преломления действительности, кристаллизуется в смысловой системе текста. Поэтому, думается, можно утверждать, что жанры речи являются относительно устойчивыми формами (моделями) духовной социокультурной деятельности (осуществляющейся в бытовых ситуациях, в художественной, научной, правовой и других сферах) на ступени ее объективации посредством системы речевых действий в тексте как единице общения. Репертуар и организация жанров речи определяются как сложившимися «идеологическими системами» (формами общественного сознания), так и примыкающими к ним текучими, быстро изменяющимися пластами «общественной психологии» [там же: 99–107]. Влияние последней на жанрово-стилистические признаки текстов наглядно демонстрируют работы, раскрывающие обусловленность речевой коммуникации содержанием общественного сознания в ту или иную эпоху [Капанадзе 1997; Купина 1995; Майданова и др. 1997; и др.].

Конечно, в аналитических целях процесс текстообразования может быть рассмотрен абстрагированно от «идеологической» специфики воплощаемой в высказывании и организующей его познавательно-коммуникативной деятельности. Однако ни для стилистики, ни для жанроведения такое абстрагирование, думается, неприемлемо, поскольку существенной стороной предмета этих дисциплин как раз и является многообразие композиционно-тематических и стилистических вариантов построения текста в их экстралингвистической, в том числе когнитивной, обусловленности.

Оговорим, что понимание жанров речи как текстовых форм (моделей) никоим образом не противоречит ключевому положению бахтинской концепции о диалогичности речевой коммуникации, взаимодействию в общении смысловых позиций: ведь жанровая форма выступает средством организации социального взаимодействия [Долинин 1999]. Следует также отметить, что сосредоточение внимания исследователей на параметрах жанровых форм речи как на одном из наиболее важных вопросов лингвистической генологии [Гольдин 1999: 6], конечно же, не означает отказа от изучения творческого использования этих моде-

лей носителями языка. Феномен креативности раскрывается при анализе текстовой деятельности конкретного субъекта речи, в частности в выборе последним разноплановых моделей, в их видоизменениях, особенностях интеграции в когерентную целостность, при установлении соответствия или несоответствия продуцируемых текстовых структур принятым стандартам, выяснении причин отклонений от этих стандартов, рассмотрении возникающих в результате эффектов и др. [Witosz 1999: 46, 48].

Мысль М.М. Бахтина об идеологическом преломлении бытия в высказывании получила в последнее время развитие и терминологическое оформление в исследованиях *текстовой модальности* [Солганик 1984, 1999; Тураева 1994; и др.]. Как пишет Г.Я. Солганик, текстовая модальность выражает отношение производителя речи к тексту и к действительности [1999: 183]. Отношение к действительности включает установку на определенный характер изложения, чем во многом определяется «строй и тон речи, ее стилевые качества, отбор языковых и речевых средств» [1999: 188]. В научном стиле это отношение объективное, безмодальное, вытекающее из стоящей перед ученым задачи раскрытия истины (обзор различных точек зрения по вопросу о степени субъективности научной речи см. в работе М.П. Котуровой [1988: 36–39]); в официально-деловом стиле – объективно-обобщающее, регламентирующее: действительность воспринимается как объект нормализации, регламентации, упорядочивания; в публицистическом – оценивающее и анализирующее, осложненное существующими философскими, политическими, социально-идеологическими теориями и т.д. [там же: 185–187]. В то время как функциональные стили лишь в самом общем виде намечают использование речи, «дальнейшая детализация, конкретизация текстовой модальности совершается в жанрах, являющихся формой существования и реализации стилей» [там же: 188].

Изучение речевых жанров как нормативных форм духовной (познавательной-коммуникативной) деятельности выводит на проблему их классификации, активно обсуждаемую в литературе [Вежбицка (1983) 1997; Шмелева 1990; Дементьев 1999; и др.].

Возможный стилистический подход к классификации жанров речи. При указанном понимании жанров критерием для их классификации (на первом уровне) естественно выбрать основные виды социальной духовной деятельности. Кстати, М.М. Бахтин, оценивая стилистические работы 50-х годов, писал об отсутствии

продуманной классификации речевых жанров именно по сферам человеческой деятельности [1979: 242]. В дальнейшем этот недостаток был устранен по отношению к функциональным макростильям, основой для их дифференциации стало единство *вида социальной деятельности и формы общественного сознания* [Кожина 1968: 156]. Это позволило наметить сущностный параметр типологизации макростилей и дать им последовательно речеведческую трактовку.

Отметим, однако, что если сознание рассматривается с учетом его активности, то, по-видимому, отпадает необходимость в «разведении» в речеведческом исследовании сознания и деятельности (духовной), которая и есть интеллектуально-мыслительная (эмоциональная, волюнтативная) активность человека. Можно говорить, следовательно, о «сознании-деятельности» [Леонтьев 1972: 132]. Ср. мысль Б.Н. Головина об определяющем участии «сознания как деятельности в формировании стилей языка» [1979: 74], а также положение И.Я. Чернухиной о том, что «стиль – это способ речевого мышления в науке, публицистике, художественном творчестве и др.» [1995: 275].

Представляется, что понятие «форма общественного сознания» стало базовым для стилистической классификации по двум причинам. Во-первых, как уже сказано, оно соотнесено с интеллектуально-мыслительной (духовной) деятельностью членов социума, играющей первостепенную роль в речеобразовании. Во-вторых, что тоже очень важно, состав обычно выделяемых форм общественного сознания соотносителей с основными сферами духовной деятельности [Уледов 1980: 117], обращение к которым и служит критерием для выделения основных речевых разновидностей (макростилей).

Среди новых подходов к исследованию форм общественного сознания представляется плодотворным рассмотрение последних в качестве компонентов социорегулятивной подсистемы культуры, обеспечивающей воспроизводство социума в результате действия механизма культурной традиции [Маркарян 1983: 63–74]. При таком изучении общественного сознания в фокусе внимания оказываются ценности и нормы соответствующих видов социальной духовной деятельности. Вводятся понятия научной, художественной и других разновидностей культуры, включающих, в частности, закреплённый общественным опытом способ создания и интерпретации соответствующих артефактов [Марка-

рян 1983: 77]. Здесь социокультурная проблематика непосредственно соединяется с речеведческой.

С нашей точки зрения, при классификации речевых жанров по сферам деятельности целесообразно учитывать прежде всего основные виды духовной социокультурной деятельности, так как именно интеллектуально-мыслительная (духовная) активность субъекта речи кристаллизуется в смысловой системе текста (жанра) и определяет его организацию. Материальная же деятельность – производственная, бытовая и др. – представляет интерес ввиду того, что она влияет на характер деятельности духовной, объективируемой в речевом произведении. Подчеркнем, что включение в исследование видов духовной социокультурной деятельности предполагает учет их назначения, а также соответствующих типов мышления, содержания речи, темы, т.е. базового комплекса стилеобразующих факторов [Кожина 1968: 149]; при этом нами принимается во внимание *нормативный* характер деятельности, проявляющийся в использовании культурных форм (моделей, образцов).

Дальнейшие классификационные подразделения речевых жанров, с нашей точки зрения, целесообразно проводить на основе внутренней дифференциации отдельных видов духовной культуры общества. Так, основные виды духовной социокультурной деятельности, выступая экстралингвистической основой соответствующих функциональных стилей, могут быть рассмотрены в качестве иерархически организованных систем частных деятельностей (ср. положение Г.С. Батищева о системе культурных парадигм, складывающихся внутри той или иной деятельностной сферы [1990: 26]) и образующих их типовых действий, лежащих в основе групп речевых жанров и отдельных жанров. В итоге намечаемая классификация обещает вскрыть системные связи между речевыми жанрами, отражающие системность вида социальной духовной деятельности.

Таким нам в принципе видится путь к устранению отмеченного М.М. Бахтиным второго крупного недостатка стилистических классификаций – их малой дифференцированности [1979: 242].

Важно отметить, что характер текстовой деятельности адресанта зависит от целого ряда факторов, в том числе от формы проявления языка (устной или письменной), типового статуса адресата, от вида контактности, способа коммуникации (личной или массовой). Однако эти и многие другие явления

обуславливают особенности организации текста не непосредственно, а через кристаллизирующуюся в нем духовную деятельность субъекта речи; их учет, естественно, обязателен, но в основании классификации жанров речи, по нашему мнению, следует положить именно духовно-деятельностный критерий как непосредственно определяющий дифференциацию жанровых разновидностей речи, принимая в расчет и связанные с ним явления. Как справедливо отмечает Е.Ф. Тарасов, «экстралингвистические факторы должны быть введены в стилистический анализ в том виде, какой они принимают в структуре деятельности» [Тарасов 1989: 164].

Разумеется, классификация речевых жанров каждой из основных областей духовной культуры – самостоятельная задача, рассчитанная на перспективу. Предпосылкой для ее решения может стать фактический материал, накопленный «учениями о различных областях идеологического творчества» – искусствоведением, науковедением, религиоведением и др. [Бахтин 1993а: 8–9]. В частности, систематизация речевых жанров научного общения может осуществляться с опорой на данные логики и методологии научного творчества, а именно в результате изучения актуализации в речевых произведениях отдельных звеньев (участков) генетической структуры научно-познавательного процесса [Салимовский 1997, 1998, 1999].

Жанровая форма как модель реализации авторской целеустановки системой познавательно-речевых действий. Как известно, единицей речевого общения М.М. Бахтин считал высказывание, а его важнейшими конститутивными особенностями – смену речевых субъектов и «завершенную целостность». Именно благодаря завершенности высказывания появляется возможность занять в отношении него ответную позицию. Иное дело предложение как «относительно законченная мысль, непосредственно соотнесенная с другими мыслями того же говорящего в целом его высказывания» [Бахтин 1979: 252]. По отношению к предложению никак не может быть занята ответная позиция, «если только мы не знаем, что говорящий сказал этим предложением *все*, что он хотел сказать, что этому предложению не предшествуют и за ним не следуют другие предложения того же говорящего» [там же: 262]. Таким образом, согласно М.М. Бахтину, в речевом общении происходит обмен именно целыми высказываниями (от однословной бытовой реплики до больших произведений науки

или литературы), предполагающими целостное же их понимание. Однако, с другой стороны, ученый пишет о внедрении в конструкцию высказывания иных высказываний (первичных речевых жанров), в большей или меньшей степени трансформирующихся в нем, но – что важно – сохраняющих при этом свою специфическую природу [Бахтин 1979: 251], пишет также о разнохарактерных диалогических отношениях внутри произведения [Бахтин 1972: 311–315].

Мысли М.М. Бахтина о соотношении важнейших признаков высказывания об объеме единиц коммуникации, о характере целостности текста интерпретируются в литературе неоднозначно и являются дискуссионными [Кожина 1998: 24–25; Федосюк 1997: 104].

Для разработки этих вопросов важны идеи и другого выдающегося ученого – Л.П. Якубинского, в частности его наблюдения за речевым поведением «нескольких знакомых... собиравшихся иногда для беседы на научные темы, для заслушивания небольших докладов...». «Это заслушивание, особенно когда оно действительно бывало внимательно, постоянно превращалось в сплошное прерывание докладчика; его монолог постоянно прерывался репликами... Даже если кто молчал, то по лицу бывало видно, как хочет говорить... Иногда молчание переглядываются и мимируют, слушая другого; иногда что-то “промыкивают” про себя: до такой степени звук “лезет изо рта”» [1986: 32–33].

Такого рода факты не оставляют сомнений в том, что адресат занимает ответную позицию по отношению не только к целому высказыванию, но и к образующим его частным сообщениям (субтекстам), которые, следовательно, тоже выступают в роли единиц речевого взаимодействия. Однако этим частным сообщениям присуща лишь автономность (а не завершенность), их содержание включено в смысловую систему текста, определяется целостным замыслом последнего.

Концепция текста как воплощения авторского замысла в виде сложно организованной системы сообщений (утверждений, предикаций, их блоков) разработана Н.И. Жинкиным и его последователями [Жинкин 1956; Тункель 1964; Дридзе 1980]. В этой концепции особо подчеркивается положение об иерархии предикаций: «...некоторые из них являются главными, другие дополнительные, третьи дополнительными к этим вторым и т.д.» [Жинкин 1956: 148]. Градуировка сообщений основывается на

разном их «информационном весе», разной роли в выражении цели, основной идеи текста.

Представляется, что наряду с этой стороной анализа речевого произведения как системы содержательно-смысловых единиц весьма важен и другой аспект исследования, учитывающий специфику первичного авторского замысла, состав и отношения конкретизирующих его частных целей, способы этой конкретизации. Ведь известно, что сколько-нибудь развернутая деятельность, в том числе текстовая, «предполагает достижение ряда конкретных целей, из числа которых некоторые связаны между собой жесткой последовательностью» [Леонтьев 1975: 105].

В процессе текстообразования актуализация этих конкретных целей создает систему сообщений (субтекстов), в том числе весьма частных, каждое из которых, являясь в той или иной степени автономным, способно вызвать ответ адресата. По-видимому, используемое М.М. Бахтиным понятие «абберации» [1979: 262, 264–266], т. е. домысливания предложения (или слова), выделенного из контекста, до целого высказывания, характеризует не только процесс лингвистического анализа, но и общие особенности восприятия текста адресатом, в этом плане пока не изученные.

Анализируя высказывание под типологическим углом зрения, важно иметь в виду, что индивидуальный речевой замысел говорящего, как правило, в том или ином отношении схож с уже знакомыми из прошлого опыта познавательного-коммуникативными целеустановками, реализуемыми более или менее привычным способом [Славин 1976: 32], который, будучи в общем случае известным и адресату, задает нормативы не только продуцирования, но и восприятия текста [Богин 1997]. Подведение первичного замысла под типовую целеустановку и его актуализация с помощью системы типовых действий, очевидно, может рассматриваться как важная сторона механизма приспособления замысла к избранному жанру.

└ Сама же жанровая форма предстает как закрепленный социальным опытом, многократно используемый способ реализации типового авторского замысла (общей цели) некоторой совокупностью познавательного-коммуникативных действий (в результативном плане субтекстов), подчиняющихся частным целям.

Под коммуникативной целью мы понимаем прогнозируемое искомое, образ будущего результата по отношению к *тек-*

стовому объекту и адресату [Матвеева 1995: 215]. Действие же это актуализация цели.

Отметим, что сами по себе жанровые формы как виртуальные схемы, как безличные *средства* коммуникации безотносительны к предусмотренному субъективным авторским замыслом актуальному завершению текста: в соответствии с исходной авторской установкой та или иная жанровая форма может быть реализована как в целом речевом произведении, так и в его автономной части, а иногда и в нескольких произведениях – в сверхтексте [Купина, Битенская 1994].

Если выделить для анализа тематический план организации жанра и опереться на введенные Т.А. ван Дейком понятия суперструктурной схемы и тематической макроструктуры [1989: 41, 229, 236–237 и след.], то можно сказать, что воспроизводимая система познавательного-коммуникативных действий создает суперструктурную схему дискурса, а содержание этих действий образует организуемые схемой тематические макроструктуры. Следовательно, на тематическом уровне жанровая форма может быть интерпретирована как суперструктурная схема текста [Баранов 1995: 60; Дементьев 1997: 35, М. Wojtak 1996: 178].

При продуцировании речевого произведения определенной жанровой разновидности субъект речи последовательно раскрывает ряд предусмотренных схемой тем или, иначе говоря, отвечает на ряд вопросов / ведь тема совпадает с утвердительной составляющей вопроса, который, как известно, может быть оформлен не только вопросительным предложением (*Что вам известно о притоках Волги?*), но, в частности, и словосочетанием, называющим требующую освещения тему (*Притоки Волги как вопрос в экзаменационном билете* [Лимантов 1975: 8, 82]). Вопрос и есть «требование, адресованное субъекту, который должен сформулировать некоторое высказывание...» [Лимантов 1975: 9].

Таким образом, мы снова приходим к мысли о диалогической (вопросно-ответной) природе субтекстов в составе речевого жанра. Ведь они реализуют *жанровое предписание адресанту* (ответить на ряд вопросов) и удовлетворяют *жанровому ожиданию адресата* в получении соответствующих ответов. Жанровая форма, следовательно, организует систему вопросов, требующих ответа. Отметим, что понятие «жанрового ожидания» шире, чем понятие «жанрового вопроса»: адреса-

том ожидаются не только информационные, но и фатические действия субъекта речи, а также различные характеристики воспринимаемого текста.

Иллюстрацией к сказанному могут служить коммуникативные блоки научно-речевого произведения [Лариохина 1985; Крижановская 1996; и др.], статус которых в последнее время обсуждается в литературе [Кожина 1999: 32–33], – такие, как обоснование актуальности проблемы, общая характеристика объекта исследования, описание степени изученности темы и т.д. В самом деле, если субъект речи, например студент, недостаточно хорошо владеет жанровой формой и, создавая сообщение, пропускает ряд предусмотренных ею блоков, то мы, редактируя его текст, говорим о необходимости осветить *вопросы* об актуальности работы, объекте, предмете исследования и пр. Или же, прочитав (заслушав) текст, мы *задаем его автору эти вопросы*.

Можно, следовательно, утверждать, что *жанровая форма* служит средством согласования коммуникативной деятельности отправителя сообщения и коммуникативной деятельности адресата, *моделью речевого взаимодействия партнеров по общению* [Сидоров 1987: 9].

О степени стереотипности жанров речи в связи с организацией конституирующих их действий. Жанровые формы допускают разную степень свободы в развертывании содержательно-смысловой стороны сообщения, а также в выборе и использовании языковых средств. Анализ показывает, что большая или меньшая стереотипность жанров речи зависит от типа организации репродуктивных познавательных-речевых действий, образующих жанровую форму. Представляется, что эта область генетической проблематики тесно связана с вопросами прагматики (с изучением общих правил человеческой деятельности как таковой). Кв. Кожевникова [1979] точно обозначила главные различия между жанрами по указанному признаку. Напомним, что ею выделены: 1. Тексты, которые строятся в соответствии с *более или менее жесткими*, но всегда *облигаторными* информативными моделями (например, кулинарный рецепт, инструкция, театральная афиша). 2. Тексты, содержание которых строится по *узальным* информативным моделям, т.е. моделям, носящим *довольно общий характер* (газетное сообщение о текущих событиях, рецензия на литературное произведение). 3. Тексты, нерегламентированные, содержание которых *не подлежит никакой строгой заданности со*

стороны жанра и коммуникативной сферы (частная переписка, большинство жанров художественных произведений).

В чем же причина облигаторности и жесткости информативных моделей в одних случаях, узуальности и общего характера в других, отсутствия строгой заданности в третьих?

Объяснение специфики жанровых форм первой группы, очевидно, заключается в том, что они представляют собой типизированные системы подготовительных действий, без которых невозможны более поздние действия, отсюда облигаторность этих форм. Как отмечал Т. Котарбинский, «суть подготовительного действия (*кто-либо, открывая дверь, делает для себя возможным войти в комнату*) состоит в том, что оно служит, по крайней мере, двум целям: дальней цели (главной) и цели ближней (подчиненной), достижение которой является задуманным средством на пути к дальнейшей цели» [1975: 79].

Ближняя цель театральная афиши, заключающаяся в объявлении предстоящего спектакля, реализуется именно теми сообщениями (о названии мероприятия, времени и месте его проведения, продаже билетов), которые необходимы для актуализации дальнейшей цели – для показа этого спектакля зрителям. Существенно, что информационный объем жанровых вопросов мал и в основном предполагает «одноактовые» ответы ([Где состоится спектакль?] *В муниципальном дворце культуры...*), без выделения подвопросов и дополнительного тематического структурирования или же с минимальным и опять-таки стандартизированным развертыванием темы: *Билеты продаются...; Кассы работают...; Заявки принимаются по телефону...* Частично-диктальный [Балли 1955: 48] тип жанровых вопросов, требующих лишь дополнения некоторой имеющейся информации, предполагает воспроизведение в ответе утвердительной составляющей вопроса, что приводит к клишированности речи: [Где можно купить (приобрести) билеты?] *Билеты можно приобрести в кассах культурно-делового центра.*

Жанровые формы, называемые Кв. Кожевниковой узуальными, в своей основе являются системами типовых познавательных-коммуникативных действий, характеризующих некоторый объект и определяемых относительно устойчивым фрагментом знания о нем. Данная целеустановка – охарактеризовать объект (ситуацию) – может быть реализована с большей или меньшей полнотой (возможны, следовательно, развернутый и компресси-

рованный варианты актуализации жанровой формы). Наиболее существенные признаки фрагмента знания должны быть раскрыты обязательно, по отношению же к другим предполагается избирательность. Так, автор текста газетных новостей, помимо более или менее развернутого описания главного события, может приводить информацию о непосредственно предшествовавших ему событиях, отдаленной исторической подоплеке, о политическом контексте, о последствиях событий и др. [Дейк ван 1989: 253–259]. Автор рецензии на литературное произведение в ходе обязательного анализа идеи, системы образов и особенностей формы произведения, естественно, не охватывает всех важных параметров художественного целого, сосредоточиваясь только на некоторых из них. Причем информационный объем исходных жанровых вопросов велик и предполагает серию подвопросов, раскрываемых опять-таки избирательно, лишь в некоторой своей части. К тому же та или иная цель во многих случаях может быть актуализирована в различных частных (особенных) формах. В этом, на наш взгляд, и проявляется общий характер и гибкость узуальных моделей. Широкая вариативность раскрываемых подтем, а также разнообразие тактик их освещения обуславливают уменьшение, по сравнению с сообщениями первой группы, клишированности речи.

Нужно, однако, отметить, что тексты рассматриваемого типа, строго говоря, являются результатом комплексного действия, включающего подготовительное действие [Дейк ван 1978: 288]. Так, характеристике объекта обязательно предшествует его представление читателю, идентификация: в тексте новостей это наименование события, местные и временные данные, в рецензии – название произведения, имя его автора. Следовательно, указанные речевые произведения, в основном строящиеся по узуальным информативным моделям, реализуют и облигаторные формы.

Наконец, своеобразие текстов, содержание которых не подлежит строгой заданности со стороны жанра, связано с тем, что субъект речи ориентирован не на некоторый круг частично-диктальных типовых вопросов, как в предыдущих двух случаях, но на ожидания адресата, равнозначные в информационном отношении полному диктальному вопросу: *в чем дело?* [Балли 1955: 48], *что [вы хотите сказать]?* Поэтому выбор тем здесь свободный (лишь с некоторыми ситуативными ограничениями). Однако пос-

ле того, как тема выбрана, она раскрывается в соответствии с некоторой информативной моделью, предполагающей большую или меньшую степень стандартизованности сообщения. В этом смысле выбор относится к целостным сегментам, сконвенциализированным в культурном и языковом отношениях [Zgółka 1991: 29].

Отметим, что рассмотренные Кв. Кожевниковой различия в характере и степени типизированности текстов можно отнести не только к речевому произведению как целому, но и к его единицам (блокам), причем текст в большинстве случаев включает единицы разной степени стереотипности [Разинкина 1985: 36–37].

Заключительные замечания. Концепция культуры как способа человеческой деятельности имеет методологическое значение для стилистики, теории речевых жанров, культуры речи, поскольку функциональные стили и представляющие их речевые жанры являются воспроизводимыми способами текстовой деятельности, феноменами технологической грани культуры в области речевой коммуникации. Это расширяет наши представления о комплексе дисциплин, образующих теоретический фундамент речеведения.

Принимая во внимание приоритет содержательно-смысловой (духовной) стороны речевого общения и социальную природу последнего, мы понимаем жанры речи как объективируемые в текстах формы осуществления духовной социокультурной деятельности, соответствующие определенным принципам «идеологического преломления бытия» (М.М. Бахтин).

Классификация функциональных стилей по признаку единства вида деятельности и формы общественного сознания (М.Н. Кожина) или, иначе, по видам духовной социокультурной деятельности, в сущности, является первым уровнем членения в жанровой классификации. Дальнейшие подразделения могут проводиться по более частным (особенным) разновидностям того или иного вида духовной деятельности, вплоть до образующих эти разновидности систем типовых действий.

Речевой замысел говорящего, будучи в некотором отношении схожим с уже знакомыми из прошлого опыта, повторяющимися целеустановками, обычно реализуется в соответствии с относительно устойчивой схемой познавательных-коммуникативных действий, сложившейся в определенной области духовной культуры. С учетом этого жанровая форма может быть интерпрети-

рована как закреплённый социальным опытом способ актуализации авторского замысла некоторой системой познавательного-коммуникативных действий (в результативном плане – субтекстов).

Продуцирование сообщения определенной жанровой разновидности как некоторой системы субтекстов предполагает раскрытие адресантом ряда подтем, освещение ряда вопросов, что соответствует ожиданиям адресата. Жанровая форма, следовательно, предстает как типизированная модель речевого взаимодействия партнеров по общению, в ней запечатлеваются диалогические отношения.

Изучение жанровых форм в русле общей проблематики способов актуализации цели, структур сложного действия открывает путь к объяснению существенных различий в характере и степени стандартизованности речевых произведений.

В.В. ДЕМЕНТЬЕВ

Фатические и информативные жанры непрямой коммуникации

К определению непрямой коммуникации. Понятие непрямой коммуникации (далее – НК) пока не получило достаточного осмысления в лингвистике, хотя роль НК в жизни человека можно с уверенностью охарактеризовать как исключительно важную. Следует отметить, что пространство НК в современной России обладает некоторыми особенностями, которые делают его очень интересным объектом исследования.

Интуитивно НК – довольно ясное понятие. Каждый носитель языка может привести множество типичных и ярких примеров не прямых высказываний как из повседневной речевой практики, так и из вторичных, книжных или официальных, сфер культурного общения. Многие типичные ситуации общения допускают и даже требуют от коммуникантов обращения к непрямым языковым средствам, эвфемизмам, «не таким» грамматическим конструкциям, типам предложений, какие должны были бы быть использованы для оформления данного содержания в данном языке и др. С другой стороны, поле не прямой коммуникации составляют не только косвенные высказывания, но и разнообразные косвенные компоненты содержания / имплицатуры языковых единиц. Можно говорить также о некоторой общей не прямой тональности коммуникации.

Содержательная многомерность реального разговорного текста предполагает прежде всего сложность прочтения смыслов, при этом сложность относительную. Говорящий по каким-то причинам ждет от слушающего более сложной интерпретации своих высказываний, чем основная, первичная интерпретация / идентификация высказывания (та, которая «первой приходит в голову» при его изолированном употреблении), а также жанровая интерпретация (наиболее естественная интерпретация более или менее типического высказывания в более или менее типической ситуации общения).

В целом речь идет о тех разновидностях коммуникации, в которых для прочтения смысла высказываний оказывается недостаточно одних лишь норм языка. Так, непрямыми средствами вербальной коммуникации являются косвенные речевые акты типа *Не могли бы вы открыть окно?*; эвфемизмы типа *Женищина определенного рода занятий*; метафоры типа *Дикая кошка – армянская речь Мучит меня и царапает ухо* (О. Мандельштам), а также некоторые разновидности знакового общения, определяемые Э. Берном как «игры», типа: *КОВБОЙ: Не хотите ли посмотреть конюшню? – ДЕВУШКА: Ах, я с детства обожаю конюшни!* [Берн 1988: 25].

Среди наиболее характерных свойств, присущих всем разновидностям НК, можно выделить следующие: 1) смысл не является прямым следствием сказанного, передаваемая информация не сводится к значениям компонентов высказывания (слов, граммем и т.п.), зафиксированных в словаре; 2) понимание высказывания включает некоторые дополнительные смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата, будучи не сводимо к простому узнаванию (идентификации) знака, тем самым присущее языку явление НК (а также окказиональные образования и речетворчество) сближает его с системами «семантического» типа [Бенвенист 1974: 79–88]; 3) понимание НК основано на определенных контекстно-ситуативных условиях и общности апперцепционной базы адресанта и адресата.

Предлагаемое понятие НК требует пояснения в нескольких отношениях. Прежде всего понятие конвенциональной интерпретации (тем более идентификации) разговорного высказывания является остродискуссионным. В ряде исследований отрицается возможность такой интерпретации, поскольку стандартные зна-

чения соотносятся скорее с языком, чем с речью, основными свойствами которой являются ситуативность, авторское начало, «неповторимость».

Те содержательные единицы, которые можно выделить в процессах социального взаимодействия людей, не являются «значениями» в терминологическом смысле. Термин «значение», как известно, применяется прежде всего по отношению к языку-системе; предполагается, что языковые значения и знаки обычно полностью изоморфны и соответствуют друг другу практически так же однозначно, как в искусственных системах. Асимметрия появляется тогда, когда это однозначное соответствие нарушается и знак перестает соответствовать своему значению. Естественно, что понимать подобным образом коммуникацию нельзя (как нельзя понимать НК как асимметрию). Семантике коммуникации присущи, в отличие от системы языковых значений, неизоморфность, гетерогенность и отсутствие строгих соответствий «знак ~ значение». В реальной коммуникации слушающий должен не просто выбрать одно «значение» из нескольких представленных, а понять, даже во многом «домыслить» смысл, который не содержится в готовом виде в высказывании. Добавим, что по этой причине никакое решение слушающего не может быть признано абсолютно верным. Теоретически говорящий всегда может уличить его в неправильном понимании. Это, естественно, особенно удобно для таких «деликатных» ситуаций общения, как, например, флирт, розыгрыш.

Терминологически «значение» и «смысл» сопоставимы прежде всего как семиотическая информация (за которой стоит система) и несيميотическая (индивидуализированная и неконвенционализированная) [Богин 1986; Кобозева 2000]. Отношения между «значением» и «смыслом» понимаются в лингвистике в общем как отношение между языком и речью. Мы же считаем, что их можно понимать как отношение между прямой и непрямой коммуникацией.

Как уже говорилось, термин «значение» недостаточен для изучения коммуникации. В отличие от него, используемый в прагмалингвистике термин «интенция» уже не исходит из того, что за каждым коммуникативным смыслом конвенционально закреплено специальное означающее. Однако все же предполагается, что в процессе коммуникации любое действие или состояние говорящего является целенаправленным, т.е. каждый раз соотно-

сится с некой положительной (при этом чаще всего типичной) интенцией. Понятие «причины» обращения к НК также требует пояснения. Само слово «причина» означает высокую риторичность речевого поведения говорящего, целенаправленно обращающегося к НК (а следовательно – заботу о форме речи), что вновь вступает в противоречие с основными свойствами разговорной речи.

При рассмотрении содержательного начала НК нам кажется целесообразным воспользоваться термином Дж. Серля «интенциональное состояние» (*intentional state*). «Интенциональное состояние» понимается как психическая направленность человека (животного) на объекты и положение дел внешнего мира. При этом важно, что интенциональное состояние не равно тому, на что оно направлено или чем оно вызвано. Например, чувство тревоги не есть интенциональное состояние, потому что чувство тревоги и тревога тождественны. Интенциональное состояние также не есть то же самое, что намеренность (*intending*): ни вера, ни любовь, хотя им присуща интенциональность, отнюдь не содержат сами по себе интенции, т.е. не побуждают человека что-то делать с объектом веры / любви. Показательно, что, например, на вопрос «Что вы сейчас делаете?» нельзя ответить: «Сейчас я верю, что налоги будут снижены», или «Опасюсь падения цен». Особенно важно для нашего исследования то, что интенциональность не имеет лингвистического характера, т.е. интенциональные состояния вовсе не обязательно имеют выражение в языке. Интенциональными состояниями обладают младенцы и многие животные, не имеющие языка и не способные осуществлять речевые акты [Серль 1987: 96–101]. Таким образом, для интенционального состояния являются факультативными такие факторы, как обязательная активность говорящего (того лица, которое мы можем каким-то образом охарактеризовать в категориях интенциональных состояний), а также само существование в коммуникативной компетенции людей закономерных соответствий «тип интенционального состояния ~ тип речевой активности», напоминающих модели фреймowego типа.

Добавим, что интерпретация НК в категориях интенциональных состояний отличается от лингвистической интерпретации не только меньшей жесткостью, но и тем, что наличный материал может быть охарактеризован в таких категориях, как це-

леполагание, стратегия и тактика, эффективность и воздейственность, только приблизительно и по косвенным данным.

Системность в коммуникации проявляется в существовании интенциональных диалогов (текстов с необходимой реакцией на первую реплику) и характере отношений инициальных реплик к «вынуждаемым» ответам. Здесь мы вступаем в область диалога, тех диалогических отношений, о которых М. М. Бахтин писал, что они «не поддаются грамматикализации и сохраняют свою специфическую природу, принципиально отличную от отношений между словами и предложениями» [Бахтин 1996: 173–174]. Ср. изучение в современной лингвистике закономерностей «вынуждения» высказывания предыдущим(и) высказыванием(ями), собственной прагматической валентностью, контекстом ситуации, а также социальными и психологическими мотивами каждого из коммуникантов (см., например: [Баранов, Крейдлин 1992; Ширяев 2000]). Эти тонкие отношения всегда трудноисчислимы и, так сказать, аморфны.

Что же такое тогда НК? В НК происходит не замена означаемых / означающих от разных знаков (ср. противопоставленные друг другу в языке синтаксические типы повествования, вопроса, побуждения, отрицания, в которых значение закреплено за стандартной формой), а замена одного интенционального состояния на другое. Эти замены часто почти неуловимы, необъяснимы при изолированном рассмотрении высказывания. Но в конкретной ситуации общения они обычно понятны. Кроме того, они хорошо заметны в случаях высокой степени «непрямоты» коммуникации (например, во флирте).

Неявные смыслы, содержащиеся в непрямом высказывании, вступают в сложные отношения с теми смыслами, которые выражены в нем эксплицитно, и общий смысл высказывания может быть понят только с учетом обоих типов смыслов. Сложность заключается в том, что данная коммуникативно-прагматическая информация не может быть передана посредством прямого высказывания. В этом состоит отличие НК от имплицитных высказываний типа: *И я с тобой ~ И я с тобой пойду*.

Существует, по крайней мере, три типа смыслов, которые не могут быть переданы средствами языка.

1. Язык оказывается недостаточен для исчерпывающего выражения фатических интенций, например, значение пропозиции высказывания *Нас в купе пока всего двое* не соответствует

его смыслу заполнителя паузы в ситуации вынужденного общения, когда молчать неловко (как, впрочем, и значение пропозиции любого другого высказывания в подобной ситуации). Эта «несостоятельность» языка связана, как известно, с особым типом семантичности фатической речи, основывающейся не на отношениях между означающим и означаемым, а на самом факте произнесения знака [Винокур 1993]. Это демонстрирует реплика из последнего разговора Астрова и Войничского (А. Чехов): *А, должно быть, в этой самой Африке теперь жарница – страшное дело!* Смысл реплики практически не поддается пояснению с опорой на «прямые» значения. Оба собеседника говорят не о том, что их волнует, а о третьестепенных вещах. Ситуация разговора характеризуется тем, что действие по существу закончено, страсти отшумели, лошади поданы, Астров уже попрощался со всеми и не уходит лишь потому, что ждет, когда принесут рюмку водки, предложенную ему нянькой. Общение внутренне завершено, но контакт еще продолжается. Разговор об Африке возникает только из потребности заполнить паузу. Общий смысл диалога составляет ощущение невозможности и ненужности возвращения к только что пережитому и сказанному [Долинин 1983: 42–43].

2. Различные художественные смыслы / фасцинация эстетически значимых текстов, которые лишь частично порождаются «образными» средствами языка, метафорами и т.д. [Виноградов 1963].

3. Не могут быть переданы средствами языка множественные, варьируемые смыслы. Такие смыслы соответствуют неоднозначным, «неточным» мотивам говорящего. Так, во многих ситуациях общения непосредственная коммуникативная цель высказывания не вполне ясна для самого говорящего, который, возможно, еще не решил, чего он хочет от собеседника и взаимодействия с ним.

Здесь следует сделать одно важное замечание. Может сложиться впечатление, что, поскольку НК прочитывается через призму интенциональных состояний говорящего, именно говорящий является смысловым центром НК. Это, однако, не так: определяемая сложностью прочтения смыслов, НК в большей степени зависит от слушающего / интерпретатора. Именно от последнего зависит итоговый смысл, поскольку им прочитываются все смыслы, а не только те, которые сознательно хотел передать говорящий. Осознание этого факта заставляет лингвистов перехо-

дить от моделей кодового типа к инференционным и особенно интеракционным моделям коммуникации в различных их вариантах¹.

В случае НК, допускающей множественную интерпретацию, могут не совпадать смыслы, которые закладываются говорящим, и смыслы, которые вычитывает слушающий. Естественно, что это возможно в любом типе речи, но только в НК неправильная интерпретация может быть следствием того, что «правильного», однозначного толкования высказывания... может не быть вообще!

Подобные явления нередко изображаются Ф. Достоевским: человек с подозрительностью, какой-то болезненной жадностью вслушивается в высказывания собеседника, выискивая там скрытые смыслы, которых нет, например:

<...> Когда глаза их встретились, Rogozhin горько и желчно осклабился и медленно произнес странные слова:

– Не так этот предмет надо обделывать, парень, не так...

Что хотел сказать Rogozhin, конечно, никто не понял, но слова его произвели довольно странное впечатление на всех; всякого тронула краешком какая-то одна общая мысль. На Ипполита же слова эти произвели впечатление ужасное: он так задрожал, что князь протянул было руку, чтобы поддержать его, и он наверно бы вскрикнул, если бы видимо не оборвался вдруг его голос. Целую минуту он не мог выговорить слова и, тяжело дыша, все смотрел на Rogozhina. Наконец, задыхаясь и с чрезвычайным усилием, выговорил:

– Так это вы... вы были... вы?

– Что был? Что я? – ответил, недоумевая, Rogozhin, но Ипполит, вспыхнув и почти с бешенством, вдруг его охватившим, резко и сильно вскричал:

– Вы были у меня на прошлой неделе, ночью, во втором часу, в тот день, когда я к вам приходил утром, вы!! Признавайтесь, вы? («Идиот»).

¹ Информационно-кодовая модель коммуникации исходит из того, что цель коммуникации – передать сообщение; процесс достижения этой цели основан на существовании «общего кода». Инференционная модель коммуникации исходит из того, что говорящий S, вкладывая свой смысл в высказывание x, трижды демонстрирует свои интенции: (*i*₁) он намерен произнесением x вызвать определенную реакцию (*r*) в аудитории A; (*i*₂) он хочет, чтобы A распознала его намерение (*i*₁), а также, (*i*₃) чтобы это распознавание намерения (*i*₁) со стороны A явилось основанием или частичным основанием для реакции (*r*). Интеракционная модель коммуникации исходит из того, что практически любая форма поведения – действие, бездействие, речь, молчание – в определенной ситуации может оказаться коммуникативно значимой [Макаров 1998: 22–27].

Вторичные жанры непрямой коммуникации. Очень важным объясняющим инструментом при изучении НК, как и коммуникации в целом, является понятие речевого жанра (далее – РЖ).

РЖ в силу своей композиционности, определенности накладывают ограничения на интерпретацию речевых высказываний, тем самым делая интерпретацию более стандартной и снижая степень «непрямоты» коммуникации. Одна из важнейших функций РЖ – опознавать интенции, на что справедливо указывал М.Ю. Федосюк: «Что же касается полного перечня содержательных признаков речевого жанра... то он, по-видимому, и составляет ту предназначенную для распознавания адресатом характеристику коммуникативных намерений говорящего, которую М.М. Бахтин называл речевым замыслом говорящего и которая в теории речевых актов именуется иллокутивной силой высказывания» [Федосюк 1997: 107]. Таким образом, РЖ являются своеобразным переходным мостиком между значением и смыслом, между «прямой» и «непрямой» коммуникацией.

С другой стороны, сами РЖ иногда требуют употребления именно не прямых средств, что становится особенно заметным при сравнении нескольких разных, но по каким-либо признакам близких / смежных жанров (например, *разговор по душам* и *флирт*).

Особенно значимым для понимания НК является понятие вторичного речевого жанра, введенное М.М. Бахтиным [Бахтин 1996: 161–162] и относительно хорошо изученное в современном социопрагматическом жанроведении [Дементьев 1999]. Вторичные РЖ оказываются необходимым объясняющим инструментом при обращении к истории языка, истории речи и коммуникативной культуры.

Новая сфера общения, по-видимому, всегда порождает вторичные РЖ. Так, в отношениях «первичный РЖ ~ вторичный РЖ» состоят *реплика* в бытовой речи ~ и *реплика* в романе; *бытовая угроза* ~ и *нота* или *ультиматум*; *информативный диалог* (make-know discourse) ~ и *риторический* и *экзаменационный вопросы* (экзаменатор сам знает ответ на свой вопрос); *шутка*, бытующая в разговорном общении, ~ и книжные *бурлеск* и *велеризм*.

Но всегда ли новая сфера порождает НК?

Существуют сферы общения, само вступление в которые, независимо от конкретной цели (информативная, фатическая и т.д.), предполагает использование НК. Приведем в качестве при-

мера сферу общения через газетные объявления. Данная сфера использовалась для передачи зашифрованных сообщений еще в XVIII–XIX веках. См. «Записки о Шерлоке Холмсе» А. Конан Дойля («The Adventure of the Bruce-Partington Plans»):

...There only remained an envelope with some small newspaper slips inside it. Holmes shook them out on the table, and at once I saw by his eager face that his hopes had been raised.

– What's this, Watson? Eh? What's this? Record of a series of messages in the advertisements of a paper. «Daily Telegraph» agony column by the print and paper. Right-hand top corner of a page. No dates – but messages arrange themselves. This must be the first:

«Hoped to hear sooner. Terms agreed to. Write fully to address given on card. Pierrot».

Next comes:

«Too complex for description. Must have full report. Stuff awaits you when goods delivered. Pierrot».

Finally:

«Monday night after nine. Two taps. Only ourselves. Do not be so suspicious. Payment in hard cash when goods delivered. Pierrot».

...Оставался еще конверт с какими-то газетными вырезками. Холмс разложил их на столе, и по его загоревшимся глазам я понял, что появилась надежда.

– Что это такое, Уотсон, а? Газетные объявления и, судя по шрифту и бумаге, из «Дейли телеграф» – из верхнего угла правой полосы. Даты не указаны, но вот это, по-видимому, первое:

«Надеялся услышать раньше. Условия приняты. Пишите подробно по адресу, указанному на карточке. Пьерро».

А вот второе:

«Слишком сложно для описания. Должен иметь полный отчет. Оплата по вручении товара. Пьерро».

И, наконец, последнее:

«В понедельник вечером после девяти. Стучать два раза. Будем одни. Оставьте подозрительность. Оплата наличными по вручении товара. Пьерро».
(Перевод Н. Дехтеревой).

Ср. новые сферы опосредованного общения, количество которых растет пропорционально темпам научно-технической революции. Общение через сеть Internet, преследующее различные цели, по причине своей опосредованности нередко является НК, при этом вторичные фатические РЖ как будто всегда требуют НК, вторичные информативные РЖ – нет.

Roman Yarychkivsky <yarick@audit.ivano-frankivsk.ua>
записано в статью

<ABIEsTq8qE@audit.ivano-frankivsk.ua>...

>>> *Hi guys!*

>>> *Вчера один мой одноклассник задал мне вопрос:*

>>> – *А сколько это – файл?*

>>> *Помогите, pls, с ответиком, желательно так, чтобы он
меня больше*

>> *никогда*

>>> *ни о чем не спрашивал!*

Объясни ему в килобабах! (Сеть Internet);

Anton Leitan wrote:

[parsed]

> *Мысль понятна. Но такой нюанс: есть просто 'элитарное'
искусство,*

> *а есть умирающее искусство. Театр свой расцвет уже пере-
жил,*

> *а сейчас просто скатывается по инерции.*

*Театр сейчас живет всех живых. Дело в том, что театр –
основа актерского мастерства. В силу своей специфики (ограничен-
ное пространство сцены, отсутствие дублей и т.п.) он способствует
росту актерского мастерства. Одно только это определяет его
вечность.*

> > *Поэтому так называемое «элитарное искусство» более
художественно.*

> *Ммм. Чтобы это значило?*

Бывает. Заносит.

С уважением

Дмитрий Всеволодович Лесниченко. (Сеть Internet).

«Компьютерная» сфера общения обуславливает использо-
вание специальных форм (*Hi guys!*; *pls*; *[parsed]*) и незапланиро-
ванные реакции (*Записано в статью; Бывает, заносит; Объясни
ему в килобабах*). Глобальным фактором, обуславливающим ис-
пользование не прямой коммуникации в сети Internet, является
общая техническая база, которая, с одной стороны, обеспечивает
ряд удобств (скорость и направленность, возможность получить
нужную информацию и общаться, находясь у себя дома), а с дру-
гой стороны – делает общение опосредованным (на первый план
выходит общая настроенность коммуникантов на некий «вирту-
альный аромат» общения, которое не только заменяет «обычное»

общение, но часто выступает как самоцель), что приводит к трансформации формы и содержания высказываний.

Но в целом новая сфера НК. Очевидно, например, что экзаменационный вопрос не является НК, хотя экзаменационный вопрос и «просто» вопрос состоят в отношениях «вторичный РЖ ~ первичный РЖ».

Фатические речевые жанры во вторичной сфере общения.

Обратимся к фатическому общению посредством газетных объявлений в саратовской газете бесплатных объявлений «Кому что...» (специальная рубрика «Послания»). Фатический характер такого общения определяется самим фактом обращения к «Посланиям», главная цель которого состоит в удовлетворении потребности быть замеченным, услышанным, т.е. в наличии контакта. Не менее очевиден не прямой, опосредованный характер данного типа общения. Соответствующую «прямую» коммуникацию вообще довольно трудно представить (человек, который обращается на улице ко всем встречным, предлагая познакомиться и общаться друг с другом?). Одной из наиболее явных причин НК в рубрике «Послания» является требование, предъявляемое редакцией газеты к авторам объявлений: нельзя сообщать имена и адреса, номера телефонов и машин, хотя, впрочем, можно назначить встречу заинтересовавшему человеку или предложить писать до востребования предъявителю паспорта.

Добавим, что фатическая и не прямая природа «Посланий» благоприятствует флирту – типу «непрямой» фатической коммуникации. Общение посредством объявлений позволяет: 1) неявным образом показать объекту, что он нравится; 2) понравиться самому¹.

Рассмотрим одну сюжетную диалогическую линию в рубрике «Послания» – «линию Красивого блондина на

¹ Будучи одним из наиболее известных, древних, а также распространенных речевых жанров, флирт практически не рассматривался в науке как объект важный, значительный, интересный. Поэтому для определения его косвенной природы нам пришлось осуществить собственное небольшое исследование интенциональной природы флирта как первичного речевого жанра, в результате была построена предварительная типология его разновидностей. Перечислим выделяемые в ней разновидности флирта [Дементьев 2000]:

(1) «Флирт ради самого флирта». Цель сводится к получению удовольствия от игрового общения, и не имеется в виду ничего «более». Такой флирт представляет собой разновидность праздноречевого / фатического общения. Как общение ради самого общения в целом может быть «положительным», т.е. гармонизирующим, и «отрицательным», т.е. конфликтным, так и флирт может быть «положительным» и «отрицательным». К положительному флирту относятся косвенные комплименты, скрытым образом выражающие симпатию, влечение к парт-

и н о м а р к е». Данную линию составляют, во-первых, послание самого *Красивого блондина на иномарке*, во-вторых, отклики от девушек, желающих познакомиться с ним, и, в-третьих, метапослания / рефлексия. Отметим, что откликов от девушек, желающих познакомиться с *Блондином*, было около ста, аллюзий к нему (метапосланий) – более тысячи.

Девушки! В свои 22 года я уже устал от одиночества, надоели постоянные вечеринки, «девушки легкого поведения». А так хочется познакомиться с верной, доброй и одинокой девушкой для серьезных отношений. Неужели такие перевелись? Красивый блондин на иномарке. («Кому что» от 5.05.94 г.).

Отклики от девушек. Их можно разделить на ряд групп по нарастанию степени косвенности¹:

1. Послания, в которых содержатся прямые положительные оценки и согласие встретиться, а также – что не менее

неру при фамильярности и даже грубости на поверхностном уровне. Вторая разновидность фатического флирта связана с борьбой, удовольствием от тонких уловок противника, демонстрацией своего превосходства.

(2) Флирт, имеющий ценность не сам по себе, а как начало, прелюдия или повод для «настоящей» любовной игры (которая, по данным сексологии, тоже может выступать как самоцель, но чаще все-таки является только прелюдией к половому акту).

Названные две цели, соответствующие двум разновидностям флирта, выступают в качестве глобальных макроинтенций, обуславливающих микроинтенции структурных элементов и стратегий флирта.

(1) Первой микроинтенцией является сигнализирование объекту ухаживания «ты нравишься мне как лицу противоположного пола» (при этом сигнал должен быть косвенным). Семантику данного коммуникативного действия можно определить как косвенный комплимент [Вежицка 1997: 108]. (2) Вторая микроинтенция связана с желанием понравиться самому. Данная цель также достигается косвенно. Можно, допустим, защитить женщину от хулигана. Но когда мальчик дергает девочку за косу – это уже не прямое средство понравиться.

Дополнительно преследуется еще две цели: (3) «сохранить свое лицо», т.е. избежать возможных эмоциональных потерь при попытке вступления в разговор. Для мальчишки, на которого смотрят насмешливые сверстники-наблюдатели, эта цель вообще часто является главной, отсюда подчас отчаянное желание не показаться девочке, что она нравится, (4) «сохранить лицо» адресата. Это собственно риторическая задача, с решением которой часто связан успех флирта в целом: именно при неправильном риторическом воплощении жанра очень легко обидеть адресата уже самим фактом флирта с ним, тем более если флирт примитивный.

¹ Вопрос о степени косвенности данных текстов требует специального обсуждения, как и вопрос о косвенном характере средств флирта в целом. В современном жанроведении при исчислении степени косвенности жанра успешно применяется полевой подход [Федосюк 1997: 108-111].

При рассмотрении разновидностей флирта следует учитывать разную семиотическую природу используемых в них средств:

(1) Поведенческие единицы с пониженной семиотичностью – донести женщине сумку, защитить от хулигана, вскопать огород, отдать свой пиджак, если она замерзла, и др. прямая и непосредственная помощь. Защитить девушку от хулигана, собственно, вообще не флирт: здесь все серьезно и нет места игре.

характерно – прямое сообщение о наличии у себя всех иско-
мых качеств:

Красивому блондину на иномарке. Мне очень понравилось ваше послание. Хотя мне только 16 лет, я уже, как и вы, устала от одиночества. Я имею все качества, какими должна обладать порядочная девушка. Я уверена, что мы найдем с вами общий язык. Предлагаю встретиться. Место и время встречи за вами. С нетерпением жду вашего ответа. Оленька. («Кому что», 23.06.94).

2. Косвенная форма, очень близкая к жанровому стандарту: «хорошие девушки есть». Данная форма часто сопровождается сообщением о наличии искомых качеств и предложением встречи:

Красивый блондин на иномарке («КЧ» № 18)! Такие девушки не перевелись. И если ты действительно устал от лживой любви и хаоса жизни, то я – та девушка, которую ищешь. Если хочешь, давай встретимся. В свои 17 лет я не меньше устала от хамства и ограниченности ума большинства людей, интересы которых сводятся к узкому ряду вещей. Ты хочешь настоящей любви, значит, стремись к совершенству. Значит, выше этого. Дочь Неба (Наталья). («Кому что», 16.06.94).

Более косвенной является форма без эксплицитного предложения встречи (но оно вполне однозначно прочитывается из экспликации *Я одна из таких*):

Красивому блондину на иномарке. Не сомневайся! Хороших девушек много. Просто им недоступно общество парней на иномарках. Я одна из таких. Симпатичная блондинка – Иринка. («Кому что», 23.06.94).

Еще большая степень косвенности – при отсутствии не только предложения встретиться, но и экспликации своих достоинств:

Красивому блондину на иномарке, 22 г.! Верные, добрые, порядочные девушки не перевелись, ты просто не там ищешь. Порядочные в машины не садятся. Лара. («Кому что», 23.06.94).

(2) Действия знакового характера, связь означающего и означаемого в которых является мотивированной – допустим, букет цветов, а также разнообразные комплименты (прямые). Ср. описание некоторых знаковых жестов второго типа в американской культуре: [Пиз 1992: 174-176].

(3) Флиртовые символы. В современной европейской культуре из символов третьего типа получили распространение только “валентинки” (специальные открытки на день святого Валентина). Флиртовые средства третьего типа в чистом виде встречаются достаточно редко – образно говоря, язык любви слишком ароматен, чтобы быть безразличным к телу знака [Дементьев 2000]. Последнее, кстати говоря, несколько затрудняет осуществление флирта через газетные объявления – виртуальный характер общения в “Посланиях” противоречит сексуальной природе флирта.

3. Выражение сочувствия и понимания (все остальное лишь подразумевается, от чего послание становится менее однозначным):

Красивому блондину на иномарке. Одиночество – это самое тяжелое время, когда ты молод и полон сил. Ужасно осознавать, что вокруг тебя нет никого, кому можно верить и доверять, да просто провести приятно время. Все это угнетает, надоедает, и жизнь кажется пустой. Но не надо падать духом. Ты еще молод. **Светлана.** («Кому что», 23.06.94).

4. Выражение сомнений и легкая критика (что скорее всего можно понимать просто как более высокую степень косвенности, поскольку предполагается ответ):

Красивому блондину на иномарке. Знаешь, мне кажется, что тебе будет скучно и неинтересно с такой девушкой. Ведь ты привык к веселой и разгульной жизни (как ты пишешь). Сможешь ли ты быть после нее верным и добрым? Ответь, пожалуйста. Анжелика, 19 лет. («Кому что», 23.06.94).

5. Прямая критика без указания или намек на возможность встречи. Отметим единичность таких посланий:

Симпатичный блондин на иномарке! Пишешь, что тебе надоели вечеринки, девушки легкого поведения. Но сам рассчитываешь на что, если упомянул иномарку? Я думаю, это не самое главное. **Светлячок.** («Кому что», 28.07.94).

Красивый блондин на иномарке! Ты пишешь, что тебе надоело так жить. Но вы все, на иномарках, стремитесь так жить. И для вас существуют только девушки легкого поведения, под которых вы замазываете всех. **Иринка-картинка.** («Кому что», 28.07.94).

Истинные мотивы писавших, естественно, нам неизвестны, однако в двух приведенных посланиях есть общее качество – фамиллярно-ласковая форма псевдонимов (**Светлячок** и **Иринка-картинка**), что позволяет предположить в них, как и в предыдущих группах ответных текстов, флиртовую цель.

Думается, что ближе всего к жанровому канону группа 2 – об этом говорит «удельный вес» таких посланий, а также то, что в такой форме отвечали и другие девушки другим адресатам. Поэтому рассмотрим подробнее именно эту форму.

Стереотип интерпретации: формула «есть хорошие девушки» (обязательно в «непрямой» форме 3-го лица множ. ч.) «ты должен действовать» содержит смысл: 'я говорю о себе, таким

хорошим человеком являюсь именно я, но при этом я не хвалю себя прямо'. Это классическая форма косвенного предложения – институционального речевого хода во флирте. В какой-то степени она «запрограммирована» формой стимула: риторический вопрос *Неужели такие перевелись?* является косвенным предложением и потому предполагает скорее умеренно косвенный, чем прямой ответ. Кроме того, ответный характер данного стереотипа определяется уже самой фатической сферой общения. Добавим, что данный риторический вопрос содержит неявно выраженную обобщенно-адресатную характеристику. Несоответствие этой характеристики и гармонической (флирт-унисон) фатической цели обуславливает не прямой характер обращенности.

Переходим к следующей группе посланий, имеющих не прямой характер. Природа их «непрямоты» несколько иная.

А л л ю з и и. Аллюзии к «линии Блондина» исключительно разнообразны. Многие послания содержат аллюзии в неявном виде; коммуникативная цель таких посланий может быть определена только приблизительно. Можно выделить такие разряды посланий-аллюзий, как, например, рефлексия, иронические аллюзии, «подражатели» и «подражатели от противного», однако данные группы очень условны.

П о д р а ж а н и я. *Казалось бы, все есть: квартира, машина, дача, девушки обращают внимание. Но нет той, которая оценила бы мою душу, а не туго набитый кошелек. Девушки! Есть ли среди вас та, красивая, добрая, бескорыстная? Парень на «девятке», 27 лет.* («Кому что», 8.09.94).

Надоела одинокая жизнь. Хочется найти нежную и любящую девушку, чтобы полюбить ее раз и навсегда, чтобы отправиться с ней в путешествие в любую точку мира. Мальчик с голубыми глазами на «Volvo». («Кому что», 28.07.94).

Мальчик с голубыми глазами на «Volvo» тоже получил довольно много положительных откликов (хотя значительно меньше, чем *Блондин*). В целом же, поскольку появление его послания совпало с разгаром дискуссии по поводу *Блондина*, оно было встречено смехом:

Внимание!!! Начинается великое сражение! Кто больше получит посланий: «Красивый блондин на иномарке» или «Мальчик с голубыми глазами на “Volvo”»? Между прочим, последний может и победить. Ведь еще неизвестно, что за иномарка у блондина. А вдруг «Запорожец»? («Кому что», 8.09.94).

Голубоглазому мальчику на «Вольвочке» («КЧ» № 30). Не успел отшуметь красивый блондин на иномарке, как появились вы: увереное, чувство юмора совсем покинуло вас и вы рассчитываете на что-то «серьезное». Отставить смех в зале! Мальчику захотелось большого чувства! <...> Насмешница. («Кому что», 1.09.94).

Метапослания и рефлексия. Метапослания можно разделить на две группы: формально адресованные самому Блондину и адресованные откликнувшимся девушкам. По содержанию эти две группы мало отличаются друг от друга, имея одну и ту же реальную адресованность (девушкам), одну и ту же тональность (дисгармоническая, насмешливая) и тематическое содержание (жанровая рефлексия, упрек и насмешка, направленная, естественно, на девушек).

Блондин на иномарке! Можно, я посмеюсь вместе с тобой (и, может быть, с твоей иномаркой) над 30 посланиями в «КЧ» № 25. Вначале было интересно, а затем скучно. Правда? Эх, девчонки, вот и все, что вам нужно, просто обидно за вас. Все тридцать стали торговаться, показывать свои достоинства. Но все это не то. Правда? Ведь есть послания более красивые, интересные, содержательные, чем просто «блондин на иномарке» <...> Аня, 22 г. 9 мес. («Кому что», 28.07.94).

Милый «Красивый блондин на иномарке!» Я не читала твоего послания, зато с живейшим интересом прочла бурный поток ответов на него. И искренне умилилась. Это надо же, какая трогательная отзывчивость и участие к ближнему! Какой альтруизм, самоотверженность, возвышенность! Какое стремление протянуть руку помощи! У тебя богатый выбор. Тут и «верные и добрые девчонки», а вовсе не «эти разодетые и намалеванные куклы», <...> и «разочарованные в жизни» 16-летние искательницы «порядочных и верных парней», и 17-летние, «уставшие от хамства и ограниченности ума большинства людей, интересы которых сводятся к узкому ряду вещей», истинные Дети Скромности, утверждающие, что уж они-то знают, что такое настоящая любовь, совершенство, которые «выше этого» (милое, непосредственное Дитя Неба, Наталия, советую вам прочитать на 22 странице того же номера «КЧ», где опубликовано ваше послание, послание Карины, 22 г.), и т.д., и т.п. Букет, как видишь, бесподобен. Чистые порывы бескорыстных душ трогают до слез. Впрочем, как говорится – как аукнется, так и откликнется. Тебя, я думаю, поняли те и так. Ведь твоя рука, изливая на бумагу порывы истомленной, мятущейся от «лживой любви и ха-

оса жизни» души, не забыла начертать небрежное: «красивый блондин на иномарке». Регина. («Кому что», 11.08.94).

Отметим, что вторым членением по цели внутри общей фатической интенции в «Посланиях» является противопоставление общения-1, целью которого является «живое» общение, т.е. не само общение через «Послания», и общения-2, целью которого является само «виртуальное» общение через «Послания», и не имеется в виду ничего «более» (данная интенция проявляется прежде всего в том, что в такого рода высказываниях не идет речь о личной встрече).

Метаобщение по поводу Блондина, перерастающее в долгие виртуальные дискуссии, относится уже к общению-2:

Регине, обобщившей послания «красивому блондину на иномарке». Молодец! Из вас выйдет великий критик (не хуже Добролюбова). <...> Давно этого ждал. Ваш соратник по взглядам (Роман), 19 лет. («Кому что», 22.09.94).

К и р о н и я в метапосланиях относятся иносказательная номинация (типа употребления *честные и непорочные* по отношению к девушкам, откликнувшимся на «иномарку»), и фатическая ирония, понимаемая здесь как реализация начального дисгармонического игрового импульса:

Девчонки! Хотите, секрет открою? У блондина нет никакой машины, да и некрасивый он совсем. При встрече он говорит, что пошутил. Жаль, не вижу я ваши лица в этот миг. Просадочка вышла, зря старались! Хаммерсита. («Кому что», 22.09.94).

Фатическая ирония реализуется только в процессе своеобразного контакта с непосредственным адресатом-жертвой или формально дистанцированным третьим участником игры (*Чистые порывы бескорыстных душ трогают до слез*).

Примеры фатической иронии с более сложным механизмом интерпретации. Иронический смысл послания становится ясен только в контексте всей «линии Красивого блондина на иномарке», кроме того, послание никогда не может быть с абсолютной уверенностью прочтено как ироническое (высокая степень косвенности):

Всем девушкам, ответившим красивому блондину на иномарке. Не секрет, иномарки не в моде. Куча недостатков, а вот вертолет – это да!!! Странный брюнет на вертолете цвета мокрого асфальта. P.S. По городу не летаю! («Кому что», 11.08.94).

Определить цель данного послания как только выражение иронии можно лишь с долей неуверенности. Еще два примера,

которые трудно однозначно интерпретировать: неявная аллюзия, подражательство с целью попользоваться успехом *Блондина*, подражательство от противного или ирония (и тогда – «общение-2»?).

Девчонки! За неимением иномарки предлагаем инолодку. Предлагаем отдых на любом острове. Два Робинзона за 19. («Кому что», 11.08.94).

Красивый блондин на «Запорожце», который устал от девушек легкого поведения и бесконечных глупых вечеринок, ищет верную любимую девушку. Откликнитесь! Т.Н.Д. («Кому что», 28.07.94).

Автор последнего послания точно воспроизвел весь алгоритм послания *Блондина-1* (композиция, лексика, синтаксические клише), заменив лишь одну лексему, обозначающую, однако, самый главный смысловой элемент «бесприкрытого» послания – «иномарку» на «Запорожец».

Выводы. «Линия Красивого блондина на иномарке» сыграла значительную роль в формировании соответствующего жанрового канона. Новые «Послания-1», преследующие сходную цель, уже не могут не учитывать опыт *Красивого блондина на иномарке*. Хотя основная часть метапосланий имела отрицательный характер (от иронии и упреков до почти откровенной брани), роль в становлении стандарта все это сыграло не отрицательную, а положительную. Жанровая рефлексия подвергла обсуждению и критике (а тем самым, как ни парадоксально, закреплению) жанровый стандарт, при этом очень показательно появление прогнозов (правый контекст фрейм-модели):

Девчонки, забудьте про «блондина на иномарке». Не удивлюсь, если скоро появится американский бизнесмен, уставший от одиночества и американских девушек. Имейте самолюбие! <...> Серо-синий. («Кому что», 18.08.94).

Стоит отметить и такую важную часть рефлексии, как жанровый пуризм:

Парни, а вам не надоело? Сначала «блондин на иномарке» (надо отдать ему должное, ведь этот прикол он придумал), потом пошли «мальчик с голубыми глазами на “Volvo”», «обожатель прекрасного пола», а теперь еще добавился «парень на “девятке”, 27 лет». И всем нужны красивые, добрые, бескорыстные. Уже становится не смешно <...> Когда в следующий раз захотите поприкалываться – не пишите больше в «КЧ», не оскверняйте. Ангелок. («Кому что», 3.11.94).

В целом «линия Красивого блондина на иномарке» привела к созданию следующего стереотипа: «приманки» в такой форме эффективны, но только для самых молодых, наивных и в то же время расчетливых девушек. Вступать в такого рода отношения стыдно. Однако самым важным выводом для исследователя должен быть назван все-таки другой: жанр вторичного опосредованного флирта объективно существует и осознается как таковой массовым читателем.

Итак, вторичные опосредованные сферы фатического и информативного общения имеют уже сложившийся или складывающийся репертуар вторичных речевых жанров, которые состоят в сложных отношениях с первичными РЖ. Главное измерение данной сложности проходит по линии не прямой коммуникации. Рассмотрение опосредованного общения с опорой на понятие НК позволяет существенно прояснить те РЖ, которые уже получили в науке относительно полное описание, а также разрешить вопрос о статусе жанровости и текстовости ряда спорных коммуникативных явлений.

Определение «непрямых» РЖ осложнено невозможностью передачи многих значений и отношений НК средствами языка. Данное методологическое затруднение закономерно, если считать языковые показатели и средства осуществления, например, флирта единственным или основным подтверждением его существования и осознаваемости. Однако языковых средств осуществления флирта, как и маркирования его в речи, действительно нет. Их существование, т.е. закрепление в языке стандартных средств за выражением флиртовых значений, означало бы, что флирт – это «прямой» жанр. Передача же базовых флиртовых смыслов – намеков, косвенных предложений и косвенных комплиментов, естественно, невозможна средствами прямых речевых жанров.

Вернемся к предположению, что изменение сферы фатического общения всегда порождает НК. В целом оно не подтверждается, поскольку и первичные фатические РЖ всегда каким-то образом связаны с НК. Как уже говорилось, язык обнаруживает определенную несостоятельность для «прямого» выражения фатических интенций, связанную с особым типом семантичности фатической речи.

Многие процессы, описанные в настоящей работе, имеют универсальный характер, однако в целом языковая ситуация, сложившаяся в современной России, уникальна. Равно уникально

пространство непрямой коммуникации. Новые техногенные сферы опосредованного общения, естественно, являются новыми для всего человечества. Везде они порождают новые жанры и новые формы прямой и непрямой коммуникации, в своем большинстве еще совершенно неизученные. Однако только в России этот процесс имеет поистине лавинообразный характер. Совершенно уникальным образом в России развивается свободное общение людей посредством газетных объявлений. Традиции, на которые данное развитие могло бы опираться в России отсутствуют. Все это делает особенно интересным наблюдение за первичными и вторичными сферами общения, за формированием ряда новых речевых жанров.

В.В. БЛАЖЕС

Комический дублет русского народного разговорного этикета

Исследователи разговорной речи пишут, что «обыкновенный человек нередко испытывает сознательную или бессознательную потребность не только сообщить что-то, не только использовать язык в утилитарных целях, но и испытать самому и вызвать у собеседника эстетическое чувство самой формой речи. Чаще всего это чувство реализуется в виде установки на комический эффект»; поэтому вся разговорная речь «распадается на две сферы – сферу шутильной тональности и сферу серьезной тональности» [Земская и др. 1983: 180]. Обе сферы этикетны, но каковы регламентации сферы шутильной тональности – этот вопрос пока даже не ставился. Цель данной работы – охарактеризовать хотя бы в общих чертах комический дублет русского народного разговорного этикета, привлекая репрезентативный материал: «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, его сборник «Пословицы русского народа», сборник «Крылатые слова» известного писателя-этнографа С.В. Максимова [Даль 1984; Крылатые слова 1955] и свои собственные записи, сделанные на Урале в последние три десятилетия.

В прошлом веке фольклористы, этнографы, любители народной поэзии обращали внимание на неписанный этикет общения и попутно записывали некоторые словесные формулы, помещая их в фольклорные сборники, этнографические описания, очерки. Этикетные формулы бытовали также в письменной фор-

ме, о чем писал С.В. Максимов: в народной среде обращаются «особые записи в виде образцов и руководств», «их можно встретить отдельными статьями в различных письмовниках... Некоторые записи представляют собой любопытные кодексы старинных нравов, и в этом смысле они имеют большую этнографическую и историческую ценность» [Крылатые слова 1955: 201.] В ряде публикаций описывался народный разговорный этикет, но его комический дублет не осмыслился авторами как нечто специфическое, поэтому юмористические словесные формулы не обособлялись. Одним из первых это сделал В.И. Даль.

Записывая в течение всей жизни русскую лексику, В.И. Даль не мог пройти мимо народных афоризмов, этикетных вербальных формул, органически входящих в разговорную речь. Поэтому речевые этикетные формулы, снабдив пометами, он помещает и в сборник пословиц, и в толковый словарь. В сборнике «Пословицы русского народа» В.И. Даль выделял шутливую божбу, юмористические проклятия, насмешливые пожелания и другие формулы, снабжая краткими пояснениями: *С пальцем девять!* (острота при подаче кому руки), *Сто рублей на мелкие расходы!* (пожелание после чоуху), *Салфет вашей милости, красота вашей чести* (старин. при чохе, ныне говорится в шутку); или хозяева шутя приговаривают, потчует гостей: *Ешь, дружки, набивай брюшки по самые ушки, точно камешки!*, или пожелание уходящих гостей: *Желаем вам богатеть, а хозяйке спереди горбатеть* и т.п. [Даль 1984 т. 2: 209, 210, 234, 238]. В.И. Даль называл подобные высказывания поговорками или пословичными поговорками, в чем проявилась неразработанность терминологии той поры. Совершенно очевидно, что это комические разговорно-этикетные формулы. Некоторые из них бытуют и в настоящее время. При всем уважении к В.И. Далю, надо все-таки сказать, что в сборнике «Пословицы русского народа» нет системы помет. Ее мы находим в его «Толковом словаре», в котором он, создавая контекст того или иного слова, последовательно вводит краткие или развернутые пометы типа: *шуточн.*; *насмешл.*; *насмешка над непряхою*; *дразнят мямлю и косноязычного*; *насмешливый отказ*; *шутливо над мнимо больным* и др. Эти пометы позволяют уверенно говорить о принадлежности определенной формулы комическому дублету речевого этикета.

Если словарь и сборник пословиц В.И. Даля дают только репрезентативный материал, то этнографические публикации

В.С. Максимова доносят как речевые факты, так и их интерпретацию. Столкнувшись с устным и письменным бытованием этикетных формул, С.В. Максимов начал собирать их «как настоящие крылатые слова», а затем опубликовал свой материал в виде популярных этнографических очерков [Задушевное слово 1886а: 416–417; 1887а: 134–135; 1887б: 89–91; 1887в: 410–411]. В целом речевые этикетные формулы он называл приветами, приветствиями и пожеланиями, но когда дело касалось комических, он вводил уточняющие определения: шутливые приветы, игровые ответные приветы. «Шутливые приветы, – писал он, – бывают такие, как, например, отдыхающему после работы: *Вашему сидению наше почтение!* Чихнувшему говорят: *Сто рублей на мелкие расходы!* или *Спица в нос, невелика – с перст...* Бывают и шутливые ответы: *Хлеб да соль!* Ответ: *Ешь, да свой!* Привет охотнику (идущему на охоту. – В.Б.): *Талан на майдан!* Ответ: *Шайтан на гайтан!* (черт на подпояску)... Шутят и такими приветствиями: *Поздравляю с плешью!* И заывают шутливо: *Милости прошу к нашему грошу со своим пятаком...* Умелый (т.е. умеющий. – В.Б.) замечать свои слабости и шутливо над ними острить и подсмеиваться, русский человек и в данном случае не воздержался от этой привычки...» [Крылатые слова 1955: 267]. Указывая на умение русского человека осмеять свои слабости, С.В. Максимов фактически говорит о балагурстве как национальной форме игрового поведения, предполагающей одновременную направленность смеха и на себя, и на объект осмеяния.

«При скороспелом заключении» кажется, пишет С.В. Максимов, что народная насмешка «иной раз не разбирает заветного и важного», стремится «нанести обиду», но на самом деле она не выходит за рамки этикета, и разговор является «просто мимолетною шуткою досужих зубоскалов», использующих ненормативную лексику (шутят «в такой форме, которая совсем неудобна для печати») [Крылатые слова 1955: 380]. В дальнейшем будут учтены другие важные наблюдения С.В. Максимова, а сейчас скажем, что хотя народные этикетные правила реально существуют и все ими руководствуются, они не представлены одним каким-то жанром, текстом, сводом. Они «рассыпаны» по различным фольклорным жанрам, и здесь можно отметить три момента.

1. В ряде жанров, например пословицах, правила речевого этикета образно преображены: *Красно говорит, а слушать нечего;*

Ради красного словца не пожалеет родного отца; Не всякое лыко в строку и т.п., поэтому необходим «перевод» с образного языка на логический. Недавно такую попытку предприняла А.Н. Сперанская в своей кандидатской диссертации «Правила речевого поведения в русских паремиях» [Сперанская 1999]. Она собрала воедино афоризмы и выявила народный Кодекс речевого поведения, представив его как систему. Получилось очень интересно, но, если судить по автореферату, правила игрового поведения в должном объеме не вошли в Кодекс. Между тем в народных паремиях много говорится и о необходимости через шутку поддерживать оптимистический настрой, и о правилах насмешливого поведения. Например, шутка может развеселить, но и больно задеть: *всякая шутка надвое растворена: коту потешно, а мышке за беду*, поэтому нужна осмотрительность: *тем не шути, в чем нет пути*; народ советует не обижаться на шутку: *за шутку не сердись и в обиду не давайся*. Особо ценилось умение шутника направить смех и на самого себя: *шутить над Фомой, так шути и над собой* и т.д. Паремии содержат правила шутливого речевого поведения и свидетельствуют, что игровое начало занимает у русских очень важное место в общении.

2. В ряде жанров дается некий образец идеального этикетного поведения. Положительные герои былин, исторических песен, волшебных и героических сказок всегда обладают не только внешней привлекательностью, силой, добротой и т.п., но и знанием родного языка, умением общаться. Они никогда не затрудняются в выражении своих мыслей, у них безукоризненное речевое поведение: они знают, где, что, как сказать, с какими словами обратиться к хозяину дома, к незнакомому человеку, к женщине; они могут насмешничать: едко – как Илья Муромец над Идолищем, добродушно – как Добрыня по поводу неудавшейся женитьбы Алеши Поповича, иронично – как Дюк над Чурилой Пленковичем и т.п. Умелая речь героев былин, знание этикета входят в комплекс позитивных свойств, которыми они наделены. И вообще отличное владение родным языком является атрибутивной чертой каждого идеального героя традиционного фольклора. И именно с позиции этого идеала высмеиваются в бытовых сказках, анекдотах (да и в жизни) люди, не усвоившие по-настоящему родной язык и речевой этикет.

3. В ряде жанров речевые нормы и этикетные правила познаются, усваиваются, выявляются, реализуются посредством

смеха. В русском фольклоре, что легко проверить по указателям сказочных сюжетов, примерно пятая часть анекдотов и так называемых бытовых сказок связана с высмеиванием людей, не понимающих значений обычных слов и выражений, соотношения смысла слов с контекстом, наличия в речи омофонов и омографов, новообразований и др. Такие люди всегда оказываются в смешном положении, как и нарушители речевого этикета, например: *Солдат упросил мужика подвезти его на телеге, по пути переговорили об всем, и солдат предложил «рифмы говорить».* – «*Это как?*» – «*Вот как твоего деда звали?*» – «*Кузьма*». – «*Я твоего Кузьму за бороду возьму*». – «*Мой дед был человек уважаемый, за что же его за бороду брать!*» – «*Ну а как твоего дядьку зовут?*» – снова спрашивает солдат. – «*Иван*». – «*Твой дядька Иван – большой болван*». – «*А тебя, солдат, как зовут?*» – «*Леонтий*». – «*Ну коли Леонтий, то слезай с телеги*». – «*Но это не рифма!*» – «*Хоть и не рифма, все равно слезай!*» Солдат нечаянно оскорбил собеседника. Предлагая «говорить рифмами», солдат хотел вовлечь мужика в языковую игру, при которой вступают в силу правила комического дублета речевого этикета. Мужик же воспринял солдатские примеры не как игру, а как сознательную вербальную агрессию, как нарушение этикета.

Можно было бы написать отдельную статью по народному речевому этикету, используя сказки в записях XVIII–XX веков, которые дают возможность проследить, какие речевые формулы употреблялись в регионах России на протяжении последних трех столетий. Одна из юмористических сказок содержит массу речевых формул – это сюжет про набитого простака, который все говорит не впопад: на похоронах – *Таскать вам не перетаскать*, на свадьбе – *Канун да ладан* и т.п. Высмеивая простака, сказка дает знание этических формул в соотнесенности с бытовой ситуацией, а усвоению способствует сюжетно-композиционная основа, построенная на повторах и детальном пояснении. Эта сказка является веселой школой речевого поведения и формой сохранения этикетной информации.

Народная юмористика оценивает людей по произношению, лексике, знанию речевого этикета и в целом по умению пользоваться родным языком. Причем высмеиваются люди всех сословий и возрастов, даже старики. Плохое знание родного языка – это отдаление от национального самосознания, от национального духовного единства, от национальной культуры. Юмо-

ристической критикой народ способствовал тому, чтобы не происходило этого отдаления [Блажес 1995: 34–41]. Одновременно юмористическая критика утверждала речевые нормы и этикетные правила. Это отчетливо видно на конкретном материале, к которому мы переходим.

Речевые формулы часто бифункциональны: они не только дают насмешливую оценку, но и несут информацию о запрете и, следовательно, об этикетной норме. Например, нельзя было молодому вклиниваться в разговор старших; если он делал это, то слышал в свой адрес: *Тебя не спрашивают, так ты не сплясывай!* Однажды пришлось записывать свадебные песни от старух, и когда подошедшая женщина лет пятидесяти начала вставлять уточняющие реплики, одна из старух ее резко оборвала: *Ты что знаешь? Ты ведь вчера родилась да и то под шесток головой!* И все одобрительно засмеялись. Если несколько человек ведут общий разговор и кто-то начнет шептаться, тотчас услышит: *Шён-шён, наплевал в горшок*. Человеку, который невнятно отвечает, с усилием подбирает слова, собеседник может сказать: *Погоди, не роди, дай по бабушку сходить*; у Даля: про того, кто «вяло говорит»: *У него слово слову костыль подает* [т. 2:176] или: *Рассказал, что размазал* [т. 2: 288], или у косноязычного шуточно спрашивают: *Не подпрячь ли?* [т. 3:198]. Если человек постоянно переспрашивает, то на очередной переспрос ему шуточно говорят: *Проехали с орехами; Стук-бряк, Иван-дурак; Слушай ухом, а не брюхом; Ты недавно оглох, а уж совсем не слышишь*; или переспрос: «Что?» – «Семеро на одно колесе проехали – вот что!»; или по-уральски: «Что?» – «Через плечо да в ухо, чтоб не болело брюхо!»; или говорят перебившему речь спросом: «Не слышал начала, так жди конца» [т. 2:150].

В народной среде считается дурным тоном проявление чрезмерного любопытства: собеседник сам скажет то, что считает нужным, и нельзя у него выпытывать, иначе последует насмешливый ответ: «Где был?» – «Где был, откуда не видно» или «Где был, там уже нету»; «Для чего?» – «Для дурацкого спросу»; «Когда?» – «Когда муха родит наука», «После дождика в четверг, после снега в пятницу», «На ту осень, лет через восемь»; «Куда?» – «Хоть куда, везде доля худа», «Кончай кудыкать» или у Даля: «Не кудыкай, счастья не будет» [т. 2: 211]. Пословица не советует «считать деньги в чужом кармане», поэтому нельзя задавать вопросы о стоимости купленного, о количестве заработанного и т.п.: «Много денег заробыл?» – «Семь ден на неделю да спать на себя», у

Даля примерно так же: *«Почем нанялся?» – «Да семь ден на неделе работы, а спать про себя»* [т. 2: 517]; *«Чего купила?» – «Купила бы, да купило притупило»*. Муж с женой возвращаются с базара, на встречу соседка: *«Здравствуйте! Ну чего купили?» – «Шары налупили, а ничо не купили!»*

Комический дублет речевого этикета позволяет человеку, пришедшему в чужой дом, переходить на юмористическую тональность, едва переступив порог. Если хозяева не отвечают на стук, пришедший заходит и громко просит кого-нибудь откликнуться: *Хоть плюнь, хоть дунь, хоть чихни, хоть кашляни* [т. 2: 101]. Неудобное для пожилого человека крылечко, высокий порог т.п. также могут обыгрываться: *Здравствуйте! Такой порог, что насилу ноги переволок* или *Высоки пороги на мои ноги* [т. 3: 318]. Если гость пришел в обнове, хозяин может лукаво это отметить: *Здравствуй в обнове, скинь ее ноне!* [т. 2: 607]. Если хозяева сидят за столом, вошедший вправе поздороваться с подковыркой: *Здравствуйте. Добра порá – пора вон из-за стола!* [т. 3: 310]. Даль дает как шуточные приветствия: *Здорово да без коровы!* [т. 1: 675], *Святая душа на костылях!* [т. 2: 176], *Хлеб есть! – Да негде сесть!* [т. 2: 509]. Мужчина зашел в дом к хорошим знакомым: *«Здорово живете!» – «Здравствуй, Андрей, проходи вперед, где голик живет!»* Если хозяева обедают, то приглашают вошедшего: *Садись – гостем будешь!* «Совестливый человек, – пишет С.В. Максимов, – не сразу сдается на приглашение. Иной и на ногах займется и не сядет ни на лавку, ни за стол. На таких имеются убедительные любезные остротки. Один начнет: “За постой деньги платят”, другой подхватит и доскажет: “А посиденки даром”. Или еще короче: “В ногах правды нет”» [Крылатые слова 1955: 378]. Если приветствует младший старшего, то возможна только самоирония; парень здоровается с пожилой соседкой: *«Здравствуй, тетка Прасковья!» – «Здравствуй, хороший!» – «Я был хороший, да меня у мамки подменили»*. Люди одного возраста и положения могут использовать шуточные, но и резкие формулы. Например, мужчину зовут Иваном Федоровичем, у него на лице фурункул и сверстник это обыгрывает: *«Привет, Василий-чирей!» – «Привет! Кто на дороге, чирей тому в ноги»*. При встрече всегда заходит разговор о здоровье, жизни... Этикет предписывает исключить хвастовство или даже констатацию, что все «идет хорошо», но и о болезнях, бедствиях следует сказать в шуточном тоне. К пожилым мужчинам подходит их сверстник: *«Привет честной компани!» – «Здорово живешь,*

Иван Григорьевич. Как жизнь?» – «Живу хорошо и денег ни куска и хлеба ни копейки». – «Это так, садись, беседуй!» Или у Даля: «Как живете?» – «Да о земь рожей!» [т. 1: 678], «Помаленьку плетемся» [т. 3: 124], «Переключаемся из кулька в рогожку» [т. 3: 57]; «Как живете-можете?» – «Да ни разувились, ни обувились» (так и сяк, ни то ни се) [т. 2: 627]. Одинокую старуху, вышедшую на улицу, встретили соседи: «Здравствуй, Петровна! Как дела?» – «Сплю да лежу, богатства жду». – «Здоровье-то как?» – «Хвораю. Едва ли помру».

Русский человек любит принимать гостей в своем доме, угощать, «чем Бог послал», сердечно приветствовать, но и подшучивать, подначивать. Речевой этикет допускает смех разных оттенков, кроме оскорбительно унижающего, и пока застолье выдерживало это, имело место игровое поведение. Например, хозяин опоздавшему гостю: *Поздно пришел, одни кости нашел* или хозяйка потчует гостей: *Ешьте, ешьте, вон сколько наготовила: чем в таз, лучше в вас*. А гости могли потешаться над хозяевами в «здравном пожелании»: *Жить вам сто годов, нажить сто коров, кошек шесток, собак подстолье* [т. 2: 321], или весело пожелать хозяину: *Сто тебе быков, пятьдесят мерин: на речку бы шли помыкивали, а с речки бы шли, поигрывали!* [т. 2: 321], или в здравном слове хозяйке сказать: *Будь здорова, как корова, плодovitа, как свинья* [т. 1: 675].

Очень колоритны юмористические пожелания, приглашения при прощании. Женщина прощается с подругой: *Ну насиделась, теперь ты приходи, когда меня дома нет*. Или мужчина прощается с хозяевами: *«До скорого, будьте здоровы»*. «И ты не болей. Увидишь ваших – заказывай нашим, увидишь наших – заказывай нашим!» Гости благодарят: «Спасибо, напоили-накормили». «Милости просим еще в гости, глотать кости!» или «Будете проходить мимо – проходите!». Или гости расходятся, хозяйка выводит их на крыльцо, приговаривая: *Хороших гостей провожают, чтобы не упали да в сенках чего не украли*. Пожилая женщина приглашает одного из гостей, очень дальнего родственника, остаться ночевать, но приглашение в ее устах звучит юмористически: *Сватушка, ночуй! Вот тебе шапка и рукавицы, сегодня ночь месячна, домой светло идти*. Назовем еще несколько веселых приветов и приглашений, записанных В.И. Далем и С.В. Максимовым: *Увидишь своих, так кланяйся нашим* [т. 2: 500]; *Милости просим мимо наших ворот щей хлебать* [т. 2: 328]; *Покорно просим со своим хлебом-со-*

лю [т. 3: 245]; *Милости просим к нам на своих харчах; С переднего крыльца отказ, а с заднего – милости просим* [т. 2: 326]; *Просим к нам всем двором опричь хором!* [Крылатые слова 1955: 230].

Обратимся к другим ситуациям. Встретились две хорошо знакомые женщины. Одна поздравляет другую с прошедшим праздником: *«Давно, Марковна, не виделась. Поздравляю тебя с прошедшим Рождеством»*. – *«Рождество твоё сморщилось, Христе Божье растопорилось!»* Взрослые часто употребляют шутливые формулы в общении с детьми, внуками, например, бабушка говорит внуку, который отправляется вечером в клуб: *«С Богом! О березу лбом, о пень головой, не бывать тебе домой!»* Или, укладывая маленького внука спать, старушка говорит веселое пожелание, похожее на прибаутку: *«Спи-поспи, приятного сна, во сне целовать козла. Уснуть на подушке, проснуться в кадушке, увидеть во сне мышонка да передать привет от квашонки, перевернуть подушку – целовать козлушку»*. Или в магазине внук лет 7–8 пристаёт к бабушке, чтобы она ему что-нибудь купила: *«Подаришь ручку? Подаришь блокнот?»*... На очередное *«Подаришь?»* она отвечает: *«Подаришь уехал в Париж, остался один кукиш»*. У Даля иные варианты: *«Подаришь уехал в Париж, остался брат его, купишь»*; *«Подари-то помер, остался в живых брат его, купи»* [т. 2: 220].

Иногда шутливые реплики возникают как моментальная реакция на последние слова собеседника. Разговаривают два старика, и один говорит, что невестка на сносях, часто жалуется, что *«брюхо болит»*, другой сразу рифмует: *Брюхо болит, мужика родит*. Или зашел разговор о приметах на погоду, и один мужчина начал громко убеждать всех, что по приметам *«завтра будет дождь»*. Собеседница сразу же комически продолжила: *Завтра будет до[жж]: я поймала во[или], две рядом, дак, наверно, будет с градом!* Мужчина возвращается с покоса, навстречу сосед: *«Много накосил?»* – *«Накосил с гулькин нос: хоть коси, хоть броси»* (т.е. неважный покос, мало накосил).

Случаи, когда последнее слово из фразы говорящего подхватывается и добавляется несколько слов в рифму, встречаются постоянно. Эти рифмующиеся подхваты самодостаточны, они не включены в тему беседы и являются своеобразной стилистической пометой, юмористическим фоном разговора. Например: *«...говорят»* – *«Говорят, что в Москве кур доят»*; *«...стало холодать»* – *«Стало холодать, не пора ли нам поддать»*; *«...стал зябнуть»* – *«Стал зябнуть, надо дерябнуть»*; *«...все равно»* – *«Кабы*

было все равно, то бы лазили в окно»; «...чем живешь» – «Чем живешь – долгами, пьешь щи с пирогами»; «...не спишься» – «В день не спишься, в ночь не естся!»; «...дать кусочек» – «Дать кусочек с коровий носочек»; «...обнадежил» – «Обнадежил да и ножки съезжил»; «...дать молочка» – «Дать молочка, когда подоят бычка».

Почти всегда юмористическую реакцию вызывают падения, спотыкания и т.п.: закашлявшемуся – *Кашляет помалу, чтоб навеки стало* [т. 3: 270]; споткнувшемуся – *Ничего, еще только девять раз осталось!*; икнувшему – *Христос тебе встречу!*; зевающему – *Позевок и муха в рот!* [т. 3:233]; *Дозеваешься, что ворона в рот влетит* [т. 1: 698]; чихнувшему – *Здравствуй на два дня, на третий по дровни!* или *Спичка в нос!*, ответ: *Спасибо, пес!*; свалившемуся с лавки – *Успел смерть высоту?*

Можно и далее продолжать описывать словесные формулы, например, шутливого отказа, ироничной божбы, знакомства, отнекивания, различных советов, наказов и т.п. Но можно ограничиться приведенными примерами и подчеркнуть, что сфера шутливой тональности разговорной речи непосредственно соприкасается с собственно поэтическим творчеством, и в ней, как и в фольклоре, каждый человек имеет возможность реализовать свою эстетическую потребность, хотя надо признать, что далеко не каждый способен эту возможность реализовать вербально. И только в том случае, когда установка на творчество в речи и на языковую игру как прием творчества подкреплена соответствующим потенциалом (ассоциативным мышлением, чувством юмора, знанием традиции и т.п.), – только в этом случае человек может выйти на юмористический регистр и в его речи появятся образные сравнения, остроумные ответы, лукавые цитаты, веселые окказионализмы, юмористические самоунижения, шутливое обыгрывание имен, фамилий и т.п. Еще раз подчеркнем: сфера шутливой тональности – это погранично-переходная область между собственно устной речью и устным поэтическим творчеством. Здесь все подвижно, связано с бытовой ситуацией, речевым контекстом и может исчезнуть вместе с изменением ситуации или контекста. Но вместе с тем это постоянно существующая область народного комического творчества, отмеченная печатью поэтической образности, жанровой определенности и связью с национальной историко-культурной традицией.

Подытоживая, можно сказать, что комический дублет русского народного разговорного этикета – это свод этикетных зна-

ний в коллективном сознании, которые опредмечены в вербальных формулах и поведенческих нормах, усваиваемых каждым человеком по принципу подобия в процессе социализации. Существуют правила речевого общения сверстников, детей с родителями, женщины с незнакомым мужчиной, группы парней с парнями из другого конца поселка и т.п.; юмористические вольности допускаются в определенных пределах: шутить могут только сверстники, старший над младшим, т.е. возрастной признак определяет комический колорит разговора, хотя играют роль и другие обстоятельства: степень знакомства собеседников, их пол, социально-имущественное положение, тема, ситуация беседы и т.п. Нарушение этикета, если оно является серьезным, влечет родительское наказание подростка, парня, девушки, а если правила не соблюдает взрослый человек, его ожидает общественное осуждение.

М.Ю. Федосюк

Репертуар жанров речи радиоведущих музыкальных программ

Одно из новых явлений в области функционирования русского языка в средствах массовой информации связано с появлением в последние 10–15 лет большого количества негосударственных музыкальных радиостанций. В Москве это, например, «Авторadio», «Ностальжи», радио «Классика», радио «Максимум», «Русское радио», «Серебряный дождь» и т.п. Жители других городов России легко могут этот список частично изменить, исключив из него те радиостанции, которые в их городах не принимаются, и в то же время добавив названия своих местных музыкальных станций.

Количество текстовых программ в вещании подобных радиостанций минимально. Обычно это краткие, передаваемые приблизительно один раз в час новости, прогнозы погоды и реклама. Все остальное время в эфире звучит легкая музыка, прерываемая лишь более или менее протяженными высказываниями ведущих программы – диск-жокеев, или ди-джеев, как они себя называют (ср. англ. слово *disk-jockey* «ведущий музыкальной программы» и соответствующую ему аббревиатуру DJ). Речь диск-жокеев лишь отчасти похожа на речь ведущих музыкальных радиопрограмм советского времени. Если в задачи последних

входило главным образом объявление музыкальных номеров и их исполнителей, а иногда также еще и чтение выдержек из писем радиослушателей, попросивших исполнить ту или иную мелодию, то главная задача диск-жокеев большинства современных музыкальных радиостанций состоит совсем не в информировании слушателей, а лишь в поддержании с ними непринужденного контакта. Иными словами, ведущая функция речи диск-жокеев не информационная, а фатическая.

Характеризуя фатическую (или, в другой терминологии, контактоустанавливающую) функцию речи, исследователи отмечают, что она «является основной в приветствиях, поздравлениях, в дежурных разговорах о погоде, городском транспорте и других общеизвестных вещах» [Мечковская 1996: 19], и, как правило, иллюстрируют сказанное примерами из области бытового диалогического общения [ср.: Винокур 1993; Дементьев 1995, 1997]. Между тем, слушая современные музыкальные радиостанции, мы сталкиваемся с достаточно новым и необычным для русской речи явлением – фатической функцией, которую выполняет не бытовая, диалогическая, а публичная и при этом в подавляющем большинстве случаев монологическая речь.

Несмотря на некоторые черты сходства, хорошо известная нам бытовая и сравнительно новая публичная фатическая речь заметно отличаются друг от друга. Если бытовая фатическая речь достаточно привычна большинству носителей языка и не вызывает у говорящих каких-либо серьезных затруднений, то «говорить ни о чем» публично – это особого рода искусство, которым не все ведущие радиопрограмм владеют в равной степени. Одно из первых впечатлений, которое возникает у человека, впервые услышавшего речь ведущего музыкальной радиостанции, – это, как правило, удивление тому, как долго, оказывается, можно говорить, когда сказать, по сути дела, нечего. Впрочем, внимательно наблюдая за речью подобных ведущих, можно обнаружить довольно ограниченный набор относительно устойчивых в тематическом, стилевом и композиционном отношении типов текстов (или, если пользоваться терминологией М.М. - Бахтина [1986], речевых жанров), посредством которых эти ведущие устанавливают и поддерживают контакт с радиослушателями.

Выявление репертуара речевых жанров, типичного для ведущих программ современных музыкальных радиостанций, и

является целью настоящей работы. Источником материала послужили сделанные в 1999 – 2000 годах магнитофонные записи передач радиостанции «Классика», которая в ходе сбора материала по неизвестным автору причинам неожиданно переименовала себя в радио «Монте-Карло» (причем ведущие заменили свои славянские имена и/или фамилии на звучные псевдонимы типа Хельга или Катя Рокфеллер).

Приступая к изложению полученных результатов, прежде всего следует упомянуть несколько присущих речи ведущих программы речевых жанров, которые представляют собой исключение из отмеченной выше общей закономерности, поскольку являются не фатическими, а информационными. Это, во-первых, оповещение о дате, точном московском времени и сообщении имени ведущего программу, во-вторых, периодически повторяющиеся сообщения о частоте вещания радиостанции, номере студийного телефона и пейджера, в-третьих, объявления тех музыкальных произведений, которые будут исполнены или, наоборот, только что прозвучали в эфире, и, наконец, в-четвертых, информация о наиболее важных программах радиостанции, а иногда также еще и об интересных для слушателей концертах, которые пройдут в Москве или других городах вещания станции. При этом тексты, соответствующие перечисленным речевым жанрам, нередко оказываются объединенными в рамках одной реплики ведущего. Например:

(1) *Меня зовут Саша / и море удовольствия и хорошего настроения сулит вам наша музыкальная ночь / уже наступило шестнадцатое февраля / среда //* [сообщение об имени ведущего и дате].

(2) *Полчаса осталось до начала программы по вашим музыкальным заявкам [информация об ожидаемой радиопрограмме] / напомним что в студии радио «Классика» есть пейджер / на него вы можете сбрасывать свои сообщения / вопросы / приветы / теплые пожелания / Для того чтобы это сделать нужно позвонить по московскому телефону девятьсот пятьдесят семь четыре единички / и оставить сообщение абоненту пятьдесят пятьдесят / девятьсот пятьдесят семь одиннадцать одиннадцать / абонент пятьдесят / пятьдесят [сообщение о номере студийного пейджера] //* *Это «Pat Shop Boys», «So Hard» //* [объявление музыкального произведения].

(3) *Уважаемые дамы и господа / напоминаю вам что телефон в нашей студии семь сорок два девять три восемь четыре / семь со-*

рок два девять три восемь четыре [сообщение о номере телефона радиостанции] / а также / напоминая что двадцать седьмого и двадцать восьмого ноября / в Москве / только два концерта легендарной американской соул-группы / «Temptations» / это та самая группа / которую президент США господин Клинтон / пригласил на свою инаугурацию // [информация о концерте].

(4) Четырнадцать часов двадцать минут в столице [сообщение о времени] / Так что вы думаете? Все-таки концерт состоится / Волшебный голос / виртуозная игра на гитаре и колоссальная энергия великого Марка Фарнера / в грандиозном шоу шестнадцатого февраля в спорткомплексе / «Олимпийский» / Билеты продаются / во всех / театральных кассах города / или по телефонам двести сорок два / девяносто / сорок [информация о концерте].

Бросается в глаза, однако, что и тексты перечисленных информационных жанров, как правило, построены в манере, свойственной непринужденной разговорной речи. В приведенных выше примерах об этом свидетельствуют такие, например, разговорные выражения, как *сбрасывать на пейджер, четыре единички*, сообщение о концерте в форме *Так что вы думаете? Все-таки концерт состоится* и, кроме того, явные разговорные элементы и элементы иронии в интонировании многих высказываний.

Отсутствие установки на четкое информирование радиослушателей проявляется в рассматриваемых ситуациях еще и в том, что объявления о звучащих музыкальных произведениях в одних случаях предваряют их исполнение, тогда как в других следуют после него, причем нередко сразу целым списком. При этом иногда названия переводятся на русский язык, а содержание песен как-то пересказывается или комментируется по-русски, а иногда объявления делаются по-английски без каких-либо переводов и комментариев (заметим, что английское произношение некоторых ведущих таково, что не дало возможности расшифровать имена исполнителей и названия музыкальных произведений с полной уверенностью в правильности, за что автор приносит свои извинения тем из читателей, которые являются знатоками современной легкой музыки и обнаружат в приводимых ниже именах и названиях ошибки). Ср.:

(5) Альбом «Peace» / «I saved the world today» / на «Классика FM» / чуть ранее был Элис Купер / «Poison» / и Джордж Майкл «Mary J Blide "As"» //

(6) Энрике Иглесиас на радио «Монте-Карло» / «The rhythm divine» // Чуть ранее Уитни Хьюстон «I'm every woman» // «Я каждая женщина» / каждая //

(7) «Хочу передать привет / той / которую каждый вечер / вижу / в Одом из окошек на улице Красных Фонарей / зовут ее Роксан» / подпись / Джордж Майкл [далее следует объявленная таким образом песня в исполнении Джоржа Майкла].

Что касается собственно фатических речевых жанров, то в речи ведущих они представлены прежде всего традиционными этикетными жанрами приветствия (поскольку естественно предположить, что к числу радиослушателей постоянно добавляются новые, ведущие приветствуют слушателей не только в начале программы, но и достаточно регулярно в ходе передачи), пожелания и прощания. Ср. соответственно:

(8) Привет всем / кто настроил свой приемник / на волну / вышеупомянутой радиостанции / частота в Москве сто два и один / и просто привет всем / кто / просто проводит / свое / время / которое как известно провести / невозможно / все-таки / слушаем музыку / на частоте сто два и один в Москве // [приветствие].

(9) Мы приближаемся к тому самому вечеру / который / радуется тех / у кого сегодня / рабочий день / Посему / доброго вина / веселой компании / хорошего настроения / а также позитивных мыслей и действий / желает вам радио «Классика» и я / Ксения Стриж // Что же давайте проведем вместе еще один час / В конце концов / что нам это стоит / ровным счетом ничего // [пожелание].

(10) У всех всё хорошо получилось / у меня я надеюсь получится с вами / довольно нежно попрощаться / не слишком легкий понедельник / почти уже закончился / Господин Ермаков / ознаменует начало вторника / дня / легкого / и приятного [смех] / во всех отношениях // [прощание]; Расстанемся с улыбкой на устах / а не с камнем за пазухой / это кстати / очень кстати / в нашу нелегкую годину // [прощание].

Среди специфических, характерных именно для речи радиоведущих фатических речевых жанров следует прежде всего выделить комментарий по поводу объявленных музыкальных произведений. В подавляющем большинстве случаев этот комментарий имеет чисто фатический характер и не несет никакой дополнительной информации. Нередко это достаточно неприятные шутки по поводу объявленного. Например:

(11) Майкл Джексон / друг детей всего мира и / экзотических животных / что / очень сближает его со мной / открыл новый час на волне самого экзотического радио / радио "Монте-Карло" на московской частоте сто два и один FM //

(12) «Отель "Калифорния"» / «Eagles» / в начале этого музыкального часа // Я никогда кстати если говорить о Калифорнии не мечтала пожить на юге США / а вот север посетить / не отказалась бы / причем именно зимой / не знаю почему //

(13) Еще раз / это радио «Монте-Карло» / двенадцать часов тридцать одна минута / ночь начинается / меня зовут Саша / и прямо сейчас Пол Саймон со своей историей «Пятьдесят способов оставить своего любимого» // Нам остается лишь следить за / творчеством / господина Саймона / может быть / он сейчас готовит продолжение / еще / пятьдесят обновленных способов / оставить своего любимого / если они будут такими же / симпатичными / и-и / смешными / как первые пятьдесят / то я думаю это будет хороший хит / ближайшего будущего //

Достаточно стандартным способом построения подобного комментария являются шуточные обращения к самим певцам:

(14) На радио «Монте-Карло» Джо Кокер / «My father's song» // Новая работа / спасибо тебе дедушка Кокер / за то что ты не забываешь выпускать новые песни //

(15) Ишь ты горячий / в песнях по крайней мере / собственных / проверить бы тебя / на деле // Энрике Иглесиас на радио «Монте-Карло» / «The rhythm divine» //

Лишь в отдельных случаях комментариев к объявлению музыкального номера носит содержательный характер и, например, как в приводимом ниже фрагменте, содержит оценку творчества певицы с точки зрения ведущего и по данным опросов слушателей:

(16) Мадонна / И вот я в общем-то поклонницей не являюсь / творчества этой барышни / хотя безусловно конечно же она / внесла немалую лепту / в мировой шоу-бизнес / но сколько б ни встречала поклонников этой барышни / творчества этой барышни / они все утверждали / что именно эта композиция [нрзб.] / стала визитной карточкой Мадонны // Тем не менее / мнения слушателей радио «Классика» / не совпадают с мнением поклонников / э-э / творчества Мадонны / посему / в сотню века / во всяком случае на / нашей волне / вошла не эта песня / а песня «Лаисла бонита» //

К рассмотренному речевому жанру примыкает другой – комментарию ведущих по поводу собственных слов, и в частности коммуникативных затруднений и оговорок. Ср.:

*(17) Сегодня шестое января двухтысячного года / вот согла-
ситесь / язык еще поворачивается сказать тысяча девятьсот
девяносто чего-нибудь / аи уже два нолика / сегодня четверг / доб-
рый день уважаемые друзья / в студии радио «Классика» с вами я /
Вадим Наливайко //*

*(18) В этом часе к вашим услугам Аланис Морисет / Билли
Стюарт / Бритни Спирс / «Юритмикс» / Джорж Майкл / Энрике
Иглесиас / Гэбриэл //* *К вашим услугам / как все-таки я / забавно
сказала / ну //* *к слуховым / услугам //*

Еще один речевой жанр, характерный для речи радиове-
дущих, – это шутка, т. е. некое заведомо неистинное, с точки
зрения говорящего, высказывание, которое специально пред-
назначено для достижения комического эффекта (ср. следую-
щую интерпретацию выражения *Х шутит*: «(1) *Х* говорит, что
Р; (2) *Х* рассчитывает на то, что адресат (аудитория) знает,
что *Р* абсурдно; (3) *Х* хочет, чтобы абсурдность *Р* заставила
адресата (аудиторию) смеяться») [Гловинская 1993: 200]. При-
ведем примеры:

*(19) Добрый вечер / в студии до полуночи Катя Рокфеллер /
именно до наступления полуночи / вы невольно находитесь в моих
объятиях //*

*(20) [ведущая рассказывает о своей простуде] но думаю что /
в общем-то как это про меня говорили / бабенка маленькая / но
жилистая //* *Я думаю что выздоровлю / и всё будет хорошо //*

Одна из часто встречающихся в речи ведущих разновиднос-
тей шутки – к а л а м б у р, прием, определяемый как «шутка, осно-
ванная на смысловом объединении в одном контексте либо разных
значений одного слова, либо разных слов (словосочетаний), тожде-
ственных или сходных по звучанию» [Санников 1999: 490]. Ср.:

(21) Эта группа заработала море денег // *Судя / по месту /
жительства / группы «Pink Floyd» / деньги это / нерусские / но те
самые деньги / которые россияне / предпочитают / хранить / в
банке / в стеклянной / банке //*

*(22) Привет всем / кто настроил свой приемник / на волну /
вышеупомянутой радиостанции / частота в Москве сто два и
один / и просто привет всем / кто / просто проводит / свое / время
/ которое как известно провести / невозможно //*

Встречаются в речи радиоведущих и некие шуточные афористические обобщения сказанного, подобные следующим:

(23) *Господин Ермаков / ознаменует начало вторника / дня / легкого / и приятного [смех] / во всех отношениях // Бывают женщины красивые во всех отношениях / а бывают дни / лёгкие / во всех отношениях / такие же как и женщины // Нежно всех целую / Катя Московская / всегда ваша / пока //*

(24) *До замужества с человеком по имени Пафф Дэдди / Дженифер Лопес заявляла что устала / спать / одна // Все... есть / есть такая / э-э / оригинальная закономерность / чем женщина более сексуальна / тем более / она / одинока // Дженифер Лопес на радио «Монте-Карло» / «Waiting for tonight» //*

(25) *«Everlasting love» // Просто / фантастика какая-то / Но / кто собственно сказал что искусство / обязательно должно быть / реальным? //*

(26) *Танец / средней / энергичности предлагает / вам группа «Дюран-дюран» на радио «Классика» [нрзб.] // Но оно может и правильно / предрождественскому настроению / свойственна некая благость / не так ли? //*

Некое подобие не монологической, о которой говорилось выше, а диалогической фатической радиоречи представляет собой чтение сообщений, поступивших на пейджер, и ответы на эти сообщения. Примечательно, что при использовании пейджера ведущие, как правило, не учитывают позицию неосведомленных радиослушателей: пейджерные сообщения нередко зачитываются без каких-либо предупреждений о том, что речь идет о сообщении, пришедшем на пейджер, а ответы на заданные вопросы даются без зачитывания самих вопросов. Ср.:

(27) *Энрике Иглесиас на радио «Монте-Карло» / «The rhythm divine» // Чуть ранее Уитни Хьюстон «I'm every woman» // «Я каждая женщина» / каждая // Девушка / девушка / просим / вас / передать поздравление / для Катерины // У нее сегодня день рождения // Служба безопасности или просто хорошие парни // Ну конечно / кто же еще может Катю Рокфеллер / назвать просто девушкой // Привет всем слушателям радио «Монте-Карло» из Краснодар / от Ирины, а также Ромочки // Спасибо что так поддерживаешь меня / в трудную минуту и вообще / и всегда // Хорошо когда что-то бывает: вообще и всегда //*

(28) Радио «Монте-Карло» / и чуть ранее / один / из самых талантливых людей / двадцатого века на радио «Монте-Карло» старался / мистер Пол Маккартни / композиция «Coming up» // Левон и Саша / приветствуют Аркадия и Александра / которые сейчас находятся в мегацентре с симпатичным названием «Италия» // Двадцать три тридцать на наших часах //

(29) Прямо сейчас постараюсь ответить на некоторые вопросы / Сергей вы можете позвонить по телефону девять пять шесть пятнадцать двадцать шесть / девять пять шесть пятнадцать двадцать шесть / ну в принципе до полуночи / и концерт группы «Grand Funk» действительно не состоится / друзья мои / Не я организовывала / или пыталась организовать этот концерт / поэтому / не надо / предъявлять претензии именно ко мне // И еще раз / о мальчиках и / девочках // Блёр на радио «Монте-Карло» / «Boys and girls» //

(30) Привет всем обитателям «Матросской Тишины» / такие приветы тоже бывают / случаются // Не пропустите / Джин Уинсон в ближайшие десять минут / а также «Молоко» / та самая песня / которую вы долго ждали / я уверена / и группа «Five» / «Keep on moving» // Это радио «Монте-Карло» / всё хорошо / не так ли?

Общаясь с радиослушателями при помощи пейджера, некоторые из ведущих могут сообщать им информацию о себе и своей жизни и даже назначать свидания желающим. Ср.:

(31) Многие из вас / чьи приемники / в данный момент настроены на волну / радио «Классика» / московская частота сто два и один / э-э / не по-детски заинтересовались походом на каток // Что касается парка Горького / то там конечно хорошо / но я думаю что в рождественские / дни так сказать / там будет просто паломничество / потому что вот я вот по-моему позавчера проезжала мимо парка / и так вытянув шею посмотрела / Там такая большая куча черная / которая вот / э-э как-то масса такая передвигается как / пчелиный рой / и в общем так особо не раскатаешься // Думаю что в праздники будет еще больше народу / вот / тем более рождественские и так далее / а там еще на каждом углу наливают / в общем там довольно весело // поэтому я / в общем-то хочу немножечко чтоб было поменьше народу // В Лужниках / в Лужниках два катка есть / один крытый / другой открытый / естественно имеется в виду открытый / любой охранник / любой там / милиционер или кто еще там / или просто люди / э-э / вам скажут / вы найдете легко / непри-

нужде! Ясно // Если не ошибаюсь / в прошлом году с четырех до пяти там был перерыв / поэтому / назначаю вам свидание восьмого числа / если конечно буду себя хорошо чувствовать / но думаю что / в общем-то как это про меня говорили / бабенка маленькая / но жилистая // Я думаю что выздоровлю / и всё будет хорошо // Он не такой большой / узнаем мы друг друга / там легко // На нас / на нас на всех буду коньки // «She is the one» / кстати о фигурном катании и о том / что с ним может быть связано на радио «Классика» / Роби Уильямс //

Время от времени в эфире может звучать и реальная диалогическая фатическая речь. Так бывает во время смены ведущих, когда перед микрофоном одновременно оказываются два человека. Ср.:

(32) – Двадцать три пятьдесят две / практически на наших часах / не практически / а уже точно // А-а ждала я Сашу ждала / и вот наконец-таки дождалась / хорошо когда тебя приходят мелять // Доброй / ночи тебе / дорогая //

– Доброй ночи //

– Как чувствуешь себя ?

– Хорошо я себя чувствую / спасибо //

– Не надо / не надо сейчас сдерживать волнение / вот не надо сейчас / я всё поняла / не волнуйся //

– Нет / просто / только что звучала песня / о детях / и я как последний ребенок заигралась в игрушку и не обратила / не обратила внимания ...

– В какую [со смехом]?

– Это / называется такой «Симс» / имитация семьи и домов / в интер... не в интернете но в компьютере //

– Ага / понятно / это...

– Не обратила внимание на время и чуть не опоздала на свой эфир //

– Да ты что / серьезно? // Я думала пробки / ночные пробки //

– Летела как Микка Хакконен со скоро... со скоростью сто километров в час / Шчас пахло паленой резиной даже по-моему... [Смех] Но что самое приятное / что

– Запах не донёсся / Саша //

– Что по дороге я спликала как ты упоминала меня / и я еще

– Это правда //

– Прибавила пять километров в час на радостях //

И в заключение несколько слов о лексике, которую используют радиоведущие. Как известно, обычная фатическая речь чаще всего звучит в ситуациях непринужденного общения хорошо знакомых между собой людей. Именно такое общение и имитируют в своей речи ведущие музыкальных радиостанций. Наряду со стилистически нейтральной лексикой, в их речи нередко употребляются не только разговорные слова, но и элементы современного молодежного жаргона, которым, как можно понять, хорошо владеют слушатели радиостанции. Так, в нижеследующих примерах встретились такие жаргонизмы, как *ди-джей* и *ди-джейский* (ср. *ди-джей* – ‘диск-жокей’ [Никитина 1998: 108]), *медляк* (‘медленная, спокойная мелодия, медленный танец’ [Никитина 1998: 245]), *зыкинско* (ср. *зыко* {*зыкинско*} – подр. <остковое>) ‘отлично, прекрасно’ [Юганов, Юганова 1997: 94]).

(33) *Одна / из моих же / любимейших пьес на радио «Классика» / группа «Дайер Стрейтс» / которой / опять-таки на мой / ди-джейско субъективный взгляд / как-то особенно удаются / медляки / всеми своими аккордами разрежениями / способствующие покойно уютному времяпрепровождению / и / подготовке к ужину при свечах на двоих / и это как минимум / «You and your friend» / «Дайер Стрейтс» на частоте в Москве сто два и один //*

(34) – *А знаешь как говорит наш / ди-джей Хельга / она говорит это общее информационное пространство / любимая фраза этой уважаемой женщины / она всегда так говорит // Вот видимо ты чувствовала что я тебя чувствую / а я чувствовала / что ты чувствуешь меня / поэтому я тебя упомянула когда пахло паленой резиной //*

– *Ну и / ну и зыкинско / спасибо тебе большое //*

– *Совершенно зыкинско вам будет в течение этой ночи / Саша с вами после полуночи // Катя Рокфеллер прощается до / завтра / до восьми часов вечера / Берегите друг друга и не делайте никаких / глупостей // Хотя / маленькие глупости наверное совершать иногда можно // «Deer Purple» на прощание / «You keep on moving» // Счастливо //*

Подводя итоги сказанному, отметим, что появление в последние годы новой, публичной разновидности русской фатической речи, без всякого сомнения, вызвано вполне объективными причинами. Одна из таких причин – возникновение не контролируемых государством и не выполняющих каких-либо идеологических функций форм радиовещания; вторая – совершенно оче-

видная потребность большого числа радиослушателей именно в подобном, «публичном» общении. Об этом свидетельствует не только большое количество самых разных сообщений от слушателей, непрерывно поступающих по пейджеру и телефону на музыкальные радиостанции, но и то, что программы, ориентированные преимущественно не на передачу информации, а на общение ведущих и слушателей, звучат и на многих информационных радиостанциях (например, воскресные программы Матвея Ганопольского, включающие, в частности, пение радиослушателей по телефону, на радиостанции «Эхо Москвы»).

Вместе с тем владение навыками публичного фатического общения требует от радиоведущих музыкальных радиостанций достаточно высокого уровня не только культуры речи, но и – что гораздо важнее – общей культуры. К сожалению, в настоящее время этому требованию отвечают далеко не все ведущие.

Л. В. Енина

Идеологическое содержание современных лозунгов протеста¹

Исследование современного политического дискурса занимает важное место в описании современной культурно-речевой ситуации.

Специальные исследования показали, что тоталитарный язык, сформированный за годы советской власти, оказывал непосредственное влияние на характер мышления любого человека, оказавшегося «в тисках идеологических примитивов», пропагандируемых государством [Геллер 1994; Купина 1995; Левин 1998; Серио 1993; и др.]. В сознание советского человека внедрялась строго выверенная по меркам социалистической идеологии система политических, правовых, нравственных, религиозных, художественных и философских взглядов. Советские лозунги, по замечанию Ю. И. Левина, выражали «предельно редуцированный и экзотерический вариант текущей идеологии» [Левин 1998: 552]. Стандартизация лозунгового текста в унитарной политической системе превращает лозунг в речевой штамп – «языковое клише, которое потеряло свою информационную нагрузку вследствие излишне частотного повторения в речи» [Прохоров 1997: 94].

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Функционирование современного русского языка и культура речи», финансируемого Российским гуманитарным научным фондом (проект № 00-04-00-101-а).

Со второй половины 80-х годов социалистическая система ценностей перестает активно поддерживаться партийным и государственным руководством. Общественная жизнь начинает стремительно меняться, и к началу 90-х общество стало оценивать действительность сквозь разные «идеологические очки» (Р. Барт). Характерная черта нового периода – пикеты, митинги и забастовки, сопровождающиеся лозунгами – разнообразными и с точки зрения выдвигаемых идей, требований, и с точки зрения употребления в них языковых единиц, и с точки зрения структуры. Лозунг в наши дни возродился как живой жанр агитационной речи, средство агитации, способ выражения подготовленного и стихийного, группового и массового протеста. В текстах лозунгов отражается тесная связь между изменениями в обществе и функционированием языка.

Языковой облик формирующегося в настоящее время сверхтекста лозунгов находится в непосредственной зависимости от тех изменений, которые происходят в русском языке конца XX века. К таким изменениям можно отнести деидеологизацию, деэтикетирование, культурное обновление и одновременно вульгаризацию (американизацию) русского языка [см., напр.: Русский язык... 1996]. Все эти изменения позволяют говорить о том, что мы являемся свидетелями новейшей истории русского языка.

В речевой ткани лозунгового текста отражаются не только тенденции и закономерности языковых изменений, но и тенденции и закономерности идеологических предпочтений. Говоря об идеологических представлениях, мы исходим из бахтинского понимания идеологии как универсального свойства всего семиотического и опираемся на положение Р. Барта об идеологии как вторичной семиотической системе, «вторичном языке». В нашей работе мы используем определение идеологемы, данное Н.А. Купиной: «Идеологема – языковая единица, семантика которой покрывает идеологический денотат или наслаивается на семантику, покрывающую денотат неидеологический» [Купина 1998: 61]. В качестве идеологемы может выступать лексическая, фразеологическая или синтаксическая единица, текст или текстовый фрагмент. В данной работе мы рассмотрим тексты лозунгов, включающие идеологемы, выраженные лексическими единицами *социализм, коммунизм, капитализм, демократия, народ, власть* и их однокоренными новообразованиями.

Остановимся на опорной идеологеме русского тоталитарного языка. Идеологема «социализм» в сверткесте лозунгов-протестов сопровождается устойчивой положительной коннотацией. В текстах лозунгов эта идеологема часто встречается в привычном, стандартном, образцово-лозунговом для советских времен речевом окружении: *Ленин! Октябрь! Социализм!* (ноябрь 1997, г. Москва); *Да здравствует социализм!* (ноябрь 1997, г. Екатеринбург); *Да здравствует социалистическая революция!* (ноябрь 1996, г. Санкт-Петербург). В ряде случаев «социализм» встречается в окружении новых нестандартных речевых элементов: *Никаких компромиссов в борьбе за социализм!* (ноябрь 1997, г. Москва); *Социализм или смерть!* (ноябрь 1997, г. Москва); *Мы за новый социализм!* (май 1998, г. Нижний Тагил); *Труд! Народовластие! Социализм! Россия!* (август 1998, г. Екатеринбург). Однако несмотря на обновленную форму, идеологема «социализм» не выходит за рамки понятийного содержания, заданного тоталитарной идеологией. Сочетание «новый социализм» не дает возможности говорить о значительном смысловом изменении идеологемы (ср.: *развитый социализм, социализм с человеческим лицом* и др.).

Отметим также, что идеологема «социализм» поддерживается в текстах собственными именами вождей социалистической революции – *Ленин, Сталин*: *Ленин в сердце моем!* (январь 1994, г. Москва); *С Лениным победим!* (январь 1994, г. Москва); *Нас вырастил Сталин на верность Родине!* (октябрь 1993, г. Москва); *С нами Сталин!* (декабрь 1996, г. Москва); *Имя и дело Сталина – бессмертны!* (май 1994, г. Москва); *Дорогой товарищ Сталин, на кого ты нас оставил?!* (март 1998, г. Москва). В последнем лозунге формула скорби по поводу утраты близкого человека (*на кого ты нас покинул/оставил*) акцентирует чувство утраты, одиночества, растерянности, привязанности к «отцу народов». Вместе с тем данный лозунг свидетельствует об осознании фактического завершения эры сталинского социализма, ее безвозвратности.

Группа лозунгов, объединенная идеологемой «социализм», включает прецедентные тексты советского времени: *Вставай, страна огромная!* (июнь 1998, г. Москва); *Союз нерушимый республик свободных!* (ноябрь 1996, г. Москва). В них отражается представление о собственно социалистических ценностях и политических приоритетах.

Другая опорная идеологема советской идеологии – идеологема «коммунизм» – обнаруживает тенденцию к затуханию. Так,

в начале 90-х годов идеологема коммунизм (*коммунист, коммунистический*), как правило, употреблялась в отрицательном, сниженном контексте: *Дать пощечину коммунистической партии!* (январь 1990, г. Москва); *Бабы, не рожайте коммунистов!* (август 1991, г. – Москва); *Борис – «коммунист» единожды соврав кто тебе поверит?* (апрель 1993, г. Екатеринбург) (сохранена пунктуация оригинала. – Л.Е.). В последние годы эта идеологема полностью утратила смысл «высшая стадия развития человеческого общества; истинная и неизбежная цель», значительно сузила свое смысловое наполнение. Слова с соответствующим корнем указывают лишь на одну из политических ориентаций. Сейчас слово коммунистический встречается, как правило, в лозунгах, выполняющих номинативную функцию: *Коммунистическая рабочая партия!* (ноябрь 1997, г. Москва); *Коммунистическая партия Российской Федерации!* (май 1998, г. Владивосток).

Лозунг *К нам теперь былая жизнь больше не воротится. До свиданья, коммунизм! Здравствуй, безработица!* (ноябрь 1997, г. Екатеринбург) интересен не только с точки зрения жанрового своеобразия, но и с точки зрения фиксации в массовом сознании утраты данной идеологемы. В Советском Союзе официальное насаждение мифа о коммунизме вызывало реакцию общенародного языкового сопротивления, проявившегося, в частности, в широком распространении анекдотов, основанных на осмеянии мифа о коммунизме [Купина 1995: 102–106]. Лозунги 90-х подтверждают, что эта идеологема уходит из активного употребления в политическом дискурсе.

Материал показывает, что идеологемы «капитализм» и «демократия» в лозунгах протеста необходимо рассматривать вместе. Обращает на себя внимание устойчивость ситуативной синонимии *демократический – капиталистический*, свидетельствующей об идеологическом сдвиге в общественном сознании. Так, сопоставляя терминосистемы разных идеологий, Т.Б. Крючкова пишет: «Возможны случаи, когда понятийный компонент слова в системах различных идеологий различается, а оценочный одинаков, в качестве наиболее показательных примеров можно привести слово “демократия”, в марксистско-ленинской и буржуазной идеологиях за ними стоят совершенно разные понятия, соответственно, и в слова вкладывается неодинаковое содержание, но оценочный компонент их значений в обоих случаях позитивный» [Крючкова 1989: 110]. В соответствии с догмами советской идео-

логии демократия в социалистическом государстве была «подлинной», а в буржуазном – «формальной». В период социальных изменений в 90-е годы слово *демократия* утратило идеологическое противопоставление понятийных и оценочных компонентов значения, сблизившись в общественном сознании с понятием «капиталистическое государственное устройство» и получив пейоративный оценочный компонент: *Реставрации капитализма в СССР не будет!* (февраль 1990, г. Москва); *Демократию на убой!* (апрель 1998, г. Екатеринбург); *Призраки с демократическими масками идеологических мертвецов бродят по России!* (сентябрь 1993, г. Екатеринбург); *Капитализм – дерьмо!* (ноябрь 1997, г. Москва); *Долой капитализм!* (май 1997, г. Москва); *В это тяжелое время не склоним голову перед дерьмократами! Будем стоять до конца!* (март 1998, г. Москва).

В текстах лозунгов понятие демократии как политической системы почти не функционирует самостоятельно, а только соотносится с существительным лица, обозначающим сторонников этого движения, – *демократы*. Смещение политических акцентов отражается в лексике. Символично в этой связи появление не только в лозунгах, но и в разговорной речи неологизма *дерьмократы*. Внутренняя форма данного слова отражает уничижительное отношение к представителям этого политического направления. Само слово звучит как оскорбление.

Идеологемы «капитализм» и «демократия» поддерживаются лозунгами, включающими имена политиков, ратующих за ценности, которые отторгаются протестующими и оцениваются отрицательно: *Чубайс и банкиры отнимут наши квартиры!* (апрель 1998, г. Москва); *Кириенко под пресс!* (май 1998, г. Анжеро-Судженск); *Егор Гайдар шагает в первых рядах губителей России!* (июль 1994, г. Москва). Имя Е. Гайдара включается в деформированный контекст известной песни «Гайдар шагает впереди!». На базе культурно-фоновых знаний образуется динамическая оппозиция, развитие которой приводит к преувеличению роли Гайдара-младшего в политической жизни страны.

Оценочный компонент в идеологемах «капитализм», «демократия» спроецирован на ценностные ориентиры системы тоталитарных идеологем. В лозунгах протеста продолжает сохраняться универсальная для советской идеологии оппозиция *социалистическое (коммунистическое) – капиталистическое*. Правый член оппозиции дополняется лексемой *демократия*, что, очевид-

но, свидетельствует о нерасчлененности этих понятий в массовом сознании. Отрицательная оценка правого члена оппозиции задана схемой тоталитарной идеологии.

Лозунги протеста свидетельствуют о распространившимся в России отрицательном отношении к демократическим преобразованиям. Приведем в этой связи слова П. Бурдые: «Если политические идеологии не проникнут в массы, их влияние ограничится кружком интеллектуалов, которые в лучшем случае создадут маловлиятельную партию. Сила выдвигаемых идей измеряется не ценностью содержащейся в них истины, а коммуникативным результатом, который проявляется как мобилизующая социальные группы сила» [Бурдые 1993: 208]. В сегодняшней России такая судьба постигла партии «Яблоко» и «Демократический выбор России». После октября 1993 года прекратились митинги, поддерживающие демократические преобразования. Нужно сказать, что и электорат названных партий – нечастый гость на митингах и забастовках. Редким исключением является митинг, проведенный демократической оппозицией в апреле 1999 года в Москве и получивший резонанс в СМИ. На митинге были зафиксированы лозунги: *Нет правительству ЦК: Маслюкова–Кулика!; Коммунистов – вон из Думы!; Наше дело правое – мы победим!*

Идеологема «народ» в русской культуре имеет большую смысловую нагрузку. В СССР эта идеологема употреблялась в устойчивом словосочетании *советский народ*. В лозунгах протеста данная номинация полностью отсутствует, что свидетельствует о разрушении соответствующей мифологемы. В современных лозунгах, как кажется, восстановился народнический смысл идеологемы: «Народ отождествляется с простонародьем, с крестьянством, с трудящимися классами» [Бердяев 1990: 70]. На наш взгляд, с лингвокультурологических позиций представляется интересным рассмотреть смысловые оппозиции идеологем «народ», «власть», «враг народа».

Идеологемы «народ» – «власть». Власть – основной политический капитал (П. Бурдые), к ней стремятся, она – конечная цель любых политических сил. Однако в лозунговых текстах частотность лексемы *власть* сравнительно невелика. Высокая цель не вербализуется желающими ее достичь, но зато доминирующее контекстное окружение идеологемы «власть» связано с ее характеристиками в настоящем: *Не защищайте, а свергайте преступную власть!* (февраль 1992, г. Санкт-Петербург).

бург); *Долой тупую власть!* (апрель 1998, г. Владивосток); *Съезд, вырви власть у губителей!* (март 1993, г. Москва); *Долой власть, убивающую народ!* (май 1998, г. Курган); *Долой оккупационную власть!* (май 1998, г. Москва); *Нет демавласти!* (октябрь 1997, г. Москва).

Идеологема «власть» поддерживается в лозунгах метонимическими переносами по типу: конкретное вместо абстрактного: *президент, правительство, Дума* вместо *власть*. Например, Государственная Дума наделяется следующими эпитетами: *обожравшаяся, продажная, никчемная, воровская*. Правительство получает такие характеристики: *мафиозное, преступное, антинародное, тупое, бессильное*.

Контекстное окружение в лозунгах идеологем «народ» и «власть» («президент») имеет динамический характер. В группе лозунгов, в основном зафиксированных в 1991–1993 годах, прослеживается соединение идеологических смыслов «народ» и «президент» (смысл «президент» синонимически передается именем собственным): *Ельцину – всенародную поддержку!* (февраль 1991, г. Москва); *Ельцин – избранник народа!* (март 1991, г. Москва); *Трудовой Екатеринбург за Президента!* (март 1993, г. Екатеринбург); *Президент, в вшей власти власть употребить: смуту, хаос и разруху вы должны остановить!* (март 1993, г. Москва). С президентской властью, с именем Ельцина связываются надежды на лучшее, на победу демократических сил.

В текстах лозунгов второй половины 90-х деятельность президента как главы власти оценивается резко отрицательно. Фиксируем отторжение смысла «президент» от идеологемы «народ»: *Президенты – это нищета трудящихся!* (сентябрь 1994, г. Екатеринбург); *Протестуем против антинародной политики Ельцина!* (март 1996, г. Москва); *Президент не наш и не для народа!* (апрель 1998, г. Москва).

Отметим также, что особняком стоит лозунг *Вся власть Советам!* (возможны его незначительные модификации: *Вся власть Советам трудящихся!* (октябрь 1993, г. Москва); *Власть – Советам рабочих, специалистов и служащих!* (май 1998, г. Владимир), который фиксировался ежегодно на протяжении десяти лет сбора материала. Очевидно, этот лозунг обладает большой энергетической силой.

Таким образом, идеологема «народ» отторгается от идеологемы «власть». В целом констатируем сращение идеологемы

«власть» со смыслом «преступная, нарушившая правовые и моральные обязательства перед народом».

Идеологемы «народ» – «враг народа». Словосочетание «враг народа», превратившись в идеологему, широко употреблялось в годы сталинского социализма по отношению к «сбившимся с ленинского пути». Сегодня идеологема «враг народа» получает разное смысловое наполнение. «Вербальная оболочка» *враг народа* имеет, по нашим данным, тенденцию к перемещению на периферию идеологической системы. Нами зафиксирован лишь один случай первичного, характерного для дискурса 30-х годов, употребления: *Закон Говорухина подготовлен врагами народа!* (январь 1998, г. Москва). Представляется целесообразным вести в дальнейшем речь не об идеологеме «враг народа», а об образе врага по данным лозунгов протеста.

Образ врага структурируется общей оппозицией МЫ – ОНИ и включает традиционные противопоставления *свой – чужой, хороший – плохой*. Анализ позволил выявить три варианта образа врага.

Первый образ условно назовем «социальный враг». Социальный враг тоже имеет три воплощения. Во-первых, враг выделяется по признаку материального достатка. Тематическими словами в этой группе лозунгов являются слова *богатые, деньги*, этот смысл также передают лексемы *буржуи, банкиры*: *Налоги пусть платят богатые!* (декабрь 1997, г. Москва); *Ешь ананасы, рябчиков жуй, ты – депутат, а живешь как буржуй!* (декабрь 1998, г. Ульяновск); *Деньги банкиров – рабочим!* (июль 1998, г. Москва). Во-вторых, социальный враг выделяется по критерию идейно-политической чуждости. Ярлыки весьма разнообразны, перечислим их, не приводя текстов лозунгов: *демокровососы, дерьмократы, контра, коммунажи, кремлевская свора, прихватизаторы, реформаторы* и т.п. Как видим, подавляющее количество ярлыков совпадает с инвективным словоупотреблением, что, к сожалению, стало привычным в современном политическом дискурсе. В-третьих, к группе «социальный враг» можно отнести тех, кого выделяют по признаку занимаемой должности. В лозунгах эта группа лиц получает ярлыки: *бюрократы, чиновники, начальники – Нет произволу бюрократов!* (октябрь 1999, г. Самара); *Чиновник, не мешай жить!* (апрель 1998, г. Екатеринбург); *Все начальники – сволочи!* (февраль 1998, г. Самара).

Следующая, вторая, группа «врагов» включает образ этнического врага, выделяемого по принадлежности / непринадлежности к русской нации. Обозначение этнического врага возможно с помощью обобщенных наименований: *Инородцы, вон из России!* (октябрь 1993, г. Москва); *Избавим Россию от чужеродных элементов!* (февраль 1994, г. Екатеринбург). Образ этнического врага передается с помощью уничижительных наименований определенных национальностей: *жиды, чурки*. Кроме этого, можно отметить лозунги, в которых проявляется «коммуникативный расизм» (Т.А. ван Дейк), характеризующийся значимым игнорированием этнически чужих: *Русским – русское правительство!* (апрель 1992, г. Екатеринбург); *Русским – национальное телевидение!* (май 1997, г. Москва); *За Русь, за Россию, за русских!* (декабрь 1991, г. Санкт-Петербург).

Третья разновидность образа врага – внешний враг. Внешний враг появился в лозунгах примерно в марте-апреле 1999 г. в связи с событиями в Косово. В роли внешнего врага выступают НАТО и Америка: *Требуем роспуска НАТО!* (апрель 1999, г. Москва); *Кровавое НАТО!* (апрель 1999, г. Москва); *НАТО, не лезь, обломайся!* (февраль 2000, г. Москва); *Америка, держи дистанцию!* (февраль 2000, г. Москва). В 1999–2000 годах численность лозунгов подобного содержания продолжает увеличиваться.

По старой памяти (если враг не сдастся, его уничтожают) идеологема врага тесно переплетается с идеологемой уничтожения, причем уничтожения всех названных врагов: социальных, этнических, внешних: *Буржуев в газовые камеры!* (июль 1998, г. - Москва); *Смерть банкирам!* (май 1998, г. Москва); *Всех прихватизаторов пора кончать!* (февраль 2000, г. Москва); *Если начальник не заплатит – я его убью!* (апрель 1998, г. Москва); *Чехи и негры, не убегайте – нам нужны ваши уши и души!* (февраль 2000, г. Грозный); *Поставим Америку на уши, а Россию на ноги!* (декабрь 1999, г. Москва). Активность, «разработанность» идеологемы «врага» в лозунгах протеста свидетельствует о сохранении в массовом сознании категорий тоталитарного мышления. «Тоталитарное сознание в нынешних условиях проявляется в том числе и в своеобразном всплеске садомазохистского комплекса – поиске врагов, заговорщическом комплексе, разоблачительстве и саморазоблачительстве» [Гаджиев 1994: 367].

Итак, функционирование идеологем в текстах лозунгов протеста 90-х годов свидетельствует об идеологической разно-

родности общественного сознания: «“Рваное” идеологическое сознание наших современников, идеологическая подозрительность, идеологический цинизм приводят к таким распространенным в живом речевом обиходе противоположным явлениям, как идеологическая депрессия и идеологический экстремизм» [Купина 1999: 165].

Н.А. КУПИНА

Агитационный дискурс: в поисках жанров влияния¹

Агитационная речь имеет четкую стратегию: побудить адресата (избирателей) к выбору того, а не иного кандидата, убедить адресата в необходимости совершения сознательного действия. При этом в реальной ситуации обозначенная сверхзадача трансформируется также в установку: убедить избирателя проголосовать за любого кандидата, кроме одного, выступающего в качестве главного соперника фаворита избирательной гонки.

В исследовании использован материал избирательных кампаний 1999 года в Екатеринбурге и Свердловской области: выборы мэра города, губернатора Свердловской области, депутатов Государственной Думы РФ от Екатеринбурга. Анализируется агитационный дискурс, который комбинируется из высказываний и текстов, объединенных единой стратегической линией.

Агитационный дискурс характеризуется свободой выбора и сочетаемости жанровых образцов, каждый из которых воспроизводит стереотип речевого поведения, «относительно устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип высказывания» [Бахтин 1979: 242], возникающий как «функция устойчивого, повторяющегося сочетания типовых значений ряда аргументов – параметров коммуникативной ситуации» [Долинин 1999: 8]. Исполнители социальных ролей – адресант, от которого исходит агитационный призыв и целевая установка, связанная с желанием убедить адресата в необходимости выбора, и адресат как носитель определенного

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Функционирование современного русского языка и культура речи», финансируемого Российским гуманитарным научным фондом (проект № 00-04-00-101-а).

культурного сознания, типового образа мира, субъект психического состояния [Долинин 1999: 8], находящийся в ситуации альтернативного выбора. Речевые жанры используются как средства агитационного воздействия, направленные на борьбу за адресата. Выбор жанра влияния определяется представлениями адресанта о степени воздействия на массовое социально-групповое сознание жанровых схем и образцов. Функция жанра «прописывается» в зависимости от проекции на «горизонт ожидания» для адресата и «модель построения» для адресанта [Гайда 1986: 24].

В агитационном дискурсе прослеживается борьба за точку зрения, вскрывающая намерение объединить позиции адресанта и адресата, сформировать единую агитационную платформу, превратить избирателя в агитатора. На этом основаны жанры поддержки, отражающие спектр точек зрения. Распространяются легальными и нелегальными способами рекомендации, мнения, обращения групп граждан и отдельных граждан, семейные обращения и призывы, предложения, личные воспоминания, рассказы, стихи, исполненные гражданского пафоса, исповедальная «лирика» и др.

Как и в советские времена, распространение получают рекомендации доверенных лиц, мнения людей, пользующихся в городе и области авторитетом. Например, газетная рубрика «Уважаемые люди о Семене Спекторе» объединяет мнения о кандидате известных людей, работающих в различных областях промышленности, образования, бизнеса. Каждая рекомендация содержит ключевые слова, на которых построена официальная рекламная кампания кандидата. В данном случае – это нравственные характеристики группы «порядочный». Обращает на себя внимание помещенная в конце подборки рекомендация И. Ковпака – соперника С. Спектора. Единство точки зрения различных по статусу людей комбинируется по линии общего агитационного призыва *За честную власть*. Очевидно и манипулирование коллективной точкой зрения: избирателя намеренно уводят от конструктивного решения проблемы выбора, навязывают ему авторитетное мнение: «Уважаемые люди города полагают, что Спектор – человек честный, порядочный. Он будет достойным мэром. С мнением этих людей нужно считаться. Сделаю и я достойный выбор».

УВАЖАЕМЫЕ ЛЮДИ О СЕМЕНЕ СПЕКТОРЕ

Алексей Ефремович Савинов, генеральный директор АО «Свердловскгражданстрой», почетный гражданин Екатеринбурга:

– Я Спектора знаю давно, с тех пор, как наша организация начала строительство госпиталя на Широкой речке. <...> Семен Спектор вложил в это строительство душу и сердце, это точно. Говорить о нем можно многое и все самое хорошее. Это удивительный человек, исключительно порядочный, верный своему слову, никогда никого в беде не бросит. Таких людей у нас мало.

С.С. Набойченко, ректор УГТУ-УПИ:

– Это очень **порядочный** человек. Он прожил тяжелую жизнь и многое видел и сформировался как **настоящий** гражданин, патриот, специалист. Конечно, он справится. Он безотказный. Я с ним хорошо знаком, уважаю его и отношусь к нему с симпатией.

Н.А. Рябухина, зам. председателя обкома профсоюза работников образования:

– Если бы все чиновники, которые призваны решать и решают судьбы людей, были бы **честны** к тем, на чьи деньги они существуют, как он, то ситуация

была бы совсем другой. Таких людей я знаю двоих: Алексея Воробьева и Семена Спектора. Они действительно хотят улучшить положение и делают все, что от них зависит. А если говорить о **человеческих качествах** Спектора, то это **честность** прежде всего.

В.А. Язев, депутат Госдумы РФ, владелец корпорации «Ява»:

– Семена Спектора я оцениваю очень высоко. В первую очередь как человека **интеллигентного, умеющего ладить с людьми. Он уважает другого человека.** <...> В общем, все предпосылки для того, чтобы он стал мэром, у него есть. Главное – это его опыт управленца в социальной сфере, потому что мало покрасить в городе фасады домов, нужно еще **эти фасады наполнить счастливой жизнью.** Спектор – **достойная** кандидатура на пост мэра.

И.И.Ковпак, владелец сети супермаркетов «Кировский»:

Хоть близко мы не знакомы, я знаю, что Семен Спектор – **честный** человек, обладающий большим жизненным опытом. Если он подберет сильную команду, то, возможно, будет хорошим мэром.

Поддержка кандидата может осуществляться за счет укрупнения социально значимостной коллективной точки зрения. Например, модус оптимизма в соединении с воспроизведением ментально одобряемых аргументов лежит в основе агитационно-

го призыва, сконструированного с позиций социальных предпочтений группы пожилых граждан – носителей национальных культурных традиций. Листовка составлена от имени координационного совета ветеранских организаций: *На Руси всегда говорили: «Будет хлеб, будет и песня». Мы говорим: «Будет Россель губернатором, будет хлеб, будет и пенсия».* Неприкрытость агитки смягчается коллективным демократическим параметром: старые (заслуженные) люди могут прямо говорить, о чем думают. Соединение материальных и духовных ценностей в границах условно-следственных отношений диктует безальтернативность выбора: *«Хочешь иметь свой минимум – голосуй за Росселя».*

Жанры поддержки сориентированы на советский агитационный дискурс. Так, в составе текстов влияния имеются письма трудовых коллективов, письма, написанные «от имени и по поручению коллектива» или от имени тех, кто вложил свой труд в социально одобряемое дело. Достоверность авторского «я» обеспечивается неподдельной подписью, указанием места работы автора письма. В качестве примера приведем письмо-обращение:

ОБРАЩЕНИЕ

*К лекторам-пропагандистам, агитационному активу
Свердловской области*

Мы, умудренные опытом и жизнью люди, ораторы, знающие цену слову и радости общения с аудиторией, призываем вас, ваших коллег отдать свои голоса в поддержку кандидата на пост губернатора Свердловской области Эдуарда Эргартовича Росселя – человека, который так много сделал на своем посту для восстановления общества «Знание». <...>

Мария Голдина.

Ответственный секретарь общества «Знание».

Хвалебные характеристики в адрес узкой профессиональной группы здесь преобладают. Очевидна уловка к самолюбию, чувству достоинства. Заслуги кандидата оцениваются с ведомственных позиций. Установка ясна: дорог каждый голос. Но в данном случае есть еще расчет на профессиональные навыки пропагандистов, которые смогут убедить отдельных избирателей или группы избирателей в необходимости голосовать за действующего губернатора. Так адресат агитационного воздействия трансформируется в адресанта.

Авторское «я» встречается в разных сочетаниях: я и моя семья, я и мои сотрудники, я и мои единомышленники. Я–позиция

вносит в агитационный текст доверительную тональность. Объединение вокруг «я» членов семьи или другой группы, связанной личностными параметрами, делает позволительными хвалебные характеристики и призывы к единомыслию. Каждый текст имеет отличительные черты. Например, письмо в газету жены умершего профессора содержит идею семейных традиций (авторитет главы семьи, желание почтить его память гражданским жестом), сигналы бытовой достоверности (фамилия, имя и отчество автора письма; общение с соседями по саду; присмотр за внуками), сигналы прогнозируемой социальной общности (сотрудники вузов и их семьи; домашние хозяйки; садоводы):

Мой муж, Шаганов Рафаил Хасанович, профессор УПИ, всегда с большим уважением относился к личности Эд. Росселя, к его идеям и делам. И это отношение унаследовали от него мы, его жена и дети.

В память о своем муже я намерена поддержать Эд. Росселя во всех его начинаниях и, конечно, на выборах в губернаторы Свердловской области. Обиаясь с соседями по саду, гуляя с внуками во дворе, я всегда пытаюсь убедить своих собеседников в том, что только этот человек, умный, отчаянный, уверенный в себе, в своих поступках, способен нести ответственность за судьбу нашей огромной и сложной области. Очень бы хотелось с помощью вашей газеты донести до всех жителей нашей области веру в этого человека, убежденность, что только он способен создать достойную историю нашей области на ближайшие годы и дальнейшее будущее.

Римма Зарифовна Шагатова, мои дети и внуки.

В ряде случаев достоверность авторского «я» подлежит сомнению. В таких текстах открытая лесть сочетается с представлением образа кандидата как родного человека, на которого можно опереться в трудный момент. Варианты славословий различны. Чаще всего это наивные «стихи о главном», сконструированные с помощью идеологических примитивов:

Опубликуйте это небольшое, но столь проникновенное произведение, чтоб люди убедились в его правоте, в его ведомой силе.

ГУБЕРНАТОР

Слово это от латыни,

Означает – рулевой.

И у нас он есть отныне:

За него стоим стеной.

Пусть же нас ведет тропюю,

Неизведанной пока.
Жизнь чтоб стала чуть иною,
Не такою, какой была.
Чтоб мы жили не тужили,
Улыбались, как всегда.
Меж собой всегда дружили,
Чтоб от нас ушла беда.
Россель наш. Его мы знали.
(Был правитель деловой).
Потому его избрали,
Коль он с умной головой.
Оправдай, родной, доверье!
Выведи из тутика!
В народе есть одно поверье:
«Легка разумника рука».
Ты – наша вера и опора,
Губернатор-рулевой.
Мы поддержим тебя споро,
Мы всегда везде с тобой.
От Петра мы, люди, хватки.
Люд у нас мастеровой.
Любого бросим на лопатки,
Лишь веди нас, рулевой!
Постскриптум:
Мой стих не только похвала –
Верительная ода.
Твори же добрые дела.
Для пользы. Для народа.
А. Правдин

Стихи, как уже было показано, часто предваряются просьбой «автора», формулирующего свою позицию:

Уважаемая редакция! Если мое стихотворение чем-то поможет И. Ковпаку в достижении цели, напечатайте его в газете. Буду рад, если мои усилия окажутся полезными.

Муслиенко Владимир Иванович, г. Лесной

*Голосуйте за Ковпака
Апогея
достигают страсти.*

Претенденты

рвутся к светской власти,

Обещая людям чудеса

Предоставить враз за голоса.

Разобраться

в их посулах сложно.

Они чушь всегда с трибун

несли безбожно.

И теперь сокрут наверняка.

Голосуйте все за Ковпака!

Он не красной

и не черной масти.

Он достойный кандидат

для власти.

Роль его в хозяйстве велика,

Голосуйте все за Ковпака!

Он гигант,

хоть и обычный вроде.

Он известен добротой

в народе.

У него на все легка рука,

Голосуйте все за Ковпака!

Лишь за счет труда

и интеллекта

Он достиг

известного эффекта.

И богатство брал не с потолка.

Голосуйте все за Ковпака!

За рассвет

и возрожденье края,

За весну, любовь

и радость мая.

За людское счастье на века.

Голосуйте все за Ковпака!

И моя к вам просьба,

свердловчане,

Бизнесмены, воины,

сельчане,

Жители любого уголка,

Голосуйте все за Ковпака!

Характерно, что текст включен редакцией в раздел «Поэзия», а не «Наша почта». Прямой агитационный призыв смягчен примитивным слогом. Предполагается, что читатель сделает скидку на искренность простого человека.

Используется жанр «рассказа из жизни»: простой человек делится своими воспоминаниями о доброте, простоте, щедрости кандидата. Рассказ, который приводится ниже, составлен от лица пенсионерки Клавдии Петровны (другие данные не указаны). Агитационная задача – побудить избирателя проголосовать за доброго Ковпака, который так легко делится своим богатством с простыми людьми:

Ко мне подошел приятный такой молодой человек, видно, заметил, что жду чего-то, спросил, почему ничего не покупаю. Я ему и сказала, что не местная, за хлебом приехала, здесь – подешевле, а другое что покупать не собираюсь – денег нет. Он ушел, но через некоторое время вернулся и сообщил, что хлеб уже привезли, а потом вложил мне в руку что-то, сказал: «Я вижу, что Вам тяжело живется, я не в обиду, я искренне». Оказалось, что он мне оставил достаточно большую сумму денег. Для меня, пенсионерки, – это была огромная помощь. А я его так толком и не поблагодарила, не сразу как-то осмыслила. Вспоминала потом его и думала, как счастлива мать, воспитавшая такого сына... Позже столкнулась с ним лицом к лицу снова в магазине. Он что-то продавцам говорил, меня, конечно, не узнал. Я потом подошла к девочкам за прилавком, спросила, кто это был. Они очень удивились, что я не знаю Игоря Ковпака, сказали, сразу видно, что я не в самом Екатеринбурге живу, ведь директора «Кировского» здесь все в лицо узнают. <...> Мне бы хотелось, чтобы все знали – есть и большой души люди, а значит, не все так плохо. И еще, вдруг Игорь Иванович прочтет Вашу газету, тогда он узнает, что с тех пор я считаю его своим сыном.

Привычная роль «отца родного» трансформируется в роль «сына» – сильного и энергичного, внимательного и скромного. Долг сына – заботиться о матери-пенсионерке. Идеологический стандарт «взять все да поделить» помещается в контекст ситуации добровольной материальной помощи. Воздействующим является указание на «достаточно большую сумму». В соответствии с замыслом оно должно пробудить надежду на хозяина, готового делиться с неимущими своим богатством. Так создается (возрождается) мифологема, в основе которой лежит наивное представление об избыточности «большого» богатства.

Жанры поддержки влияют на коммуникативную рамку: во всех случаях наблюдаем трансформацию адресата в субъект агитации.

Вторым крупным блоком жанров влияния являются **жанры протеста**. В их числе, например, открытое письмо кандидату обличительного характера; письма, призывающие кандидата снять свою кандидатуру; предложения граждан, направленные на ликвидацию социально опасных явлений; аналитические письма, вскрывающие недостатки, отрицательно характеризующие кандидата; и др. Многочисленные обличительные письма граждан создают картину массового протеста, недовольства. В текстах используются тактики обвинения. Поскольку документальная проверка фактов, как правило, не производится, ложные и истинные обвинения [Верещагин, Костомаров: 1999, 32–39] не разграничиваются. Влияние зависит от степени эмоциональности и авторитетности точки зрения обвиняющего. Личностная точка зрения становится фактором, определяющим выбор:

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

кандидату в губернаторы Свердловской области Буркову А.Л.

Уважаемый Александр Леонидович!

Процессы, которые привели Михайловский завод к банкротству, активно пошли после передачи государственного пакета акций в доверительное управление частным фирмам.

В момент подписания этого договора вы были председателем Свердловского областного комитета по управлению государственным имуществом.

Я не понимаю:

1. Почему условия договора не обязывали доверительных управляющих заниматься техническим перевооружением, увеличением объемов производства с сохранением рабочих мест?

2. Почему руководимое вами ведомство не контролировало эффективность использования государственного имущества?

3. Почему вы не поставили вопрос о разрыве трастового договора, когда появились признаки краха в 1996–1997 гг.?

4. Почему самый крупный фольгопрокатный завод страны ни разу не удосужился вашего посещения, пока вы были председателем комитета (1995–1998 гг.)?

5. Почему, будучи грамотным и энергичным человеком, носителем передовых идей, вы не оценили важность кооперации в алюминиевой промышленности Свердловской области, имея на это все права?

б. Где вы собираетесь взять деньги, чтобы реализовать все свои программы и обещания?

Уважаемый Александр Леонидович!

В несчастьях Михайловского завода и трудной судьбе жителей нашего города есть значительная доля вашей личной вины. Будучи чиновником высокого ранга, вы лично должны были разобраться с фактами преступного обращения с государственным имуществом на лучшем заводе алюминиевой промышленности области.

Наш завод имеет большое государственное значение. И о его кризисе постоянно писали газеты, вещало телевидение. Вы не могли не знать об этих безобразиях, где тогда была ваша принципиальность и рвение?

В своих выступлениях вы лестно отзываетесь о роли профсоюзного комитета ОАО «Михалюм». Да, трудовой коллектив сумел отстоять завод на краю пропасти. Но мы исправляли ваши ошибки.

Теперь вы хотите стать губернатором. Эта должность намного больше и ответственнее. Полтора года назад вы не справились с должностью председателя комитета (мы это очень хорошо почувствовали на себе). Справитесь ли вы с обязанностями губернатора? Я уверен, что нет. А это принесет новые беды миллионам людей.

Подумайте об этом, Александр Леонидович.

Г.М.Филатов,

председатель профсоюзного комитета

ОАО «Михалюм».

Поскольку движение «Мир. Труд. Май», возглавляемое А.Бурковым, дублирует функции профсоюза, значимой является точка зрения председателя профсоюзного комитета; поскольку А.Бурков был работником Михайловского завода, значима точка зрения представителя заводского коллектива (взгляд изнутри); поскольку А.Бурков претендует на роль руководителя Свердловской области, значим взгляд руководителя на руководителя. Все эти ролевые параметры определяют агитационное содержание письма: 'А.Бурков – авантюрист, лжец, беспомощный руководитель, поэтому он обязан снять свою кандидатуру, а избиратели не должны за него голосовать'.

Письма-предложения содержат те или иные программные заявления кандидатов в разных вариантах: Предлагаю депутатам отменить свою пенсию; Предлагаю депутатам перечислить свою пенсию в пенсионный фонд; Пенсия депутата должна быть такой, как у учителя и профессора и др.

Особое влияние имеют агитационные жанры, объединенные в цикл. В их числе акции протеста. Они могут стать «лицом» движения: *С самого первого дня образования движение «Май» работало для простого человека. У нас было много громких акций и много незаметной кропотливой работы для конкретных людей.* Отдельный жанр в границах серии агитационных акций политического движения часто соединяет реальные артефакты и идеологически привычный тоталитарный речевой стереотип:

*«СПАСИБО ТЕБЕ, ГУБЕРНАТОР,
ЗА НАШУ СЧАСТЛИВУЮ ЖИЗНЬ!»*

*Эта скандальная выставка движения «Май» объехала 40 городов области и снова вернулась в Екатеринбург. Прямо в центре города представители движения выставили **товары, которыми выдают зарплату и социальные пособия.** Наиболее яркие экспонаты – **гроб и кирзовые сапоги.** Ими пытались расплатиться за детские пособия в Полевском и Дегтярске. Также среди товаров **презервативы, которые предлагались в счет зарплаты.** Продемонстрировав все это, движение «Май» решило расстаться с экспонатами, отослав их руководителям тех предприятий, на которых они выдавались.*

Единонаправленное влияние объединяет тексты антиреклам-сериалов. Так, телесериал «Мы хотим, чтобы вы об этом знали» обобщает факты уральской жизни, которые должны внушить страх, смятение и возмущение результатами деятельности действующего мэра:

Средняя продолжительность жизни в Чкаловском районе Екатеринбурга менее 50 лет.

Мы хотим, чтобы вы об этом знали.

Регулярное внушение отрицательного содействует созданию фрустрирующей ситуации, выводит, по замыслу рекламодателей, действующего мэра из числа реальных кандидатов на искомый пост.

Новый жанровый цикл – пейджерные войны. По модели акции «Город против наркотиков» была проведена крупномасштабная акция «*Пейджер 002. Город против Чернецкого*». Поскольку по сути данный жанр является фискальным, он не возымел ожидаемого агитационного эффекта. Скорее, здесь был эффект обратный. Вот одна из газетных публикаций, подтверждающая эту мысль:

ПЕЙДЖЕР КАК ОРУЖИЕ ПРОЛЕТАРИАТА

Свердловская область в очередной раз выдала миру новенькое. Республику мы уже объявляли, уральские франки печатали, доллар отменяли, золотой рубль чеканить предлагали, смертную казнь за наркотики вводили. И даже ОПС сумели с бандитского на общественно-полезный лад переименовать. Правда, все это как-то не получило всеобщий российский «одобрямс». Теперь вот решили пейджер-ами орудовать. Адреса наркобаронов, торговцев и потребителей этой пакости предложили всем сообщать на пейджер «Город без наркотиков». Теперь пошли дальше. Если город без наркотиков из «цыганского» поселка сможет прожить, то почему ему не пожить еще и без Чернецкого? Недолго думая, так и назначили очередную пейджерную войну. Главное, просто и дешево. Садится тетя или дядя возле телефона и названивает по 002. И попробуй докажи, кто там про очередное неочищенное мусорное ведро на Чернецкого наступал. Пейджер, он не краснеет и своих не выдает.

В речевой обиход вошло имеющее презрительную окраску словосочетание *пейджерное сознание* в значении ‘фискальное, изобличающее трусость’, свидетельствующее о том, что расчет на массового адресата-доносчика оказался неверным: энтузиазм доносчиков не выполняет функцию объединения. Фискальные жанры в целом оправдывают и мотивируют тактику компрометирования, но не могут рассматриваться как жанры абсолютного влияния.

В жанрах протеста целенаправленно используется языковая агрессия, выступающая как заместитель принципа боевитости, свойственного агитационной речи советского периода. Широкое бытование жанров протеста нагнетает атмосферу общественного недовольства, уводит избирателя от возможного конструктивно-рационального подхода к проблеме выбора.

Между тем необходимо отметить, что в репертуар жанров влияния входят **рационально-аналитические и аналитико-статистические жанры**. Это тексты программ, аналитические справки, анкеты, опросы, рейтинги и др. В зависимости от функции (аналитического прогнозирования или агитационного давления) их можно разделять на информационные (объективные) и манипулятивные.

К манипулятивным жанрам влияния можно отнести тенденциозно составленные **рейтинги, опросы, анкеты**, приводящие адресата к единственно возможному выбору, выстраивающие

мысль избирателя в нужном направлении. Например, в агитационной кампании, организованной командой Э.Россея, использовался в качестве политической рекламы ролик (жанр поддержки) с записью сердечной рекомендации Е.Примакова, рейтинг которого в начале августа 1999 года был чрезвычайно высоким. Анкета, использующая этот факт, включает вопросы, каждый из которых автоматически повышает рейтинг Россея. Выбор любого положительного ответа служит поддержкой кандидата. Анкета не предполагает самостоятельных оригинальных ответов, не может выявить мнение анкетировемых. Она выступает как жанр не прикрытой манипуляции:

Ответьте, пожалуйста, на вопрос:

«Почему Евгений Примаков поддержал Эдуарда Россея?»

Примаков хорошо знает Россея.

Примаков считает важным поддержать промышленность

Урала – опорного края державы.

Примаков знает цену противникам Россея.

В той или иной степени влияние на избирателей оказывают юмористические жанры: байки, иронические высказывания, позволительные и непозволительные шутки, основанные на языковой игре. Особое место здесь занимают публикуемые в газетах анекдоты, служащие, как правило, для стимулирования вербальной агрессии. Анекдот может сопровождаться введением в ситуацию:

После четырех долгих лет отсутствия на родине в Екатеринбурге появилась неугомонная женищина Лариса Мишустина. В стародавние времена она была депутатом Государственной Думы. В 1995 году она хотела снова заполучить депутатский мандат. Но на выборах не смогла победить Евгения Зяблицева.

Проигрыши неугомонной женищины сопровождался забавными обстоятельствами. Например, незадолго до дня голосования практически все заборы были изрисованы ее фамилией. Видимо, это обилие украсивших город надписей стало причиной одной до сих пор рассказываемой в городе байки. Говорят, что одна бабушка после долгого отсутствия приехала в Екатеринбург и делилась со своими родственниками впечатлениями от города следующим образом: «Совсем обнаглели эти проститутки. То Джесика у них фирма, то Лолита, то Розалина, а теперь еще и Мишустина объявилась».

Приведенный анекдот находит развитие в многочисленных публикациях о продажности кандидата; публикуются смонтиро-

ванные фотографии (лицо кандидата / обнаженное тело). Формируется суждение: «Мишустина – женщина продажная. За нее не следует голосовать».

Распространение получают разного рода конкурсы. Например, задача конкурса «Скульптурный Чернецкий» – окариатуривание кандидата. Тема конкурса сформулирована с установкой на компрометирование Чернецкого. Задания включают контрагитационные утверждения и намеки:

Телевизионное Агентство Урала объявляет конкурс на лучший памятник Аркадию Чернецкому. Принимаются работы в любом стиле – от примитивизма до сюрреализма, выполненные в любом материале, от папье-маше до глины. Размер модели – не больше среднего человеческого роста.

Тема работы – на ваше усмотрение (например: «Чернецкий раздает облигации муниципального жилищного займа» или «Чернецкий с сыном-суперпредпринимателем»).

Место установки монумента вы также можете предложить сами. Лучший памятник нынешнему мэру в натуральную величину будет установлен там, где его захочет увидеть большинство жителей города. Пока предлагают два места: около элитных домов в районе Энгельса–Куйбышева (которые строит компания, связанная с сыном нашего мэра), и в поселке Карасьезерск, где Аркадий Михайлович построил себе шикарный коттедж.

Иногда сам кандидат участвует в разработке шуточных сценариев. Например, любители карикатуры собрались на выставке художника-карикатуриста Смагина «В семье не без уроды». Аркадий Чернецкий позировал. Смагин сделал на него дружеский шарж (фрагмент телерепортажа). Этот шаг кандидата можно расценивать как ответ организаторам конкурса «Скульптурный Чернецкий».

Позволительные шутки (их немного) смягчают агрессию, содержат беззлобные намеки, легкую иронию. Например:

ШУТКА

Кандидатам в губернаторы Свердловской области мы задали три вопроса. Ответы оказались достаточно забавными. С приветом социологическая служба «Кандидатская правда».

Кандидат	1. Во что бы вы превратили Свердловскую область, если бы стали губернатором?	2. Ваша любимая песня?	3. Ваше любимое блюдо?
Ирина Белкова	В детский сад	«Носики-курносики»	Манная каша
Аркадий Чернецкий	В город Екатеринбург	«Свердловский вальс»	Борщ
Андрей Селиванов	В Государственную Думу	«Птица счастья»	Соленые огурцы
Эдуард Россель	В выставку вооружений	«Гимн Свердловской области»	Капуста
Игорь Ковпак	В магазин	«Три кусочка колбаски»	Ананасы в рябчиках
Александр Бурков	В палаточный городок	«Майские напевы»	Объявил голодовку
Владимир Кадочников	В комсомольскую стройку	«Мой адрес – Советский Союз»	Макароны

Преобладающие в агитационном дискурсе злые (злобные) шутки, направленные против кандидата, служат для его уничижения, «снижения в ранге», что соответствует общей тенденции к стилистической сниженности и легализации вербальной агрессии.

В целях влияния используются такие **низкие жанры**, как слухи, сплетни, даже астрологические прогнозы, всякого рода аномальные высказывания и тексты [Булыгина, Шмелев: 576].

Например:

Астрологический прогноз:

Россель – Водолей – разносторонний, гибкий, обаятельный, способный слушать и принимать ранзые точки зрения.

Чернецкий – Телец. У него нет таких положительных аспектов. Он слаб во всех отношениях, а потому нет такой очевидной удачливости и яркости.

Звезды предрешают выбор. Прогноз рассчитан на тех, кто верит в астрологию; читатели газеты, которые в астрологию не верят, могут воспринять данный контекст как злую шутку.

В поисках направленного влияния на адресата разработчики агитационных идей приходят к формированию **диалогического принципа** агитационного взаимодействия, выступающего в качестве необходимого условия успешного решения стратегической задачи. Принцип диалогичности способствует установлению контакта между адресантом и адресатом. Установка на диалог дает возможность избирателям составить личное представление о кандидате, оценить его интеллект, нравственную позицию, дело-

вые качества. Диалогические жанры часто предварительно рекламируются (*Семен Спектор в передаче Андрея Караулова «Момент истины». Жесткие вопросы и очень откровенные ответы*). В буклетах обозначаются номера телефонов, по которым избиратели могут связаться со штабом кандидата и с самим кандидатом. Время диалогов иногда не регламентируется, и избиратели могут свободно общаться с кандидатом. Например:

*На все Ваши вопросы
кандидат в депутаты Государственной Думы
ЗЕЛЕНКОВ ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ
ответит в прямом эфире, на канале АСВ,
в передаче «Диалог в ночи»
14 декабря в 22 часа*

Диалог может осуществляться в письменном виде. Кандидат призывает избирателей к диалогу в форме приглашения к конструктивному сотрудничеству:

Поделиться своими мыслями и предложениями в программу кандидата на пост губернатора Свердловской области Ковпака И.И. можно по адресу: ул. Луначарского, 210 А, тел. : (3432) 61-77-71.

Традиционными являются встречи кандидата с избирателями. Здесь наблюдается тенденция распространения камерных встреч (массовая аудитория – скорее исключение, нежели правило).

Обновление диалогических жанров проявляется в том, что в агитационный обиход входят личные благодарственные письма кандидата избирателю с употреблением повышенных этикетных форм уважения/почтения, уверения в значительности избирателя, с призывами к сотрудничеству во имя процветания родного края. Общая для таких текстов стратегия укрупнения адресата позволяет включить в письмо программные установки кандидата, привести в действие механизм со-мышления, использовать формы, внедряющие идею совместности: *мы, мы с Вами, вместе с Вами, Ваши заботы, которые я буду решать ежедневно* и др. Приведем пример такого письма:

*Глубокоуважаемый Николай Иванович!
Огромное и искреннее спасибо за Ваше доверие!
Горжусь Вашей поддержкой и бескорыстным желанием увидеть меня в числе кандидатов на должность губернатора Свердловской области.*

В эти дни, когда собирались подписные листы, я впервые ощутил такую мощную поддержку как от Вас лично, так и со стороны

многих тысяч людей. Ко мне звонили и приходили: врачи и рабочие, пенсионеры и молодежь. Люди несли не только свои тяготы, но и надежду на лучшее.

Проблемы многих наших граждан давно стали мне знакомыми и понятными. Но что раньше делал для них Игорь Ковпак, что мог сделать? Да, помогал своим сотрудникам, друзьям и незнакомым людям, – тем, кто находился в бедственном положении. Мой авторитет сформировали те, кто знает меня в деле. Они же и выбрали депутатом Палаты Представителей Законодательного Собрания Свердловской области.

И тогда я посмотрел на власть изнутри. Да Вы и сами, наверное, знаете: болтовня, склоки, интриги. Две политические группировки заняты только пожиранием друг друга. А работа – стоит. Особенно это видно перед выборами.

Честное слово, мне, Игорю Ковпаку, надоело смотреть на такую власть. Эта война (или возня) мешает работать тем, кто привык только работать, кто мыслит по-государственному.

Вместе с Вами мое выдвижение вслух одобрили многие честные производственники, предприниматели и лучшие представители власти. Это та команда умных и опытных людей, которая хочет одного – эффективно работать для блага населения Свердловской области. Идя на выборы губернатора, я понимаю, что беру на себя ответственность за решение проблем каждого. Теперь и Ваши заботы станут теми задачами, которые я буду решать ежедневно.

Хотелось бы услышать и от Вас конкретные предложения и вопросы ко мне. Поэтому заранее приглашаю Вас на запланированные в июле-августе встречи. О месте и времени их проведения будет сообщаться дополнительно.

А сейчас можете обращаться по тел.: 61–55–72.

Еще раз благодарю за поддержку!

ИГОРЬ КОВПАК

Диалогические жанры, стилизующие взаимодействие «говорящих сознаний», способствуют нахождению точек и зон пересечения когнитивных пространств [Гудков 1999: 18] и, следовательно, установлению неформальной обратной связи. Коммуникативные тактики снисхождения, конфиденциальности, сотрудничества в соединении с обращением по имени и отчеству способствуют осуществлению стратегии завоевания доверия избирателя.

Мы описали пять блоков жанров влияния: жанры поддержки, жанры протеста, рационально-аналитические и аналитико-статистические жанры, юмористические жанры, виртуально ориентированные низкие жанры. Трудно говорить о жанрах безусловного влияния. Скорее всего мы наблюдаем формирование жанровых форм, соотношение которых приводит к определенному результату агитации.

Эффект влияния в значительной степени обуславливается объективным прогнозированием точки зрения адресата, диалогичностью коммуникативно-культурного взаимодействия.

Особую тревогу вызывает прямая, беззастенчивая манипуляция общественным сознанием, осуществляемая с помощью отбора и комбинации жанров влияния.

Литература и источники

✓ *Балли 1955* – Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.

✓ *Баранов 1995* – Баранов А.Г. Динамические тенденции в исследовании текста // *Stylistyka*, IV. Opole, 1995.

Баранов, Крейдлин 1992 – Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // *Вопр. языкознания*. 1992. № 2.

Батищев 1990 – Батищев Г.С. Неисчерпанные возможности и границы применимости категории деятельности // *Деятельность: теории, методология, проблемы*. М., 1990.

Бахтин 1972 – Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972.

✓ *Бахтин 1979* – Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

✓ *Бахтин 1986* – Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // *Эстетика словесного творчества*. М., 1986.

Бахтин 1990 – Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.

✓ *Бахтин 1993a* – Бахтин под маской. Маска вторая: П.Н. Медведев. Формальный метод в литературоведении. М., 1993.

✓ *Бахтин 1993b* – Бахтин под маской. Маска третья: В.Н. Волошинов. Марксизм и философия языка. М., 1993.

✓ *Бахтин 1996* – Бахтин М.М. Проблема речевых жанров: Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М., 1996.

Бенвенист 1974 – Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.

Бердяев 1990 – Бердяев Н.Н. Судьба России. М., 1990.

Берн 1988 – Берн Э. Игры, в которые играют люди. М., 1988.

Блажес 1995 – Блажес В.В. Речь и речевое поведение как предмет осмеяния в русских народных сказках и анекдотах // *Русская народная сказка: Межвуз. сб. научн. тр. Ишим*, 1995.

✓ *Бобнева 1978* – Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения. М., 1978.

✓ *Богин 1986* – Богин Г.И. Типология понимания текста. Калинин, 1986.

✓ *Богин 1997* – Богин Г.И. Речевой жанр как средство индивидуации // *Жанры речи*. Саратов, 1997. Вып.1.

Булыгина, Шмелев 1997 – Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) // *Школа «Языки русской культуры»*. М., 1997.

Бурдые 1993 – Бурдые П. Социология политики. М., 1993.

✓ *Вежбицка 1997* – Вежбицка А. Речевые жанры // *Жанры речи*. Саратов, 1997. Вып.1.

✓ *Вежбицка 1999* – Вежбицка А. Речевые жанры // *Жанры речи*. Саратов, 1999.

Верещагин, Костомаров 1999 – Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. М., 1999.

Виноградов 1963 – Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.

✓ *Винокур 1993* – Винокур Т.Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // *Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект*. М., 1993.

✓ *Винокур 1993* – Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М., 1993.

Гаджиев 1994 – Гаджиев К.С. Политическая наука. М., 1994.

✓ *Гайда 1986* – Гайда Ст. Проблемы жанра // *Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая организация*. Пермь, 1986.

✓ *Гаузенблас 1967* – Гаузенблас К. К уточнению понятия «стиль» и к вопросу об объеме стилистического исследования // *Вопр. языкознания*. 1967. № 5.

Геллер 1994 – Геллер М. Машина и винтики: История формирования советского человека. М., 1994.

Гловинская 1993 – Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // *Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект*. М., 1993.

✓ *Головин 1979* – Головин Б.Н. Язык // *Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание*. М., 1979.

✓ *Гольдин 1999* – Гольдин В.Е. Проблемы жанроведения // *Жанры речи*. Саратов, 1999. Вып.2.

Гудков 1999 – Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблема прецедентности. М., 1999.

✓ *Давидович 1995* – Давидович В.Е. *Онтология культуры* // *Культурология*. Ростов н/Д., 1995.

✓ *Давидович, Жданов 1979* – Давидович В.Е., Жданов Ю.А. *Сущность культуры*. Ростов н/Д., 1979.

Даль 1978–1980 – Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка*: В 4 т. М., 1978–1980.

Даль 1984 – Даль В. *Пословицы русского народа*: В 2 т. М., 1984.

✓ *Дейк ван 1978* – Дейк Т.А. ван. *Вопросы прагматики текста* // *Новое в зарубежной лингвистике*. М., 1978. Вып. 8.

✓ *Дейк ван 1989* – Дейк Т.А. ван. *Язык. Познание. Коммуникация*. М., 1989.

✓ *Дементьев 1995* – Дементьев В. В. *Жанры фатического общения* // *Дом бытия*. Саратов, 1995. Вып. 2.

✓ *Дементьев 1997* – Дементьев В.В. *Фатические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типология речевых жанров* // *Жанры речи*. Саратов, 1997. Вып. 1.

✓ *Дементьев 1999* – Дементьев В.В. *Фатические речевые жанры* // *Вопр. языкознания*. 1999. №1.

✓ *Дементьев 1999* – Дементьев В.В. *Вторичные речевые жанры. Онтология непрямого общения* // *Жанры речи*. Саратов, 1999. Вып. 2.

✓ *Дементьев 2000* – Дементьев В.В. *Флирт как тип общения* // *Swiat humoru*. Opole, 2000.

✓ *Долинин 1978* – Долинин К.А. *Стилистика французского языка*. Л., 1978.

✓ *Долинин 1983* – Долинин К.А. *Имплицитное содержание высказывания* // *Вопр. языкознания*. 1983. № 6.

✓ *Долинин 1998* – Долинин К.А. *Проблема речевых жанров через сорок пять лет после статьи Бахтина* // *Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века*. СПб., 1998.

✓ *Долинин 1999* – Долинин К.А. *Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия* // *Жанры речи*. Саратов, 1999. Вып. 2.

Дридзе 1980 – Дридзе Т.М. *Язык и социальная психология*. М., 1980.

Жинкин 1956 – Жинкин Н.И. *Развитие письменной речи учащихся III – VII классов* // *Изв. АПН РСФСР*. 1956. Вып. 78.

Задушевное слово... – Задушевное слово: Журнал для детей старшего возраста. 1886а. № 22; 1886б. № 25; 1887а. № 9; 1887б. № 32; 1887в. № 52.

Земская и др. 1983 – Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Жест. М., 1983.

✓ *Ионин 1988* – Ионин Л.Г. Понятийный аппарат социологического анализа культуры // Методологические проблемы теоретико-прикладных исследований культуры. М., 1988.

✓ *Каган 1974* – Каган М.С. Человеческая деятельность. М., 1974.

✓ *Капанадзе 1997* – Капанадзе Л.А. Развитие речевых жанров в русском языке // Русский язык. Ороле, 1997.

Кобозева 2000 – Кобозева И.М. Две ипостаси содержания речи: значение и смысл // Язык о языке. М., 2000.

Кожевникова 1979 – Кожевникова К. Об аспектах связности в тексте как целом // Синтаксис текста. М., 1979.

✓ *Кожина 1968* – Кожина М.Н. К основаниям функциональной стилистики. Пермь, 1968.

✓ *Кожина 1998* – Кожина М.Н. Речеведческий аспект теории языка // *Stylistyka*, VII. Ороле, 1998.

✓ *Кожина 1999* – Кожина М.Н. Некоторые аспекты изучения речевых жанров в нехудожественных текстах // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 1999.

✓ *Котарбинский 1975* – Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. М., 1975.

✓ *Котюрова 1988* – Котюрова М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста. Красноярск, 1988.

✓ *Крижановская 1996* – Крижановская Е.М. Коммуникативный блок как единица смысловой структуры научного текста // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Пермь, 1996. Т. 2., ч. 1.

Крылатые слова 1955 – Крылатые слова: Неспроста и неспуста слово молвится и до веку не сломится / По толкованию С. Максимова. М., 1955.

Крючкова 1989 – Крючкова Т.Б. Особенности формирования и развития общественно-политической лексики и терминологии. М., 1989.

✓ *Купина 1995* – Купина Н.А. Тоталитарный язык. Екатеринбург; Пермь, 1995.

Купина 1998 – Купина Н.А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык в его функционировании: Тез. докл. междунар. конф. М., 1998.

Купина 1999 – Купина Н.А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. Екатеринбург, 1999.

Купина, Битенская 1994 – Купина Н.А., Битенская Г.В. Сверхтекст и его разновидности // Человек. Текст. Культура. Екатеринбург, 1994.

✓ *Лариохина 1985* – Лариохина Н.М. Об использовании типового научного текста в обучении русскому языку специалистов-нефилологов // Русский язык за рубежом. 1985. № 3.

Левин 1998 – Левин Ю.И. Семиотика советских лозунгов // Левин Ю.И. Поэтика. Семиотика: Избр. тр. М., 1998.

✓ *Леонтьев 1969* – Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.

✓ *Леонтьев 1972* – Леонтьев А.Н. Деятельность и сознание // Вопр. философии. 1972. №12.

✓ *Леонтьев 1974* – Леонтьев А.А. Функции и формы речи // Основы теории речевой деятельности. М., 1974.

Леонтьев 1975 – Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

✓ *Лимантов 1975* – Лимантов Ф.С. Лекции по логике вопросов. Л., 1975.

✓ *Майданова и др. 1997* – Майданова Л.М., Соболева Е.Г., Чепкина Э.В. Общественная концепция личности и жанрово-стилистические характеристики текстов в средствах массовой информации // Stylistyka, VI. Opole, 1997.

Макаров 1998 – Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998.

✓ *Маркарян 1969* – Маркарян Э.С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969.

✓ *Маркарян 1983* – Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука: (логико-методолог. анализ). М., 1983.

Матвеева 1995 – Матвеева Т.В. Тональность разговорного текста: три способа описания // Stylistyka, IV. Opole, 1995.

Мечковская 1996 – Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М., 1996.

Морфология... 1994 – Морфология культуры: Структура и динамика. М., 1994.

Никитина 1998 – Никитина Т. Г. Так говорит молодежь: Словарь молодежного сленга. СПб., 1998.

✓ *Петров 1991* – Петров М.К. Язык, знак, культура. М., 1991.

Пиз 1992 – Пиз А. Язык телодвижений. Н. Новгород, 1992.

Прохоров 1997 – Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1997.

✓ *Разинкина 1985* – Разинкина Н.М. О понятии стереотипа в языке научной литературы (к постановке вопроса) // Научная литература: язык, стиль, жанры. М., 1985.

Русский язык... 1996 – Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). М., 1996.

Салимовский 1997 – Салимовский В.А. Функционально-смысловое и стилистико-речевое варьирование научного текста // *Stylistyka*, VI. Opole, 1997.

✓ *Салимовский 1998* – Салимовский В.А. Речевые жанры научного эмпирического текста: Статья первая // Текст: стереотип и творчество. Пермь, 1998.

✓ *Салимовский 1999* – Салимовский В.А. Речевые жанры научного эмпирического текста: Статья вторая // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 1999.

Санников 1999 – Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.

Серио 1993 – Серио П. В поисках четвертой парадигмы: О языке власти: критический анализ // *Философия языка: в границах и вне границ*. Харьков, 1993.

Серль 1987 – Серль Дж. Р. Природа интенциональных состояний // *Философия, логика, язык*. М., 1987.

✓ *Сидоров 1987* – Сидоров Е.В. Проблемы речевой системности. М., 1987.

Славин 1976 – Славин А.В. Проблема возникновения нового знания. М., 1976.

✓ *Солганик 1978* – Солганик Г.Я. Введение // Вакуров В.Н., Кохтев Н.Н., Солганик Г.Я. Стилистика газетных жанров. М., 1978.

✓ *Солганик 1984* – Солганик Г.Я. К проблеме модальности текста // *Русский язык: Функционирование грамматических категорий*. Текст и контекст. М., 1984.

✓ *Солганик 1999* – Солганик Г.Я. Текстовая модальность как семантическая основа текста и важнейшая стилевая категория // *Stylistyka*, VIII. Opole, 1999.

✓ *Тарасов 1989* – Тарасов Е.Ф. Стилистика и психолингвистика // Проблемы современной стилистики. М., 1989.

Тункель 1964 – Тункель В.Д. Прием и последующая передача речевого сообщения // Вопр. психологии. 1964. № 4.

✓ *Тураева 1994* – Тураева З.Я. Лингвистика текста и категории модальности // Вопр. языкознания. 1994. № 3.

✓ *Уледов 1980* – Уледов А.К. Духовная жизнь общества. М., 1980.

✓ *Федосюк 1997* – Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопр. языкознания. 1997. № 5.

✓ *Чавчавадзе 1984* – Чавчавадзе Н.З. Культура и ценности. Тбилиси, 1984.

✓ *Чернухина 1995* – Чернухина И.Я. Что такое стиль? // Stylistyka, IV. Opole, 1995.

Ширяев 2000 – Ширяев Е.Н. Структура интенционального диалога в разговорном языке // Активные языковые процессы конца XX века: Тез. докл. междунар. конф. IV Шмелевские чтения, 23–25 февр. 2000 г. М., 2000.

✓ *Шмелева 1990* – Шмелева Т.В. Речевой жанр // Русистика. Берлин, 1990. № 2.

Юганов, Юганова 1997 – Юганов И., Юганова Ф. Словарь русского сленга: Сленговые слова и выражения 60–90-х годов. М., 1997.

✓ *Якубинский 1986* – Якубинский Л.П. О диалогической речи // Якубинский Л.П. Язык и его функционирование. М., 1986.

✓ *Daneš 1995* – Daneš F. Stylistika – textová lingvistika rétorika // Stylistyka, IV. Opole, 1995.

✓ *Hausenblas 1972* – Hausenblas K. Výstavba jazykových projevů a styl. Praha, 1972.

✓ *Hausenblas 1995* – Hausenblas K. Stručná charakteristika stylu a stylistiky // Stylistyka, IV. Opole, 1995.

✓ *Witosz 1999* – Witosz B. Czy gatunek i styl są we współczesnej stylistyce pojęciami konkurencyjnymi // Stylistyka, VIII. Opole, 1999.

Wojtak 1996 – Wojtak M. Styl w perspektywie struktury tekstu // Styl a tekst. Opole, 1996.

Zgółka 1991 – Zgółka T. Tekstowe, funkcjonalne i pragmatyczne kryteria wyodrębniania stylowych odmian języka // Synteza w stylistyce słowiańskiej. Opole, 1991.

Механизмы коммуникации и типы языковой личности

И.Н.БОРИСОВА

Замысел разговорного диалога в структуре коммуникации¹

Осознанность целеполагания и наличие замысла, плана порождения речи несомненно присущи развернутым монологическим высказываниям, особенно в письменной форме: «Письменная речь... с самого начала связана с сознательностью и намеренностью... монолог представляет собой определенную композиционную сложность, которая вводит речевые факты в светлое поле сознания... момент обдумывания в письменной речи очень силен» [Выготский 1999: 317]. Хотя разговорный диалог генетически первичен для речевой деятельности, приходится признать, что он наименее изучен с точки зрения целеполагания и замысла: в лингвистике отдается предпочтение изучению относительно ярко выраженных целевых ситуаций коммуникативного взаимодействия. Р.Тиле объясняет это тем, что «требования, которым подчинено действие в таких ситуациях, более известны и поэтому могут быть легче эксплицированы и объективированы по сравнению с кажущимися при поверхностном наблюдении «бесцельными», спонтанными, неподготовленными повседневными диалогами в семье, среди друзей и знакомых, где на первом плане стоят

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Функционирование современного русского языка и культура речи», финансируемого Российским гуманитарным научным фондом (проект № 00-04-00-101-а).

межличностные контакты, обмен чувствами, оценками, желаниями, намерениями, мнениями» [Общение. Текст. Высказывание 1989: 91]. Кроме того, спонтанность (неподготовленность, импровизационность) коммуникативного акта в сфере разговорной речи является тенденцией, препятствующей развернутому и осознанному планированию *всех* компонентов текста. Особые условия текстообразования и особая структура разговорного текста стали основанием для введения термина *спонтанный текст*, обозначающего устный (звучащий) текст, создаваемый непосредственно в момент речи [Педагогическое речеведение 1998: 64].

Понятия цели общения и коммуникативного замысла актуальны для всех речевых подсистем, в том числе для разговорной речи, где тоже происходит программирование в порождающем сознании и отбор средств для реализации целевой программы.

Как этап текстообразования, обеспечивающий порождение целого текста, замысел впервые рассмотрен в трудах Н.И. Жинкина [1965, 1982, 1998а, 1998б]. По мысли ученого, порождение текста есть развертывание его замысла. Замысел относится к явлениям «упреждения предстоящего текста», характерным для письменной и устной речи; упреждение характеризуется как «положительная сила», способствующая формированию связности и цельности текста [Жинкин 1998а: 311, 314]. Замысел свойствен не отдельному предложению, а целому тексту. Полагая осмысленность текста «очевидным фактом, не требующим доказательств», Н.И. Жинкин подчеркивал, что «человек не говорит отдельно придуманными предложениями, а одним задуманным текстом» [Жинкин 1982: 91, 108].

Существование замысла является гарантией осмысленности общения и взаимопонимания коммуникантов. «Образование смысла в речи, надо думать, происходит в особом механизме коммуникации, – пишет Н.И. Жинкин. – Говорящий обладает замыслом речи. Он знает, о чем будет говорить. <...> Партнер на приеме улавливает замысел говорящего и в семантически сжатом виде держит его в памяти с тем, чтобы следить за развитием мысли говорящего» [Жинкин 1982: 83–87]. Таким образом, замысел является фактором, конституирующим текстовую целостность диалога: психологи утверждают, что во время реализации в деятельности замысел «помещается в фокус внимания» [Миллер и др. 1965: 82].

Цель данной работы – показать на живом речевом материале, что категория замысла, признаваемая психолингвистической базой целостности любого текста, свойственна и спонтанному разговорному диалогу, но имеет в нем специфику, которая формируется за счет особых условий порождения текста рассматриваемого типа (коммуникативное соавторство, спонтанность, коммуникативная координация речевого поведения). Сложность проблемы заключается в том, что замысел не доступен эмпирическому наблюдению, поскольку является когнитивной структурой превербального этапа речепорождения. Вместе с тем в современной лингвистике «без предположений о сути превербальных этапов реконструкция речевой деятельности представляется неполной» [Кубрякова 1986: 143].

Приступая к исследованию этого вопроса, мы предполагаем, что *речевому произведению, созданному в условиях спонтанного коммуникативного взаимодействия, не чужд замысел*. Мы исходим из двух гипотез. Первая заключается в том, что спонтанная природа диалогического взаимодействия накладывает определенный отпечаток на способ его планирования и форму существования замысла, равно как и его реализации. Вторая базируется на предположении, что замысел коммуникантов может быть реконструирован (хотя бы частично) на основании фрагментов разговорных текстов, содержащих эксплицитные свидетельства о структурных компонентах замысла.

Структура замысла разговорного диалога

Остановимся на основных положениях, которые являются теоретической базой исследования. Во-первых, для нас важно указание А.А. Леонтьева, который прослеживает динамику порождения текста «от определения темы и стратегии сообщения (С.Д. Кацнельсон)... или замысла (Н.И. Жинкин), причем определения чаще всего *бессознательного* (курсив мой. – И.Б.) и осуществляемого в универсальном психологическом коде, к последовательному расчленению и уточнению этого замысла» [Леонтьев 1979: 27], подчеркивая возможность существования замысла как *неосознанного* невербального образования. Для устной спонтанной речи в ее диалогической форме в ситуации непринужденного общения существование развернутого, осознанного, рационального замысла у коммуниканта представляется проблематичным. Интеллектуальный замысел, как считает Т.В. Матвеева, разговорному диалогу не свойствен [Матвеева 1994: 128]. Поэтому для

нас важно определить особенности замысла непринужденного разговорного диалога и выяснить, как эти особенности отражаются в речевом поведении коммуникантов, а также в структуре и содержании самого текста. Во-вторых, категория замысла может быть рассмотрена в двух аспектах, которые тесно связаны. Первый аспект – психолингвистический (речедетельностный); в его рамках целеполагание описывается как довербальное явление, определяющее коммуникативную установку, сверхзадачу общения, которая в свою очередь формирует стратегии речевого поведения коммуникантов. Второй аспект – лингвистический (собственно текстовой). Он позволяет рассматривать цель как функцию, как предназначенность речевого произведения для выполнения определенных задач в общении; тогда цель характеризует текст как продукт коммуникативной деятельности и прогнозирует его жанровую форму. Как средство общения текст «характеризуется коммуникативной целью... под влиянием которой формируются частные цели отдельных субтекстов и высказываний» [Человеческий фактор в языке 1992: 81].

Отличие монологических и диалогических речевых произведений коренится в различной природе их замыслов: *моноцентрическом* (принадлежащем одному автору) замысле монолога и *полицентрическом* (принадлежащем нескольким коммуникантам) замысле диалога. Учитывая психолингвистическую индивидуальность замысла, мы будем впоследствии говорить о *замысле речевой партии* одного коммуниканта.

Формирование замысла разговорного диалога может происходить в разных условиях: с одной стороны, это может быть заранее запланированное общение (приглашение в гости, совместный поход куда-нибудь и т.п.), с другой стороны – незапланированная, случайная встреча (на улице, в коридоре учреждения и т.п.). В первом случае взаимная ориентировка собеседников происходит заранее, во втором – в момент вступления в контакт. Субстратом замысла и условием его возникновения является дискурсивная пресуппозиция, понимаемая как знания и представления коммуниканта о партнере общения, о коммуникативной предыстории и условиях текущего коммуникативного акта, о правилах и нормах коммуникативного поведения в ситуациях данного типа. Отсутствие знаний о собеседнике препятствует возникновению замысла. Как следствие возникают коммуникативные неудачи [Ермакова, Земская 1993], связанные с неверным моделирова-

нием пресуппозиции общения: коммуникант лишается «системы координат» коммуникативного акта, ориентации в ситуации и не может адекватно построить коммуникативное поведение. Приведем пример разговора по телефону, иллюстрирующий возникновение коммуникативной неудачи, связанной с отсутствием ориентировки в ситуации коммуникации, что является препятствием формирования замысла у одного из коммуникантов. Сначала дадим необходимые пояснения.

(1) *Ситуативный контекст*: Б. – 38 лет, филолог по образованию, директор строительной фирмы, живет в Петрозаводске, имеет жену Наталью и двух сыновей (Кирилла и Артема). У Б. нет домашнего телефона, поэтому он обычно звонит с автомата. А. – женщина 39 лет, филолог, преподаватель вуза. Имеет сына Диму и родственника по имени Петр в Новосибирске, но обычно поддерживает контакт с его женой. Семьи Б. и А. познакомились 3 года назад на курорте за границей и с тех пор поддерживают дружеские отношения. За время знакомства два раза устраивали встречи в Москве и Петербурге. Контакт по телефону поддерживают примерно раз в месяц.

(ЗВОНИТ ТЕЛЕФОН, А. БЕРЕТ ТРУБКУ)

А. – Алло! (ПАУЗА, ПОМЕХИ НА ЛИНИИ СВЯЗИ)

Алло / говорите...

Б. – Леночка! Привет!

А. – (НЕУВЕРЕННО) Привет... (ПАУЗА) Петечка? (С УДИВЛЕНИЕМ) Ты, что ли?

Б. – Ну // а мы вам сто раз (нрзб) / это бесполезно / как в Кремль!

А. – Да это все Димка в Интернете бродит / не можем от модема оттащить // (ОБЕСПОКОЕННО) Что-то случилось?

Б. – Вас там совсем приморозило? (нрзб)

А. – Что?

Б. – (нрзб) по телеку / тридцать градусов //

А. – Алло! Да нет / уже пятнадцать / как у вас дела?

Б. – Да нормально / только Кирюха с Артемом опять разболелись /

А. – Что? Алло! Громче говори!

Б. – Парни говорю болеют / вот выскочили с Наташкой по магазинам / решили вам позвонить //

А. – (РАДОСТНО И ВОЗБУЖДЕННО) О боже! Петька! Это вы! С ума сойти! А я решила наши из Новосибирска! (О ПОМЕ-

ХАХ НА ЛИНИИ) *У вас там все трещит...* (ПОВЫШАЯ ГОЛОС) *А что с ребятами?*

Б. – *Подожди / сейчас перезвоним //*

Анализ условий возникновения замысла речевой партии проводится коммуниканта А. Ошибка в опознавании адресата, вызванная плохой слышимостью и помехами на телефонной линии, ведет А. к коммуникативной неудаче. Причины ее связаны с неправильной идентификацией адресата. Тип обращения (*Леночка, ты*) приводит А. к выводу о близости отношений, неофициальном характере ситуации коммуникации. Первая попытка идентификации адресата неудачна: А. принимает Б. за родственника из Новосибирска, которого также зовут Петр. Удивление и обеспокоенность А. объясняются тем, что последний не имеет обыкновения звонить, чтобы просто поболтать (А. больше близка с его женой, которая последнее время часто недомогает). Поэтому А. предполагает, что случилось что-то непредвиденное и два раза пытается перейти от фатики к информатике (*Что-то случилось? Как у вас дела?*). Правильная идентификация адресата ведет к разрешению коммуникативной неудачи, к престройке дискурсивной пресуппозиции А. и квалификации ситуации как непринужденного общения. Именно в точке идентификации адресата у А. возникает замысел ее речевой партии. Как следствие меняется и коммуникативное поведение А.: тональность обеспокоенности и озабоченности уступает место тональности радостного удивления. А. перестраивается на другой репертуар тем и фатическое коммуникативное поведение.

М.М. Бахтин характеризовал замысел как «речевую волю говорящего, определяющую целое высказывания, его объем и его границы» [1979: 276]. Понятие замысла базируется на категории коммуникативной цели. «Коммуникативные цели – это намерения, придающие осмысленность обращения коммуниканта к своему партнеру» [Городецкий 1990: 43]. Развивая идеи Н.И. Жинкина, Т.М. Дридзе подчеркивает, с одной стороны, *целеориентированность* и *интенциональность* замысла, отражающего цель создания текста: замыслом оказывается «то, для чего или ради чего предпринимает автор названные усилия» [Дридзе 1984: 71–72], а с другой стороны, его *концептуальность*: замысел как «общая концепция текста функционально объединяет все его элементы в единую целостную структуру» [Дридзе 1984: 71].

Мы дифференцируем термины «замысел» и «интенция» как коммуникативные намерения различного текстового масштаба. Замысел масштабнее интенции: замысел – это *текстовое* коммуникативное намерение или *макроинтенция*, которая реализуется на текстовом пространстве всего коммуникативного акта. *Микроинтенция* – это коммуникативное намерение, которое реализуется в реплике-высказывании как отдельном речевом действии и компоненте диалогического текста. Кроме того, замысел – явление более сложное, чем коммуникативное намерение, в прагматическом, психологическом и структурном плане.

Мысль о существовании замысла непринужденного диалога как основания текстовой трактовки этого типа текста была высказана Т.В. Матвеевой в статье «Непринужденный диалог как текст» [1994]. Автор статьи считает, что в непринужденном диалоге может «мирно сосуществовать» несколько целей: прямая практическая цель (социально-практическая доминанта: узнать, проверить, предупредить и т.п.) и психологическая цель (эмоционально-волевая доминанта). Назовем это явление *полиинтенциональностью замысла*.

Разработанная нами *модель замысла разговорного диалога*, отражает явление полиинтенциональности и включает в себя осознаваемые и подсознательные цели¹ коммуникантов в ситуациях неофициального диалогического общения. Типовые коммуникативные интенции сгруппированы в блоки. Поскольку замысел разговорного диалога полиинтенционален, на роль таких блоков выдвигаются коммуникативные намерения, регулярно реализуемые в непринужденном общении в фатической, информативной и прагматической сферах. Программные блоки мы выделяем в замысле условно, в целях систематизации описания; разумеется, мы не утверждаем их психолингвистическую реальность, несмотря на объективную выраженность в тексте разговорного диалога. Кроме того, интенция выбора темы и коммуникативная интенция в реальном общении неразрывно связаны (*спросить об N., напомнить об X, узнать об Y*) и могут быть разделены лишь условно.

¹ Словосочетание-оксюморон «неосознанная (или подсознательная) цель» требует терминологического пояснения из-за семантического несоответствия составляющих его компонентов. Понятие подсознательной цели соотносится с психофизиологическим концептом *рефлекса цели* (как *неосознаваемой* субъектом цели деятельности), открытым И.П. Павловым, который писал: «Анализ деятельности животных и людей приводит меня к заключению, что между рефлексами должен быть установлен особый рефлекс, *рефлекс цели* – стремление к обладанию определенным раздражающим предметом, понимая и обладание и предмет в широком смысле слова» [Павлов 1951: 242].

Первый программный блок – *модально-фатический*. Модально-фатическая интенция направлена на поддержание контакта с данным коммуникантом определенное время в желаемой тональности. Она отражает установку коммуниканта на тип взаимной координации речевого поведения: консентный, конформный, полемичный или конфликтный [Борисова 1997: 380].

Второй программный блок – *содержательно-тематический*. В нем аккумулируются представления коммуниканта о возможных и предполагаемых в предстоящем акте коммуникации темах, представляющих зону взаимного интереса, допустимых и желательных для обсуждения с предполагаемыми партнерами. Содержательно-тематическая интенция выражается в выборе темы (тем). Разговорный диалог на фоне других жанров речевых произведений характеризуется наибольшей степенью свободы в развертывании содержательно-смысловой стороны общения: в нем отсутствует строгая заданность информативной модели [Салимовский 2000: 153–154]. Но репертуар тем, которые могут быть затронуты в планируемом коммуникативном событии, легко прогнозируется: об этом свидетельствует ежедневная коммуникативная практика (о текущих событиях в жизни коммуникантов, о здоровье, о детях, о знакомых и родственниках и др.).

Третий блок программы – *прагматический, интенционально-коммуникативный*. Он содержит представления коммуниканта о конкретных коммуникативных целях, которые должны быть достигнуты в предстоящем общении и реализованы в виде речевых действий (спросить, узнать, рассказать, обсудить, оценить, получить совет, выразить сочувствие, поздравить и др.). Эти цели формируют коммуникативные интенции, обеспечивающие развертывание диалога.

Четвертый блок программы – *акционально-практический*. В нем содержатся представления коммуниканта о будущих предметно-практических целях и соответствующих им действиях, отражающихся в структуре коммуникативного акта и его продукта – текста. Практическая деятельность (неречевое поведение) участников общения может являться как фоном для развертывания коммуникации, так и фактором, организующим коммуникативное взаимодействие. Это отражается в степени спаянности коммуникативного акта с конситуацией [Земская и др. 1981: 12, 16]. Акционально-практический блок содержит установку на речевую координацию практических действий в процессе совмест-

ной деятельности для достижения перлокутивного эффекта (например, приготовление пирога, рассматривание фотографий, чаепитие, покупка и т.п.). Координация практических действий обеспечивается соответствующими речевыми действиями: их комментированием, оценкой и согласованием.

Описанная модель универсальна для замысла спонтанных диалогических речевых произведений любого типа: компоненты замысла (программные блоки) для них инвариантны. Однако структура замысла, а именно иерархическое соотношение программных блоков, варьируется в зависимости от коммуникативного типа диалогического взаимодействия, поскольку «коммуникативные цели неоднородны и разные функциональные стили, а также другие речевые разновидности могут быть по-разному ориентированы в плане целеполагания» [Матвеева 1994: 126].

В разговорном дискурсе порождаются произведения речи различной целевой ориентации и протяженности. Достаточно частотны случаи самостоятельного функционирования диалогических микротекстов, состоящих из одной-двух реплик коммуникантов. В них текстовая макроинтенция (цель-мотив вступления в коммуникацию) реализуется через одну микроинтенцию. Такие микротексты могут не входить в структуру развернутого диалогического текста. Обычно они являются ситуативно прикрепленными, тесно спаянными с конситуацией. Такие тексты конституируют *актуальную коммуникацию* [Китайгородская, Розанова 1999]. Рассмотрим структуру замысла на примере двух таких микротекстов.

(2) *Ситуативный контекст*: жена (А.) собирается ложиться спать. Муж (Б.) в кабинете играет в компьютерные игры. А. заходит в к нему в комнату:

А. – *Сереж / уже два часа / завтра опять не встанешь //*

Б. – (УДИВЛЕННО) *Да? Уже иду //* (ПРОДОЛЖАЕТ ИГРАТЬ, А. УХОДИТ)

В реплике А. доминирует акционально-практическая цель: достижение желаемой ситуации «Б. *ложится спать*». В интенционально-коммуникативном блоке замысла А. эта практическая цель формирует побудительную регулятивную интенцию. Модально-фатический блок (включающий установку А. на невмешательство в личностную сферу Б. и доброжелательную тональность общения, индикатором которой является и обращение) служит фильтром для выбора способа речевого оформления этой

интенции: из возможных речевых актов коммуникантом А. избирается акт, косвенно выражающий значение побудительности: нейтрально-информирующее высказывание-констатация (*уже два часа*) и аргументирующее высказывание-предположение (*завтра опять не встанешь*), прогнозирующее нежелательность последствий текущей ситуации для Б. Таким образом, побудительная интенция (*иди спать*) выражается косвенно, а желаемый перлокутивный эффект не рассматривается А. как обязательный, что помогает ей (в соответствии с замыслом) избежать вторжения в личностную сферу Б. Несмотря на это, замысел А. адекватно декодируется Б. (*уже иду*), что удовлетворяет А. (*она уходит*). Выбор темы ассоциативно связан с ситуативным контекстом и задается косвенным оформлением коммуникативной интенции.

(3) *Ситуативный контекст*: те же коммуниканты. После предыдущего диалога прошло около получаса. А. (жена) уже в постели, но не может заснуть, так как мешают звуки компьютерных игр. Кричит мужу, находящемуся в другой комнате:

А. – *Серезжик / сделай пожалуйста потише компьютер / не могу заснуть //*

Б. – (ПРИГЛУШАЕТ ЗВУК)

А. – *Спасибо //*

В этом коммуникативном акте акционально-практическая цель доминирует, так как реплика А. направлена на достижение перлокутивного эффекта. Об этом свидетельствует необязательность ответной реплики, которая заменяется предметно-практическим действием. Прагматический компонент замысла представлен оформлением интенции А. как просьбы (мягкий регулятив с обоснованием просьбы (*не могу заснуть*), выполняющим функцию нейтрализации потенциального конфликта¹ [Ширяев 2000] – vs. возможный жесткий регулятив *сделай тише* без обоснования). Таким «смягчающим» способом оформления коммуникативной интенции и интимизирующим «домашним» обращением (*Серезжик*) поддерживается тональность доброжелательности. Выбор темы задается ситуативным контекстом.

Формальным показателем отграниченности этих диалогов от других текстов являются длительные паузы между ними; категориально-текстовым индикатором отдельности этих текстов

¹ Потенциальная конфликтность реплики гасится путем обоснования просьбы, которое имплицитно тактический смысл «моя просьба важна для меня, это не моя прихоть», формулируемый Е.Н. Ширяевым как постулат для диалогов с побудительной инициальной репликой [Ширяев 2000: 84].

является мена хронотопа (пространственно-временных параметров коммуникативной рамки); прагматическим показателем завершенности таких текстов является исчерпанность коммуникативного намерения говорящих и достижение запланированного в коммуникативном акте воздействующего или перлокутивного эффекта. В подобных диалогах микроинтенция становится текстообразующей и совпадает по объему и содержанию с текстовой макроинтенцией, но дополняется в структуре замысла его содержательно-тематическим и модально-фатическим компонентами. Все это позволяет квалифицировать эти речевые произведения как самостоятельные тексты.

Мы пришли к выводу о существовании двух принципиально различных *типов целеполагания в разговорных диалогах*.

Первый тип целеполагания связан с «долгосрочной», глобальной целью-мотивом коммуникативной деятельности (текстовой *макроинтенцией*).

Цель-мотив как коммуникативная доминанта замысла может существовать в двух вариантах:

подсознательная цель-мотив, характерная для фатической коммуникации и стимулированная потребностью в гармоническом общении; в этом случае она является содержанием модально-фатического блока замысла;

осознанная цель-мотив; в этом случае она осознается как основная цель вступления в коммуникацию и является содержанием интенционально-коммуникативного или акционально-практического блоков замысла. Осознанная цель-мотив предполагает стратегическое планирование динамики коммуникативного акта.

Второй тип целеполагания связан с «краткосрочными», локальными, частными целями (*микроинтенциями*) отдельных реплик-высказываний коммуникантов, через которые они реализуют глобальную цель-мотив (*макроинтенцию*). Локальные цели легко осознаются и произвольно контролируются. Они формируют тактический уровень реализации макростратегии коммуникативного акта.

В микротекстах диалогов актуальной коммуникации микроинтенция становится текстообразующей и совпадает по объему и содержанию с макроинтенцией коммуниканта. В развернутых непринужденных разговорных диалогах интенционально-коммуникативные и акционально-практические цели носят локальный характер и реализуются во фрагментах текста, характеризующих-

ся тематическим единством. Множественность таких «краткосрочных», локальных целей в одном коммуникативном событии отражается в политематичности разговорного диалога.

Коммуникативная доминанта замысла и коммуникативные типы разговорных диалогов

Замысел характеризуется иерархичностью строения. Для диалога характерна реализация глобальной цели (макроинтенции) через локальные (микроинтенции). Иерархичность целей в диалоге отражает их различную значимость для ситуации коммуникации. Макроинтенция отражает *цель вступления в коммуникацию* (выяснение истины, выигрыш в игре, решение некомуникативной задачи, поддержание/выяснение отношений и т.п.). Поэтому *в основе текстовой конструкции диалога лежит макроинтенция, которая реализуется посредством последовательных речевых действий, характеризующихся качественно отличными от нее микроинтенциями*. При этом принцип иерархии в организации целей не препятствует одновременному достижению целей различных уровней иерархии.

Доминирующая целеориентированность целостного коммуникативного акта составляет важный параметр диалога. Она «определяет не только связь между собой отдельных реплик, но и типы, или жанры, человеческого общения, в рамках которых формируются характерные для коммуникации ролевые структуры и виды модальностей» [Человеческий фактор... 1992: 52]. Для каждого типа диалогического события характерен особый способ организации блоков, что определяется персональными коммуникативными и практическими целями участников диалога.

Коммуникативный тип диалога определяется на основе коммуникативной доминанты замысла.

Коммуникативной доминантой замысла считается прагматическое содержание (макроинтенция) того блока замысла, который в структуре данного коммуникативного акта является ведущим в организации коммуникативного взаимодействия. Доминирование одного из блоков сопровождается повышением статуса его интенции в коммуникативной деятельности до ранга цели-мотива, т.е. ведущего мотива деятельности в данном коммуникативном событии. Понятие коммуникативной доминанты замысла позволяет увидеть своеобразие структуры замысла различных типов диалогических взаимодействий в зоне спонтанной разговорной речи.

Так, в спонтанных диалогах, развитие которых определяется решением некоммуникативной задачи (см. микротексты 2 и 3), которые и формируют основное пространство актуальной коммуникации, доминантой замысла является акционально-практический блок. Он занимает иерархическую позицию коммуникативной доминанты замысла и задает стратегическое развитие диалогического взаимодействия.

Например, в *акционально-практическом типе диалогов* доминирующая акционально-практическая цель-мотив общения, как правило, вербализуется и задает пространственно-временные рамки коммуникативного взаимодействия (фрагменты этих реплик выделены в следующем примере курсивом). Границы текста задаются исчерпанностью деятельностного акта, достижением цели предметно-практической деятельности. Приведем в качестве примера акционально-практического диалога разговор продавщицы (Б.) и покупательницы (А.), сопровождающий покупку в магазине интерьерной керамики.

(4) А. – *Девушка / добрый день //*

Б. – *Здравствуйте //* Что для вас?

А. – *Я бы хотела два горшка (для цветов. – И.Б.) подобрать / один покрупнее / для пальмы / а другой поменьше / чтобы в одном стиле были //*

Б. – *Посмотрите вот эти / они очень легкие //*

А. – *Скажите / а чье это производство?*

Б. – *Это кунгурские //*

А. – *А что-нибудь пообъемнее?*

Б. – *Ну можно вот этот //* (ПОДАЕТ ДРУГОЙ ГОРШОК СО СТЕЛЛАЖА)

А. – *Нет / этот какой-то зеленый / я бы хотела коричневый //* А вон тот? (УКАЗЫВАЕТ НА ПОЛКУ)

Б. – *Этот?* (ПРИПОДНИМАЕТ ОДИН ИЗ ГОРШКОВ)

А. – *Нет / (ПОКАЗЫВАЕТ РУКОЙ) рядом с ним / «Бамбук» называется / за 175 //*

Б. – *Он тоже зеленоватый / вот может быть... сейчас достану //* (ДОСТАЕТ ГОРШОК ИЗ ГЛУБИНЫ ВИТРИНЫ) *вот этот посмотрите на свету //*

А. – *Да-да / этот подходит / отлично / спасибо //* А еще один мне нужен / поменьше размером //

Б. – *Выбирайте / (ПОКАЗЫВАЕТ НА ДРУГУЮ ВИТРИНУ) вон там на стеллажах еще посмотрите //*

А. – *А можно я сама выберу?*

Б. – *Пожалуйста / подходите // Осторожно / там на полу вазы //*

А. – (БЕРЕТ С ПОЛКИ ОДИН ИЗ ГОРШКОВ) *Вот этот мне бы подошел / только у него подставки нет // Сколько он стоит?*

Б. – *Пятьдесят семь // А блюдечко можно отдельно подобрать (ДОСТАЕТ ИЗ-ПОД ПРИЛАВКА СТОПКУ ПОДСТАВОК) / вот смотрите / у нас есть...*

А. – А / (ПЕРЕБИРАЯ ПОДСТАВКИ) *вот это... по-моему подходит по цвету? Войдет?*

Б. – (СТАВИТ ГОРШОК НА БЛЮДЦЕ) *Да // Пятнадцать рублей //*

А. – *Отлично // Посчитайте / сколько это //*

Б. – (ВЫПИСЫВАЕТ КВИТАНЦИЮ ДЛЯ КАССИРА) *Всего сто сорок четыре //*

А. – *А куда платить?*

Б. – (ПОКАЗЫВАЕТ) *Вон касса / напротив // Посмотрите / у нас новые растения комнатные привезли //*

А. – *Нет / спасибо / достаточно //* (ИДЕТ К КАССЕ, ВЫБИВАЕТ ЧЕК)

Б. – (УПАКОВЫВАЯ ПОКУПКИ В БУМАГУ) *Я вот один в другой вложила...*

А. – *Спасибо /*

Б. – (ПЕРЕДАЕТ СВЕРТОК ПОКУПАТЕЛЬНИЦЕ) *Осторожно / там блюдце сверху //*

А. – *Спасибо / до свидания //*

Б. – *До свидания / заходите еще //* (А. УХОДИТ, УНОСЯ ПОКУПКИ)

Начало диалога демонстрирует акционально-практическую макроинтенцию (*сделать покупку – подобрать горшки для цветов*), а его конец – ее исчерпанность (*покупка совершена*). Предметно-тематический блок (выбор предметной темы, соотносящейся с товаром, интересующим покупателя) задается условиями некоммуникативной задачи – покупки. Модально-фатический блок манифестируется через профессионально-доброжелательную тональность общения, задаваемую Б., и консентную коммуникативную координацию [Борисова 1997: 380] речевого поведения в рамках социально-ролевого статуса участников коммуникации (продавец – покупатель).

В разговорных диалогах акционально-практического типа, сопровождающих решение некоммуникативной задачи (покупка,

совместная уборка, ремонт квартиры, приготовление пищи; игры и др.), доминирующую позицию в структуре замысла занимает акционально-практический блок. Смысл коммуникативной стратегии состоит в обеспечении взаимной координации предметно-практических действий: интенционально-коммуникативные задачи занимают подчиненное ей положение, выступают в качестве микроинтенций (спросить, уточнить, посоветовать, попросить и т.п.), которые подчиняются цели предметной деятельности и проявляются в ранге коммуникативных микроинтенций, возникающих по ходу взаимодействия. Приведем типичный для рассматриваемого типа коммуникативного события фрагмент диалога, сопровождающего приготовление торта двумя подругами.

(5) А. – *Так / масло потом... подожди //* (ЧИТАЕТ РЕЦЕПТ) *<Добавить гашеную соду и один-два стакана муки // испечь три коржа и смазать их после охлаждения сметанным кремом> //* *Сейчас / сейчас //* *минуточку //* (ПАУЗА) *Возьми теперь два стакана //*

Б. – *Эм //* *Сейчас соду положим //* (ПАУЗА) *Ты мне укус сегодня дашь?*

А. – *Да //* *сейчас горячей водой разведи //*

Б. – *Горячей водой (нрзб) //*

А. – *Ты измазалась. Нет / ты все равно измазалась //* (СТУК ПОСУДЫ)

Б. – *А это что / мука да? Сколько муки?*

А. – *Два стакана //* *сейчас / подожди / соду сначала положишь //* (ПАУЗА) [Живая речь... 1995: 20–21].

Содержательно-тематический блок в акционально-практических диалогах обычно задан предметно-практической деятельностью. Модально-фатический блок, как правило, представлен деонтической модальностью, которая манифестируется в частотности мягких и жестких регулятивов (с опорой на глаголы повелительного наклонения: *возьми, дай, разведи, подожди* и т.п.).

Другой тип соотношения блоков замысла демонстрируют *интенционально-прагматические разговорные диалоги*, также характерные для актуальной коммуникации. В них доминирует интенционально-коммуникативный блок замысла: цель-мотив отражает значимость речевых действий в структуре деятельности коммуникантов. Воспользуемся для сопоставления примером М.В.Китайгородской и Н.Н.Розановой [1996: 373]. Он удобен, поскольку ситуация коммуникации, ролевые отношения участников и жанр

городского стереотипа совпадают с аналогичными параметрами примера (4).

(6) П. – *Могу я вам помочь?*

А. – *Вот я хотела про стиральную машину (узнать) / какие там шланги / как они подсоединяются?*

П. – *Там два гибких шланга / один для холодной воды / другой идет на слив <...> А сливной (шланг) он обычно просто в раковину или в ванну прямо / можно в канализацию /*

А. – *Понятно //*

П. – *Провести сделать //* Варианты различные //

А. – *Спасибо //*

П. – *Пожалуйста //*

В начале таких диалогов, как правило, вербализуется интенционально-коммуникативная макроинтенция (спросить, узнать, выяснить: А. – *Девушка / вы извините я вопрос задам //* (о соковыжималке) *Морковочку она пропустит?*; А. – *Скажите / вот меня интересует вот эта щеточка [для укладки волос]*), а в конце – ее исчерпанность (А. – *Понятно / спасибо; Все / значит выяснила* [Живая речь... 1995: 373–374]). Контрастивное сопоставление диалогов (4) и (6) демонстрирует, что для определения коммуникативного типа диалога решающим является именно цель-мотив коммуникации (доминирующая текстообразующая интенция замысла), а не другие экстралингвистические факторы (конситуация, социальные роли участников) коммуникативного акта.

К интенционально-прагматическому типу разговорных диалогов относится диалог-расспрос, или диалог-интервью, демонстрирующий доминирование интенционально-прагматической макроинтенции в дискурсе коммуниканта А. Приведем сплошную выборку реплик коммуниканта А. (студента политехнического института), опуская ответные реплики Б. (крестьянки, пенсионерки, 86 лет).

(7) 1. *Расскажите / как жили / как работали //* 2. *А какие празднества были у вас в деревне?* 3. *А у вас в семье сколько детей было?* 4. *А почему?* 5. *А про то / как вы в школу не попали //* 6. *Народу немного было?* 7. *Это где было / в избе или на улице? Летом или зимой?* 8. *А вас в колхоз как записывали?* 9. *А раньше поди патефоны были* (СПРАШИВАЕТ С ИНТЕРЕСОМ) 10. *Почему комка?* (ЗАИНТРИГОВАННО) [Живая речь... 1995: 36–40].

Как и в примере (4), в речевой партии А. можно констатировать текстовую информативно-логическую макроинтенцию

(запрос информации): коммуникативная интенция и интенция выбора темы диалога вербализованы в первой реплике (*Расскажите/ как жили/ как работали*). Микроинтенции следующих вопросительных реплик А. представляют собой развертывание текстовой макроинтенции, которая диктуется доминированием интенционально-коммуникативного блока замысла на однородном содержательно-тематическом пространстве, заданном в начале диалога.

Интенционально-прагматическая мотивация коммуникативной деятельности может реализоваться в микродиалоге.

(8) *Ситуативный контекст*: Муж (Б.) и жена (А.) вечером дома смотрят по телевизору информационную программу. Диктор переходит к сюжету о Новосибирске, где живет сестра Б. (Лена).

А. – *Слушай / Ленка давно не звонила? Как она там?*

Б. – *Давно / в субботу только / завтра позвоню / у них поздно уже //* (ПРОДОЛЖАЮТ СМОТРЕТЬ ПЕРЕДАЧУ)

Выбор темы диалога задается замыслом А.; содержание тематического блока ассоциативно связано с сюжетом программы новостей. Интенционально-коммуникативная цель А. доминирует (узнать у Б. последние новости о его сестре). Полученный ответ удовлетворяет А. и новых тематических предложений с ее стороны не возникает. Исчерпанность интенции задает границы диалога. Модально-фатический блок реализуется в консентной координации речевого поведения коммуникантов.

В отличие от рассмотренных типов актуальных коммуникативных событий, в непринужденном разговорном диалоге доминирует модально-фатический блок как установочная основа, задающая жанровую целостность текста.

Опишем специфику замысла *непринужденного разговорного диалога*. Для непринужденного разговорного диалога основной целью, формирующей макроинтенцию модально-фатического блока замысла, является общение в целях поддержания контакта и отношений, социального самоутверждения ценности личности, ради удовольствия от общения. В структуре замысла модально-фатический блок занимает доминирующее положение и подчиняет себе интенциональное содержание остальных блоков. Его цель становится целью-мотивом всего коммуникативного акта. Т.В.Матвеева утверждает, что подсознательным фоном формирования замысла непринужденного диалога является «общение в

целях положительного совместного психологического результата», в идеале – «общение ради удовольствия от общения» [Матвеева 1994: 128]. Характеризуя цель-мотив непринужденного общения, Т.Г. Винокур писала, что речевой контакт есть прежде всего контакт социально-психологический, и в этом качестве он является главной целью фатического речевого поведения. Говорить о последнем как о «свободном, бесцельном общении между людьми» недостаточно корректно, потому что явная или неявная цель всегда присутствует в любой деятельностно-квалифицируемой категории [Винокур 1993: 137].

Текстообразующая особенность замысла непринужденного разговорного диалога – доминирование модально-фатического блока программы с его фатической макроинтенцией, занимающей в иерерхии целей место цели-мотива. Модально-фатический блок существует в *качестве подсознательной психологической установки* на поддержание контакта в желаемой тональности с данным коммуникативным партнером в данной коммуникативной ситуации. Доминирование модально-фатического блока в иерархической структуре замысла является ведущим фактором интегративности речевого продукта непринужденного коммуникативного взаимодействия. Цель-мотив имплицитно подсознательную *установку* на определенную, чаще гармонизирующую, тональность общения, создаваемую преимущественно за счет оценочной компоненты, консенстного типа коммуникативной координации и учета дискурсивной пресуппозиции (социальных статусов коммуникантов, их личностных характеристик, отношений между коммуникантами, памяти о предыдущих коммуникативных актах и др.). В нашем понимании именно в этом блоке прогнозируется та эмоционально-волевая доминанта, о которой писала Т.В. Матвеева. В этом блоке содержатся оценочные и содержательные характеристики модальностей различного типа: интерперсональной (отношения между участниками), экзистенциальной (отношение к теме), эгоцентрической (отношение к себе).

Остальные блоки замысла отвечают за содержание и развертывание взаимодействия в рамках норм, конвенций и правил, заданных дискурсивной пресуппозицией и модально-фатическим блоком замысла коммуникантов.

Для непринужденного диалога, в отличие от диалогов актуальной коммуникации, типична *диверсификация макроинтенции*

(глобальной фатической цели-мотива). Диверсификация (от лат. *diversus* – *разный* и *facere* – *делать*) – универсальный механизм преобразования модально-фатической макроинтенции целого коммуникативного акта в согласованную с ней последовательность микроинтенций (не обязательно фатических) отдельных речевых поступков, конституирующих дискурс говорящего (*узнать об X, рассказать об Y, попросить Z* и др.). Микроинтенции, возникающие в рамках интенционально-коммуникативного блока, подчиняются цели-мотиву и при гармоничной координации речевого поведения коммуникантов не входят в противоречие с ним. В связи с этим Т.Г. Винокур писала, что «для фатической речи характерно опосредованное выражение генеральной социопсихологической интенции (т.е. вступления в контакт) через частную интенцию, выражаемую содержанием продуцируемого высказывания» [Винокур 1993: 137].

Диверсификация макроинтенции проявляется на дискурсивном (речеповеденческом), жанровом и текстовом уровнях. Так, в дискурсе непринужденного диалога фатические цели могут достигаться путем использования нефатических тактик (например, одной из тактик достижения цели улучшения отношений или их поддержания на достигнутом уровне является информативная тактика расспроса о событиях, волнующих партнера коммуникации, или рассказа о событиях собственной жизни). На текстовом уровне последствием диверсификации является членение диалогического текста на интенционально-тематические фрагменты – микротексты в составе целого. На жанровом уровне диверсификация макроинтенции проявляется в структурированности *жанрового континуума* [Китайгородская, Розанова 1999] и его членении на малые диалогические речевые жанры. Исходя из этого *диверсификация макроинтенции может рассматриваться как композиционный принцип спонтанного структурирования текста непринужденного диалога*.

Содержательно-тематический блок замысла непринужденного разговорного диалога отличается многоплановостью, которая отражается в тексте как политематичность [Земская 1988]. Здесь преобладает прогнозирование вероятной для данного коммуникативного события тематической составляющей в виде *опорных точек*, без детальной проработки содержания, что естественно, поскольку партнер коммуникации вносит свой непрогнозируемый вклад в разработку темы. Темы обычно отражают значи-

мые в жизни обоих коммуникантов события¹. Т.В. Матвеева, отмечая доминирование модально-фатических целей в разговорной беседе, пишет, что «факт политематичности может интерпретироваться как результат коммуникативной стратегии говорящих» [Матвеева 1996: 167].

В качестве примера непринужденного диалога с фатической макроинтенцией приведем разговор по телефону.

(9) *Ситуативный контекст*: Л. – жена, звонит из дома. С. – муж, находится на работе. Ночью С. готовил срочные документы и лег спать под утро. Обычно уходит на работу раньше, чем встает жена, поэтому дневной телефонный звонок – привычная для супругов форма поддержания контакта, компенсирующая отсутствие утреннего общения. Димка – сын Л. и С. Леша – друг Димки. Герасим – собака.

С. – (БЕРЕТ ТРУБКУ) *Слушаю!*

Л. – *Серезжик, привет!*

С. – *О / привет!*

Л. – *Как ты там? Ты сегодня ночью вообще не спал?*

С. – *Да нет / спал немного / Я сейчас уехать должен... подожди / сейчас /* (С. ОТВЛЕКАЕТСЯ НА РАЗГОВОР С СОТРУДНИКОМ. Л. В ЭТО ВРЕМЯ СЛЫШИТ, ЧТО В ДВЕРЬ СКРЕБЕТСЯ ПЕС, ВЕРНУВШИЙСЯ С ПРОГУЛКИ. ОНА АВТОМАТИЧЕСКИ ОТКЛЮЧАЕТ ТЕЛЕФОН И ИДЕТ ОТКРЫВАТЬ ДВЕРЬ. ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО МИНУТ РАЗДАЕТСЯ ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК, Л. БЕРЕТ ТРУБКУ)

Л. – *Алло!*

С. – *Ну ты куда пропала?*

Л. – *Да Герасим пришел / побежала дверь открывать //*

С. – *Я сейчас уезжаю Леночка /*

Л. – *Ага...*

С. – *...где-то через часик вернусь / тебе перезвоню //*

Л. – *Ладно / слушай / а ты мне диффенбахию не завезешь по дороге?*

С. – *Нет / сейчас нет времени / потом...*

¹ Н.Д.Арутюнова, например, считает, что структура и тематика свободного общения в каждом социальном кругу не настолько разнообразна, чтобы нельзя было ее прогнозировать: «В ходе свободного общения собеседники поддерживают друг друга в курсе своих дел и настроений, ставят в известность о событиях, меняющих курс жизни (сообщают новости), делятся впечатлениями, переживаниями и планами, передают свои мнения, советуются, спорят о вкусах, обнаруживают свои склонности (иногда фиктивные), забавляют и развлекают друг друга, откликаются на текущие события, сочувствуют и т.п.» [Арутюнова 1999: 81].

Л. – Ну ладно / сейчас Димка звонил / он прививку сделал //

С. – А-а в военкомат сходил?

Л. – Взял притисное // Он у Леши сейчас //

С. – Ну все / я поехал //

Л. – Ну давай // счастливо / целую //

С. – И я // (КЛАДЕТ ТРУБКУ)

Диалог характеризуется доминированием фатической макроинтенции: А. звонит С., чтобы поддержать традицию контактирования по телефону днем (*как ты там?*). Фатическая макроинтенция реализуется через коммуникативные информативные (*узнать* о самочувствии и делах С.; *рассказать* о последних событиях) и акционально-практические (*скоординировать* планы деятельности) интенции. Замысел А. в информативной части реализуется лишь частично: экстралингвистические причины (дефицит времени у С., вынужденное прерывание контакта) не позволяют А. в желаемом объеме разработать намеченные темы. Однако можно констатировать реализацию фатической макроинтенции А.: общение в желаемой тональности состоялось и достигнуто соглашение с С. о следующем контакте (*где-то через часик вернусь / тебе перезвоню*), в ходе которого интенционально-фатический и содержательно-тематический блоки замысла могут получить полную реализацию. Несмотря на двухактность коммуникации (контакт устанавливается два раза), единство замыслов коммуникантов формирует единый текст.

Наблюдения над обширным материалом живых разговоров взаимодействия убеждают, что выделяемые в замысле компоненты – программные блоки – универсальны для всех типов разговорных диалогов. Конфигурация их иерархической структуры может варьироваться в различных типах коммуникативных актов, что сопровождается доминированием одного из блоков замысла. При этом формирующая данный блок интенция становится ведущей целью-мотивом коммуникативной деятельности участников коммуникативного события. Типы доминирования программных блоков внутри замысла соотносятся с коммуникативными типами диалогических разговорных взаимодействий: акционально-практическим, интенционально-коммуникативным и модально-фатическим (непринужденным) коммуникативными типами диалогов. Доминирование содержательно-тематического блока для диалогической речи нехарактерно: выбор тематического пространства всегда является субстратом для достижения

цели¹. Акциональные, интенциональные и фатические цели диктуют выбор тем и способ их разработки. Акциональные и интенциональные макроинтенции формируют диалогические тексты, составляющие ядро *актуальной коммуникации*. Фатические макроинтенции реализуются в *непринужденной коммуникации* и тяготеют к манифестации в политематических разворотах и полиинтенциональных структурах.

Экспликация компонентов замысла разговорного диалога: вербальная рефлексия

Подтверждения существования замысла дают записи живых разговорных диалогов. Общеизвестно, что являясь продуктом речевой деятельности, текст содержит в себе в снятом виде все этапы осуществления этой деятельности. Текст как коммуникативная, а не языковая единица «отражает ориентировочную фазу мотивированной и целенаправленной текстовой деятельности» [Дридзе 1984: 8]. Процесс планирования речевого поведения может быть выражен вербально. Особенности целеполагания проявляются наиболее отчетливо в тех фазах коммуникации, в которых тематизируется и проблематизируется целеобразование или в которых оно непосредственно проникает в практическую деятельность или подготавливает ее. Объектом нашего последующего анализа будут фрагменты текстов разговорных диалогов, отражающие такие фазы коммуникации.

Назовем части текстов, в эксплицитной форме отражающие замысел, *фрагментами с вербальной рефлексией*. В нашем материале встречаются фрагменты с вербальной рефлексией замысла двух типов: первый тип – *проспективная рефлексия* – содержит вербализованные свидетельства о характере замысла предстоящего акта коммуникации; психологическое содержание таких фрагментов состоит в планировании речевого взаимодействия; второй тип – *ретроспективная рефлексия* – содержит констатации реализованности или нереализованности замысла в уже состоявшемся акте коммуникации; психологическим содержанием этих фрагментов является соотнесение достигнутого в коммуникации результата с планом.

¹ Необходимо отметить, что существуют интенционально-коммуникативные макроинтенции, тяготеющие к единому тематическому пространству в диалогических жанрах (например, спора, дискуссии, обсуждения, урока, защиты диссертации, дипломатических и деловых переговоров и др.). Акционально-практические макроинтенции диалогов также реализуются в едином тематическом пространстве, задаваемом конситуацией (ремонт, приготовление торта, чаепитие, покупка и т.п.).

Приведем фрагмент записи телефонного разговора двух школьных подруг с перспективной рефлексией.

(10) *Ситуативный контекст*: А. и Б. по 37 лет; они одноклассницы и соседки, обе преподают в вузе. А. звонит из дома.

А. – Алло! Ксюша! Ну слава богу!

Б. – Привет / а что такое? Ты тоже пропала //

А. – Я вчера узвонила вся / у вас никто трубку не брал...

Б. – Да с Полей вчера / это... на музыку ездили // Просидели там / часов до... до девяти...

А. – А-а-а...

Б. – ...притащились уже к десяти / еле живые / автобусы-то еле ходят / снег...

А. – Угу... А я-то думаю / куда подевались / так поздно...

Б. – Так забегай завтра // Алло [але]! Слышишь?

А. – Да-да...

Б. – Мы вечером дома будем / чаю попьем / поболтаем //

А. – Да завтра...

Б. – Сто лет уже не виделись / расскажешь хоть / что там у вас...

А. – Да завтра не получится // Мы к С-ым идем / у Олега же день рождения был / Алка звонила / звала //

Б. – (УДИВЛЕННО) Они уже вернулись? Вроде недавно уехали //

А. – Нет / она говорит / фотки получила //

Б. – Что?

А. – Фотографии говорю напечатали // (МЕЧТАТЕЛЬНО) Верблюды / пирамиды...

Б. – (ПОДДЕРЖИВАЯ ТОН) Ага / жара там наверно...

А. – Ну / придем / расскажет как отдохнули / они смешные такие / активисты // во всех туристических этих... "капустниках" участвуют / хоть на фотках посмотреть...

Б. – Да / интересно... Слушай / как у них мальчик-то?

А. – Леня? Ты знаешь / я как-то / даже боюсь спрашивать у нее // Там ничего хорошего / вот... и прогноз ужасный...

Б. – Я тоже вот... Ну ладно / потом забежишь / расскажешь... И спроси у нее / как там Н-ва // Она же родить должна была //

А. – (УДИВЛЕННО) Да? Третьего что ли?

Б. – Ага / у нее дочь и сын / у Алки-то который учится /

А. – В ее классе? (УДИВЛЕННО)

Б. – (ЗВОНОК) Ой / кто-то пришел // Ну давай / пока //

А. – Ага беги // Пока // (ГУДКИ ОТБОЯ)

Диалог содержит несколько эпизодов, в которых вербализуются фрагменты содержательно-тематического, интенционально-коммуникативного и акционально-практического блоков замысла предстоящего общения, т.е. отражается прогнозирование тем и коммуникативных интенций предстоящего непринужденного диалога. Опорные точки предстоящих актов коммуникации отражают содержательно-тематический блок программы (о текущих событиях в жизни А.: *расскажешь хоть / что там у вас; поболтаем*; о состоявшейся поездке С. в Египет: *расскажет / как отдохнули*; о том, как сходили в гости к С.: *потом забежишь / расскажешь*; об общей знакомой Н.: *и спроси у нее / как там Н-ва*). К содержанию акционально-практического блока программы относится прогнозирование будущей сопутствующей разговору деятельности (просмотр фотографий об отдыхе: *хоть на фотках посмотреть*; чаепитие: *чаю попьем*). О существовании модально-фатического блока программы свидетельствует констатация нежелательности самой темы и интенции ее обсуждения (о тяжело больном ребенке С.: *я как-то даже боюсь спрашивать у нее // Там ничего хорошего / вот... и прогноз ужасный*). На основании данных проспективной рефлексии можно судить и о предполагаемом распределении ролей говорящий/слушающий и коммуникативной инициативы в будущем разговоре, т.е. о фатическом компоненте модально-фатического блока программы: ([Алла] *расскажет / как отдохнули; ты [А.] забежишь / расскажешь* [как сходили в гости к С.]; ты [А.] *расскажешь хоть / что там у вас* – во всех случаях говорящий отводит себе роль слушателя; глагол *поболтаем* отражает представление о равномерном распределении коммуникативной инициативы и равном речевом вкладе говорящих в предполагаемом речевом событии). В эпизоде с ретроспективной рефлексией есть указание на уже реализованный другим коммуникантом замысел, адекватно декодированный адресатом: *Алка звонила / звала* (приглашала в гости. – И.Б.).

Чтобы показать соотношение в тексте фрагментов с проспективной и ретроспективной рефлексией замысла, обратимся к записи телефонного разговора матери (В.) и дочери (Б.). Приведем два фрагмента. В первом содержится проспективная рефлексия – вербализация коммуникативного намерения Б., – отражающая интенционально-коммуникативный блок программы.

(11) <...> Б. – *Слушай / я знаю что подумала / хотела у тебя спросить / что-то Димке принесла подарок э... с работы*

В. – *Да?*

Б. – *Знаешь / им там обычно дарят / всякие конфеты / сладости / и зверюшки там / по годам-то которые...*

В. – *Ну-ну //*

Б. – *Вот год зайца-то розового / или какого там?*

В. – *Ну-ну //*

Б. – *Я что-то стала вспоминать / дед-то у нас в каком году родился?*

В. – *Василий?*

Б. – *Да //*

В. – *В девятьсот втором //*

Б. – *Вот значит представляешь / у них с Сережей-то / и один знак зодиака и один э... год / по японскому календарю //* <...>

В заключительном фрагменте этого же разговора встречаем ретроспективную рефлексивную замислу, также отражающую интенционально-коммуникативный компонент прагматического блока программы.

(12) <...> Б. – *Ну ладно мамочка / вот я у тебя уточнить просто хотела / деда-то день рождения не помнила год //*

В. – *Да / девятьсот второй Лена / да //*

Б. – *Ну ты подумай / как удивительно!*

В. – *У тебя какие-то прямо совпадения! Ты прямо какие-то стала эти / логические цепочки составлять!*

Б. – *Ну / закономерность какая-то //* <...>

В. – *Ну ладно мамочка / все тогда / выяснила //*

В. – *Ага // ну счастливенько / давай!*

Б. – *Пока! (ГУДКИ ОТБОЯ)*

В данных фрагментах вербализованы интенционально-коммуникативный и содержательно-тематический компоненты замысла Б., которая является инициатором общения. Как видно из текста диалога, Б. звонит, чтобы уточнить дату рождения своего деда (*хотела у тебя спросить; вот я у тебя уточнить просто хотела; все тогда / выяснила*), подтвердить правильность своих предположений об общности знаков зодиака у ее деда и мужа и поделиться своими наблюдениями и удивлением (*Ну ты подумай / как удивительно!*) по поводу такого совпадения. Однако после реализации этого коммуникативного намерения разговор не прекращается, обсуждаются другие темы, в том числе и предложенные А., матерью Б. (о сыне Б.).

Приведенные примеры не только убеждают в наличии замысла предстоящего общения, но и раскрывают интенциональное содержание блоков этого замысла.

Замысел непринужденного разговорного диалога опирается на *прогнозирование опорных точек* в развитии разговора. Можно констатировать качественную определенность замысла по крайней мере в этих точках. Н.И. Жинкин указывал, что при устной речи (в монологе) планируются лишь «смысловые вехи» [Жинкин 1998б: 335].

Таким образом, специфика замысла разговорного диалога по сравнению с замыслом монологического подготовленного текста видится в том, что замысел первого существует в сознании людей, вступающих в коммуникацию, как *точечное прогнозирование* наиболее общих содержательных характеристик или опорных коммуникативных намерений в динамике предстоящего общения. Чаще всего наблюдаем слитное выражение темы и интенции, поэтому проведенное деление достаточно условно.

Взаимная координация замыслов регулируется в ходе диалогического взаимодействия и становится возможной за счетмены коммуникативных ролей (говорящий – слушающий) инициаторов общения. Передача коммуникативной инициативы позволяет обоим коммуникантам *поочередно реализовать опорные точки* своего замысла. В этом убеждает анализ тематических реплик разговорного диалога, содержащих предложение темы одним из коммуникантов. Назовем такие реплики *инициально-тематическими*. Рассмотрим с точки зрения динамики и координации замыслов диалог матери и дочери по телефону. Продолжительность диалога – 5 минут.

(13) *Ситуативный контекст*: А. – дочь, 37 лет, преподаватель вуза, имеет мужа Сергея, сына Диму, свекровь И.П.; Б. – ее отец, пенсионер, образование высшее; В. – мать А., пенсионерка, образование высшее.

Б. – Алло!

А. – Папа!

Б. – Ау!

А. – Приветик!

Б. – Здравствуй доченька //

А. – *Как поживаете?* (1)

Б. – Да спасибо / нормально вроде бы //

А. – Ага [аһа] / *как твоя рука?* (2)

Б. – Рука? Почти зажила / так / отдаленно напоминает о себе //

А. – Ну хорошо // мама-то дома? не спит? (3)

Б. – Мама вот она / берет...

А. – Угу [уһу]...

В. – Алло!

А. – Мамочка!

В. – Да //

А. – Приветик!

В. – Привет!

А. – Слушай / я знаю что подумала / хотела у тебя спросить / что-то Димке принесла подарок / э... с работы (4)

В. – Да?

А. – Знаешь / им там обычно дарят / всякие конфеты / сладости / и зверюшки там / по годам-то которые...

В. – Ну-ну //

А. – Вот год зайца-то розового / или какого там?

В. – Ну-ну //

А. – Я что-то стала вспоминать / дед-то у нас в каком году родился?

В. – Василий?

А. – Да //

В. – В девятьсот втором //

А. – Вот значит представляешь / у них с Сережей-то / и один знак зодиака и один э... год / по японскому календарю //

В. – (УДИВЛЕННО) А как это Лена получилось? Не может быть!

А. – Ну шестьдесят лет потому что разница //

В. – Почему шестьдесят-то? Сережа-то шестьдесят первого года //

А. – Так он же почти в январе шестьдесят второго / если тридцать первого декабря //

В. – Тридцать первое декабря...

А. – Ну это почти первое января шестьдесят второго года //

В. – А-а / ну тогда да //

А. – Он же ночью уже родился /

В. – Ну да //

А. – Представляешь / как удивительно!

В. – А дед-то ведь Лена / у нас помнишь / тоже у него в Новый год было

А. – Ну / я и говорю //

В. – День рождения / только в Новый год ну / как-то...

А. – По старому стилю //

В. – По старому / да //

А. – Это выходит тринадцатого января / да?

В. – Да / да / и он всегда путался как-то / мы иногда в Новый год ему отмечали...

А. – Вот я и стала вспоминать что-то

В. – Ага...

А. – И думаю / «ну надо же какое совпадение» /

В. – Правда Лена / ты вот / я шестьдесят первый считала /

А. – Угу...

В. – Ну да / если шестьдесят... почти шестьдесят второй / так так и получается /

А. – Я что-то просто никогда внимания на это не обращала /

В. – Ага...

А. – Ну а вот надо же / представляешь?

В. – Ага // Нет... да Леночка / и день рождения да? и...

А. – И.П.-то [свекровь Б.] вчера деньги мне дала Сережке на подарок / а я тебе говорила уже (5)

В. – Да? Ага //

А. – Что одеколон-то ему купила?

В. – Да? Хороший?

А. – Ну которым он любит пользоваться / вот у него из одной серии все / дезодорант и...

В. – Ага ///

А. – И лосьон после бритья

В. – Ага //

А. – И одеколон теперь купила вот...

В. – Ага //

А. – Ну ладно мамочка / вот я у тебя уточнить просто хотела / деда-то день рождения не помнила год // (1)

В. – Да / девятьсот второй Лена / да //

А. – Ну ты подумай / как удивительно!

В. – У тебя какие-то прямо совпадения! Ты прямо какие-то стала эти... / логические цепочки составлять!

А. – Ну / закономерность какая-то //

В. – Ага // Димуля пришел? (6)

А. – Пришел / говорит все понял на консультации // какой-то сборник задач пришел... принес / у них учительница сама написала

В. – Ну?

А. – ...*вот / задачки решать / говорит все понял // сегодня он два вопроса выучил*

В. – Ага //

А. – ...*и завтра еще два осталось // я над ним смеюсь / говорю / «ты в передовиках на этот раз-то?»*

В. – (С ЖАРОМ) *Ой / хоть бы выбился!*

А. – *Он говорит / «да / я больше всех выучил» / я говорю / «так качество ведь важно» //*

В. – Ага / (С ЧУВСТВОМ) *ой / ну переживаю за него прямо!*

А. – *Ну вот / отправился с собакой гулять //*

В. – Ага / ага //

А. – *Ну ладно мамочка / все тогда / выяснила //* (II)

В. – Ага // *ну счастливенько / давай //*

А. – *Пока! (ГУДКИ ОТБОЯ)*

Жирным шрифтом в тексте выделено 6 реплик, содержащих предложение коммуникантом новой темы. Из них 5 принадлежат А. Три первые носят этикетно-ситуативный характер. Четвертая и пятая вводят темы, относящиеся к замыслу А. (уточнить день рождения деда, чтобы подтвердить правильность предположений); пятая (о подарке ко дню рождения мужа А.) связана с первой ассоциативно как подтема. После обсуждения предложенных А. тем ее замысел можно считать исчерпанным, что видно из ее попытки закончить разговор (*Ну ладно мамочка / вот я у тебя уточнить просто хотела / деда-то день рождения не помнила год //*). Но диалог на этом не заканчивается, так как следует тематическое предложение (6) В. – вопрос о сыне А., – и разговор меняет направление в соответствии с замыслом В. В конце разговора в репликах А., выделенных в тексте и обозначенных римскими цифрами [I, II], содержится ретроспективная рефлексия (*Ну ладно мамочка / все тогда / выяснила //*; *Ну ладно мамочка / вот я у тебя уточнить просто хотела / деда-то день рождения не помнила год //*), отражающая доминанту замысла А. и иницирующая этикетную ситуацию завершения диалога. Так мена коммуникативной инициативы ведет к реализации двух замыслов в одном диалогическом тексте и придает ему содержательное качество политематичности.

Реализация замысла речевой партии каждого коммуниканта в диалоге происходит не непрерывно, как в монологе, а скачкообразно, «пунктирно» в рамках перемежающихся тематичес-

ких предложений в порядке передачи коммуникативной инициативы от одного говорящего к другому; поэтому исчерпанность замыслов наступает не одновременно, а поочередно. Это позволяет говорить *о двух особенностях реализации замысла* в тексте разговорного диалога. Во-первых, это *партитурность*, предполагающая возможность реализации двух (в диалоге) или нескольких (в полилоге) замыслов речевых партий участников. Во-вторых, это *импровизационность*, предполагающая свободный порядок и очередность реализации замыслов нескольких речевых партий коммуникантов; последняя особенность объясняется спонтанностью и отсутствием стратегического планирования хода речевого взаимодействия в сфере непринужденного общения, что отражается в особом композиционном членении диалогического текста. Именно этими чертами разговорного диалога объясняется тот факт, что «предварительное планирование не может регулировать *конструкцию* (курсив мой. – И.Б.) речи» [Жинкин 1998б: 335].

Планирование может существовать в разговорной речи, но «заранее продуманная речь в условиях спонтанного протекания обычно идет не так, как предполагалось» [Земская и др. 1981: 13]. Действительно, ход спонтанной коммуникации непредсказуем, ибо он не задается жесткой стратегией. Мы разграничиваем понятия замысла как содержательно определенной цели (или совокупностей целей) коммуникации и плана как стратегии развертывания замысла и композиции порождаемого текста. В нашем понимании замысел разговорного диалога не включает в себя стратегический блок, который, возможно, является обязательным структурным компонентом замысла диалогов в институциональной сфере общения (ведение дипломатических переговоров, судебное заседание, школьный урок и др.).

В любом диалоге происходит *интерференция*, взаимное влияние замыслов коммуникантов. Они могут корректироваться в зависимости от изменения условий коммуникации. Неизбежность отступлений от замысла определяется вмешательством в разработку тем второго коммуниканта, влияние которого невозможно прогнозировать в полном объеме заранее, поэтому новые цели могут возникать в ходе коммуникативного акта. Это не противоречит общему положению о гибкости замысла [Миллер и др. 1965] и возможности его изменения в ходе реализации (что часто происходит также в сфере научной и художественной коммуника-

ции, когда гипотеза ученого не подтверждается, «материал ведет за собой» или персонажи художественного произведения начинают «жить собственной жизнью»). Замысел коммуниканта может остаться нереализованным, если диалог прерывается в силу экстралингвистических причин (дефицит времени, необходимость переключиться на другие дела, помехи на линии связи в случае коммуникации, опосредованной техническими средствами, требования этикета – такие примеры можно найти и в материале данной работы. Если подобных ограничивающих факторов нет, то поведенческий акт заканчивается тогда, когда удовлетворяется иницилирующая его потребность, т.е. при установлении соответствия между целью (замыслом) и результатом [Психологические механизмы... 1977: 161]. В этом случае в заключительной фазе коммуникации ее участники достигают *коммуникативной ратификации* – своеобразного соглашения об исчерпанности замыслов, о котором сигнализирует отсутствие новых тематических предложений и вербальные показатели реализованности коммуникативных интенций. Только после этого разговор вступает в фазу этикетного завершения и контакт прерывается.

Сформулируем ряд выводов о структуре замысла спонтанных диалогических произведений и способах его реализации в зоне разговорной речи.

Компоненты замысла речевой партии участника разговорного диалога инвариантны и универсальны: в замысле любого типа разговорного диалога выделяются четыре основных блока: модально-фатический, содержательно-тематический, интенционально-коммуникативный и акционально-практический.

Замысел разговорного диалога характеризуется иерархической структурой. Иерархичность обеспечивается доминированием одного из блоков программы и присвоением ему статуса цели-мотива коммуникативной деятельности. В основе замысла различных типов разговорных диалогов (акционально-практического, интенционально-прагматического и модально-фатического) лежат свойственные им иерархические конфигурации программных блоков.

В заключение подчеркнем, что категория замысла является психолингвистической универсалией коммуникации, независимо от ее вида (монолог или диалог) и формы (письменной или устной). Текстовая деятельность и взаимопонимание возможны только на основе замысла как довербальной структуры, мотиви-

рующей тип коммуникативного взаимодействия и структурно-содержательные особенности текста, порождаемого в коммуникации. Цель-мотив как доминанта замысла реализуется на протяжении всего коммуникативного события и определяет тип интегративности текста (модально-фатический, интенционально-коммуникативный или акционально-прагматический). Соотношение глобальных и локальных целей влияет на тип интегративности и протяженность диалога. Диалоги в сфере актуальной коммуникации, характеризующиеся интенционально-прагматической и акционально-прагматической целостностью, обладают, как правило, небольшой протяженностью – это микродиалоги, границы которых задаются исчерпанностью локальной коммуникативной цели. Модально-фатическая интегративность реализуется в коммуникативных актах большей протяженности в сфере непринужденного общения.

И.В. Шалина

Коммуникативно-речевая дисгармония: ее причины и виды¹

Современный человек живет «в условиях тотального наступления на него фрустрирующих ситуаций» [Майданова 1997:13], ощущая растерянность, дискомфорт, страх, отчаяние. Оценки дисгармонического состояния личности, фиксируемые социологами и психологами, подтверждаются также результатами лингвокультурологических исследований [Жельвис 1997; Купина, Енина 1997; Стернин 1995; и др.].

Культурно-речевая ситуация в современной России характеризуется интенсивным ростом языковых маргиналий, вербальной агрессией, вульгаризацией и повышенной эмоциональностью общения. По пессимистическому прогнозу О.Б. Сиротининой, «определяющим для русской речевой культуры может стать в недалеком будущем даже не среднелитературный, а в лучшем случае литературно-разговорный» тип речевой культуры [Сиротинина 1998:7]. Носители этого типа культуры даже в официальных ситуациях предпочитают ты-общение, используют разговорную и сленговую лексику, не считают целесообразным переключаться с одного вербального кода на другой.

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Функционирование современного русского языка и культура речи», финансируемого Российским гуманитарным научным фондом (проект № 00-04-00-101-а).

Деструктивные составляющие речевого поведения, становясь нормой, не могут не влиять на «качество» общения. Проблема «качества» общения связана с категорией исхода [Хаймс 1975], реализации коммуникативной цели, результативности. Именно этот фактор – основополагающий в нашем исследовании. Целе-направленная коммуникативная деятельность всегда приводит к достижению или недостижению определенного коммуникативного результата, который объективируется в диалогическом дискурсе.

Если категорию результативности положить в основание типологии коммуникативных ситуаций (далее КС), можно выделить *КС, в которых общение партнеров приводит к гармоническому результату, и КС, в которых общение партнеров приводит к дисгармоническому результату*. Такая полнота определяется универсальными тенденциями, характеризующими человеческое бытие и общение: притяжение и отторжение, дружелюбное сближение и «суверенитет», определенная дистанция, «унисон в рамках национально-культурной нормы и агрессия за рамками стереотипа» [Рытникова 1996б: 97].

Промежуточное положение в типологии коммуникативных ситуаций занимают *ситуации риска*, в которых вероятность достижения как гармонического, так и дисгармонического результата одинакова. По нашим наблюдениям, без специальных усилий ситуация риска, как правило, разрешается в дисгармонию.

Понятия «гармонический ↔ Дисгармонический» можно соотнести с понятиями «эффективный ↔ Неэффективный». Под эффективностью общения, например, понимается «оптимальный способ достижения поставленных коммуникативных целей ... когда иллюкуция соответствует перлокуции» [Ширяев 1996: 30]. Такое общение можно назвать и гармоническим. Соответственно дисгармонический результат – это результат, не соответствующий цели, характеризующийся отсутствием гармонии между иллюкуцией и перлокуцией.

И.А. Стернин, диагностируя эффективность или неэффективность общения, предлагает учитывать еще один аспект – баланс отношений между коммуникантами: «Эффективным речевым воздействием следует признать такое, которое удовлетворяет двум основным условиям: достигает поставленной говорящим речевой и внеречевой цели и сохраняет равновесие отношений между участниками общения, то есть достигает коммуникатив-

ной цели. Коммуникативная цель обеспечивает соблюдение установленных правил общения в ходе самого общения, соблюдение принятого для определенной ситуации стиля общения» [Стернин 1995: 6].

По нашему мнению, следует учитывать и фактор экспектаций (ожиданий) партнеров. В КС с гармоническим результатом экспектации общающихся, как правило, реализуются, в КС с дисгармоническим результатом – нет.

Таким образом, **гармонический коммуникативный результат** предполагает как соответствие иллокуции перлокуции, так и сохранение в процессе общения статусно-ролевых позиций коммуникантов, взаимную ориентацию на культурные ценности и регулятивы, принятые в данной культурной среде, а **дисгармонический коммуникативный результат** предполагает несоответствие иллокуции перлокуции, статусно-ролевой дисбаланс, нарушение коммуникативных норм.

Тревожная оценка современной культурно-речевой ситуации заставляет лингвистов сосредоточить внимание на причинах и видах коммуникативно-речевой дисгармонии, а также формах ее проявления в национальной культуре. Материалом исследования послужили тексты-разговоры [Купина 1990: 38–46] носителей разных типов речевых культур (просторечная и среднелитературная речевые культуры). Информанты – рабочие и служащие цеха высокоточного оборудования крупного завода одного из малых городов Свердловской области. Разговоры ведутся во время отдыха в подсобном помещении цеха. Один из коммуникантов – студент-заочник Уральского государственного университета М.О. Махнутин – сделал записи непринужденного общения методом включенного наблюдения.

В наборе ситуаций дисгармонического взаимодействия представлены *ситуации риска, предконфликтные и конфликтные ситуации*. Эти ситуации характеризуется возникновением *напряженности* в общении, которая связана с прагматической установкой говорящего и реакцией слушающего на вербальные и невербальные раздражители. Л.С.Выготский назвал напряженность «законом психологической запруды», которую создает особый подбор и сцепление эпизодов [Выготский 1969:201]. Под напряженностью будем понимать особую организацию лингвистических и экстралингвистических средств, обусловленную авторской интенцией, создающую максимальную концентрацию внимания и

ожидание разрешения действия [Юдина 1986:133–134]. По нашим наблюдениям, напряженность может создаваться говорящим не преднамеренно, а вследствие незнания этикетных, конвенциальных норм и принципов общения, культурных стереотипов. При контакте разных речевых культур напряженность выступает как следствие непроясненности особенностей КС, следования групповым и индивидуальным нормам, не совпадающим между собой или с нормами общекультурными. Напряженность может проявляться в виде точечных сигналов. Несколько точечных сигналов формируют очаг напряженности. Если напряженность нейтрализуется, снимается, общение получает перспективу на достижение гармонического результата. Проанализируем выделенные коммуникативные ситуации.

Ситуации риска. Ситуация риска описана Т.В. Шмелевой. Исследовательница отмечает нестандартность этой ситуации и отличает ее от стандартной (монологической или диалогической), «где каждое следующее высказывание мотивировано предыдущим... где каждая новая реплика – реакция на высказывание-стимул, сформулированный собеседником» [Шмелева 1988: 181].

Условия отклонения от стандарта были рассмотрены Д.Х.Хаймсом: «Если два собеседника воспринимают ситуацию в терминах конфликтующих иерархий речевых функций и если не происходит адаптации, то либо коммуникация прекращается, либо у одного из собеседников молчаливо складывается неблагоприятное мнение о другом» [Хаймс 1975:76]. Иногда конфликт намечается, но происходит адаптация, говорящий находит способ преодоления фрустрации, пытается обойти препятствие, не доводя дело до конфликта.

Таким образом, *ситуация риска* – нестандартная ситуация, в которой отклонения от общекультурного стандартного сценария прогнозируют возможность неудачи, опасности для одного из коммуникантов и в которой по крайней мере один из участников диалогического взаимодействия находит способ адаптации (уступка, уловка, компромисс, выбор конструктивного решения), позволяющий избежать открытого конфликта. Чаще всего это ситуация непроясненности коммуникативной обстановки, диспозиций коммуниканта (целей, мотивов, установок, ролевых позиций), традиций и стереотипов культурной среды.

Рассмотрим ситуацию риска, возникающую в русле непрямого, развивающегося гармонично разговора на общие

темы. О. и А. – носители просторечной речевой культуры, М. – носитель среднелитературной и просторечной речевых культур. Будем учитывать, что «набор социальных признаков каждого члена данного социума определяет репертуар его социальных ролей» [Китайгородская, Розанова 1999:28]. Представим ролевые позиции коммуникантов: М. – рабочий, 24 г., не женат; А. – рабочий, ровесник М., женат, друг М; О. – рабочий, старше А. и М., женат.

Приведем фрагмент текста-разговора, включающий ситуацию риска.

О. – Ну дак [так] че [что] / болеть-то будем?

М. – С утра тяжело болеть // Будем болеть в ночь //

(входит Ю.) Юрик / тут поступило предложение заболеть //

О. – Уже на четверых //

М. – Ты как? Мы с тобой заболеем в ночь //

А. – А чем ты еще можешь заболеть?

О. – Щас [сейчас] он говорил / беременностью //

М. – Ой / какие вы все глупые // (обращается к А.) Ты слышал / Федорыч / рекламу? Во-первых / то / что я на тебя не обиделся / ладно / на тя [тебя] грех обижаться / убогий ты // А ты эту рекламу смотрел? «Щас» [сейчас] / grit [говорит] «такое время / когда просто необходимо пользоваться презервативом» // Пользоваться презервативом для меня / это точно так же как умываться / чистить зубы //

(Смеется. Остальные молчат.)

О. – Если ты уважаешь своего партнера... //

М. – (перебивает) И че [что] это ты вдруг про это вспомнил? Вот те [тебе] нельзя газеты давать читать / вообще / абсолютно //

А. – Это не я вспомнил / а ты //

М. – Я вспомнил? Я говорю «заболеть» / а у тя [тебя] мысли сразу какие-то грязные / пошлые // Значит / жизнь у тя [тебя] такая!

А. (молчит)

М. – А кто это тебе сказал / что я могу заболеть? Я че [что] там / по проституткам таскаюсь или че [что]? Больше нечем? Много всяких веселых болезней / для твоего расширения кругозора // Есть еще гонорея / СПИД / неценз. / дурачок / неценз. //

А. (молчит)

Далее обсуждаются причины СПИДа и других болезней.

М. – Да / Федорыч / что-то ты меня расстроил // А ты знаешь / что он передается и неполовым путем?

А. – Кто?

М. – Сифилис // Вот я специально пойду и найду и... // А почему только я-то? Ты-то с таким же успехом можешь заразиться // Я-то ладно / а ты-то человек семейный //

О. – Подышал друг на друга и все //

М. – Кто тебе поверит / что ты не гулял?

О. – Бумажку / на то место / куда подышал //

Присутствующие смеются.

М. – Дак [так] вот и неизвестно / чем он туда дышал / на то место // Сидит / ерунду городит / неценз. // Да я понимаю / что ты серьезно тоже не воспринял<...> //

(А. собирается уходить.)

М. – Давай / Федорыч / вали / вали! И подумай дома на досуге / о своем поведении // Книжки медицинские почитай //

А. – Медицинские?

М. – Что-нибудь по культуре //

А. – По культуре?

М. – Тебе и то и то читать надо //

(А. уходит.)

Стимулом к возникновению напряженности между М. и А. становится обыгрывание М. и О. слова *болеть*, употребляемого ими в значении 'выпивать'. Высказывания М. вербально провоцируют его партнеров. Воспринимая М. как молодого неженатого человека, А. и О. выводят из его высказываний сексуальный смысл, дразнят: *А чем ты еще можешь заболеть? Сейчас он сказал / что беременность //*. Косвенный сексуальный намек друга и ровесника на половую распущенность и беспорядочные сексуальные связи более оскорбителен, чем открытая насмешка О. А. рискует, потому что затрагивает табу-тему. Гармонически развивающееся до этого непринужденное общение сменяется всплеском отрицательных эмоций и ступенчато растущей напряженностью, пик которой приходится на шестое речевое действие, а спад – на девятое (в коммуникативной партии М.). Очаг напряженности создается следующими средствами: эмоционально-оценочной лексикой и фразеологией (*мысли грязные / пошлые //*; *Я че / по проституткам таскаюсь //*; *городить ерунду, грех жаловаться*); существительным с суффиксом субъективной оценки (*дурачок*); местоимением *такая* с включенной отрицательной оценкой (*Значит / жизнь у тебя такая*). На синтаксическом уровне – это экспрессивные интонационные конструкции и конструкции с контактным

повтором (*Ой / какие вы глупые! Вали / вали! Я говорю «заболеть» / а ты //*), риторический вопрос (*Я что / по проституткам таскаюсь?*). Экспрессия создается за счет инверсии (*убогий ты*); сравнения (*Пользоваться презервативом / точно так же / как умываться / чистить зубы //*); антитезы (*Я-то ладно / а ты семейный //*; *Почему я? Ты тоже можешь заразиться //*).

Невербальные средства общения – молчание и смех – выполняют коммуникативно значимую функцию: молчание выражает нежелание коммуниканта вступать в контакт, смех выполняет компенсаторно-защитную функцию.

Напряженность гасится за счет нулевых реакций А.; смягчения агрессии М. и его попытки урегулировать отношения (*Да я понимаю / что ты серьезно тоже не воспринял //*; *Федорыч*); вступления в диалог других коммуникантов и их речевой поддержки М.; создания шутильной тональности. Последнее речевое действие М. включает увещания А., открытый призыв следовать общекультурным нормам речевого поведения. М. как носитель двух речевых культур стремится вовлечь партнера в литературное коммуникативное пространство. В то же время он сам рискует вызвать своими инвективными действиями ответные оскорбления (*Глупый; убогий ты; на тебя грех обижаться; Мысли грязные / пошлые / значит / жизнь у тебя такая //*; *дурачок*).

Причины дисгармонии – нарушение одним из партнеров конвенциональных норм общения (о чем другой говорит открыто), выдвижение на обсуждение табу-темы. Коммуникативный результат для обоих партнеров – временное ситуативное разобщение, увеличение степени интеллектуальной и эмоциональной дистанцированности.

Рассмотрим еще один текстовой фрагмент, отражающий ситуацию риска. Она возникает в контексте общей ситуации праздничного застолья (празднование 8-го Марта). Общение партнеров до возникновения ситуации риска протекало гармонично, развивалось по стандартному сценарию.

Коммуникативные партии ведут М., Т., А., Ж. и О.. Из них А. и М. – носители среднелитературной речевой культуры, остальные – носители просторечной речевой культуры. Представим распределение ролей: М. – молодой рабочий, студент-заочник; приглашенные, гости: А. – начальник цеха, О. – рабочий; организаторы праздничного застолья: Ж. – рабочая, Т. – рабочая.

Приведем текстовой фрагмент.

М. – Так / ну че [что]? Песни-то петь будем?

Т. – Нет / давай лапши на уши вешай //

М. – Я? Лапши на уши?

Т. – Лапши на уши / Максим / вешай //

М. – Лапшу на уши / а не лапши на уши //

Т. – Да / да / да // давай / давай //

М. – Да я че-то [что-то] уже пьяный такой //

А. – Максим / Расскажи нам про праздник // Че [что] мы празднуем?

М. – Этот праздник / хоть он и называется международным / празднуется только между народами СССР / блин / бывшего // Да это че [что] за праздники? Морока одна //

Т. – Ты хочешь сказать / что это уже не праздник для нас?

М. – Почему? Праздник // Я просто уже говорю / что (пауза) // Ну как //

Ж. – Праздник весны //

М. – Да //

Т. – Не угнетай наше настроение // Давай че-то [что-то] другое / праздничное // (Смеется) Че-то [что-то] праздничное давай //

М. – Че [что] праздничное?

О. – Ляпнул не подумавши //

М. – Да почему не подумавши? Я вот щас [сейчас] как нагоню тоски вам //

Т. – (строго) Не надо нам / на нас тоску нагонять // Ты что? (Большая пауза)

М. – (о чайнике) Вон Валера под самый верх залил // Щас [сейчас] опять будет (нрзб) // Во / дай сахару // Это что / с капустой?

Далее разговор переходит на другую тему.

Инициальное речевое действие, побуждающее к контакту, выполнено М. в границах контактоустанавливающей стратегии. Т. видит М. в коммуникативной роли балагура, «души компании». Ее оценочная реакция (*Лапши на уши вешай*) воспринимается М. как нарушение солидарной вежливости. Фразеологизм актуализирует сему обмана, лжи, неискренности. Это первый сигнал напряженности, вызывающий ответный укол, направленный в сферу «Я»-речемыслительного [Тарасова 19926] (*Лапшу на уши / а не лапши на уши //*). Укор, замечание коммуникативным партнером-носителем просторечной речевой культуры не воспринимается. Дальнейшими речевыми действиями М. рискует разрушить

основы контакта и создает новые сигналы напряженности: (*Да это же за праздники? Морока одна //*), но идет на уступку.

Бестактное речевое поведение М., ведущего себя рискованно и не думающего о последствиях, комментирует О.: *Ляпнул не подумавши //*. Попытка вербального вредительства М. (*Я вот щас как нагоню тоски вам //*) пресекается: ему запрещают разрушать сложившийся за праздничным столом эмоциональный баланс. Вновь возникший сигнал напряженности снимается переключением разговора на другую тему.

Точечные сигналы напряженности на языковом уровне возникают за счет использования фразеологизмов с оценочной семантикой (*Ляпшу на уши вешай //*; *нагоню тоску*); слов с оценочной семантикой (*морока одна*) и др. Риторический вопрос (*Да это же за праздники?*) также создает напряженность.

Отметим, что взаимодействие речевых культур проходит по линиям: говорим правильно – говорим с ошибками; соблюдаем – не соблюдаем традиции празднования идеологических дат. Возникающая социально-культурная оппозиция я (грамотный, не всегда сохраняющий верность идеологическим праздникам) – они (недостаточно грамотные, сохраняющие верность идеологическим праздникам) нейтрализуется.

Причина дисгармонии – нарушение партнерами норм речевого этикета, постулата вежливости, посягательство на идеологические пристрастия. Коммуникативный результат – эмоциональный дисбаланс.

Анализ ситуаций риска показывает, что возникающие в общении барьеры преодолеваются усилиями коммуникантов: намеренным молчанием, капсуляцией (уход в себя как интуитивный акт самосохранения, не причиняющий вред партнеру, вербальное поведение которого предсказуемо), прекращением обсуждения темы, уступкой. Дисгармония в описанных ситуациях риска носит временный характер.

Предконфликтная ситуация. Изучением конфликтов, их сущностью и причинами, типами и формами развития, способами их регулирования и разрешения занимается конфликтология. Изучая динамику конфликта, специалисты выделяют стадию зарождения, которая часто (но не всегда) имеет скрытый (латентный) характер. Латентная стадия продолжается до тех пор, пока одна из сторон не перейдет к действиям. В предконфликтной ситуации проявляется неосознаваемое или осознаваемое зарожде-

ние конфликта, происходит фиксация аспектов его вызревания. Причиной зарождения конфликта может стать инцидент (какое-либо инициирующее событие: неприятный случай, недоразумение, столкновение), который может быть спровоцированным или неспровоцированным. В этой ситуации возникают и эксплицируются «различия в диспозициях, ценностях, обстоятельствах, правилах поведения, которые образуют потенциал противостояния» [Кох 1997:109]. Возникают очаги напряженности. Нестандартность предконфликтной ситуации лишает общение автоматизма. Если одна из сторон нападает, другая вынуждена искать выход, обороняться.

Поведение участников общения в предконфликтной и собственно конфликтной ситуациях зависит от конкретных обстоятельств предмета разногласия, характера противоборства, целей, а также от других психологических, социокультурных факторов.

Рассмотрим предконфликтную ситуацию, коммуникативные партии в которой ведут А. – носитель среднелитературной речевой культуры, и М. – носитель среднелитературной и просторечной речевых культур. Представим ролевые позиции коммуникантов: А. – начальник цеха, 43 г.; М. – подчиненный, 24 г.

Приведем фрагмент текста-разговора, отражающий предконфликтную ситуацию.

М. – в цехе у рабочего станка. А. подходит к М. с целью проверки результатов работы. Вопросы начальника можно восстановить из ответов М.

М. – *Ничего не готово / ни одной детали // Что делал? Вопрос хороший // Начал вводить конус / дело творческое такое //*

А. – (перебивает) *На чем ты его вводил?*

М. – *Ну вот / на чем я его вводил? Вот здесь / чтобы (пауза) //*

А. – *Даже следов не видно / что ты его вводил //*

М. – *Я оправдываться не намерен / неценз. // (кричит раздраженно) Вот // Я не могу работать вот в таком свете / не могу //*

А. – *Я же спрашиваю ты [тебя] // Ты че [что] кричишь? А че [что]? Лампочки нету?*

М. – *Лампочки нету / неценз. // Переноска тоже не выход // Должно быть нормальное освещение // А то / что со станком тут сделали? Почему у него бабка? Там на миллиметр корпуса не совпадают // Вот этот центр с тем / этой бабки с той // Я не знаю // Я уходил / было все нормально / был ноль // Я вывожу ноль на цилиндре / специально на цилиндре ставлю деталь / там десятка // На цилиндре*

пойманы сотки / сотка в сотку // Откуда там десятка? У меня уже голову ломать желания не было // Про свет я еще говорил в том году / неценз. // Как школьник //

(А. уходит ни слова не говоря. Через некоторое время к М. подходит один из рабочих.)

М. – (о начальнике) Да я его тут оттянул за заточный станок // Ему и сказать-то нечего / сидит / молчит // (о станке) Раздрачили весь / неценз. // Он «Давай делай» // Я пришел на работу / все скручено / разболтано // Да еще в ночь / там света нету // Там же вообще / темнотища // Я грю [говорю] «Давай / делай лампу // Надо нам делать / положено» //

Оппозиция «начальник – рабочий» обуславливает возможное протекание взаимодействия по конфликтному сценарию при условии нарушения общекультурных норм, ролевых ожиданий.

Тип зарождающегося конфликта можно определить как производственный, однако на производственные отношения накладываются еще и межличностные, ролевые. Из других текстов-разговоров известна личная неприязнь М. по отношению к начальнику: *Когда ему делать нечего / всех на шляпу насаживает //*; (иронически) *Он поздравит / у него талант оратора //*; *Никому не доверяет //* и др.

В анализируемой ситуации А. действует в рамках предписываемой ему в структуре группы (производственной бригады) роли, что определяет правомерность появления серии последовательных «телеграфных» вопросов, не выходящих за рамки общекультурных норм: *Сколько готово? Что делал? На чем вводил?* Получив не удовлетворяющий его ответ на два вопроса, А. использует тактику наскока, перебивает партнера, что способствует созданию напряженности. Косвенный смысл высказанного начальником упрека (*Даже следов не видно / что вводил //*) можно представить в виде цепочки хода мысли: *Ничего не сделал, а стоишь тут и обманываешь, оправдываешься, рассказываешь о «творческих делах».* Это вызывает неприятие М., который во всем готов обвинять начальника. Защищаясь, М. переходит с неофициального регистра общения на официальный: *Начал вводить / дело творческое // Я оправдываться не намерен // Я не могу работать в таком свете //*. Напряженность частично гасится А. за счет прояснения своего коммуникативного намерения. Он готов направить взаимодействие в русло спокойной, нейтральной тональности, продолжить общение, следуя конвенциональным нормам. Роль прови-

нившегося школьника (как школьник) М. считает незаслуженной, оскорбительной, поэтому предлагает руководителю соотносить профессиональные права и обязанности с реальной ситуацией: *Лампочки нету // Переноска на выход / должно быть нормальное освещение // Что со станком сделали? Про свет я еще говорил в том году //* Молчаливый уход начальника демонстрирует намерение не доводить ситуацию до открытого конфликта и свидетельствует о возможном признании справедливости обвинений рабочего. Отказ от разворота конфликтного сценария характеризует А. как неконфликтную личность, человека, следующего общекультурным нормам и правилам речевого поведения. Пользуясь терминологией К.Ф. Седова, А. можно отнести к рационально-эвристическому типу личности, отличающемуся «косвенностью выражения интенции, которая обычно опирается на повышенную рассудочность, здравый смысл» [Седов 1998а: 13]. Взаимодействие этого типа с инвективным типом уменьшает вероятность открытой конфронтации, сопровождающейся криками, инвективой, вербальным, а иногда и физическим насилием. Если бы начальник принял вызов рабочего, ситуация, возможно, развивалась бы по сценарию конфликта.

Коммуникативный результат этого взаимодействия – психологический. Он характеризуется эмоциональным дисбалансом, формированием отрицательного мнения о партнере, разрывом контакта.

Интересно, что последствия дисгармонического результата этого взаимодействия нейтрализуются через несколько дней за счет коммуникативно-речевых действий партнеров, выполняющих ролевые предписания, создания доброжелательной, спокойной тональности, необидной шутки. Вопрос об освещении рабочего места решается в русле гармонического общения:

М. – Ну вот / эти же плафоны есть // А лампочки-то че [что] / были же большие?

В. – Маленькие // А какую тебе надо?

А. – Двенадцативольтовую //

М. – А почему двенадцативольтовую? Надо вот сделать такое освещение над станком //

А. – Надо // А кто будет делать? Делай арматуру / а Степин сделает все остальное // Видишь / трубы-то гнать через коленку //

М. – Вопрос куда ее там ставить // Степин пусть сам //

А. – Я те [тебе] покажу // Ты нагнешь / а он провод протянет и лампочку подвесит / хотя будет лысинка все время горячая //

М. – Можно же повыше повесить // Когда холодно / дак [так] там в принципе пусть лысинка-то греет //

А. – А летом? Дымок пойдет //

М. – Нет / надо все равно че-то [что-то] делать / потому что там не видно / блин //

А. – Трубы нагнешь / а остальное сделает Степин // Я сам покажу / куда тебе ставить //

М. – Ну вот / все // Я в субботу выйду только //

Будучи носителем двух речевых культур, М. имел возможность выбрать тактики реагирования на замечания начальника. В первом случае стереотипические проекции просторечной среды «перебарывают». Последующий выбор поведения, основанного на традиционных общелитературных стереотипах, способствует гармонизации общения.

Конфликтные ситуации. Если предконфликтная ситуация отражает возникновение противоречий, накопление «конфликтной массы», то конфликтная ситуация – это столкновение интересов, стремлений, индивидуальных целей людей, вызывающее определенные действия. Стремление одной из противоборствующих сторон реализовать свои интересы сочетается с желанием нанести ущерб другой стороне, заблокировать ее действия, «уничтожить» соперника.

Конфликтологи отмечают в качестве сопутствующего условия конфликта наличие инцидента: «Конфликт – это конфликтная ситуация плюс инцидент» [Бородкин, Коряк 1983: 101].

Большое значение имеет также фактор личностной конфликтности. Выделяются ситуативно конфликтные и перманентно конфликтные личности [Бородкин, Коряк 1983: 101]. Для первой разновидности языковых личностей конфликтность не свойство характера, а следствие сложившейся ситуации. Их готовность идти на конфликт вызывается невозможностью в данной ситуации использовать иную стратегию. Для второй разновидности языковых личностей конфликтность – стиль поведения, вытекающий из особенностей характера. По выводам С.А. Сухих, конфликтный тип личности «имеет тенденцию к импульсивному поведению, реализуемому через малые стратегии, к доминированию роли говорящего, эгоцентричности, к морализации аспектов темы общения, к доминированию маркеров со значением неуве-

ренности, пессимистичности, к иронии, сарказму, к конфликтному столкновению интенций» [Сухих 1998: 19]. Отличительными характеристиками речевого поведения такой личности К.Ф. Седов считает «пониженную семиотичность... эмоционально-коммуникативные реакции, близкие к биологическим проявлениям» [Седов 1998а: 12].

Обратимся к конкретному материалу. Участники разговора – Л. и Ю. – рабочие, носители просторечной речевой культуры. Зафиксированный конфликт не имеет социальных корней, скорее это межличностный конфликт на бытовой почве. Истоки конфликта скрыты в докоммуникативных отношениях партнеров. Как известно из разговоров рабочих, Л. – скандалист, перманентно конфликтная личность: *Ему удовольствие доставляет / когда заводится он //* Кроме того, есть внешний детерминант, повышающий вероятность возникновения вербальной и физической агрессии [Бэрон, Ричардсон 1997:186], – раздражение, вызванное усталостью и напряжением, накопленными после ночной смены. Начавшись как ссора, это взаимодействие переходит в открытое столкновение, драку.

Рабочие Ю. и Л. после ночной смены остаются вдвоем. Л. (докучливо говорит свое, надоедает (**нрзб**))

Ю. – Баран! Пошел ты / **неценз.**

Л. – Ты че [что]? Мужичошка!?

Завязывается драка. Ю. и Л. разнимают, через несколько минут Ю. снова нападает на Л. Их опять разнимают.

Представим оценочную реакцию участника конфликта Ю. по поводу драки: ...*Баранам бесполезно / **неценз.** / объяснять //* Я ему грю [говорю] «Иди домой» / **неценз.** // Он ходит тут надо мной / ноет // Бесполезно / зудит и зудит / одно и то же // Бесполезно ему что-то объяснить / доказывать // Че [что] с ним спорить? Только в рыло / в репу давать <...> // В следующий раз ему хуже будет //

Невозможность конструктивного взаимодействия Ю. объясняет неприемлемостью избранной партнером тональности общения (*ноет / зудит*), неспособностью партнера вести диалог в соответствии с общекультурными нормами: *Бесполезно ему что-то объяснять / доказывать // Че с ним спорить?* Это и становится причиной напряженности.

Толчком к открытому столкновению является инвектива, представленная эмоциональными оценками, выраженными суще-

ствительным-зооморфизмом (*баран*) и существительным с суффиксом субъективной оценки (*мужичошка*), маркирующим слово как просторечное. Уничижительная оценка (*мужичошка*) акцентирует маленький рост, физическую слабость партнера. По нашим наблюдениям, это слово характерно для женской речи. Возможно, поэтому Ю. реагирует на оскорбление физическим действием, вызывающим ответную реакцию. Если невозможно конструктивное общение в границах общекультурной нормы, то для инвективной личности результат общения предопределен: *В рыло /в репу давать //*.

Отметим, что драка – типично мужская форма реагирования на инвективу. Особенно если последняя представляет вмешательство в одну из сфер, составляющих личностное пространство коммуниканта. В приведенном примере проникновение в сферу «Я»-физического и «Я»-речемыслительного – способ «подначить», унизить партнера, спровоцировать на какое-либо ответное действие, а в конечном счете понизить его статус, утвердить позицию «Я» над «Другим».

Драка как реакция на фрустрирующую ситуацию не способствовала снятию отрицательных эмоций. Реплика Ю. (*В следующий раз ему хуже будет //*) свидетельствует о неисчерпанности конфликта, его возможной эскалации.

Интерпретируемая ситуация отражает взаимодействие мужчин – носителей просторечной культуры, которые действуют стереотипно. Механизм стереотипа проявляется в зеркальном чередовании автоматически реализуемых речевых формул и действий: *баран* – *мужичошка*; рукоприкладство – ответное действие. Причина конфликта – вербальная провокация одного из коммуникантов. Коммуникативный результат – нравственное и физическое насилие, разрушение основ обратной связи.

Таким образом, если в предконфликтных ситуациях происходит накопление «конфликтной массы», формируется прогноз дальнейшего взаимодействия, то конфликтная ситуация характеризуется «выплеском конфликтной массы».

Анализ текстов-разговоров, отражающих дисгармоническое взаимодействие, позволяет выделить причины коммуникативно-речевой дисгармонии: расхождение в культурных и идеологических предпочтениях; нарушение норм речевого поведения; непонимание тональности общения; выдвижение на обсуждение

табу-темы; нарушение ролевых предписаний; проникновение в одну из сфер личностного пространства коммуниканта.

Можно говорить о видах коммуникативного дисгармонического результата: временное разобщение, сопровождающееся смещением оценок партнера и его поведения; обострение отношений; нарушение ролевой иерархии; внутриличностный разлад: ощущение интеллектуальной неполноценности, растерянность, недоумение, капсуляция, уход в себя; коммуникативное одиночество.

О.С. ИССЕРС

Коммуникативный успех как прогнозируемая категория

Достижение прогнозируемого результата является критерием успеха любой коммуникации, в том числе и речевой. Коммуникативный подход к анализу речевого поведения малоэффективен, если игнорируется факт успеха (неудачи) акта общения. Это обуславливает необходимость обучения стратегическому осмыслению дискурса.

Нельзя сказать, что проблема успеха в речевой коммуникации находится вне внимания исследователей. Этой теме посвящены сотни публикаций – от популярных психологических рекомендаций до серьезных трудов по когнитивной психологии, психолингвистике, прагматике, теории коммуникации.

Известно, что процесс общения регулируется целым рядом правил. Большинство из них носители языка интуитивно знают – человек всегда ощущает, соблюдает ли партнер по коммуникации эти правила. Однако эта ясность оказывается иллюзорной, как только мы пытаемся выявить, описать и проиллюстрировать закономерности коммуникативных успехов и неудач.

Общие правила (принципы), которым подчиняется речевое общение, широко обсуждаются в прагматических исследованиях, главным образом на основе так называемых принципов и максим общения [Грайс 1985; Гордон, Лакофф 1985; Демьянков 1982; Ыйм 1985; и др.]. Наиболее подробно описаны принципы кооперации и принцип вежливости. Одним из первых содержание этих принципов исследовал П. Грайс.

В концепции П. Грайса основным является принцип кооперации (*cooperative principle*). Суть его заключается в требовании к каждому из коммуникантов вносить в разговор тот вклад, который необходим на конкретной стадии разговора. Иными словами, собеседники должны стремиться к сотрудничеству. Принцип кооперации реализуется в виде правил, или максим, которые определяют в конечном итоге нормативность дискурса. Принципы стали называть максимами потому что, они формулируются в виде общих правил-руководств: в ситуации такой-то вести себя таким-то образом. У Грайса различаются максимы разговора (четыре типа: максимы количества, качества, отношения и образа действия) и «неконверсационные» максимы – фоновые правила социального взаимодействия (типа «Будь вежлив»).

Максимы, как их понимает Грайс, можно интерпретировать как правила, которые в определенном смысле ограничивают поведение говорящего (что и как он может говорить в конкретной коммуникативной ситуации, если хочет действовать как кооперативный партнер). Кроме того, для слушающего эти максимы являются той базой, на основе которой он может «вычислять» подразумеваемый смысл высказываний партнера при условии, что тот соблюдает принцип кооперации. Некоторые из этих максим обусловлены социолингвистическими параметрами. К ним, например, следует отнести правила «блокировки» типа: «В ситуации X (с человеком X) нельзя говорить на темы, обладающие характеристиками Y и Z». При этом следует разграничивать правила, не зависящие от конкретной культуры (общие правила ведения разговора), и правила, привязанные к условиям конкретной культуры. Например, у некоторых этносов считается невежливым требовать чего-либо от того, кто стоит выше нас на социальной лестнице или равен нам [Демьянков 1982: 34].

Максимы общения (*conversational maxims*) были сформулированы логиком Грайсом отнюдь не для объяснения того, как функционирует дискурс. Воодушевление, с которым лингвисты стали использовать предложенные Грайсом принципы для интерпретации речевого общения, сменилось впоследствии определенным скепсисом по поводу применения максим к различным типам дискурса. Практика общения далеко не всегда свидетельствует о том, что соблюдение грайсовских постулатов обеспечивает коммуникативный успех. Критика максим Грайса, прежде всего, связана с неопределенностью ключевых понятий. На первый

взгляд вполне очевидные сентенции: «Говори столько, сколько необходимо, не больше и не меньше», «Говори правду», «Будь релевантным», «Говори ясно», становятся далеко не такими очевидными, как только мы начинаем наблюдать за обычными разговорами. Сколько «необходимо»? Что является правдой? Что значит «быть релевантным»? Что значит говорить ясно? Все эти понятия не являются абсолютными, они по сути своей относительны. То, что нам представляется правдой, другие могут не считать таковой или они могут не желать слышать ее. Совершенно непрогнозируемые эффекты «говорения правды» можно проиллюстрировать примером, приведенным Д. Таннен [Танпен 1986: 74].

Сцена действия – таможня международного аэропорта. К сотруднику таможни подходит пассажир без багажа. Его портфель наполнен бумагами, исписанными непонятными символами. Таможенник начинает его расспрашивать:

- *Где вы остановитесь?*
- *Не знаю.*
- *Что у вас в портфеле?*
- *Мои материалы.*

После длительного выяснения было установлено, что подозрительный пассажир – профессор-лингвист, прибывший всего на один день в местный университет для чтения лекции. Сообщая таможенникам «только правду и ничего, кроме правды», он не учел различий в презумпциях: то, что было очевидно для него, оказалось странным для сотрудников таможни.

Многие речевые действия вообще трудно рассматривать как «необходимые» – например, всякого рода речевые «поглаживания» (комплименты и т.п.). Иногда не имеющий, казалось бы, отношения к теме разговор выполняет тактическую задачу, необходимую для достижения коммуникативной цели, и тем самым является важным условием достижения успеха в общении.

Другой аспект, выявляющий проблематичность применения принципа кооперации к анализу дискурса, рассматривает Р. Лакофф [Lakoff 1982]. Максимы Грайса в разной степени применимы к различным типам дискурса. В частности, обычный разговор и персуазивный тип (реклама, пропаганда, лекция) обнаруживают, по мнению ученого, неодинаковую реализацию этих правил. Так, в учебной лекции принцип кооперации обнаруживается более явно, чем, к примеру, в обычном разговоре. В боль-

шинстве случаев говорящий пренебрегает максимами, руководствуясь принципами более высокого порядка – социальными. Когда существует выбор между вероятностью обидеть, оскорбить партнера и перспективой выразиться неопределенно, мы обычно выбираем последнее, нарушая максиму манеры («Говори ясно»). Именно на основе нарушения этого принципа строится ряд тактик, направленных на «сохранение лица» собеседника.

В персуазивном дискурсе достижение коммуникативного успеха также связано с нарушением принципа кооперации, но объясняется это несколько иными причинами. В отличие от обычного разговора нарушение принципа кооперации (без всяких причин социального порядка) проистекает из необходимости воздействовать, причем максимально эффективно. Один из механизмов этого воздействия – новизна, и именно потребностью во все новых способах воздействия, к которым не привык адресат, объясняется постоянное нарушение максим речевого общения в персуазивном дискурсе, особенно в рекламе. Так, несоблюдение максимы манеры выражается в разного рода языковых аномалиях, от лексических неологизмов и грамматически ошибочных конструкций до прагматически неожиданных высказываний (неожиданных с точки зрения обычных прагматических правил построения связного текста). Один из примеров такого рода аномальных диалогов:

- *Ты все еще пользуешься итальянской приправой?*
- *Больше нет!*
- *Нет?*
- *Я покупаю новую, улучшенную итальянскую приправу!*

[Lakoff 1982: 38]

С точки зрения обычного разговора, ответ «Больше нет!» нарушает максиму количества, и это высказывание – случись оно в реальной жизни – в контексте последующей информации выглядело бы странно, если не глупо. Но в коммерческой рекламе это один из способов создания «новизны».

Другого типа нарушения обнаруживаются в политической риторике. Наиболее очевидно нарушение максимы качества («Говори правду») и максимы манеры («Выражайся ясно»). Различные приемы сокрытия истины и затемнения смысла, неоднократно описанные в литературе, подтверждают это.

Р. Лакофф выдвигает гипотезу, в соответствии с которой весь персуазивный дискурс строится именно на основе наруше-

ния принципа кооперации, и говорящие (впрочем, как и слушающие) отдают себе отчет в том, что этот принцип не соблюдается. Это позволяет обеспечить запоминание и эффективность персуазивных сообщений [Lakoff 1982:40].

Как видим, постулаты Грайса в значительной степени ограничены – в частности, «категорией вежливости» [Brown, Levinson 1987; Lakoff 1973, 1982]. Сущность ее заключается в стремлении учитывать, какой эффект произведет наша речь на собеседника. Несколько наиболее общих правил, отражающих наши представления о вежливости, предложены в работе [Lakoff 1973]: «Не навязывайся, держи дистанцию», «Давай другим возможность высказаться», «Будь дружелюбен» и т.п. Однако и эти правила в реальном общении оказываются далеко не всегда выполнимыми. Дебора Таннен, комментируя их, анализирует простую ситуацию. «Когда вы предлагаете мне попить, я могу сказать: “Нет, спасибо”, – даже если очень хочу. В некоторых сообществах это принято. Далее вы будете настаивать, и после третьего раза я соглашусь. В соответствии с правилом “Держи дистанцию” это вежливо. Если вы тоже придерживаетесь этого принципа, а я соглашусь с первого раза, вы решите, что я слишком невыдержанна или умираю от жажды. Если же вы не придерживаетесь этого принципа вежливости, вы примете мой отказ буквально, и я могу умереть от жажды прежде, чем вы предложите мне пить снова» [Tannen 1986:36].

По определению Д. Таннен, вежливость – это балансирование между двумя социальными ценностями: включенностью в общественные отношения (*involvement*) и независимостью, осознанием себя как личности (*independence*). Хрупкий баланс между этими конкурирующими категориями является фундаментом вежливости и, в частности, определяет выбор соответствующих лингвистических средств.

Проблема прогнозирования коммуникативного успеха обсуждается и в работе [Yokoyama 1988], где модифицируются некоторые максимы Грайса. Автор анализирует «косвенное речевое поведение», пытаясь определить границы между манипуляцией и косвенными речевыми актами, мотивированными тактом. По мнению автора, манипуляции нет, когда адресат догадывается или знает о том невысказанном смысле, который имел в виду говорящий. Приводится следующий пример: издатель журнала, будучи в гостях у человека, в котором он видит потенциального

автора, причем нежелательного, как бы между прочим жалуется, как много первоклассных неопубликованных статей в портфеле редакции. Это поведение мотивировано тактом, если адресат понимает, что имел в виду издатель: сохранить лицо автора и избежать неприятной для обоих ситуации отказа.

Обобщая, можно сказать: речевые акты относятся к сфере такта, если говорящий считает, что между его видением ситуации и представлениями о ней адресата нет существенных различий. В этом случае вежливость и такт, обуславливающие «непрямые» высказывания, – явления одного порядка. Они противостоят, в свою очередь, манипуляции, при которой адресат не предполагает различия между тем, что сказано, и тем, что имел в виду говорящий. Иными словами, прозрачность, очевидность для адресата связи между высказыванием и «ассоциированными знаниями», которые подразумевал говорящий, есть необходимое условие того, чтобы отнести «непрямое» высказывание к категории вежливости и такта.

Изложенный подход существенно корректирует максимы Грайса (в частности, максимум качества и максимум манеры). Косвенные речевые акты должны быть выведены из-под юрисдикции максимы «Говори ясно», поскольку выполняют особые функции, влияющие на успех коммуникации.

Кроме максим П. Грайса и Р. Лакофф, известны и другие правила, регулирующие процесс общения. И.П. Тарасова считает основными правило внимания к окружающим (в частности, к собеседнику) и правило экономии времени (в первую очередь – времени собеседника); описаны также и правила более низкого ранга: правила авторитета, взаимности (= поддержания контакта), скромности говорящего и т.д. [Тарасова 1992а]. Предлагаются и другие максимы, которые скорее относятся к психологии общения: «максима самозащиты» («Покритикуй себя сам до того, как тебя покритиковали другие»), максимы слушания и т.п. [Демьянков 1982; Беркли-Ален 1997; Карнеги 1989].

Большинство авторов, изучающих механизмы речевого общения, исходят из посылки, что стандартным является случай, когда все участники коммуникации идут навстречу друг другу в соответствии с принципом кооперации. Между тем реальные ситуации общения убеждают нас в том, что эти оптимистические установки являются по крайней мере преувеличением. Как не раз указывалось, одной из отличительных черт коммуникативных

правил является их постоянное нарушение. Люди не только заинтересованно выслушивают друг друга и стремятся к сотрудничеству, но и противостоят друг другу (в мнениях, оценках, взглядах) [Арутюнова 1990]. Известно, что не все виды общения одинаково кооперативны. Так, задавая вопросы, не всегда предполагают полное и бескорыстное стремление партнеров по общению к релевантности высказываний, к ясности, полноте и т.п. Обычно можно говорить о нормативном минимуме в таком стремлении, характеризующем «социально не выделенное общение» [Демьянков 1982: 333].

Непосредственное отношение к проблеме коммуникативного успеха имеют понятия стратегии и тактики. Заимствованное прагматикой из военного искусства понятие стратегии опирается не на кооперацию, а на победу (которая понимается как результативное воздействие на слушателя, как трансформация его модели мира в желательном для говорящего направлении). Поэтому, кроме принципа кооперации, можно говорить о принципе приоритета интересов говорящего над интересами слушающего (хотя стратегически важно «вычислить» интересы последнего и учитывать их в речевых тактиках). Это заставляет считать исходной точкой в прогнозе речевых контактов коммуникативные цели говорящего (цели могут быть долгосрочные и «эпизодические»; возможна и иерархия целей). Одним из важных параметров в модели речевой стратегии является установка на кооперацию либо отсутствие данной установки (ср. с понятиями гармоничных и дисгармоничных тактик [Рытникова 1996a]). Этот параметр может лечь в основу разделения речевых стратегий на два типа: кооперативные и некооперативные (конфронтационные). К первому типу принадлежат стратегии одобрения и апологетики, утешения, уговоров, корректной критики и т.д., ко второму – стратегии дискредитации, ссоры и др. С точки зрения обучения эффективной коммуникации нас, разумеется, интересуют стратегии первого типа. Заметим, что установка на конфликтное речевое поведение, как и установка на кооперацию, обнаруживается через категорию вежливости, имеющую определенные языковые маркеры [Германова 1993; Земская 1994; Иссерс, Кузьмина 1997]. Знание этих показателей также представляется полезным в плане лингводидактики.

Таким образом, ключевые понятия и принципы, которыми оперирует теория речевого общения, создают базу для построе-

ния методики обучения речевому взаимодействию. Однако они не позволяют дать однозначные ответы на вопросы, возникающие в практике речевой коммуникации. Чем определяется достижение коммуникативной цели? Вследствие чего возникают коммуникативные неудачи? Можно ли прогнозировать успех и провал коммуникативного замысла?

С методической точки зрения важно выявить условия коммуникативного успеха и разработать приемы обучения эффективной коммуникации. В качестве факторов, определяющих осуществление коммуникативного прогноза, мы выделяем следующие: 1) знания о типе коммуникативной ситуации и коммуникативном контексте; 2) информацию о возможных «препятствиях» в реализации замысла и способах их преодоления; 3) умение осуществлять мониторинг речевых действий и корректировку ситуации в выгодном для говорящего направлении.

Знания о нормах поведения в определенных коммуникативных ситуациях можно рассматривать как интегральную структуру, вобравшую в себя прошлую эпизодическую информацию и общие знания из семантической памяти. Если нам неоднократно приходилось высказывать благодарность, то в нашей памяти хранятся представления о нескольких эпизодах и общая информация об особенностях этого типа речевой деятельности. Эти знания, или модели речевого поведения, имеют схематический характер и, подобно сценариям и фреймам, допускают существование переменных терминальных категорий, которые могут обновляться за счет приобретения коммуникативного опыта. Процесс спонтанного обучения правилам вежливости и социального взаимодействия, который можно наблюдать, к примеру, в общении родителей с детьми, основан на такого типа схемах. Однако представления индивидуума об уместности и целесообразности тех или иных речевых действий основаны, прежде всего, на личном опыте и охватывают многие детали, неактуальные для техники общения. От них можно абстрагироваться при обучении. Таким образом, формирование навыков эффективной коммуникации предполагает переход от конкретных ситуаций к моделям (фреймам и сценариям), абстрагированным от личного опыта. Методика обучения, базируясь на такой «деконтекстуализации», должна охватывать широкий спектр однотипных ситуаций с некоторыми переменными параметрами.

Наибольший интерес в плане практической риторики представляет изучение ситуаций, в которых реализация коммуникативного замысла связана с преодолением некоторых препятствий. Это требует осознания говорящим самой необходимости продумывания коммуникативных действий и тактически мотивирует выбор речевых ходов. В методических целях необходимо выявить условия, когда принятие коммуникативных решений должно осуществляться осознанно. К их числу, в частности, можно отнести следующие:

- конфликт или конкуренцию между целями говорящего (например, признать ошибку и «сохранить лицо» или выразить неудовольствие и избежать конфликта);
- осознание нежелательных последствий того или иного высказывания, возможностей его неверной интерпретации;
- наличие проблем, связанных с самим процессом коммуникации (например, ожидание своей очереди в разговоре, поиски нужного слова);
- специфику коммуникативной ситуации (ситуация совершенно незнакома или носит угрожающий характер) [Motley 1992].

В качестве примера рассмотрим один из типов ситуаций: когда излагается точка зрения, которая потенциально «угрожает лицу» слушающего. В этих случаях говорящий должен осознавать: 1) что одна или несколько версий его сообщения могут нанести вред (смутить, оскорбить, обидеть); 2) что необходимо избежать этого; 3) что требуется найти языковые выражения, позволяющие «сохранить лицо» говорящего. Осознание стратегической задачи обуславливает выбор возможных путей (тактик).

Первостепенная (стратегическая) цель состоит в том, чтобы высказать критическое суждение. В то же время на выбор приемлемого варианта влияет комплекс целей «второго порядка», а именно: избежать вреда для слушающего; изменить видение ситуации, если она может угрожать партнеру «потерей лица»; признать само существование проблемы, имеющей отношение к говорящему; признать, что существующая проблема релевантна для обоих коммуникантов.

Эти «субцели» иерархически организованы – в порядке их перечисления: первая более значима, чем вторая, и т.д. Соответственно, достижение первой цели в принципе решает коммуникативную задачу и не требует непременно достижения остальных

целей. Однако с точки зрения говорящего более удовлетворительным является результат, при котором достигнуто максимальное количество целей. В то же время коммуникативная программа-минимум элементарна и легко осуществима. В качестве примера рассмотрим наиболее типичные речевые тактики, отдавая себе отчет в том, что выбор тактики – это творческое решение, которое далеко не всегда одинаково оценивается носителями языка – кому-то оно покажется более удачным, кому-то – менее удачным.

Тактика 1. «Не навреди партнеру» (достигается цель 1).

Коммуникативные ходы: 1) явная ложь; 2) смещение фокуса с одного аспекта на другой; 3) намеренное использование двусмысленностей или 4) эвфемизмов.

1. *У N не подходящий для приема наряд, но вечернего платья у нее нет. Она спрашивает подругу:*

– *Я могу в этом идти на прием?*

– *Вполне. Очень милое платье.*

2. *У N платье, которое ей совершенно не идет. = Какой замечательный цвет у этого платья!*

3. *Новый приятель подруги совершенно невоспитан, постоянно перебивает, отпускает бестактные реплики, неуместные шутки. = Вы очень непосредственны (остроумны).*

Во всех случаях говорящий пытается избежать вреда для слушающего, но он явно неискренен и не стремится манипулировать проблемой либо поместить ее в контекст отношений между коммуникантами.

Тактика 2. «Манипуляция проблемой» (достигаются цели 1–2).

Коммуникативный ход: подмена проблемы (признается существование иной проблемы, не той, которая есть на самом деле).

1. *Посетитель не вытер обувь, входя в офис, туристическое агентство, отель, и оставил грязные следы. = Сотрудник: «Сегодня на улице ужасная слякоть...»*

2. *Коллега, командированный из другого университета, опоздал на деловую встречу. = «У нас столько достопримечательностей, жаль, что мы ограничены во времени».*

3. *Проживающий в гостинице турист ставит стакан с кипятком на полированную крышку стола. = Горничная: «Современные покрытия такие непрочные...»*

Особенностью этой тактики является временный результат: говорящий «снимает проблему» в настоящем, но не решает ее для будущего: в другой ситуации он уже не сможет применить эту тактику.

Тактика 3. «Это не имеет к тебе лично прямого отношения» (достигаются цели 1–3).

Коммуникативные ходы: 1) манипуляция позицией адресанта (говорящий скрывает, что высказываемое суждение представляет его мнение); 2) манипуляция позицией адресата (говорящий скрывает, что критическое высказывание адресовано непосредственно партнеру).

1. *Ваш гость (посетитель) курит в неположенном месте. = Я думаю, что здесь нельзя курить. (Нужно уточнить, можно ли здесь курить).*

В подобных случаях уместны речевые формулы типа: *Наш директор не позволяет..., По нашим правилам не разрешается..., К сожалению, здесь не принято...*

2. *Сосед по комнате в гостинице очень неряшлив. = Мой сын такой неаккуратный – никак не могу приучить его к порядку.*

Тактика 4. «Проблема существует, но это не влияет на наши отношения» (достигаются цели 1–4).

Коммуникативные ходы: 1) метакоммуникация с акцентом на позитивном отношении говорящего к слушающему; 2) «вывод» партнера из зоны критики; 3) смещение «ответственности за проблему» на говорящего.

1. *Туристы задерживаются на экскурсии. = Гид: «Мне очень интересно работать с вашей группой и хочется, чтобы вы увидели все. Поэтому будет лучше, если мы будем придерживаться графика».*

2. *Проживающий в гостинице использует одежную щетку для обуви. = Горничная: «Я забыла показать вам, где лежат щетки. Там есть и для обуви, и для одежды».*

3. *Ваш друг (коллега) отличается хронической необязательностью. = Мои родители были большие педанты, и я иногда чувствую, что тоже чрезмерно пунктуальна.*

Тактический выбор зависит от точки зрения говорящего на ситуацию и проблему в целом (ср.: вы хотите высказать неудовольствие по поводу курения в купе поезда попутчику и мужу). Это позволяет рассматривать репертуар тактик в рамках одной стратегии в зависимости от коммуникативной перспективы и использовать выявленную иерархию в лингводидактических целях.

Представленные приемы могут служить основой обучения речевым стратегиям и тактикам, планированию речевого взаимодействия. Это особенно актуально для специалистов, работающих в так называемой «контактной зоне», – менеджеров, сотрудников банков, офисов, представителей турбизнеса и др. Обучение прогнозированию коммуникативного успеха – один из путей повышения уровня языковой компетенции и формирования навыков эффективного общения.

К.Ф. Седов

Речевое поведение и типы языковой личности

Нынешний этап развития антропоцентрической лингвистики совпал с тем, что сейчас называют «дискурсивным переворотом» в гуманитарных науках [Макаров 1998]. И это не случайно. Обращение к человеку говорящему – языковой личности – как центральному объекту лингвистического исследования неизбежно перемещает акцент изучения с языковой системы на продукты коммуникативной деятельности – речевые произведения, дискурсы.

Рассмотрение дискурса в современной лингвистике текста проходило определенные стадии, опять-таки мотивированные в своем развитии движением от языка к человеку. Если первоначально центральная цель, которую ставило перед собой языкознание, заключалась в описании лингвистических средств построения внутритекстовых связей (когезии), то постепенно оно все больше обращалось к факторам внемарксистическим, вначале рассматривая дискурс как отражение структуры речевого акта и, наконец, вплотную подойдя к разработке интеракционистской модели интерпретации речевого поведения [Макаров 1998: 22–27].

Дискурс в современной антрополингвистике все чаще рассматривается как отражение интеракции, т.е. социально значимого взаимодействия членов социума. Кроме прочего, такое понимание стимулируется практическими задачами воздействия языкознания на нынешнюю социокультурную ситуацию. Из кастовой науки, усилия которой были направлены на имманентное описание внутриязыковых отношений, лингвистика сейчас все более решительно устремляется в жизнь, возвращая себе статус гуманитарной (от *homo* – человек) области знаний. В этом смысле

сбываются предсказания Бодуэна де Куртенэ, предвидевшего, что «языковые обобщения будут охватывать все более широкие круги и все более соединять языкознание с другими науками: с психологией, с антропологией, с социологией, с биологией» [Бодуэн де Куртенэ 1963 : 18]. К настоящему времени языкознание значительно продвинулась в указанном Бодуэном направлении: прежде всего, это проявилось в интенсивном развитии антропологической лингвистики. Еще раз подчеркнем, что развитие антропоцентрического языкознания диктуется практическими нуждами развития общества. Именно с этим связано возрождение классической риторики и формирование на ее основе неориторки, практической области гуманитарного знания, призванной влиять на становление языковой личности. В своем развитии современная риторика неуклонно движется от законов красноречия, в рамках публичного официального, монологического по преимуществу, общения, к нормам повседневной обыденной интеракции. И сейчас уже звучат голоса, призывающие к созданию рецептурной лингвистики, которая способна давать рекомендации по формированию как отдельных языковых личностей, так и речевой культуры целого социума.

Одним из подобных направлений антропологической лингвистики становится ее область, которая призвана гармонизировать процесс коммуникативного взаимодействия людей, лингвистическая конфликтология.

Исследование закономерностей речевого взаимодействия, выявление путей оптимизации такого взаимодействия – задачи, которые ставились в антропоцентрических работах лингвистов в последнее десятилетие. Первые шаги в изучении гармоничного / дисгармоничного общения были сделаны коллоквиалистами, предложившими лингвистическую типологию коммуникативных неудач [Ермакова, Земская 1993: 36–64]. Коммуникативные неудачи (которые, с нашей точки зрения, правильнее было бы называть коммуникативными недоразумениями) показывают возможность неоднозначного толкования смысла дискурса слушателем. Показательным примером такого типа нарушений интеракции может служить принцип «нарочно не придумаешь», проявление которого способно создавать комический эффект. Примеры из школьных сочинений: *Павел Петрович приехал на дуэль в клетчатых панталонах. Они разошлись. Раздался выстрел; Базаров, любил резать лягушек и Анну Одинцову.*

Изучение коммуникативных неудач, интересное и перспективное само по себе, не затрагивает глобальных факторов дисгармонизации речевого общения, которыми наполнен социально-коммуникативный континуум повседневной коммуникации. Неудачи (недоразумения) – частный и, пожалуй, периферийный случай лингвистической конфликтологии. Основным ее объектом должен быть **коммуникативный конфликт** – речевое столкновение, которое основано на агрессии, выраженной языковыми средствами. О природе конфликтов много и достаточно интересно писали психологи [см.: Берн 1997; Литвак 1997; Шейнов 1999: 6–51]. В работах зарубежных и отечественных исследователей показаны причины конфликтов, даны рекомендации по их предотвращению и выходу из конфликтной ситуации. Языковеды делают лишь первые шаги в освоении этого не совсем привычного для них объекта изучения [см., напр.: Горелов, Седов 1998; Енина 1999; Жельвис 1997; Седов 1996; Шалина 1998: 8–14; Ширяев 2000].

Настоящая работа представляет собой опыт создания типологии языковых личностей на основе способности к кооперации в речевом поведении. Для этого мы прежде выделяем уровневую типологию форм (разновидностей) речевого поведения по характеру гармонизации / дисгармонизации коммуникативного взаимодействия в рамках интеракции. Основным критерием здесь выступает способность участника общения к согласованию своих речевых действий с речевыми действиями коммуникативного партнера [Борисова 1997: 380]. Типы речевого поведения отражают уровни коммуникативной компетенции. Мы выделяем три таких типа (**конфликтный, централизованный и кооперативный**), каждый из которых включает в себя по два подтипа.

Речевое поведение языковых личностей в рамках того или иного уровня коммуникативной компетенции может отличаться. Различие в языковых формах выражения иллокуции определяется особенностями индивидуального стиля участников коммуникации. В своих предыдущих работах мы делали попытки выделить некоторые основания для дифференциации дискурсивного поведения. К числу параметров подобного типа можно отнести стратегические предпочтения в рамках фатического речевого поведения, которые отражают своеобразие воспитания человека, специфику его речевой «биографии». Напомним, что мы выделяем три типа речевых стратегий в коммуникативном конфликте и на их

основе – три типа языковых личностей: *инвективный* (демонстрирует пониженную семиотичность речевого поведения: коммуникативные проявления здесь выступают отражением эмоционально-биологических реакций), *куртуазный* (отличается повышенной степенью семиотичности речевого поведения, которая обусловлена тяготением говорящего к этикетным формам социального взаимодействия) и *рационально-эвристический* (в ситуации конфликта опирается на рассудочность, здравомыслие; негативные эмоции выражает косвенным, непрямым способом, часто – в виде иронии) [подробнее см.: Седов 1996: 8–14].

Собранный материал показал, что разные уровни коммуникативной компетенции, выделяемые на основе гармонизации / дисгармонизации речевой интеракции, дают разные возможности для дифференциации языковых форм построения дискурса. Перейдем к детальному описанию каждого из выделяемых типов речевого поведения. Напомним, что в качестве основного критерия типологии выступает характер установки говорящего на коммуникативного партнера.

Конфликтный тип демонстрирует установку против партнера по коммуникации. Подобная интеракция отражает стремление одного из участников общения самоутвердиться за счет собеседника. Главная отличительная особенность дискурса такого типа – наличие в нем так называемых *конфликтогенов* (В.П. Шеинов), провоцирующих собеседника к столкновению. Указанный тип представлен двумя подтипами: конфликтно-агрессивным и конфликтно-манипуляторским.

Конфликтно-агрессивный подтип характеризуется тем, что один из участников (или оба) демонстрируют по отношению к коммуникативному партнеру негативную иллюзию (агрессию), которая вызвана стремлением видеть в его поведении враждебную или конкурирующую интенцию. Агрессор – ущербная в социально-психологическом отношении личность. Для того чтобы добиться ощущения социальной полноценности, коммуникант такого рода должен доставить собеседнику моральный дискомфорт («сказать гадость»). Крайней формой вербальной агрессии становится коммуникативный садизм, когда партнер по общению становится объектом словесного издевательства.

В зависимости от индивидуальных особенностей речевого портрета участников общения агрессия может проявляться в разных формах. Наблюдения показывают, что инвективная, курту-

азная и рационально-эвристическая речевая агрессии по языковым способам реализации различаются довольно отчетливо. Наиболее явно конфликтность выражается в том случае, когда сталкиваются две инвективные языковые личности. В качестве примера приведем короткий диалог в общественном транспорте:

(1) (Полная женщина преклонных лет, проталкиваясь к выходу) – *Да ты дашь мне / выйти что ли / дура!*

(Женщина лет сорока) – *Че ты разоралась / лошадь старая!*

Однако не всегда агрессия обретает форму прямого оскорбления. Гораздо чаще она имеет вид неявно выраженной иллюзии, намек. В обыденном общении такое выражение негативной интенции проявляется в субжанре, который мы назвали термином «колкость». Подобную разновидность куртуазной агрессии хорошо иллюстрирует анекдот.

(2) *Разговаривают две пожилые подруги.*

– *Какие мы с тобой когда-то были красивые. Особенно я.*

– *Да. А теперь мы такие страшные. Особенно ты.*

Куртуазная конфликтность может проявляться в форме так называемого коммуникативного саботажа, когда на поставленный вопрос отвечают вопросом.

(3) (Студентка, заглядывая на кафедру) – *Извините/ а N [фамилия преподавателя] сегодня будет?*

– *Не N / а Н.М. [имя и отчество] // Вы что / не знаете / что к преподавателю нужно обращаться по имени и отчеству?*

Если в первом примере в качестве конфликтогена выступает прямое оскорбление, то во втором – намек, снижение собеседницы косвенными средствами. Для рационально-эвристической личности такой провоцирующей зацепкой может служить вводное словосочетание, создающее нежелательную (оскорбительную) для собеседника пресуппозицию.

(4) – *Ты помнишь / какой день был вчера?*

– *Какой?*

– *Ты как всегда / забыл / что у твоего сына день рождения //*

В качестве конфликтогена могут выступать и различия в речевых стратегиях участников коммуникации. Так, в приведенном ниже примере инвективная стратегия речевого поведения мужа воспринимается женой (которая принадлежит к куртуазному типу языковой личности) как провокация к конфликту:

(5) Муж (что-то раздраженно ищет): *Черт возьми! Куда в этом доме все девается!*

Жена: Не смей / со мной разговаривать / в таком хамском тоне!

Конфликтно-манипуляторский подтип речевого поведения ориентирован на коммуникацию, в ходе которой один из участников общения в своем собеседнике прежде всего видит объект манипуляции. Здесь мы также сталкиваемся с психологической ущербностью, которая преодолевается за счет коммуникативного партнера. Манипулятор самоутверждается, ставя собеседника в конкретной ситуации общения на нижнюю по сравнению с собой статусную позицию. Он не испытывает уважения к адресату, считая его по интеллектуальным и этическим качествам существом, менее развитым. Доминирующая иллюквативная установка в речевом поведении подобной языковой личности – навязывание своего мнения, преувеличение значимости личного жизненного опыта (*Я считаю...; Ты должен(а)...; Я бы на твоём месте... и т.п.*). В ходе общения манипулятор проявляется в поучениях, советах, диктате, а кроме того, в манере (задав вопрос, не дослушать ответ на него или же самому дать ответ), в бесцеремонной смене темы путем перебива собеседника.

Дискурс, отражающий конфликтно-манипуляторское общение, также довольно отчетливо дифференцируется в зависимости от принадлежности манипулятора к инвективному, рационально-эвристическому или куртуазному типам языковой личности.

(6) (Инвективный) – *Не знаю / что мне с К. [мужем] делать? Целыми днями лежит / и видак смотрит //*

– *Дура ты была / когда за него замуж выходила! Я считаю / гони ты его в шею! Чем такого / лучше никакого //*

(7) (Куртуазный) (Мужу) – *Ты меня конечно / извини //* Я конечно / не могу тебя заставить // Но по-моему / ты в этой куртке / похож на бомжа // Надевай что хочешь / это твое право // Но мне с тобой будет / просто стыдно идти //

(8) (Рационально-эвристический) Муж, обращаясь к жене, которая разговаривает по телефону: *Ты надолго?*

Жена: Не мешай / я по делу //

Муж: Я так понимаю / ужинать мы сегодня / не будем...

Как в дискурсе, содержащем агрессивные интенции, в речевом поведении конфликтного манипулятора присутствуют конфликтогены, назначение которых – снизить, унижить коммуникативного партнера.

Центрированный тип речевого поведения характеризуется наличием у одного из участников (или у обоих) установки на себя при игнорировании партнера коммуникации. Наши наблюдения позволяют выделить две разновидности дискурса такого типа: активно-центрированный и пассивно-центрированный.

Активно-центрированный подтип иногда по своим речевым проявлениям напоминает конфликтно-манипуляторский дискурс: в нем тоже присутствуют перебивы собеседника, произвольные изменения темы разговора и т.д. Однако здесь необходимо констатировать разницу в иллюкативных силах: если конфликтный манипулятор не уважает коммуникативного партнера, желая навязать ему свою точку зрения, то активный эгоцентрик просто не способен встать на точку зрения другого участника общения. Активный эгоцентрик строит свое общение, как ребенок, играющий в мяч со стеной: задает вопрос и сам на него отвечает, определяет тему разговора и сам ее развивает, не давая партнеру по коммуникации вставить слово, высказать свое суждение. Субъективно он испытывает иллюзию полноценной коммуникации и, как правило, получает от общения удовольствие, не замечая дискомфорта, который испытывает собеседник, что иногда чревато коммуникативными неудачами и (даже) конфликтами.

(9) Разговор в рамках гипержанра «застолье».

– Мне что-то лицо ваше / знакомо // Где я вас могла видеть?

Вы на нашем курсе не преподавали?

– Я на истфаке не работаю //

– Да нет / я филфак заканчивала //

– Нет / я у историков никогда ничего не вела //

(10) Разговор в кинозале, на киноклубном просмотре.

– Константиныч / давай поговорим //

– О чем?

– Давай о «Молохе» поговорим [фильм А. Сокурова] // Ты как понял?

– Понимаешь...

(Говорит одновременно с репликой собеседника, перебивая) – Я так понял / он сам одинокий // Он жертва одиночества // Экзистенциальные дела / такие //

– Ну ты понимаешь // Сложно рационализировать / то / что Сокуров имел в виду // Там скорее атмосфера...

(Глядя в пространство с отсутствующим выражением и явно не слушая) – Ясно // Ясно // А ты сейчас / что читаешь? (не

дожидаясь ответа) *Я Фуко купил // Как тебе Фуко?* (не дожидаясь ответа) *Мне нравится //...*

Собранный нами материал показывает, что центрированное речевое поведение слабо дифференцируется по стратегическим предпочтениям участников интеракции. Иными словами, в центрированной коммуникации говорящие обычно ведут себя примерно одинаково.

Пассивно-центрированная разновидность общения характеризуется уходом одного из коммуникативных партнеров в себя. Пассивный эгоцентрик обычно выглядит безобидным рассеянным (иногда – забитым) «ежиком в тумане». Он с трудом способен выйти за пределы собственного внутреннего мира. Данная особенность речевого поведения, как правило, становится результатом работы психологических защитных механизмов, которые обычно отражают какие-то особенности раннего социогенеза индивида. Обычно речевое поведение такой языковой личности содержит несоответствие выбранных говорящим тактик ситуации общения и интенции собеседника, что свидетельствует о низком прагматическом потенциале говорящего, неумении переключиться на точку зрения слушателя. Это же выражается в упоминании неизвестных собеседнику имен как известных; в принципиально банальных реакциях на информацию, касающуюся коммуникативного партнера; в неадекватных реакциях (репликах не в попад); в переведении разговора на темы, которые касаются только говорящего, и полном отсутствии интереса к темам, интересующим слушателя, и т.п. Речевое общение пассивного эгоцентрика наполнено коммуникативными неудачами и недоразумениями, факт возникновения которых часто им не замечается:

(11) (Преподаватели, сидя на кафедре, наблюдают, как N перебирает на своем столе бумажки):

- *Интересно / долго она копачиться будет?*
- *Да / между прочим / звонок уже был //*
- *Смотри-ка / она даже не слышит //*

(N, спустя некоторое время) – *Эт вы че / про меня говорите?*

Особенно наглядно проявляется эта разновидность дискурса, когда оба участника интеракции строят свою речь в рамках пассивной центрации. В этом случае общение напоминает описанный в известном анекдоте диалог глухих:

(12) – *Ты в баню?*

– *Нет, я в баню.*

– А-а. А я думал, что ты в баню.

Наблюдения показывают, что довольно успешно (по крайней мере – неконфликтно) проходит общение активного и пассивного эгоцентриков, в рамках которого первый выговаривается, не обращая внимание на то, слушает его собеседник или нет, а второй – просто присутствует при общении, не особо вникая в суть разговора.

В еще большей мере, чем активно-центрированный, пассивно-центрированный дискурс не дифференцируется по особенностям индивидуального стиля говорящих.

Кооперативный тип речевого поведения отличается доминирующей в общении установкой на партнера коммуникации. Здесь мы тоже выделяем подтипы: кооперативно-конформный и кооперативно-актуализаторский.

Кооперативно-конформная разновидность дискурса характеризуется тем, что один из участников общения демонстрирует согласие с точкой зрения собеседника, даже если он не вполне разделяет эту точку зрения. В этом случае установка на партнера как бы подавляет его собственную интенцию, что, как правило, выступает следствием боязни конфликта, конфронтации. Такая настроенность проявляется в демонстрации интереса к другому участнику коммуникации в виде уточняющих вопросов, поддакивания, проявления сочувствия, утешения, комплимента и т.д. В реальном общении обычно это выглядит как имитация (более или менее убедительная) настроенности на коммуникативного партнера. Иногда уступки в построении интеракции, которые делает конформист, воспринимаются его коммуникативными партнерами (особенно, если они в данной интеракции по характеру согласованности своей речевой деятельности с установками собеседника находятся на ином уровне коммуникативной компетенции) как неискренность или хитрость.

Кооперативно-конформное речевое поведение так же, как поведение конфликтное, может различаться. Однако очень важно отметить, что основным принципом дифференциации здесь выступает не столько характер идиостиля говорящего, сколько особенности речевой манеры адресата. В подобном случае мы имеем дело со своего рода речевой мимикрией – стремлением подладиться под собеседника не только на уровне содержания речи, но и на уровне языкового оформления содержания. В качестве примера приведем образцы ре-

чевых реакций одной и той же языковой личности (принадлежащей к куртуазному типу):

(13) – Я не знаю / неужели N вечно собирается/ на шее у матери сидеть?

– Не знаю / не знаю //

– Пора / в конце-то концов / ей самой деньги зарабатывать!

– Да уж / вообще-то пора...

– Хватит / с родителей тянуть!

– Да / конечно...

(14) – Ну как самочувствие?

– Спасибо / хреновое...

– А что хреновое-то? Сердце болит?

Кооперативно-актуализаторский подтип речевого поведения отражает высший уровень коммуникативной компетенции человека, зависящий от его способности к речевой кооперации. В этом случае говорящий руководствуется основным принципом, который можно определить как стремление поставить себя на место собеседника, взглянуть на изображаемую в речи ситуацию его глазами. Рискнем квалифицировать такой тип общения как соответствующий основному постулату христианской морали («возлюбить ближнего как самого себя»). Принципиальным отличием поведения актуализатора от конформиста выступает двойная перспектива в общении: ориентация не только на коммуникативного партнера, но и на себя. Точнее – стремление возбудить в себе неформальный интерес к собеседнику, умение настроиться на его «волну». При этом кооперативный актуализатор, уважая мнение другого участника общения, сопереживая его проблемам, вовсе необязательно должен во всем с ним соглашаться. Более того, как это ни парадоксально, в некоторых случаях поведение актуализатора может напоминать методы манипулятора, даже агрессора.

Анализ конкретного речевого материала показал, что дискурс, соответствующий этому уровню коммуникативной компетенции, тоже довольно отчетливо дифференцируется по идиостильным особенностям. При этом критерием такой дифференциации выступает довольно сложное соотношение языкового своеобразия речевого поведения как адресанта, так и адресата коммуникации. Нужно сказать, что проиллюстрировать интеракцию актуализаторского подтипа в небольшом фрагменте практически невозможно: подобная разновидность общения необыкновенно

сложна по своему интонационному рисунку, по характеру смысловых отношений на уровне пресуппозиций, неявно выраженных смыслов и т.п. Внешне она может выглядеть как грубая конфликтная коммуникация:

(15) – *Эх / жизнь наша поганая / мать ... [неценз.]!*

– *Да ужс / ... [неценз.] жизнь! За... [неценз.] совсем!*

– *Ты меня понял!*

(16) А. – *Слушай / я в шоке / мне не приходит утверждение!*

Б. – *Ну / ты подожди // Рано паниковать // Оно не сразу приходит // Ирка вон / целый год ждала // А сейчас и вовсе / в ВАКе там сейчас / все меняется //*

А. – *Ой / не знаю // У меня всегда все не по-людски // Всем приходит / а меня могут не утвердить //*

Б. – *Да нет // Так не бывает // Успокойся // Ты уже кандидат // Степень не ВАК / а совет присуждает //*

А. – *Ты думаешь?..*

Б. – *Ну хочешь / я позвоню в ВАК? // Я спрошу у О.Б. телефон...*

Представленные выше разновидности речевого поведения свойственны практически всем людям. Каждый из нас в различных коммуникативных ситуациях может демонстрировать конфликтность, центрацию, подниматься до высот актуализации и т.п. Более того, в соответствии с намеченными типами взаимодействия можно дифференцировать жанры повседневного общения: так, конфликтное общение в большей мере соответствует жанру ссоры, выяснения отношений, центрированное – чаще присутствует в легкомысленной болтовне, кооперативное (особенно – кооперативно-актуализаторское) отвечает природе жанра разговора по душам и т.п.

Кроме этого в выборе выявленных форм речевого поведения, переключении (иногда – не вполне осознанном) с одного типа построения дискурса на другой большое значение имеет фактор адресата, характер статусно-ролевых отношений с ним говорящего. В разговоре с человеком, который старше нас по возрасту или выше по общественному положению, мы, естественно, значительно чаще вынуждены прибегать к конформным способам кооперации, нежели в разговоре со сверстником, который находится с нами в дружеских отношениях. Общение с сыном (дочерью) невольно побуждает нас обращаться к конфликтному манипуляторству, в то время как использование подобных принципов в коммуникации с женой (мужем) чревато ссорой.

Охарактеризованные выше разновидности дискурсов могут, по нашему глубокому убеждению, с успехом использоваться для типологии языковых личностей. Однако по указанным выше причинам однозначно квалифицировать ту или иную языковую личность на основе представленных параметров трудно. Для адекватного разделения людей по способности к кооперации в речевом поведении мы предлагаем ввести понятие «личностный комплекс», включающий в себя набор признаков по степени убывания: *доминанту*, *субдоминанту* и *субстрат*. В рамках такого деления может быть выделено значительное число типологических разновидностей, например: личность с актуализаторской доминантой, конфликтной субдоминантой и активно-центрированным субстратом; конфликтной доминантой, актуализаторской субдоминантой и манипуляторским субстратом и т.п. Число подтипов в этом случае увеличивается в геометрической прогрессии и достигает 6³. Иерархия выделяемых типов будет располагаться между двумя полюсами, верхний из которых следует обозначить как актуализатор в доминанте, субдоминанте и субстрате. Такая языковая личность характеризуется чертами, которые обычно фиксируют у канонизированных святых. На нижнем полюсе иерархии будет находиться «бесовская личность» с наличием агрессивного начала во всех трех позициях. Между этими крайними характеристиками располагаются обычные представители этноса, носители языка, с их коммуникативными достоинствами и недостатками.

Возникает вопрос о том, как следует выделять доминанту речевого поведения. Ответ на него, на наш взгляд, следует искать в обращении к сфере повседневной коммуникации, которую М.М. Бахтин называл областью «житейской, или жизненной, идеологии». Это нижний уровень разговорного общения, к которому относятся нериторические (помимовольные) речевые жанры. Прежде всего, необходимо обратить внимание на жанровые предпочтения языковой личности. Так, конфликтные агрессоры будут отдавать явное предпочтение жанрам, в основе которых лежит столкновение участников коммуникации, – ссоре, скандалу, выяснению отношений и т.п.; конфликтные манипуляторы используют в своем дискурсе жанры выговора, нравоучения и т.п. Частотность обращения той или иной личности к жанровому пространству конфликтного или иного общения, степень владения теми или иными жанрами помимовольной коммуникации

позволяют выделить доминанту речевого поведения *homo loquens*.

Другим признаком, квалифицирующим языковую личность по способности к коммуникативной кооперации, выступает характер ее речевого поведения в нейтральном нериторическом общении. Интерактивным пространством такого рода можно считать гипержанр дружеского общения, в рамках которого наиболее показателен речевой жанр болтовни. В одной из своих работ мы достаточно подробно рассматривали это жанровое образование [Седов 1999а]. Социально-психологический фон, на котором протекает болтовня, настраивает говорящих на легкое, поверхностное, скользящее по ассоциативному принципу дискурсивное поведение. Правила игры, которыми руководствуются коммуниканты, владеющие этим жанром, заключаются в том, чтобы не углубляться в намечаемые темы, а легко коснувшись их, перескакивать на другие. Это связано с глобальными неосознанными коммуникативными намерениями, общей иллюкутивной модальностью говорящих: разговор идет не только ради получения информации, но ради утверждения социальной полноценности, получения психологических поглаживаний иногда от, иногда за счет собеседника. Болтовня – это коммуникация, где, пользуясь широко известной формулой Л.С. Выготского, «мысль совершается в слове». Иными словами, конкретные темы и мотивы участников общения не вполне ими осознаваемы. Процесс порождения речи реализуется таким образом, что все намеченные в психолингвистике этапы формирования высказывания здесь присутствуют симультанно. Основной принцип тематического движения определяется принципиальной незаданностью общения. Темы меняют одна другую по ассоциативному принципу. При этом говорящий не вполне знает, что он будет говорить в следующую минуту. Такое помимовольное общение как нельзя лучше обнажает латентные процессы дискурсивного мышления. Оно позволяет выявить черты речевого портрета языковой личности, обнаружить индивидуальные особенности ее дискурсивного мышления.

Характер языковой личности по способности к коммуникативной кооперации проявляется в выборе речевых тактик, реализующих сюжетное развитие интеракции болтовни. При этом под терминологическим сочетанием *внутрижанровые тактики* мы понимаем *линейно сочетающиеся в рамках жанрового взаимодействия речевые акты*, которые позволяют говорящему на конкретном тема-

тическом уровне изменять ход общения в соответствии с иллокутивными задачами коммуникации. Именно тактические предпочтения становятся выражением уровня коммуникативной компетенции языковой личности, ее способности к согласованности во внутрижанровой коммуникации. Так, в рамках болтовни *конфликтный агрессор* будет проявлять себя в тактиках инвективы, насмешки, упрека, колкости, обвинения и т.д.; *конфликтный манипулятор* – в выговорах, приказах, просьбах, наставлениях, поучениях, советах и т.п.; *активный эгоцентрик* обнаружит тенденцию навязывания собственных тактик в виде перебивов, вопросов, на которые сам же дает ответы, и т.п.; *пассивный эгоцентрик* в общении будет демонстрировать полное несоответствие избираемых тактик общему тематическому развитию интеракции; *кооперативный конформист* проявит тяготение к поддакиванию, переспросам, утешениям, комплиментам, выражению сочувствия и т.д.; *кооперативный актуализатор* будет использовать тактики, которые демонстрируют неформальный интерес к темам, интересующим собеседника, и готовность активно и действительно помочь ему, и т.д.

Обращение к тактическим предпочтениям говорящего в рамках коммуникативного жанра болтовни дает более тонкие критерии для квалификации его языковой личности: оно позволяет выявить особенность субдоминанты и субжанра в тематическом комплексе, характеризующем человека по способности к коммуникативной кооперации.

Представленные выше размышления, разумеется, не исчерпывают многообразия проблем лингвистической конфликтологии. Они намечают лишь некоторые принципы классификации речи по характеру гармоничного / дисгармоничного речевого поведения, которые нуждаются в дополнении и конкретизации. Однако уже в обрисованном виде, по нашему мнению, намеченная типология может найти свое отражение в практической риторике, призванной совершенствовать облик становящейся языковой личности.

М.А. КАНЧЕР

О трех аспектах описания языковой личности

В настоящее время стала очевидной необходимость разработки теоретических моделей языковой личности на основе комплексных практических исследований в области речевого поведения реального носителя языка.

Современной лингвистикой сделано достаточно много: теоретически осмыслены уровни структуры языковой личности [Караулов 1987, 1989], выявлены два ее основных признака – языковая способность и коммуникативная (речевая) компетенция [Богин 1975, Крысин 1994, Шахнарович 1995], прослежено становление ее дискурсивного мышления [Седов 1998б, 1999б], а также осуществлены попытки описания речевых портретов конкретных носителей языка. Тем не менее до сих пор отсутствует какая-либо конкретная модель, позволяющая всесторонне описать ту или иную языковую личность с учетом факторов, детерминирующих ее речевое поведение.

В большинстве работ, посвященных «человеку говорящему», языковая личность трактуется как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью» [Караулов 1989:3]. Языковую способность называют «высшей психической функцией человека», «базой для усвоения языка» [Седов 1999б:12]. По мнению А.М. Шахнаровича, именно это психофизиологическое динамическое образование является «собственно человеческим приобретением в ходе эволюции и служит фундаментальным отличием человека от высших животных» [Шахнарович 1995: 263].

Качественной характеристикой языковой личности является коммуникативная компетенция, или система языковых и речевых знаний, умений и навыков личности, позволяющих оценивать степень владения языком. Л.П. Крысин выделяет четыре уровня коммуникативной компетенции: 1) собственно лингвистический, т.е. умение выражать различными способами и средствами заданный смысл, затем извлекать смысл из сказанного и, наконец, отличать правильные в языковом отношении высказывания от неправильных; 2) национально-культурный – владение национально обусловленной спецификой использования языковых средств; 3) энциклопедический, определяющийся знаниями реалий внеязыковой действительности; 4) ситуативный, включающий умение применять соответствующие знания и способности сообразно с коммуникативной ситуацией [Крысин 1994:70].

Формирование языковой личности подчиняется трем факторам влияния: социальному, национально-культурному и психо-

логическому. Во-первых, личность есть средоточие и результат социальных закономерностей; во-вторых, она представляет собой продукт исторического развития этноса; в-третьих, ее мотивационные предрасположения возникают из приспособления биологических побуждений, социальных и физических условий к психологической сфере человека [Караулов 1987:22].

Эти же факторы обуславливают и реальное речевое поведение отдельно взятого носителя языка.

Поскольку любая ситуация, в которой оказывается говорящий, является, прежде всего, социальной ситуацией со своими законами и регламентированными обществом нормами и стандартами поведения, языковая личность обязана соотносить свои речевые поступки с коммуникативными условиями, иначе ее речевое поведение будет расценено как ненормативное или неуместное.

Данные нормы, традиции, стереотипы, правила и т.п. являются формами существования культуры, которая всегда имеет национальную специфику. Поэтому национально-культурный опыт, зафиксированный в языке и хранящийся как в общественном сознании, так и в сознании конкретной личности, также будет накладывать отпечаток на речевое поведение последней.

Важно представлять, каким образом хранятся в сознании личности традиции и стереотипы речевого поведения. К.Ф. Седов вслед за М. Минским полагает, что сознание говорящего организовано через жанровые фреймы и статусно-ролевые сценарии поведения [Седов 1999б: 9]. В данном случае важно то, что эти речеповеденческие модели формируются на пересечении общественного социально-культурного опыта и индивидуального опыта личности: знания о стандартных речевых ситуациях и способах поведения в них внедряются в сознание человека в процессе его социализации, через активное личное освоение национальных традиций. А поскольку личность является индивидуальностью, выступает как носитель уникального социокультурного опыта, данный фактор (психологический по своей природе) также будет детерминировать речевую деятельность.

Следовательно, можно говорить о том, что личность является носителем культуры, частью социума и индивидуальностью, потому в ее речевом поведении, а именно в порождаемых ею текстах, можно и нужно искать национальнокультурные, социально обусловленные и индивидуальные составляющие. Текст (совокуп-

ность текстов), будучи главным средством самовыражения говорящего, несет в себе информацию о специфике мировосприятия данной языковой личности, ее ценностных ориентирах и особенностях поведения. «Особенности каждого продуцента выступают как условия образования ряда специфических черт каждого речевого поведения» [Богин 1992: 3].

По нашему мнению, первой задачей исследователя должно стать обнаружение в дискурсе языковой личности особенных, присущих только ей речевых форм и способов речевого поведения, после чего можно будет приблизиться к выводам социолингвистического и лингвокультурологического характера, вплоть до мировоззренческих доминант.

Такая постановка проблемы требует сплошного обследования свода текстов личности с целью выявить наиболее характерные для нее приемы текстообразования, ее языковые предпочтения и «речевые доминанты» [Ляпон 1995]. Действуя словом, говорящий сознательно или бессознательно отдает предпочтение определенным стратегиям и формам поведения. Именно эти формы и/или стратегии, или речевые доминанты, и предлагается разгадать исследователю.

Создание языкового портрета личности с установкой на поиск однотипных, повторяющихся фактов уровневого, суперсегментного и деятельностного характера предполагает изучение совокупности текстов (дискурса) данной личности в трех аспектах: стилистическом, коммуникативно-прагматическом и лингвокультурологическом.

Представляется целесообразным начать со стилистического анализа текстов (дискурса). Дискурс материален, представлен вербальными и суперсегментными единицами, стилистическая интерпретация которых имеет давнюю и прочную традицию. Анализ дискурса личности в стилистическом аспекте сводится к описанию характерных для данной языковой личности способов и приемов употребления речевых единиц. «Каждый носитель обладает своим собственным идиолектом... так как речи каждого человека присущи свои индивидуальные, излюбленные словечки, выражения, поговорки, интонация, фразеологические сочетания и другие языковые явления» [Арутюнов 1994: 5].

При этом массив для сопоставления – «базовый лексикон», т.е. общелингвистические представления об активном запасе слов и его использовании усредненным носителем языка. Выход за его

пределы «является в каком-то смысле отступлением от нормы и соответственно слагаемой индивидуального языкового портрета» [Кнорина 1989:116]. Кроме того, речевой портрет личности составляют аналогично взятые особенности употребления фонетических, морфологических, синтаксических, паралингвистических языковых средств на уровне их отбора и реализации.

Особый интерес представляет собой отражательное свойство. Так, например, по нашим наблюдениям, доминантой речевого поведения языковой личности ведущего телешоу «Угадай мелодию» Валдиса Пельша является идея преувеличения, или гиперболизации. Всем стилистическим средствам данная языковая личность предпочитает гиперболу, «образы множества» (Н.А. Лукьянова): контактный лексический повтор, несущий идею преувеличения, градацию и стилистический контраст. Эта же доминанта прослеживается в невербальном поведении ведущего: экстравагантная манера держаться, усиленная жестикуляция, «гипербола» внешнего облика.

Стилистический анализ текстов определенной личности приближает нас к описанию ее вербально-семантической составляющей (по Ю.Н. Караулову), или собственно лингвистического уровня ее коммуникативной компетенции (по Л.П. Крысину). С другой стороны, именно стилистический анализ позволяет приблизиться к коммуникативно-прагматической и культурологической стороне речевого поведения.

Дело в том, что уже на начальном этапе создания текста языковая личность, пытаясь облечь свою мысль в определенную форму (словесную, невербальную и т.п.), отбирает средства и организует их так, как того требует, с одной стороны, ее индивидуальность, с другой – нормы и традиции поведения. Таким образом, предпочитаемые личностью средства и приемы оказываются формой эксплицирования знаний этой личности о мире и культуре, об обществе и своем месте в нем. Отбор языковых средств говорящим свидетельствует о личностной определенности, прежде всего ценностной, по отношению к действительности, о степени владения знаниями о мире и культуре.

2. Оценить, в какой степени языковая личность владеет языком в прагматическом плане, охарактеризовать «ситуативный уровень ее коммуникативной компетенции» (Л.П. Крысин), показать, насколько языковая личность усвоила социальные нормы и

модели поведения, позволяет анализ дискурса говорящего в коммуникативно-прагматическом аспекте.

Единицами анализа в данном случае будут используемые говорящим коммуникативные стратегии и тактики. Их стандартность или индивидуальность, нормативность или ненормативность осмысляются на фоне совокупности правил общения, принятых в данном социуме. Эти единицы намного сложнее поддаются интерпретации, поскольку имеют не текстовую, а когнитивно-психологическую природу, однако они позволяют конкретизировать характеристику языковой личности, так как манифестируют ее ценностные позиции по отношению к партнерам по коммуникации, к предмету речи, к социальным условиям и выполняемым социально-коммуникативным ролям.

В нестандартных коммуникативных ситуациях языковая личность оказывается очень редко. В основном речевая деятельность осуществляется по заранее известным сценариям. Сама ситуация и та роль, которую мы в ней играем, задают определенные границы. Имея в своем арсенале набор допустимых с точки зрения общественных норм речевых тактик, языковая личность выбирает те, которые в большей степени выражают ее индивидуальность.

Общение, нацеленное на кооперацию и гармонию, предполагает, в первую очередь, установку на вежливое отношение к собеседнику. Подобная стратегия вежливости реализована и в коммуникативном поведении ведущего упомянутой телеигры. Наблюдения за его речевыми поступками позволяют охарактеризовать данную языковую личность как личность, знающую нормы речевого поведения в определенной коммуникативной ситуации. Из всех возможных речевых ходов ведущий отдает предпочтение тактикам похвалы, комплимента, утешения, легкого упрека, дружеского совета и призыва к действию. Все эти тактики содержат в себе положительную оценку адресата и создают общее эмоциональное «поле радости», праздничное настроение, положительную тональность общения, что гармонично вписывается в условия игровой коммуникативной ситуации. Исключение составляет упрек в адрес участника шоу, но он подается ведущим всегда в «легкой» форме, нейтрализуясь с помощью приемов языковой игры.

Анализ речевого поведения предполагает обязательную опору на компоненты коммуникативной ситуации (адресант,

адресат, их социальные роли и интенции; хронотоп, предмет речи и др.), определяющие речеповеденческий сценарий. Важно проследить взаимосвязь результатов стилистического и коммуникативно-прагматического анализа в аспекте их функционально-семантического совпадения. Последнее позволило бы обнаружить или подтвердить доминирующие смыслы. Так, из перечисленных выше тактик ведущий В. Пельш чаще всего выбирает похвалу и комплимент. Доля таких речевых ходов значительно больше всех остальных. Но не только в этом выражается стремление к преувеличению. Наблюдения показывают, что оценочные суждения, лежащие в основе комплимента и похвалы, стремятся достичь ядра оценочного плюса и создают гиперболизированный образ адресата. Такая гипертрофированная вежливость в условиях игрового пространства и времени воспринимается не как отступление от коммуникативной нормы, а как творческое обыгрывание стандартной ситуации.

Третий аспект описания языковой личности обозначим как культурологический. Он предполагает сопоставление речевого поведения (уже охарактеризованного путем стилистического и коммуникативно-прагматического анализа) с принятыми в данной культуре национальными традициями либо традициями различных культур. Языковая личность, если к ней подходить не с позиции ее личных особенностей, а с позиции национального своеобразия, будет представлять собой «обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [Карасик 1996: 3].

Национальная культура, принятые в данном культурном обществе нормы и способы речевого общения являются базой для усвоения национальных особенностей употребления языка. В результате каждодневной речевой практики индивида формируется «национально-культурный уровень» его коммуникативной компетенции.

Таким образом, цель анализа дискурса языковой личности в культурологическом аспекте – обнаружение национальных элементов в ее речевом поведении, выявление степени «национального» в ней самой, а также проверка того, насколько выявленные ранее доминанты отвечают или не отвечают национальному речевому идеалу. К примеру, в основе

коммуникативной ситуации телеигры «Угадай мелодию» лежит речекультурный сценарий приема гостей: ведущий – «хозяин дома», его коммуникативная стратегия – развлечь участников шоу, доставить им и всем телезрителям удовольствие. Анализ дискурса ведущего позволяет сделать выводы о том, что в его речевом поведении присутствуют элементы, полностью соответствующие принятым в нашем обществе правилам поведения (вежливость, забота, чуткое внимание к гостю, ответственность за ситуацию, сниженная самооценка). Есть и элементы, нарушающие нормы (самолюбование, крикливость, многословие), однако именно они позволяют ведущему проявить творческий потенциал, быть оригинальным на фоне речекультурных стандартов.

Поиск индивидуальных красок в пределах типичного (национального) позволяет оценить творческую самобытность личности: ведь в основном наше поведение регламентировано и национально обусловлено, а «индивид может внести только личную окраску в проигрывание ролей» [Красильникова 1989: 9].

Обобщая сказанное, следует еще раз отметить тот факт, что тексты, созданные языковой личностью, должны быть интерпретированы во всех трех аспектах: стилистическом, коммуникативно-прагматическом и лингвокультурологическом. В первом случае единицами анализа становятся языковые средства и приемы их употребления, предпочитаемые личностью, во втором – стратегические и тактические речевые ходы, в последнем случае в центре внимания оказываются национально-культурные речевые сценарии и модели речевого пользования.

Каждый аспект требует сопоставления индивидуально-го тезауруса со своей «базой данных»: в случае стилистического анализа – с языковым активом усредненного культурного носителя языка; при анализе коммуникативно-прагматическом – с социально-речевыми конвенциями и правилами; при культурологическом – с культурным кодексом нации. Все три аспекта взаимосвязаны и взаимообусловлены, так как речь идет о различных сторонах языковой личности, которая является создателем и пользователем языковой системы, носителем социальных норм поведения, хранителем национально-культурных традиций.

**«Слова, которые мы не знаем»,
как примета речевого портрета
современной языковой личности**

Внимание к речевому портрету современной языковой личности, к лексикону носителя языка в значительной степени обусловлено стремлением познать картину мира нашего современника, его способность воспринимать окружающую действительность, перерабатывать все многообразие поступающей информации. Не подлежит сомнению исключительная роль языковых знаний в «упорядоченности картины мира и рациональности индивидуального бытия» [Рождественский 1993: 210]. Термин «агнони́мы», введенный в научный обиход в последние годы, представляется очень удачным в терминологическом плане, в высшей степени актуальным в аспекте психо- и социолингвистики, перспективным для преподавания русского языка и культуры речи. Он удачно передает, с одной стороны, индивидуально-личностный характер незаполненных ячеек в лексиконе носителя языка, а с другой – позволяет выявить типичные для современной языковой личности зоны агнонимической активности.

В агнонимах отражается отношение говорящего человека к своему лексикону, способ существования лексических элементов в сознании языковой личности. В.В. Морковкин и А.В. Морковкина в книге «Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем)» предлагают считать агнонимичной лексическую единицу (слово или отдельное его значение), относительно которой носитель языка может сказать:

- 1) совершенно не знаю, что значит слово;
- 2) имею представление только о том, что слово обозначает нечто, относящееся к определенной весьма широкой сфере, например, *бакштов* -- 'что-то, связанное с морем';
- 3) знаю, что слово обозначает нечто, относящееся к определенному классу предметов, но не знаю, чем именуемый предмет отличается от других предметов данного класса, например, *бальнеология* -- 'какая-то наука';
- 4) знаю, что слово обозначает определенный предмет, но не знаю конкретных особенностей этого предмета, способов его

использования или функционирования, например, *сизоворонка* – ‘перелетная птица, но певчая или нет?’;

5) знаю, что обозначает слово, но не представляю, как выглядит соответствующий предмет, например, *епанечка, таратайка*;

6) знаю слово в связи с особенностями своего жизненного опыта и своей специальности, но предполагаю, что многие другие люди его не знают или знают недостаточно, например, *менталитет, фрикативный* [Морковкин, Морковкина 1997: 106].

В системном аспекте понятие «агномимы» соотносится с пассивным словарным составом, непосредственно связано с периферийными пластами лексики. Так, конечные ветви лексических множеств, которые представлены в «Русском семантическом словаре» (под ред. Н.Ю. Шведовой), содержат значительное число лексических единиц (историзмы, архаизмы, областная и специальная лексика), агномимичных для многих носителей языка. Показательны, например, следующие лексико-семантические ряды: лица по отношению к ручным, гужевым и другим неавтоматическим средствам перевозок (*аробищик, ванька, велорикша, возница, возничий, возчик, извозчик, каюр, кучер, лихач, ломовик, ломовой, носильщик, обозник, обозчик, перевозчик, погонщик, рикша, ямщик*); корнеплоды и клубнеплоды (*батат, брюква, бурак, каротель, картофель, картошка, морковь, пастернак, петрушка, редис, редиска, редька, репа, свекловица, свекла, сельдерей, топинамбур, турнепс*); камень, его куски, обломки, окаменелые затвердения (*булыжник, бут, валун, галечник, галька, глыба, гольиш, гравий, дресва, камень, камень, конгломерат, кремь, монолит, окатыш, ракушник, сталагмит, сталагнат, сталактит, хряц, щебень*) [Русский семантический словарь 1998]. В каждой из названных семантических зон представлены слова, которые можно квалифицировать как полные или частичные агномимы.

Агномимы, являясь заметной характеристикой индивидуального лексикона, определяют речевой портрет отдельной языковой личности, но в то же время характеризуют и речевой портрет общества.

Обращение к агномимам является важным стимулом языковой рефлексии над собственным словарным запасом. Лонгитудный эксперимент, предусматривавший обследование словарного запаса студентов-филологов первого курса Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, проводился на протяжении 1994–1998 годов. Студентам предла-

галось проанализировать по две страницы «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, распределив слова по следующим группам: «знаю и употребляю», «знаю, но не употребляю», «не знаю, но могу догадаться о значении слова», «совсем не знаю значения слова». Эксперимент, в котором в общей сложности участвовало более 800 человек, свидетельствует о том, что многим из них неизвестны значения ряда слов, встречающихся в текстах разных типов. Это прежде всего архаизмы и историзмы (*вериги, венценосный, царедворец, мракобес, тиун* и пр.), заимствования разной функциональной прикреплённости (*ариозо, антиномия, анонсировать, апокриф, гяур, джейран, лапидарный, латифундист, неопит, плутократия, фанаберия* и пр.), слова, обозначающие реалии народного быта, традиционной трудовой деятельности, отражающие мир русской природы (*буланый, бурт, большак, бондарный, бороновать, бортник, бредень, вальцевать, варенец, казан, ледник, малага, нереститься, повойник, светец, табанить* и пр.). Приведем пример агнонимичной лексики, отмеченной одной языковой личностью: *изложница, измытарить, изобара, имбирь, имманентный, иммортель, иммунизировать, империал, изоглосса, имам, иноходь, инсинуация, инстанция, инсургент, индеветь, индиго, индолог, индология, индуктор, интермеццо, инкриминировать, инкрустация, инкунабула, иноходь, иночество, инсинуировать, инструментарий, интендант, интермедия, инсталлировать*. Очевидно, что в списке представлены весьма различные слова, входящие в разные зоны агнонимической активности. Изменение соотношения единиц активного и пассивного словаря, перемещение агнонимов в ряд семантически освоенных лексических единиц является первостепенной задачей в процессе формирования компетентной языковой личности.

Лексикон современной усредненной языковой личности характеризуется, с одной стороны, явным расширением определенных зон (показательно, например, интенсивное обогащение массового языкового сознания экономической, компьютерной, медицинской лексикой), с другой стороны – заметным оскудением словарного запаса, связанным, прежде всего, с количественным сокращением и качественным изменением круга чтения, с экспансией экранной культуры. Как отмечал Л.В. Щерба, пассивный словарный запас связан с «начитанностью соответственного человеческого коллектива, тем кругом произведений, которые обязательно читаются в данном обществе» [Щерба 1974: 271].

Современная жизнь дает богатый материал для размышлений над тем, какое влияние на формирование личности оказывает круг читаемых и изучаемых текстов. Место текстов в коллективном национальном сознании, их перемещение в коллективной памяти с центра на периферию и наоборот, их взаимодействие друг с другом является важнейшей лингвокультурной проблемой [Мурзин 1990], которая с неизбежностью перерастает в проблему педагогическую. Смещение культурных ценностей, изменение традиционного круга чтения ведет к тому, что многие «хрестоматийные цитаты» (*«Времен очаковских и покоренья Крыма»*, *«герой нашего времени»*, *«борзыми щенками братья»*, *«на деревню дедушке»*, *«кудри черные до плеч»*, *«да был ли мальчик-то»* и многие другие), часто используемые современными средствами массовой информации в качестве прецедентных текстов, далеко не всегда воспринимаются современной языковой личностью как таковые [Сидоренко 1995].

Безусловно, утрата фрагментов словаря связана и с иными причинами, с естественным обновлением реалий окружающего мира. «Подвергаются трансформации и целые семантические пласты в языке. Актуализация тех или иных вещей, взаимосвязей, отношений в реальной жизни влечет за собой образование соответствующих единиц для их обозначения, и, наоборот, утрата их активности служит причиной постепенного забвения или полного исчезновения из языка и их наименований. Для примера достаточно взять лошадь, которая вся, от челки до хвоста, состоит из забытых русских слов, ставших в лучшем случае “специальными”» [Кузнецов 1986: 53–54]. Проблема адекватного восприятия текста становится одной из наиболее актуальных проблем гуманитарного образования, при этом принципиально важно, что глобальная проблема понимания в значительной степени связана с богатством словаря личности.

Понятие агнонии оказывается чрезвычайно важным и при обращении к языку повседневности. Речевую ситуацию рубежа веков характеризует, с одной стороны, активное обогащение словаря (поток заимствований, адаптация обыденным сознанием терминологической лексики, продвижение субстандартных единиц в литературный язык), а с другой – трансформация значительных лексико-семантических пластов, обеднение определенных фрагментов словаря, во многом обусловленное визуализацией потока информации, девербализацией культуры. «Речевая бедность выражается... в эксплуатации незначительного числа сверх-

частотных слов, появление которых в текстах легко предсказуемо. А что предсказуемо, то не информативно. Напротив, слова малочастотные больше привлекают внимание, вызывают больше интереса и чаще всего конкретизируют детали сообщения» [Комлев 1997]. Неспособность найти адекватные языковые средства для необходимой детализации различных компонентов ситуации – весьма характерная особенность речевого поведения современной языковой личности.

Проблема агнозии имеет глубокое психолингвистическое основание. Лексический уровень языковой способности человека «совпадает с индивидуальным лексиконом, со словарем “в голос” человека и является ответственным за лексико-семантические связи слов, основывающиеся на ассоциативных принципах» [Залевская 1987]. Определение реальных очертаний лексикона среднего носителя языка, качественная характеристика словаря, установление соотношения активной и пассивной его частей – актуальные научные задачи, решение которых позволяет прогнозировать степень полноты восприятия различных типов текстов, успех или неуспех предстоящей коммуникации. В высшей степени актуальным становится исследование активного словаря личности, обеспечивающего ее повседневное языковое существование, полноценное восприятие текстов, как классических, так и современных.

Материалы «Русского ассоциативного словаря», создающего достоверный лексический портрет современной языковой личности (портрет современного студента, поскольку массовый ассоциативный эксперимент проводился в студенческой аудитории), демонстрируют сигналы агнозии ряда слов-стимулов (ими являются реакции типа «не знаю» или реакции, явно свидетельствующие об ошибочном представлении о семантике слова и его лексических связях). Показательны, например, некоторые реакции на стимулы:

бостон – в холодильнике;

баловник – судьбы;

воскресение – выходной;

гопак – что это!

долгунец – жук, бомж, холодец, не знаю, не в тему, непонятно, черт те что, что-то в старые времена;

кирзовый – не понял;

манускрипт – не знаю, а что это?, овощ, скрипит, скрипция;

матрица – дуршлаг, это из геометрии, трава;
моцион – еда, абрикос, лацкан, проводить, ругательство, твердый;

сопромат – что-то научное;

саксаул – колючий, колючка, репейник, колется, саксаул (песня), трава, удалой, это что-то из казахского [Русский ассоциативный словарь 1998].

Выделяя реакции, свидетельствующие об агнонимичности слова, Ю.Н. Караулов связывает понятие «агнонимы» с понятием лакунарности: «Лакуарность проявляется в отсутствии в данной индивидуальной сети ряда слов-узлов и соответствующих связей. Лакуны, таким образом, бывают двух родов – обусловленные бедностью лексикона и обусловленные недостаточным количеством и разнообразием текстов, проходивших через АВС [ассоциативно-вербальную сеть. – В. Ч.] данной индивидуальности» [Караулов 1999: 126].

Лакуны в лексиконе современной молодежи являются существенным препятствием при освоении ею образовательных «маршрутов» и представляют собой проблему большой социальной значимости, поскольку незнание слов адресатом, отсутствие обязательной общности лексиконов, необходимой для успешной коммуникации, снимает эффективность речевого воздействия, ведет к неадекватному речевому поведению.

Психологи утверждают, что линия упреждающего синтеза проявляется в выполнении лингвистических обязательств. Многочисленные ассоциативные эксперименты доказывают наличие сложной системы связей, в которую входит каждое слово. «В силу наличия этих связей человек, произнося одно слово, уже как бы берет на себя определенные “обязательства” по высказыванию других. Другими словами, последующие слова упреждающе синтезированы уже в момент произнесения человеком каждого предыдущего слова» [Зимняя 1978: 117]. Однако несформированность связей или устойчивость ложных ассоциаций по тому же механизму упреждающего синтеза влечет за собой ошибочные высказывания и – как следствие – коммуникативные неудачи.

Понятие «агнонимов» является чрезвычайно актуальным для определения образовательных стратегий, поскольку с полной или частичной агнонимией приходится сталкиваться при вербализации многих понятий из фундаментальных областей культуры, она естественно связана с этнокультурологией, с присвоением

базовых понятий традиционной национальной культуры; в сферу агнонимии нередко попадают научные термины, специальная лексика, агнонимичны для носителей языка многие инновации, активно эксплуатируемые средствами массовой информации.

Большое число слов-агнонимов относится к заимствованной лексике. Пристрастие к заимствованиям, являющееся одной из отличительных черт «полуобразованного владения языком, соединенного с плохим владением мыслью и логикой» (Апресян 1992), часто соединяется в современной речи с непониманием заимствований при восприятии и квазизнанием – при порождении. Известно, что чем меньше референциальная определенность слова, тем больше вероятность появления ненормативных словосочетаний.

Эксперимент, проведенный среди студентов педагогического колледжа (137 человек в возрасте 17–25 лет), показал, что достаточно частотные, постоянно воспроизводимые в средствах массовой информации заимствования для многих студентов являются агнонимичными. Так, значение слова *тенденциозность* точно понимает лишь 20,4% опрошенных студентов, *менталитет* – 28,5%, *кулуары* – 16,%, *консилиум* – 21,2%, *цитадель* – 24,8%, *толерантность* – 10,9 %, *кворум* – 7,3%. Во многих случаях наблюдается приблизительное знание, когда усваиваются лишь некоторые компоненты значения или семантической структуры многозначного слова.

Приведем примеры объяснений студентами предъявленной лексики, свидетельствующие о ее агнонимичности:

консилиум – *съезд депутатов; научное собрание; содружество, объединение людей с целью решения какой-либо проблемы; встреча важных лиц по какому-либо вопросу; ученый совет; собрание;*

консенсус – *собрание государственных лиц; конечный результат переговоров; несогласованность, несошедшиеся точки зрения; обсуждение вопроса по определенной теме; оказия, нечто неожиданное; собрание с обсуждением; принятие закона или обсуждение его;*

кулуары – *темные углы, где передают секретную информацию; споры людей; приемные комнаты; покои; очень ограниченное количество людей (кулуары власти); споры; что-то, связанное с дворцом; место, имеющее историческую значимость; место для интимных встреч;*

кворум – отсутствие согласия у договаривающихся сторон; запрет; прения в Государственной Думе (принять кворум); съезд;

камуфляж – багаж; подделка, обман; скрывание чувств, мыслей; макиавизм или внешний вид в целом; игра, переодевание, смена костюмов; военная принадлежность;

тенденциозность – система взглядов, терминов, тенденций; определенная наклонность; определенная особенность течения явлений; совпадение мнений в обществе; признаки, свойственные одному предмету; стремление к тенденциям; вариантность; запутанность, определенная тезисность, порядок происходящих событий, стабильность, постоянное увеличение или уменьшение;

толерантность – беспринципность; способность к работе;

цитадель – определенное место, где находится какой-то объект; исток, колыбель чего-то; центр, важнейшее место где-либо; одинокое жилище, небогатое, милое, чистое; военная операция; помещение в виде кельи; место обитания;

спонтанный – сумбурный; необычный; неожиданный поворот событий; резкий, быстро принимающий решения;

реанимация – способ восстановления сердцебиения; госпитализация; срочная госпитализация; поддержание жизнедеятельности; переходное состояние; экстренная доставка больного в больницу; скорая помощь с крайними приемами помощи;

реабилитация – привыкание к новым условиям; спасение в глазах окружающих; отдых после болезни, приспособление; обоснование; постепенное привыкание;

культивировать – обострять внимание к чему-либо; проводить культурные мероприятия; приобщать к культуре; придать цивилизованный облик; обожествлять предмет или человека; идолопоклонение, возвышение; навязывать людям какую-л. идею; сделать предметом своего культа; превозносить; выделение главной мысли, действия; провозглашать; относиться как-то по-особому;

квинтэссенция – собрание философских идей; химическое вещество; соединение, совмещение;

дилетант – человек дела; обманщик; педант, утонченный тип; человек, избегающий чего-л.; человек, делающий что-л. незаконное; человек, все знающий; человек, впервые что-то делающий;

менталитет – богатство словарного запаса каждого человека; словарный запас человека; умственные способности; правительственный термин; определенный слой общества; гены; уровень

развития, стиль правления; договор, соглашение; перемирие, нейтралитет; сохранение нейтральности по отношению к кому-л.; независимость.

Несомненно, приведенные попытки характеристики значений свидетельствуют, что такой уровень освоения заимствованной лексики с неизбежностью ведет к коммуникативным неудачам. Показательны попытки испытуемых ввести данные в эксперименте слова в контекст: *Задача декана курировать успеваемость студентов; Россия и Япония заключили мораторий о мире; Он не пользуется правом электората; Данный проект – очень хорошая протекция для нашей фирмы от конкурентов; Часто случается, что нет альтернативы выбора.*

Помимо заимствований, высокой степенью агнонимичности отличаются и лексические единицы, обозначающие реалии традиционного быта. Слова эти низкочастотны, однако нередко встречаются в русской классической литературе. Приведем примеры семантизации таких слов студентами:

бондарь – *какой-то человек; сапожник; человек при дворе; дворник; бандероли разносит;*

псарня – *хлев; место, где живут овцы; стая собак; будка; конура; свора;*

елей – *вид растения; сладкий напиток; в церкви жидкость, вино; мед; аромат;*

пасека – *поле; пастбище; линия вырубки.*

Анализ тестов свидетельствует, что при попытках определить лексические связи периферийной лексики видимая прозрачность внутренней формы, словообразовательной структуры слова часто является причиной неадекватной семантизации. Так, слово *борзописец* связывается со словами *чиновник, стенографист, секретарь, машинистка*, с одной стороны, и со словами *негодяй, доносчик* – с другой. Слово *лихоимец* на основе буквального понимания внутренней формы связывается со словами *страдалец, пострадавший, разоренный, неудачник, растяпа*.

Значительное сужение периферийной части лексикона языковой личности, утрата заметных пластов словаря в лексиконе молодежи вызывает справедливую тревогу. «Осмысление процесса архаизации важно не только как документальный фактор нашего этнического бытия и самосознания, но и как средство сохранить непрерывность культурных традиций и духовную связь поколений» [Глинкина 1998: 23].

Богатство лексикона обеспечивает свободу и эффективность речевого поведения, способность полноценно воспринимать и перерабатывать поступающую в вербальной форме информацию. Функционирование агнонимичной лексики связано с активизацией «зон риска» в лексиконе языковой личности, с увеличением семантической неопределенности в воспринимаемых и продуцируемых текстах.

Показателен пример из молодежной телепередачи «Любовь с первого взгляда» (25.10.94). В ответ на вопрос ведущего: «Если твоя девушка скажет, что она будет работать в казино, как ты к этому отнесешься?» – последовал ответ участника игры: «Я буду танцевать вместе с ней». Налицо весьма приблизительное понимание значения слова *казино* как места для развлечений, в том числе танцев. В телевизионной игре «О, счастливчик» один из игроков так определил родовую принадлежность слова *анчоус*: «Это овощи».

Конечно, самым сильным средством семантизации незнакомых лексических единиц является контекст, однако и он далеко не во всех случаях снимает *семантическую* неопределенность, оставляя простор для вольного, а часто и абсолютно ошибочного понимания текста. При продуцировании текста неизвестная лексика, естественно, не используется, включение же в речевое произведение квазиизвестных слов создает достаточно распространенный тип лексических ошибок.

Несформированность адекватных лексико-семантических связей, речевая небрежность, отсутствие ответственности за произнесенное или написанное слово, к сожалению, очень часто наблюдаются в средствах массовой информации – как в устной, так и в письменной речи. Приведем некоторые примеры:

Находившийся во время инаугурации ресторана «Планета Голливуд» в Париже американский супермускул Стивен Сигал не погнушался заказать себе юную девочку (Моск. комсомолец. 1998. 31 дек.);

Интенсивная работа геологов дала свои результаты: были открыты залежи меди, никеля, молибдена, магния, слюды и других редких металлов (Санкт-Петербург. ведомости. 19994. 1 янв.) [слюда – ‘прозрачный слоистый материал’];

Китайцы решили сделать центральной фигурой новогоднего праздника не Санта-Клауса, а свою любимую Великую стену. Вся ночь она будет подсвечиваться иллюминацией, фейрверками и

лазерами со спутников (Супертелескоп. 1999. № 23) [подсвечивать – ‘освещать снизу’; фейрверк – ‘во время торжеств, празднеств: высоко взлетающие из ракеты декоративные огни’; иллюминация – ‘декоративное освещение зданий, улиц, парков по случаю какого-л. торжества’];

Объединяет всех все та же номенклатурная страсть по кормушке. Вот они их стараниями и процветают взамен **цивильных** правил конкуренции, бизнеса (Невское время. 1994. 19 марта) [цивильный (устар.) – ‘штатский, гражданский’];

Их семнадцать героев только что закончившегося чемпионата. Среди них и ветераны всех четырех первенств, и дебютанты **мирового кворума** (Советский спорт. 1993. 19 апр.);

Многим известны регулярно устраиваемые концерты в Зоопарке. Но 12, 13 и 14 декабря произойдет уж нечто совсем **тенденциозное** – в Зоопарке выступит группа «Зимовье зверей» (Петровский курьер. 1997. № 39);

Вас ждут встречи с фельетонами, юморесками и смешными рассказами М. Задорнова, В. Коклюшкина, С. Альтова... и других известных юмористов. **Опубликованы бенефис** московского писателя Сергея Кондратьева (одного из первых ведущих знаменитой «Смехопанорамы»), а также **вернисаж** карикатур художника Александра Галаганова (Калейдоскоп. 1997. № 50).

Россия, которая хотела быть здоровой, болеет всеми мыслимыми и немыслимыми **синдромами** (НТВ. Новости);

Очень трудно определить, **бенефис** какого города сегодня на радио «Европа-плюс» (Радио);

Президент подписал **рескрипт** об оказании немедленной помощи пострадавшим (Радио) [рескрипт (устар.) – ‘письмо монарха подданному с выражением благодарности за что-нибудь, с объявлением о награде и т.п.’];

Кто будет отвечать за **продажу иностранцам инвестиций**? (Вопрос телезрителя. ТВ. Пятый канал. 5.05.96);

Покупайте спортивный комплекс «Здоровая семья». Он является **бестселлером** среди других тренажеров (Реклама ТВ-3).

Очевидно, что несформированность лексико-семантических связей в обиходной речи мешает выполнению лингвистических обязательств и ведет к коммуникативным неудачам, небрежное же использование агнонимичной лексики в средствах массовой информации способствует формированию устойчивого рефлекса «речевой вседозволенности». Изменение соотношения еди-

активного и пассивного словаря, перемещение агнонимов в ряд семантически освоенных лексических единиц, расширяющее возможности лексического выбора, требует специальной работы. Непременным ее условием является формирование лексикографической компетенции языковой личности.

Литература и источники

Апресян 1992 – Апресян Ю.Д. О состоянии русского языка // Русская речь. 1992. № 2.

Арутюнов 1994 – Арутюнов С.А. Народные механизмы языковой традиции // Язык – культура – этнос. М., 1994.

Арутюнова 1990 – Арутюнова Н.Д. Феномен второй реплики, или О пользе спора // Логический анализ языка. Вып 3: Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.

Арутюнова 1999 – Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.

Бахтин 1979 – Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Беркли-Ален 1997 – Беркли-Ален М. Забытое искусство слушать. М., 1997.

Берн 1997 – Берн Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы. М.; СПб., 1997.

Богин 1975 – Богин Г.И. Уровни и компоненты речевой способности человека. Калинин, 1975.

Богин 1992 – Богин Г.И. Языковая личность как фактор текстообразования // Теория текста: лингвистический и стилистический аспекты. Екатеринбург, 1992.

Бодуэн де Куртенэ 1963 – Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т.2.

Борисова 1997 -- Борисова И.Н. Цельность разговорного текста в свете категориальных сопоставлений // Stylistyka VI. Opole, 1997.

Борисова 2000 – Борисова И.Н. Структура интенциональных конфликтных диалогов разговорного языка // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2000.

Бородкин, Коряк 1983 – Бородкин Ф.М., Коряк Н.М. Внимание: конфликт. Новосибирск, 1983.

Бэрн, Ричардсон 1997– Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб., 1997.

Винокур 1993 – Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М., 1993.

Выготский 1969 – Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1969.

Выготский 1999 – Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1999.

Германова 1993 – Германова Н.Н. Коммуникативная стратегия комплимента и проблемы типологии речевых этикетов // Язык и модель мира: Сб. науч. тр. М., 1993. Вып. 416.

Глинкина 1998 – Глинкина Л.А. Архаизация элементов языка в диахронии и синхронии // Русский язык в его функционировании: Третьи Шмелевские чтения. М., 1998.

Гордон, Лакофф 1985 – Гордон Д., Лакофф Дж. Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16.

Горелов, Седов 1998 – Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 1998.

Городецкий 1990 – Городецкий Б.Ю. От лингвистики языка – к лингвистике общения // Язык и социальное познание. М., 1990.

Грайс 1985 – Грайс П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16.

Демьянков 1982 – Демьянков В.З. Конвенции, правила и стратегии общения (интерпретирующий подход к аргументации) // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1982. Т.41, № 4.

Дридзе 1984 – Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М., 1984.

Енина 1999 – Енина Л.В. Современные российские лозунги как свертхтекст: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999.

Ермакова, Земская 1993 – Ермакова О.П., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.

Жельвис 1997 – Жельвис В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема. М., 1997.

Живая речь... 1995 – Живая речь уральского города: Тексты / Под ред. Т.В. Матвеевой. Екатеринбург, 1995.

Жинкин 1965 – Жинкин Н.И. Психологические особенности спонтанной речи // Иностранные языки в школе. 1965. №4.

Жинкин 1970 – Жинкин Н.И. Замысел речи // Планы и модели будущего в речи: (Материалы к обсуждению) / Под ред. А.А.Леонтьева. Тбилиси, 1970.

Жинкин 1982 – Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., 1982.

Жинкин 1998a – Жинкин Н.И. Развитие письменной речи учащихся III–VII классов // Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество: Избр. тр. М., 1998.

Жинкин 1998b – Жинкин Н.И. Психологические основы развития речи // Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество: Избр. тр. М., 1998.

Залевская 1987 – Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин, 1987.

Земская 1988 – Земская Е.А. Политематичность как характерное свойство непринужденного диалога // Разновидности городской устной речи. М., 1988.

Земская 1994 – Земская Е.А. Категория вежливости в контексте речевых действий // Логический анализ языка: язык речевых действий. М., 1994.

Земская и др. 1981 – Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.

Зимняя 1978 – Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М., 1978.

Иссерс, Кузьмина 1997 – Иссерс О.С., Кузьмина Н.А. Этикет и антиэтикет как лингводидактическая проблема // *Rossica Ostraviensca-97: lingua rossica in sphaera mercaturae*. Ostrava, 1997.

Карасик 1996 – Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск, 1996.

Караулов 1987 – Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Караулов 1989 – Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М., 1989.

Караулов 1999 – Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М., 1999.

Карнеги 1989 – Карнеги Д. Как вырабатывать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично. М., 1989.

Китайгородская, Розанова 1996 – Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Современная городская коммуникация: тенденции развития // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Под ред. Е.А.Земской. М., 1996.

Китайгородская, Розанова, 1999 – Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999.

Кнорина 1989 – Кнорина Л.В. Словоупотребления – компонента индивидуального стиля // Язык и личность. М., 1989.

Комлев 1997 – Комлев Н. Понимаем ли мы, на каком языке говорим? // Литературная газета. 1997. 8 окт.

Кох 1997 – Кох И.А. Конфликтология. Екатеринбург, 1997.

Красильникова 1989 – Красильникова Е.В. Предисловие // Язык и личность. М., 1989.

Крысин 1994 – Крысин Л.П. Владение языком: лингвистический и социокультурный аспекты // Язык – культура – этнос. М., 1994.

Кубрякова 1986 – Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986.

Кузнецов 1986 – Кузнецов А.М. От компонентного анализа к компонентному синтезу. М., 1986.

Купина 1990 – Купина Н.А. Разговорное диалогическое единство как текст // Языковой облик уральского города. Свердловск, 1990.

Купина, Енина 1997 – Купина Н.А., Енина Л.В. О трех степенях языковой агрессии // Речевая агрессия и гуманизация общения. Екатеринбург, 1997.

Леонтьев 1979 – Леонтьев А.А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации // Синтаксис текста. М., 1979.

Литвак 1997 – Литвак М.Е. Психологический вампиризм: Анатомия конфликта. Ростов н/Д, 1997.

Ляпон 1995 – Ляпон М.В. Языковая личность: поиск доминанты // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995.

Майданова 1997 – Майданова Л.М. Качество общения через средства массовой коммуникации // Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург, 1997.

Макаров 1998 – Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998.

Матвеева 1994 – Матвеева Т.В. Непринужденный диалог как текст // Человек – текст – культура / Под ред. Н.А. Купиной, Т.В. Матвеевой. Екатеринбург, 1994.

Матвеева 1996 – Матвеева Т.В. Предметно-логическая тема как субъективно-модальное средство разговорного текста // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996.

Миллер и др. 1965 – Миллер Дж., Галантер Е., Прибрам К. Планы и структура поведения. М., 1965.

Морковкин, Морковкина 1997 – Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы: (слова, которые мы не знаем). М., 1997.

Мурзин 1990 – Мурзин Л.Н. Парадигмы и классы слов // Типы языковых парадигм. Свердловск, 1990

Общение. Текст. Высказывание 1989 – Общение. Текст. Высказывание. М., 1989.

Павлов 1951 – Павлов И.П. Полн. собр. соч. М.; Л., 1951. Т. 3, кн. 2.

Педагогическое речеведение 1998 – Педагогическое речеведение. Словарь-справочник. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. Т.А.-Ладыженской и А.К.Михальской. М., 1998.

Психологические механизмы... 1977 – Психологические механизмы целеобразования / Отв. ред. О.К. Тихомиров. М., 1977.

Рождественский 1993 – Рождественский Ю.В. Техника, культура, язык. М., 1993.

Русский ассоциативный словарь 1998 – Русский ассоциативный словарь. Кн 5: Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Ч. 3 / Ю.Н. - Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов и др. М., 1998.

Русский семантический словарь 1998 – Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т.1: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Все живое. Земля. Космос) / Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1998.

Рытникова 1996а – Рытникова Я. Т. Семейная беседа: обоснование и риторическая интерпретация жанра. Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 1996.

Рытникова 1996б – Рытникова Я.Т. Семейная беседа: обоснование и риторическая трактовка жанра: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1996.

Салимовский 2000 – Салимовский В.А. О степени стереотипности жанров речи в связи с организацией конституирующих действий // Культурно-речевая ситуация в современной России: вопросы теории и образовательных технологий. Екатеринбург, 2000.

Седов 1996 – Седов К.Ф. Типы языковых личностей и стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта) // Вопр. стилистики: Язык и человек. Саратов, 1996. Вып.26.

Седов 1998a – Седов К.Ф. Анатомия жанров бытового общения // Вопр. стилистики. Саратов, 1998. Вып. 27.

Седов 1998b – Седов К.Ф. Структура устного дискурса и становление языковой личности: грамматический и прагмалингвистический аспекты. Саратов, 1998.

Седов 1999a – Седов К.Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности // Жанры речи. Саратов, 1999. Вып.2.

Седов 1999b – Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: Психо- и социолингвистический аспекты. Саратов, 1999.

Сидоренко 1995 – Сидоренко К.П. «Хрестоматийная цитата» и тип словаря // Языковое образование и воспитание языковой личности (в школе и в вузе). СПб., 1995.

Сиротинина 1998 – Сиротинина О.Б. Социолингвистический фактор в становлении языковой личности // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград, 1998.

Стернин 1995 – Стернин И.А. О понятии «эффективное общение» // Преподавание культуры общения в средней школе. Воронеж, 1995.

Сухих 1998 – Сухих С.А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1998.

Тарасова 1992a – Тарасова И.П. Речевое общение, толкуемое с юмором, но всерьез. М., 1992.

Тарасова 1992b – Тарасова И.П. Структура смысла и структура личности коммуниканта // Вопр. языкознания. 1992. № 4.

Хаймс 1975 – Хаймс Д.Х. Этнография речи // Новое в лингвистике. Вып. 7: Социолингвистика. М., 1975.

Человеческий фактор в языке 1995 – Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992.

Шалина 1998 – Шалина И.В. Взаимодействие речевых культур в диалогическом общении: аксиологический взгляд: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1998.

Шахнарович 1995 – Шахнарович А.М. Языковая личность и языковая способность // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995.

Шейнов 1999 – Шейнов В.П. Конфликты в нашей жизни // Прикладная конфликтология. Минск, 1999.

Ширяев 1996 – Ширяев Е.Н. Культура речи как особая теоретическая дисциплина // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996.

Ширяев 2000 – Ширяев Е.Н. Структура интенциональных конфликтных диалогов разговорного языка // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2000.

Шмелева 1988 – Шмелева Т.В. Модус и средства его выражения в высказывании // Идеографические аспекты русской грамматики. М., 1988.

Щерба 1974 – Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Ыйм 1985 – Ыйм Х.Я. Прагматика речевого общения // Теория и модели знаний: Труды по искусственному интеллекту. Тарту, 1985 (Уч. зап. Тартус. ун-та. Вып. 714).

Юдина 1986 – Юдина Т.В. Напряженность и некоторые средства ее создания // Текст и его компоненты как объект комплексного анализа. Л., 1986.

Brown, Levinson 1987 – Brown P, Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge, 1987.

Lakoff 1973 – Lakoff R. The logic of politeness, or Minding your P's and Q's. Papers from the 9-th Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society. Chicago, 1973.

Lakoff 1982 – Lakoff R.T. Persuasive discourse and ordinary conversation, with examples of advertising. In Tannen D. (Ed.) *Analizing discourse: text and talk*. Georgetown, 1982.

Motley 1992 – Motley M.T. Mindfulness in solving communicator's dilemmas // *Communication Monographs*. 1992. V. 59.

Tannen 1986 – Tannen D. That's not what I meant! How conversational stile makes or breaks your relations with others. William Morrow and Company Inc. N. Y., 1986.

Yokoyama 1988 – Yokoyama O.T. Disbeliefe, Lies and Manipulations in a Transactional Discourse Model // *Argumentation*. 1988. № 2.

Технологии культурно-речевого образования

Н.Д. ГОЛЕВ

Обыденное метаязыковое сознание и школьный курс русского языка

Цель данной работы – постановка теоретических и практических вопросов, связанных с одним из важнейших компонентов когнитивной сферы языка – метаязыковым сознанием рядовых носителей русского языка. Мы рассматриваем метаязыковое сознание и как феномен языка, представляющий интерес для когнитивной лингвистики, и как зеркало, в котором отражаются многие проблемы школьного лингвистического образования. Метаязыковой компонент существует в двух ментальных формах – неосознаваемой и осознанной. Предметом нашего рассмотрения является вторая. Однако для представления полной картины метаязыковости необходимо хотя бы кратко остановиться и на первой. Тем более, что она является своеобразным субстратом для осознанных форм, которые вытекают из нее, образуя непрерывную шкалу степеней осознанности. Неосознаваемый план метаязыковости выполняет в языке/речи разные функции. Во-первых, он фиксирует отношение к языку, обнаруживаемое в речевой деятельности. И в процессе порождения, и в процессе восприятия речи говорящий и слушающий непроизвольно оценивают речевые произведения как правильные или неправильные [Ейгер 1982]. В последнем случае отношение сознания к языку становится более активным, вплоть до выхода на осознаваемый уровень (извинения, поправки, «переспросы» и т.п.); метаязыковый ком-

понент из свернутого и имплицитного преобразуется (в той или иной мере) в развернутый и эксплицитный. Речемыслительная деятельность такого рода является глубинной причиной языкотворческой деятельности¹, связанной с формированием, во-первых, узуса (узуальных норм), а во-вторых, языковой системы (ее единиц и отношений). Стихийные узуальные нормы формируются по принципу: «Все так говорят, пишут – значит, это правильно». В этой формуле присутствует момент спонтанного метаязыкового отношения к речевому материалу: спонтанное может становиться в разной мере осознанным. В максимально осознанном варианте метаязыковая деятельность представлена в кодифицировании узуальных норм или правил². Роль метаязыкового сознания в формировании системных отношений можно проиллюстрировать фактами установления эпидигматических связей на основе произвольных ассоциаций по форме; если *свидетель* ассоциируется с *видеть*, *самодовлеющий* – с *давить*, *экивоки* – с *кивать*, то такая произвольная эпидигматизация становится системообразующим фактором в лексике. Стихийно-осознанными на этом фоне предстают метаязыковые рефлексии народно-этимологического типа: *катазасия* – ‘проделки кота Васьки’, село *Петровское* – ‘Петр Первый через него проезжал’ и т.п., большая степень метаязыковости у экспрессивного и суггестивного использования внутренней формы слова; максимальная (в высшей степени окультуренная) степень метаязыковости (металингвистичности) заключена в научно-этимологической рефлексии.

Обыденное метаязыковое сознание включает в себя знания (представления) о речеязыковой действительности, которые являются частью наивной языковой картины мира и в этом статусе активно воздействуют как на сам язык (языковую семантику единиц естественного языка, прежде всего слов, значения которых во многом и есть обыденные понятия; организацию смысловых полей, топиков, фреймов), так и на мировоззрение вообще. Знания о речевой действительности входят в парадигму, образуемую другими сферами обыденного сознания, такими, как наивная медицина, наивное право, наивная теософия и т.п.

¹ О противопоставлении речемыслительной и языкотворческой деятельности см.: [Засорина 1973].

² Орфографические правила представляют собой не что иное, как металингвистические легенды, с помощью которых, с одной стороны, рационализируется выведение написания к «собственно языку» и, с другой стороны, осуществляется мнемотехническая функция [см. об этом: Голев 1977].

Школьное образование стремится приблизить обыденные представления к научным. И это его главная ментальная и деятельностная установка. Но иногда и наука, и зависимое от нее образование сами находятся под воздействием обыденного сознания, и в этом единстве формируются устойчивые стереотипы.

По отношению к языку разделенность обыденных и научных представлений в первую очередь касается сложных аспектов языкового бытия, детерминированных глубинными, противоречивыми по своей сути процессами, определяющими само бытие языкоречевых механизмов, их устройство, генезис и функционирование. К ним относятся прежде всего диалектические процессы взаимодействия таких сторон языка, как его естественная и рукотворная природа, отражательная (гносеологическая) и условная (внутренне-коммуникативная) природа, онтологическая и ментальная сферы существования языка и речи и др. Эти стороны определяются разными законами, различие и формы взаимодействия которых далеко не очевидны: они скрыты в толще языкового материала. В то же время их понимание предполагает высокую степень абстрагирования, учет принципа дополнительности, связанного с описанием языка на разных (в том числе исключающих друг друга) основаниях.

Практическое языковое сознание достаточно эффективно использует антиномические стороны (иначе язык не был бы ни функциональным, ни развивающимся), но обыденные метаязыковые представления не могут их охватить в достаточно полной и глубокой степени¹. Для индивидуального обыденного метаязыкового сознания характерно некоторое упрощение сложных причинно-следственных связей; в этом упрощении можно легко обнаружить замену объективной диалектики на односторонние представления. Многие из них, будучи поддержаны школьными установками, многократно повторяются, и на этой основе в мас-

¹ Впрочем, если иметь в виду «совокупного носителя языка» – весь народ, то в своде его лингвистических суждений (отраженных, например, в пословицах) можно найти отражение диалектики языка в полном соответствии с принципом дополнительности: *Язык хлебом кормит и дело портит*. Ср., с одной стороны: *От слова не сбудется (не станется, не прикинется)*; *Словом человека не убьешь*; *Слово не обух – в лоб не бьет*, с другой стороны: *Словом убить можно*; *Не ножа бойся, языка*; *Бритва скребет, а слово режет*; *Слово не стрела, а пуще стрелы*; *От одного слова – да на век ссора*; с одной стороны: *Язык с Богом беседует*; *Язык – стяг, дружину водит*, с другой стороны: *Язык до добра не доведет*; *Всякая сорока от своего языка гинет*. В пословицах легко находим неодоборительное отношение как к многословию и краснобайству (*Много знай, да мало бай*; *Много баять не подобает*; *Ради красного словца не пожалеет и отца*), так и неодоборительное отношение к неумению говорить (*Говорит, как клещами на лошадь хомут тащит*) [Даль 1989].

совом метаязыковом сознании формируются устойчивые стереотипы, многие из которых по праву могут быть названы лингвистическими легендами или мифами. Не исключено, что сама их закреплённость и массовость – признаки национальной ментальности, в той ее сфере, где обыденное сознание стремится преодолеть свою «наивность» и трансформировать интуитивные представления в понятия более высокого уровня. Изучая эти понятия, можно, по-видимому, выходить на самые высокие категории наивной философии языка и говорить о таких особенностях обыденного национального метаязыкового сознания, как его склонность к лингвофилософскому материализму или идеализму, прагматизму или романтизму, объективизму или мистицизму, рационализму или интуитивизму. Пока данные категории остаются малоизученными, во всяком случае нам не известны работы с такой постановкой вопроса¹.

Изучение обыденного метаязыкового сознания является актуальным, исключительно перспективным (и в фундаментальном, и в прикладном аспектах) направлением когнитивной лингвистики. Представим некоторые конкретные результаты нашей работы в этой области. Исследования были осуществлены на материале заочного тура краевых олимпиад для абитуриентов, проводимых филологическим факультетом Алтайского университета в 1987–2000 годах. Олимпиады включали следующие вопросы и задания: 1. Зачем нужно изучать русский язык в школе? 2. Зачем нужно писать единообразно? 3. Почему к опискам в школе отношение снисходительное, а к ошибкам – нет? 4. Чем обосновано неразличение на письме Е и Ё и какова оценка такого неразличения? 5. Предлагалось прокомментировать нарочито неграмотное письмо школьника, который утверждал, что не имеет значения, как пишут – с ошибками или без ошибок – все равно все понимают написанное и однозначно воспринимают то, что имел в виду автор. 6. Предлагалось привести реальные (непридуманные) случаи недоразумений, возникающих из-за орфо-

¹ В одной из статей мы поставили этот вопрос на материале фактов, проявляющих отношение языкового сознания к внутренней форме слова. Мы полагаем, что оппозиция этимологического доверия к слову и его внутренней форме есть отражение лингвистического романтизма; этимологический скепсис отражает философию прагматизма [Голев 1998: 9–20]. Не исключено, что тяготение к тому или иному полюсу имеет национальную окраску. По отношению к орфографии такая постановка вопроса может быть спроецирована на проблему принципов решения орфограмм: тяготению к объяснению выбора формы написания (рационализм, абсолютизация отражательного принципа) или к необъясняемым написаниям (интуитивизм, признание условного характера письма).

рафических ошибок. 7. Предлагалось прокомментировать цитату из учебного пособия, в которой утверждалось, что русский язык постепенно улучшается в результате неустанной деятельности лингвистов и писателей.

Остановимся лишь на одной черте обыденного метаязыкового сознания, которую мы называем орфографоцентризмом¹. Эта черта сформировалась в сфере обыденных представлений о взаимоотношении устной и письменной форм речи, издавна имеющих фидеистический характер. Письменной речи и буквам придавался особый смысл. Это нашло отражение даже в сознании лингвистов, о чем в свое время писал Ф. де Соссюр, характеризую влияние букв на представления о звуках у Боппа и Гримма: «Графическое слово столь тесно переплетается со словом звучащим, чьим изображением оно является, что в конце концов присваивает себе главенствующую роль. <...> Такое заблуждение существует издавна, и ходячие о языке мнения этим именно и грешат» [Соссюр 1977: 69]. Мифы такого рода весьма устойчивы, и нет сомнения в том, что они легко обнаружатся в современном языковом сознании.

Важно помнить о живучести **сакральных** представлений об орфографии [Мечковская 1998: 75] и их способности подменять (хочется сказать – подминать) реалистические, объективистские воззрения на язык вообще и на его взаимоотношения с орфографией в частности: «Пиетет перед орфографией – в ущерб вниманию к другим, более содержательным сторонам языка, – к сожалению, сохраняется до сих пор. Именно орфография чаще всего отождествляется популярным сознанием с языком и ошибки в орфографии – с незнанием языка» [Мечковская 1998: 75]. Наши исследования показывают всю правомерность такого наблюдения.

Особенности обыденного метаязыкового сознания рядовых носителей русского языка мы рассматриваем на материале их рефлексий по поводу соотношения русского языка и письма (и в частности орфографии). Эта тема всегда была камнем преткновения для обыденного сознания в силу разнонаправленных тенденций, определяющих данное соотношение: центробежных (письмо дистанцируется от языка, стремясь к определенной условности и по отношению к звучанию, и по отношению к смыслу) и центростремительных (письмо – продолжение языка, одна из форм его

¹ Подробно анализ экспериментального материала дан в специальных статьях [Голев 1999; Голев 2000а; Голев 2000б].

существования, стремящаяся зафиксировать речь во всех ее проявлениях).

Примечательно, что, исходя из значимости письма в современной жизни, некоторые психологи считают возможным говорить об особом письменном сознании людей. «Письменное сознание - это отношение общества к знаково-графической стороне своего существования» [Шкуратов 1997: 387]; «помимо письменного сознательного существует и письменное бессознательное; в последнем нет разделения «я» и предмета его рефлексии; вся текстуальная масса вместе с погруженной в нее человеческой активностью может быть названа письменной ментальностью» [Шкуратов 1997: 389]. А. Шкуратов справедливо отмечает, что письменное сознание не стало до сих пор объектом психологического изучения. Как нам представляется, и лингвистическим объектом.

Мы подошли к одной общезначимой языковой и дидактической проблеме, пока еще плохо осознаваемой обществом. Уже более столетия русской нации вольно или невольно навязываются **орфографоцентристские** представления о русском языке, ставящие знак равенства между правописанием и русским языком. Наш эксперимент показывает, что 9 из 10 рядовых носителей русского языка отвечают, что русский язык нужно изучать в школе для того, чтобы «писать без ошибок (грамотно, правильно)». Каким образом в таком понимании роли орфографии в языке сказывается сакральность? Прежде всего, в отсутствии глубокой рациональной мотивации, которая отражала бы связь орфографии с коммуникативной функцией языка, в переносе мотивации в этические и эстетические сферы. Разумеется, это та мотивация, которая внушена учителями, которые, в свою очередь, воспринимают ее через методическую литературу, отражающую научные представления о роли орфографии в речевой деятельности. Надо сказать, что в теории орфографии коммуникативный аспект не разрабатывается – вся орфография в школе ориентирована на деятельность пишущего, в сознании которого формируется презумпция как бы само собой разумеющейся необходимости «соблюдать правила», писать так, а не иначе, чтобы обеспечить 100%-ное единообразие.

По данным опроса, характер мотивации орфографической деятельности у рядовых носителей русского языка связан не с коммуникативной, а с другими функциями. Было выделено 8

основных, наиболее часто встречающихся мотивов: гуманитарный, общеобразовательный, общекультурный (*чтобы быть грамотным, образованным, культурным, развитым*); чисто практический, утилитарный (*чтобы проще поступить в вуз, чтобы грамотно заполнять документы*); патриотический (*чтобы сохранить русский язык, чтобы не позорить русскую нацию, чтобы повысить уровень грамотности в стране*); «этический» (*чтобы не было стыдно, чтобы не краснеть*); эстетический (*чтобы приятнее было читать; так красивее, для красоты*); жестко консервативный (*для порядка, для соблюдения традиции*); репрезентативный (*чтобы показать свою грамотность; человек должен знать и уметь все, что ему дается*). Лишь 17% опрошенных связывают орфографию с «коммуникативно-прагматической» функцией (*чтобы легче, понятнее было читать, чтобы лучше понимать написанное*).

Сакральное орфографическое мышление порождает миф 1: ошибки с неотвратимой неизбежностью приведут к недопониманию, непониманию. Никто и никогда это утверждение научно (объективистски) не доказывал. Тем не менее все уверены в этом. Миф держится на придуманных недоразумениях (как, например, с омофонами), которых в реальной коммуникативной жизни фактически не так много, но которые кочуют из пособия в пособие. Доказательства в популярных и так называемых занимательных пособиях по орфографии сводятся к рисункам, вроде тех, что изображают бабушку, которая взялась полоскать в тазике котенка, так как получила от внука письмо с просьбой: «Бабушка, полоскай моего котенка». Суперграмотность бабушки скорее симптом болезни, чем норма. Подлинная норма речи в подобных случаях – ориентация на контекст в целом. Контекст и коммуникативная ситуация обладают достаточной защитой от разных двусмысленностей, мелких нарушений речи и помех. Нормой является умение отвлекаться от них в пользу непрерывности коммуникативного процесса. Кстати, описки или плохой почерк – куда более серьезные помехи для понимания текста, но к ним отношение снисходительное, в отличие от жестко-непримиримого (вплоть до «запрета на профессию», в ситуации вступительных экзаменов) отношения к ошибкам.

Миф 2. Русская орфография мотивирована русским языком, и орфографические правила, следовательно, способствуют его изучению. Но орфографические правила не более, чем мнемотехнический прием (причем далеко не совершенный – бессистем-

ный, громоздкий), с помощью которого сложившиеся написания задним числом привязываются к языку (нередко с помощью сверхсложных для обывденного сознания лингвистических понятий). Такая мотивация никак не способствует формированию научных представлений о русском языке. А сложные правила, в силу недоказуемой их мотивировки, становятся предметом не науки, а веры. Существует довод, с помощью которого в школе доказывают полезность сложной, металингвистически обоснованной орфографии - она-де способствует изучению русского языка. Это явный миф. В течение многих лет целью изучения русского языка в школе является усвоение орфографии. Это означает, что русский язык изучается, исходя из неверных презумпций, предполагающих бессистемное, поверхностное знание. Русский язык становится не предметом познания, а инструментом особой – орфографической – мнемотехники (каковую представляет система правил).

Миф 3, вытекающий из мифа 2. Если ты написал правильно, но не можешь объяснить, почему нужно писать так, а не иначе, значит, твое правильное написание случайно. Другими словами, интуитивная, естественная грамотность объявляется второсортной. Вместо того, чтобы изучать ее закономерности и переводить их на язык массовой методики, способной обеспечить «естественную» грамотность, ее изгоняют из школы. «Естественную» в нашем понимании – не 100%-ную (вариативность в определенных границах, которые могут установить лингвисты, вполне естественна), а достаточную для удобного (легкого) письма, не создающего помех взаимопониманию в обывденном общении.

Может показаться, что изучение обывденного языкового сознания имеет сугубо теоретический, умозрительный характер. Это не так. Орфографоцентризм как явление определяет важные аспекты школьного образования и многих сторон нашей общественной жизни. Остановлюсь на одной из последних образовательных тенденций, связанной с переходом вступительных и выпускных экзаменов на новые формы.

Отечественному образованию предлагается модель, апробируемая в течение нескольких последних лет Центром тестирования выпускников общеобразовательных учреждений Российской Федерации. Такое тестирование в документах Центра именуется **государственным**. Увы, мы не знаем, каким образом присваивается программам данный статус, как не знаем и того, кто, где,

когда, исходя из чего, каким образом разрабатывал программу центра. Хотелось бы узнать, была ли конкуренция программ, как проходило их обсуждение (пусть не широкое общественное – хотя бы кабинетное) и т.п. Мы имеем лишь результат – тесты, «спускаемые» центром для всеобщего выполнения. И можем говорить только о них в содержательном плане.

Вот каково их **содержание**: орфография – 26 заданий, пунктуация – 13 заданий, культура речи – 6. Откуда у разработчиков и проводников концепции тестирования «по вставленной букве» уверенность в том, что русский язык вмещается в очерченные ими границы? Буква-то в тестах есть, а вот есть ли дух?

И здесь мы подошли к той самой общезначимой языковой и дидактической проблеме, пока еще плохо осознаваемой обществом, названной нами орфографоцентризмом. Уже более столетия русской нации вольно или невольно навязываются орфографоцентристские представления о русском языке, в которых между правописанием и русским языком ставится знак равенства. Факт, что 9 из 10 русских на вопрос, «Зачем в школе нужно изучать родной язык?» ответят: «Для того, чтобы писать без ошибок», далеко не безобидный. Этот честный ответ вытекает из той громады времени и тех усилий, которые уходят в школе на попытки овладеть премудростями русской орфографии. Многие другие, куда более важные, разделы курса русского языка и культуры речи, по существу, занимают периферийное место в школе. Спросите у учителей, по каким критериям оценивают их высокие проверяющие комиссии? Спросите у преподавателей, проверяющих письменные работы на выпускных и особенно вступительных экзаменах, что является главным при выставлении оценки? Их ответ очевиден: критерий, конечно, – грамотность, доведенная до схоластически жестких норм, что в переводе на житейский язык означает – орфография решает судьбы молодых людей. Наверняка в глубине души многим кажется весьма сомнительным такое «право», но мифы, увы, рядятся в одежды объективности, естественности, целесообразности, и это подавляет сомнения.

Отдельный вопрос: на каком основании, каким образом приобрела орфография юридическую силу, причем такую силу, которая не регламентирована официальным правом. Похоже, что в сферу образования юстиция редко заглядывает: кто, где, как должен устанавливать содержание и формы вступительных экзаменов, ее мало интересует, хотя это важнейшая область соци-

альной жизни с огромным конфликтогенным потенциалом, остро нуждающаяся в правовом регулировании.

Вернемся, однако, к лингвистике. Немалую роль в выдвижении правописания на первый план в школьном курсе русского языка сыграло то обстоятельство, что изначально обучение грамотному письму связывалось с **правилами**, некими лингвистическими формулами (легендами), призванными «облегчить» выбор правильного написания типа *неглаженные брюки* (ибо полное прилагательное) – *давно не глаженные* брюки (ибо полное причастие), *решение обосновано* (ибо краткое причастие) – *решение обоснованно* (ибо краткое прилагательное) и пр. Под воздействием такого рода объяснений русский язык начинает изучаться **применительно к орфографии**, орфографические объяснения отождествляются в сознании учителей и учеников с теорией, а та становится как бы призванной обслуживать правописание. Это и есть то, что мы называем орфографоцентризмом. Более того, эти объяснения в определенной мере **сакрализуются**: складывается отношение к ним как к неким священным текстам, подлежащим безоговорочному приятию, но не обсуждению. Они как бы нерукотворны и даны «свыше».

Именно поэтому утверждение о том, что абсолютная грамотность большинству людей, за исключением корректоров, редакторов и т.п., просто не нужна, вызывает шок, возмущение и отторжение: общество не готово к этим простым, логичным, вполне правомерным выводам. Естественнонаучное отношение к орфографии пока не может пробиться сквозь многочисленные мифы орфографоцентристского обыденного сознания. Об этих мифах я писал в своей книге «Антиномии русской орфографии» [Голев 1997].

Мне важно подчеркнуть другое. Орфографоцентризм воспринимается как презумпция лингвистического мышления не только у рядовых пользователей русским языком. На него ориентируются и чиновники от просвещения (как, впрочем, многие учителя, методисты, а то и ученые, но здесь не о них речь) – все они «выученики» нашей школы, накрепко запомнившие, как их учили на уроках русского языка лисьму без ошибок. Именно поэтому легко проходят в качестве программы вступительного экзамена по русскому языку тесты, на 90% состоящие из орфографии и пунктуации – самого элементарного, «минимально коммуникативного» уровня языковой способности.

Все это особенно отчетливо видно на фоне усиливающегося требования давать в школе более широкие и глубокие представления о русском языке, предполагающие всестороннее развитие речевых способностей ученика. С этой точки зрения, главная цель обучения русскому языку в типовой (массовой, общеобразовательной) школе связана с практическим владением русским языком в его различных функциональных разновидностях: устной и письменной, разговорной и книжной, – с умением грамотно, связно, убедительно говорить, адекватно воспринимать и понимать речевые произведения разных жанров и т.д. Такие установки постепенно переходят от уровня романтических деклараций отдельных ученых и учителей к программному методическому оформлению. Сейчас уже есть несколько весьма интересных программ, учебников, есть школы, в которых они воплощаются в жизнь. Данное направление приобрело актуальность и в связи с внедрением в школьную программу риторики. Именно риторика утверждает ценности, которые соотносят изучение языка с его высоким предназначением не только в сфере коммуникации, но и в мышлении, этике, эстетике, социальной жизни.

Н.Е. Богуславская

Изучают ли школьники русский язык на уроках русского языка?

Не вызывает сомнения зависимость культурно-речевой ситуации в стране от состояния школьного образования, и прежде всего от того, насколько успешно изучается в школах России русский язык. Успех же в изучении любого учебного предмета в значительной степени определяется тем, как этот учебный предмет воспринимается детьми, в какой степени осознают они его содержание, цели и задачи, как оценивают его занимательность и практическую полезность.

Опрос (анкета и тест) учащихся шестых–десятых классов ряда школ Екатеринбурга позволил ответить на некоторые вопросы, связанные с восприятием школьниками курса русского языка – этого ведущего, важнейшего во всей системе школьного образования учебного предмета.

Ответ на первый вопрос анкеты «Назовите три самых интересных школьных предмета» показал, что русский язык в числе любимых предметов называли 25,7 % учащихся. Таким образом, в

рейтинге ученических симпатий он занимает вполне достойное место, уступая математике (39 %), физкультуре (28 %), но опережая биологию (19 %), литературу (17 %), географию (10 %). Не претендуя на абсолютную достоверность, которая обеспечивается при опросе гораздо более широкого круга информантов, эти цифры тем не менее обнаруживают определенную тенденцию в формировании познавательных интересов школьников.

На второй вопрос «Что вам кажется особенно интересным на уроках русского языка?» мы, как и ожидалось, получили самые разнообразные ответы (в том числе *«не знаю, что интересно»*, *«ничего нет интересного»*). Многие учащиеся связывают интерес к предмету с организацией урока, **характером учебной деятельности**: нравятся интересные упражнения, игры, конкурсы; нравится, *«когда задают сделать что-то самостоятельно»*, *«когда учитель дает поразмыслить»*, *«когда мы больше говорим, чем пишем»*, и наоборот, *«нравится писать»* (сочинения, изложения, даже диктанты).

Интерес детей к предмету во многом зависит от **успешности усвоения** учебного материала: *нравится, «когда изучаем легкую тему»*, *«когда учитель объясняет новую тему и я ее понимаю»*, *«когда можно исправить отметку»*, *«нравится получать хорошие отметки»*.

В целом ряде случаев положительное отношение к предмету прямо связывается с **профессиональным мастерством** или **характером** учителя, атмосферой на уроке: *«Нравится учительница, как она ведет урок»*; *«Нравится, что на этих уроках мы много смеемся»*; *«Хорошо, что на этих уроках можно спорить, даже с учителем»*; *«Когда учительница в хорошем настроении, тогда она добрая и на уроке интересно»*.

Признавая естественность и закономерность такого рода детских суждений, приходится с сожалением констатировать, что в поисках самого интересного на уроках русского языка очень немногие школьники обратились к самому **содержанию** изучаемого курса и таким образом обнаружили какие-то начала собственно лингвистического интереса: *«Интересно разбирать слова»*; *«Интересно узнавать, как и от чего образованы слова»*; *«Интересно узнавать что-то новое из грамматики»*; *«Интересно изучать сложные предложения»*.

Организуя учебный процесс, учитель не может не учитывать степень и характер интереса детей к его предмету. Всеми доступными ему методическими средствами он должен формиро-

вать и поддерживать этот интерес, и прежде всего – познавательный интерес к самому содержанию изучаемого курса.

Естественно, нас интересовало, насколько ясно представляют себе школьники содержание курса родного языка. Ученикам был предложен вопрос: «Что вы изучали на уроках русского языка?»

Подавляющую часть ответов (более 80 %) на этот вопрос можно свести к утверждению: учились правильно писать и говорить («*Мы изучали, как правильно писать*»; «*Учили правила правописания существительных, прилагательных*»; «*Учились, как правильно говорить и писать*»; «*Учились, как правильно и красиво составлять предложения и текст*»; «*Учили, как ставить знаки препинания*» и др.).

Примерно в 40 % ответов при этом называются некоторые разделы программы (изучали лексику, грамматику и т.д.), но без всякого указания на их содержание.

Мы видим, что содержание курса русского языка представляется учащимся весьма неопределенно. Закономерно встает вопрос: а понимают ли школьники, что такое «русский язык» и «язык» вообще? В связи с этим нашим информантам было предложено задание: «Как вы понимаете, что такое язык? Что значит говорить на одном и том же (например, русском) языке?»

Большинство полученных ответов (более 85 %) сводятся к заученному утверждению, что язык – это средство общения, а говорить на одном и том же языке – значит понимать друг друга. Таким образом, правильно определяя функцию языка как средства общения и взаимопонимания, школьники уходят от ответа на вопрос о **сущности** языка, о том, что такое языковая общность. Лишь незначительное число (не более 6 %) учеников пытаются объяснить знаковую сущность языка: язык – это «*выражение мыслей при помощи знаков и сочетаний в речи и на письме*», «*совокупность слов и речевых оборотов, используемых в общении с людьми*», «*набор слов, звуков, букв, понятных определенному кругу людей*», «*правила образования предложений*». Говорить на одном и том же языке – значит «*пользоваться словами, буквами, звуками, которые понятны окружающим*», «*произносить некоторые звуки в определенной последовательности, из звуков получаются слова, которые обозначают определенные вещи и действия*».

Немногочисленные ответы такого рода свидетельствуют о стремлении и, главное, способности школьников понять то, что им не было объяснено ни в учебниках русского языка, ни, очевид-

но, на уроках. Многие из этих ответов вместе с тем говорят о характерном для большинства носителей языка неразличении языка и письменности. Показателен в этом отношении ответ: *«Говорить на одном и том же языке – значит пользоваться одним и тем же алфавитом»*.

Наблюдения, сделанные нами на основе детских рассуждений, заставляют серьезно задуматься не только о состоянии школьного преподавания русского языка, но и о самой постановке этого курса. Здесь мы подходим к вопросу, очень существенному для методики преподавания любого языка: о целесообразном соотношении в учебном курсе лингвистической теории и речевой практики.

«Мы можем и должны различать два понятия – знание языка и владение языком. Владеть языком – значит пользоваться этим языком в процессе коммуникации, общаясь друг с другом. А знать язык – значит иметь в своем сознании, своей памяти некоторую систему понятий и представлений о языке в целом и некоторых его, не обязательно даже всех компонентах... Мы можем с Вами владеть языком и не знать его. Это сплошь и рядом случается, когда речь идет о нашем родном языке» [Мурзин, Семенюк 1994: 32–33].

Итак, владение родным языком или знания о нем? Этот непростой вопрос постоянно обсуждается лингвистами и методистами, особенно в связи с формированием учебных программ и созданием новых учебников для школы. В недавно утвержденном Федеральном образовательном стандарте названы три основные задачи обучения русскому языку как родному: 1) формирование элементарной лингвистической компетенции (знания о языке); 2) формирование языковой компетенции (владение языком, его нормами); 3) формирование коммуникативной компетенции (овладение различными видами речевой деятельности) [Учебные стандарты... 1998: 69].

Положение это принципиально важно. Постоянное и усиленное внимание к практической направленности уроков русского языка (что само по себе оправданно) привело к нежелательной крайности – стойкому представлению (не только у учеников, но и у многих учителей) об исключительно прикладном характере курса русского языка и, следовательно, к недооценке лингвистических знаний, их места в системе довузовского гуманитарного образования. Определяя формирование элементарных лингвисти-

ческих знаний как одну из самостоятельных задач изучения русского языка, Федеральный стандарт ставит все на свои места. Причем «в содержании стандарта включены отдельные сведения, которые хотя и отсутствуют в ныне действующих учебниках, но ... способны существенно повысить качество обучения», например, словообразовательное значение морфем, предикативность, элементы актуального членения предложения и др. [Учебные стандарты... 1998: 69].

Таким образом, одна из целей цитируемого документа – открыть «перспективу для дальнейшего совершенствования курса родного языка» [там же], и в этом его несомненное значение. И все же главный вопрос, связанный с изучением лингвистической теории в школе, и в этом документе остается нерешенным.

Элементарная компетенция в любой области знаний начинается с осознания предмета изучения, понимания его сущности как определенного явления действительности. В образовательном стандарте элементарной лингвистической компетенцией признается знание о русском языке как общественном явлении и развивающейся системе. Таким образом, язык как общественное явление и развивающаяся система и есть предмет изучения на уроках русского языка. Однако в перечне теоретических понятий, составляющих содержание курса, не упоминается ни **языковая система**, ни сам **язык**. Предполагается, очевидно, что представление о языке, о языковой системе формируется само собой в практике изучения лексики, фонетики, грамматики русского языка. Как показали результаты нашего опроса, это далеко не так.

Никак не обозначен и не объяснен предмет изучения в типовом школьном учебнике (под ред. Н.М. Шанского), по которому работают большинство школ. В другом типовом учебнике (Бабайцева В.В., Чеснокова Л.Д. Русский язык: Теория: Учебник для 5–9 кл. М., 1992) делается такая попытка (правда, только в вводной статье, по-видимому, не предназначенной для пристального чтения): «Разнообразные языковые средства, которыми мы пользуемся при общении, образуют систему. Строение языка издавна привлекает внимание ученых». Однако никаких разъяснений относительно того, что это за «средства» и каким образом они «образуют систему», не дается. А без объяснений вряд ли эти формулы понятны ученику, которому вводная статья адресована.

В этом плане школьные учебники по русскому языку невыгодно отличаются от учебников по другим предметам, в которых с первой страницы четко очерчиваются предмет и задачи конкретной науки, например: «То, из чего состоят физические тела, называется веществом... Химия – наука о веществах, их свойствах, превращениях веществ и явлениях, сопровождающих эти превращения» [Рудзутис Г.Е., Фельдман Ф.Г. Химия: Учебник для 8 кл. М., 1991] или «Современная география – это система наук, изучающих природу, население, хозяйство отдельных стран и Земли в целом» [Сухов В.П. Физическая география: Учебник для 6–7 кл. М., 1995].

Даже в заключительном разделе курса «Общие сведения о языке» ни стандарт, ни действующие учебники не предусматривают никаких сведений о сущности языка как знаковой системы, об элементах, образующих эту систему, о законах, по которым эти элементы соединяются в речи. А ведь все это в виде разрозненных, фрагментарных сведений изучается на уроках фонетики, лексики, словообразования, грамматики, но без необходимых объяснений не складывается в сколько-нибудь осознанное представление школьников о языковой системе. Не случайно абсолютное большинство учащихся не в состоянии объяснить, что такое язык, какое содержание они вкладывают в это слово. Формула же «Язык – основное средство общения» остается для них фразой, содержание которой им по-настоящему непонятно.

Учитывая объективную сложность языка как предмета лингвистического описания, мы тем не менее считаем не только возможным, но и необходимым объяснить детям содержание понятия «языковые средства», раскрыть их роль в построении и понимании речевых произведений и, следовательно, в общении, взаимопонимании между носителями одного языка. Это тем более естественно, что в основу содержания стандарта по русскому языку положено разграничение языка и речи и раздел «Речевая деятельность» начинается с определения речи как «использования средств языка для целей общения» [Учебные стандарты... 1998: 69].

Только на основе достаточно глубоких и системных знаний о языке возможно формирование у детей серьезного интереса и способностей к изучению языковых явлений.

Теперь несколько замечаний, касающихся прикладных аспектов школьного курса русского языка.

С удовольствием отмечаем, что школьники, в своем абсолютном большинстве, правильно оценивают практическую значимость изучения русского языка. Типичные ответы на вопрос «Для чего нужны уроки русского языка?»: чтобы *«грамотно писать»*, *«грамотно выразить свои мысли»*, *«правильно строить свою речь»*, *«уметь правильно разговаривать с людьми»* и т.п. Значительно, что во многих ответах отмечается важность уроков русского языка для овладения **устной речью, культурой общения** с людьми. Показательно в этой связи, что на вопрос «Важно ли для человека писать грамотно?» из четырех ответов (очень важно, не очень важно, не важно, не знаю) 98 % информантов выбирают ответ «очень важно», а на вопрос «Считаете ли вы, что умение хорошо говорить полезно для человека?» все 100 % отвечают «очень полезно», иногда резонно аргументируя это утверждение такими, например, доводами: *«Без этого в жизни ничего не добьешься»*; *«Это поможет поступить в хорошее учебное заведение»*; *«Нужно правильно ставить ударение. По этому судят о культуре человека»*; *«Благодаря этому в дальнейшем можно найти престижную работу»*.

Как же оценивают учащиеся собственные речевые умения?

На вопрос «Грамотно ли вы пишете?» ответ «грамотно» выбрали 12 % информантов, «не очень грамотно» – 85 %, «неграмотно» – 3 %. Здесь, как мы видим, дети довольно самокритичны (хотя, судя по записям в анкетах, и эта самооценка во многих случаях бывает явно завышенной). На вопрос же «Хорошо ли вы умеет говорить?» 56 % школьников выбрали ответ «хорошо», 36 % – «не очень хорошо», 3 % – «плохо», 5 % – «затрудняюсь ответить».

Что же помешало учащимся в этом случае быть столь же самокритичными, как в оценке своих правописных умений? И знакомы ли они вообще с критериями оценки устной речи?

На следующий вопрос «Что значит хорошо говорить?» в большинстве анкет даются вполне разумные ответы: это значит «правильно, четко выразить все свои мысли», «говорить без слов-паразитов, без ошибок, без всяких “э-э-э” и “м-м”», «говорить так, чтобы всем было интересно», «правильно ставить ударение», «говорить правильно и понятно», «говорить так, чтобы не обидеть собеседника».

Ответы школьников неопровержимо свидетельствуют о том, что усиление внимания учителей-словесников к вопросам

культуры устного речевого общения (особенно в связи с внедрением в школьную практику курса практической риторики) дало свои результаты: дети усвоили некоторые сведения о культуре речевого общения, о качествах «хорошей» речи. Однако знания школьников в этой области слишком фрагментарны, носят чисто умозрительный характер и потому не служат практическим руководством к оценке собственной речевой деятельности. Отсюда та высокая оценка своего умения говорить, о которой упоминалось выше. Повышение теоретического и методического уровня культурно-речевого и риторического обучения – одна из актуальнейших задач современной школы.

Таким образом, письменный опрос учащихся позволил нам взглянуть на курс русского языка глазами самих школьников, что, в свою очередь, дало основание для некоторых суждений относительно перспектив путей совершенствования преподавания русского языка в средней школе, оздоровления культурно-речевой ситуации.

С.А. МИНЕЕВА

Риторика в развитии культурно-речевой ситуации России

В повседневной жизни каждый человек постоянно находится в непосредственном (контактном) или опосредованном (электронными / печатными средствами) общении с другими людьми. Некоторые общаются более умело, другие менее умело. «Плодотворное существование» невозможно вне вербального общения. Основные способы речевого взаимодействия, как правило, возникают на основе стихийно сложившегося, эмпирического опыта, предшествующей практики общения, которая включала в себя произвольную имитацию попавших в поле зрения моделей речевого поведения людей, персонажей мультфильмов, видео- и телефильмов. В предыдущие десятилетия активно воспроизводилось и речевое поведение любимых книжных персонажей.

Известно, что у человека есть генетическая потребность в общении с другими людьми, современниками и предшественниками. Качество реализации этого взаимодействия зависит от «социальной ситуации развития» (Л.С. Выготский), в ней личность «взрослеет». Эта ситуация включает набор типичных моделей общения, в том числе обучение способам и содержанию общения в

школе или других образовательных институтах (дополнительных формах образования). Однако лишь отчасти освоение способов культурного речевого взаимодействия в образовательных институтах происходит за счет целенаправленных усилий в обучении. Речь идет именно о целенаправленном обучении способам диалога, а не разговорах о диалоге, спонтанно возникающих на уроках русского языка и литературы и помогающих школьникам открывать иную предметность. К сожалению, обязательный набор школьных предметов (базовый компонент) для российских школ не содержит учебных дисциплин, предметом которых являлось бы освоение способов содержательного общения. Факультативные дисциплины, связанные с изучением речевого этикета, культуры речи и поведения, не в полной мере решают эту проблему, поскольку знакомят с *формулами* взаимодействия, т.е. внешними способами оформления ситуации взаимодействия в соответствии с нормами, принятыми в обществе, но не учат способам постижения сущности содержательного диалога. Школьная ситуация США, например, принципиально иная: Communication skills, Speech activities, Public speaking и Rhetoric занимают большое место в базовом компоненте, наряду с English – изучением родного языка.

Современная общественная ситуация в России актуализирует потребность в развитых культурных способах взаимодействия людей, поскольку проблемы, с которыми они ежеминутно сталкиваются, требуют кооперации и умений договариваться, приходить к согласию, воздействовать друг на друга, не навязывая своего решения, точки зрения, мнения, а в ходе обсуждения приемлемых вариантов решения. Такое обсуждение предполагает осмысление, которое может привести к отказу принять точку зрения или предложенный вариант решения, к уточнению и изменению (компромиссу) своего подхода или к его принятию в авторском варианте. К сожалению, повсеместно (в семье, функциональных учебных и трудовых группах и т.п.) ощущается острый дефицит диалогической культуры, способности договариваться (приходить к согласованным решениям) и кооперироваться для решения накопившихся локальных и глобальных проблем.

Это не только российская ситуация, но и мировая. Обратимся к Декларации и Программе действий в области культуры мира, принятым 13 сентября 1999 года Генеральной Ассамблеей ООН. Приведем выдержки из Декларации и Программы, кото-

рые определяют приоритеты в образовании, связанные с освоением и развитием способов диалогического общения и культуры. В статье 1, например, указывается: «Культура мира является сочетанием ценностных установок, мировоззренческих взглядов, традиций, типов поведения и образов жизни, основанных на уважении к жизни, прекращении насилия и поощрении ненасилия и практическом отказе от насилия через посредство образования, *диалога и сотрудничества*; полном уважении и поощрении всех прав человека и основных свобод; уважении и поощрении прав каждого *на свободу выражения мнений и убеждений* и свободу информации; приверженности принципам свободы, справедливости, демократии, терпимости, солидарности, сотрудничества, *плюрализма*, культурного разнообразия, *диалога и взаимопонимания* на всех уровнях общества и между народами». Более полное становление культуры мира (статья 3) неразрывно связано с предоставлением людям на всех уровнях возможности развивать навыки диалога, переговоров, формирования консенсуса и мирного урегулирования разногласий. Из обширной программы действий в области культуры мира, разработанной ООН, напомним лишь некоторые моменты: «...обеспечивать просвещение детей, начиная с раннего возраста, в вопросах ценностных установок, мировоззренческих взглядов, типов поведения и образов жизни, с тем, чтобы они могли *разрешать любые споры мирным путем* и в духе уважения человеческого достоинства и терпимости и недискриминации; вовлекать детей в мероприятия, прививающие им ценностные установки и идеалы культуры мира; поощрять и поддерживать усилия, предпринимаемые участниками, указанными в Декларации, в частности Организацией Объединенных Наций, по вопросам образования, науки и культуры, которые направлены на формирование ценностных установок и навыков, способствующих становлению культуры мира, в том числе в областях образования и подготовки кадров в вопросах содействия *развитию диалога* и формированию консенсуса; содействовать проведению мероприятий в рамках *Года диалога* между цивилизациями под эгидой Организации Объединенных Наций в 2001 году».

На мой взгляд, культурно-речевая ситуация в мире и России такова, что мы не можем ограничиваться полумерами как в гуманитарных науках, так и в образовании. Исследования в области диалогической культуры и программы освоения и развития диалогической культуры должны стать приоритетными.

Мы попытались найти свой путь решения данного вопроса. Для этого уточнили понимание риторики, как в исследовательском плане, так и в качестве предмета изучения. *Риторика* понимается нами как *деятельность* по созданию, исполнению и рефлексии (а также реконструкции замысла уже созданного текста) авторско-адресного, устного или письменного, монологического (потенциального, более или менее выраженного с помощью диалогических средств) или диалогического (с разной степенью воздействия: от информирования и услаждения до убеждения, агитации и побуждения) нехудожественного текста на определенную тему. В ней «опредмечены» (А.Н. Леонтьев) складывавшиеся тысячелетиями инструменты, отрефлексированные многими практиками и учеными способы и закономерности, которые, если с ними не просто ознакомиться, но и освоить («распредметить», научиться действовать на их основе), могут обеспечить более разумные и рациональные способы взаимодействия людей в процессе повседневной жизни, общения, познания и труда.

Что дает такой подход в исследовании проблем риторики? Во-первых, возможность методологически опереться на достижения, прежде всего отечественной, теории деятельности, как в психологии, так и в психолингвистике. Во-вторых, выделить единый категориальный аппарат для описания столь разнородных объектов исследования: *создание* риторического текста как потенциального диалога; *исполнение*: вербальный диалог непосредственного равноправного взаимодействия, мысленный диалог в процессе непосредственного монологического и опосредованного (радио-, теле- и печатного) общения; *рефлексия* как критическое осмысление собственной деятельности (составная часть любой полноценной деятельности или действия) и как риторический жанр. Тот же понятийный аппарат вполне применим и для *реконструкции* риторического текста. Речь идет не столько о восприятии, сколько о понимании замысла автора.

Из сказанного следует, что можно описать риторику как деятельность с помощью двух систем: а) системы понятий, связанных с риторическим текстом; б) системы понятий, связанных с каждым этапом риторической деятельности (создание, исполнение, рефлексия, реконструкция).

Представим в качестве примера систему понятий, раскрывающих сущность нашего понимания «риторического текста».

Известно, что целостность и связность – основные свойства любого текста. Кроме этих свойств, риторический текст имеет некоторые другие характеристики. Но сначала конкретизируем понимание свойств целостности и связности для риторического текста.

Целостность риторического текста обеспечивается совокупностью понятий: *тема* → *аудитория* → *целевая установка* → *тезис* (о чем? – кому? – зачем? – что?). *Связность* обеспечивается методом изложения тезиса, способами его развертывания и речевыми и языковыми средствами оформления отношений частей тезиса.

Назовем *другие свойства* риторического текста. Прежде всего, это *авторство* и *адресность*. Целостность обеспечивается всегда за счет связности. То же можно сказать и о следующей паре свойств риторического текста: *авторство*, предполагающее соавторство, т.е. *адресность* (М.М. Бахтин). Представим совокупность понятий, которые в наибольшей степени отражают сущность авторства: *тема* → *автор* → *концепция* → *адресат* → *целевая установка* → *тезис* → *аргументация*. Авторство предполагает этическую позицию (этосность) и *точность* формулирования замысла (целевой установки и тезиса).

Адресность указывает на *диалогичность* и даже полемичность [Минеева 1990]... разной степенью ее выраженности: от учета аудитории, той ее части, которая может ответить автору, вступить с ним в диалог, может откликнуться эмоциональной или вербальной реакцией-ответом, до диалогизации как оглашения, предъявления, столкновения с возможными точками зрения, позициями присутствующих слушателей и, наконец, до реального диалога авторов-соавторов, т.е. совместного создания риторического текста на данную тему. Напомним, что участвовать в диалоге, по М.М. Бахтину, значит: вопрошать, внимать, ответствовать, отзываться, соглашаться, отрицать, поступать. Кроме того, за адресностью стоит такая характеристика, как *понимаемость*, не понятность (доступность), а именно понимаемость. Ее разрабатывает и обеспечивает автор, но не за счет «опускания» обсуждаемого тезиса до уровня аудитории, а за счет «возвышения» аудитории с помощью определенных приемов до уровня сложности обсуждаемых идей. «Цепочка понятий», которые мы открываем, идентична предыдущей, поскольку автора риторического текста нет, если нет адресата, которому текст предназначен.

Целостность – связность, *авторство* – адресность – основные сущностные свойства риторического текста. Их целесообразно дополнить *влиятельностью* (воздейственностью) – свойством риторического текста, которое определяется совокупностью следующих понятий: *автор* (концепция) → *адресат* → *целевая установка* → *тезис* → *аргументы* → *речевые средства*. В зависимости от *целевой установки*, мы можем определить вид текста, его *жанр*. *Влиятельность*, поскольку она достигается не только за счет аргументов и их характеристик, но и за счет речевых (языковых) средств, связана с *выразительностью*. Конечно, выразительность в большей степени стилистико-эстетическая характеристика, но в ней воплощено и волеизъявление. Выбор средств выразительности зависит от целевой установки, жанра риторического текста. Воплощенный авторско-адресный замысел живет всегда в конкретной ситуации общения. Целесообразно говорить о *ситуативности* риторического текста (жанра) и его уместности (где? когда? в какой ситуации?).

Итак, представленная выше совокупность понятий, которые раскрывают сущность риторического текста, позволяет находить способ создания текста как путь «открытия» («переоткрытия» – В.В. Давыдов). Есть способы работы над темой. Тему целесообразно рассматривать как совокупность множества возможных риторических текстов; как «гипертекст» [Минеева 1999: 15–17]; как содержание диалога с теми авторами (прошлого и настоящего), которые исследуют, разрабатывают и т.п. в научном или ином плане данную область или ее сегмент. Обязательные параметры «тем» в риторике: целостность (системность) – связность; наличие авторов – адресатов. Другие свойства риторического текста здесь менее значимы.

Обратимся к способам «явления» себя как **автора** риторического текста. Это не тот, кто говорит или пишет, не всегда тот, кто выступает, – это, прежде всего, человек, который *осознает свою потребность* (как желание или необходимость) в создании текста, *обладает способностью* создавать и реализует ее в создании собственного риторического текста-жанра, оказывая *планируемое воздействие* на адресата в конкретной ситуации общения (выступления или чтения риторического текста). К обязательным характеристикам автора отнесем осознанную *потребность* в самореализации в риторическом общении; *умение* создавать, исполнять и рефлексировать собственный текст по риторическим правилам.

В деятельностном подходе к риторике исследуются (или открываются в ходе обучения) способы адресации, «разработки» тезиса, речевого оформления и воплощения и т.д. Эти способы складывались в течение тысячелетий в ходе риторической практики многих поколений и народов, осмысливались и выделялись разными научными школами, превращались в эталоны, образцы, правила. Предлагаемый подход к риторике позволяет обеспечить единство прошлого и настоящего, исследования и обучения, следовательно, является более эффективным средством воспитания культуры диалога.

Только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается и «человек в человеке», как для других, так и для себя самого. Быть – значит общаться диалогически (М.М. Бахтин).

Итак, «плодотворное существование человека» – это и деятельность человека, и результаты этой деятельности, и ее процесс и смысл. Исследуя и помогая освоить риторическую деятельность, мы способствуем «плодотворности» реального осуществления человека в любом возрасте и состоянии. Тем более, что, по мнению современных философов, диалог в настоящее время превращается из специфического метода общения, познания и художественного творчества во всеобщую форму нового типа культуры человечества. Только диалогическая культура, открытая в античности Сократом и Платоном, может обеспечить консенсус, «согласие разногласного», в противоречивых коллизиях развития общества XXI века.

И.А. СТЕРНИН

Можно ли культурно формировать культуру в современной России?

Культуру можно определить как образ жизни, передаваемый по наследству от поколения к поколению. Так, в частности, определяют культуру Стюарт Таббс и Сильвия Мосс – авторы американского учебника «Коммуникация» для студентов университетов. Такое определение культуры представляется нам удачным применительно к бытовой, повседневной, материально наблюдаемой и проявляющейся в поведении и общении людей культуре. Как же обстоит дело с передачей культуры от поколения к поколению в России? Естественно, наш повседневный образ жизни передается и воспроизводится новыми поколениями.

По определению, это культура. Но можно ли считать содержание передаваемого культурой? Следует ли этот образ жизни передавать от поколения к поколению в неизменном виде? Полагаем, что нет. У нас передается от поколения к поколению прежде всего *простота* в общении и поведении, которую никак нельзя назвать культурой в европейском, цивилизованном понимании этого термина. А иная простота, как гласит русская пословица, хуже воровства. В данном случае, как нам представляется, дело обстоит именно так. Культура и «простота» – две вещи несовместные. Культура – обязательно соблюдение определенных, в значительной степени искусственных, сформированных и принятых обществом ритуалов и условностей. Культура не может быть «простой». «Простота» – это бескультурие.

Формирование индивидуальной культуры члена общества определяется общественным сознанием. Сознание имеет два основных уровня – бытийный и рефлексивный (Н.В. Уфимцева). Именно бытийный уровень сознания проявляется в общении и поведении людей и является наблюдаемым. По современным данным, в 92–98 % случаев бессознательно определяет поведение человека. Бытийный уровень сознания – базовый, он усваивается в детстве бессознательно и соблюдается автоматически. Воспитание культурного, интеллигентного человека – результат «культуры раннего детства» (В.В. Виноградов). Рефлексивное сознание формируется в течение жизни путем обучения, передачи знаний, размышлений над действительностью, поведением окружающих и своим поведением.

Проблема заключается в том, что индивид и общество в целом могут иметь определенный уровень рефлексивного сознания, усвоить некоторые ценности на уровне рефлексии, обсуждать их, декларировать и приветствовать, но при этом сохранять прежнее традиционное бытийное сознание, прежнее поведение. Мы бытийно восприняли «простоту» и грубоватость в поведении, привыкли к ним, и формально усвоив на рефлексивном уровне некоторые общечеловеческие ценности, публично продекларировав их в разгар перестройки (кстати, о них у нас постепенно уже перестали говорить, упор опять делается на самобытность, национальные традиции – видимо, не от хорошей жизни), ведем себя в быту по-прежнему, как привыкли с детства. В этом вся проблема: мы усвоили, к примеру, рефлексивно демократию, но не реализуем ее на бытийном уровне. *Я имею право, но не могу*

его реализовать – никто из чиновников мои права соблюдать не собирается.

Мировой интеграционный процесс – процесс унификации культур. В нашей стране действует процесс европеизации культур – европейский этикет, европейские культурные нормы. Естественно, национальные особенности каждой культуры сохраняются, но происходит унификация прежде всего речевого, поведенческого и делового этикета, а также этикета повседневного поведения. Духовно, интеллектуально наше общество готово к восприятию данного аспекта европейской культуры, оно с восхищением смотрит на высокую бытовую культуру европейцев, но при этом говорит само себе: «У нас это невозможно, куда нам, у нас такого никогда не будет, это ж Россия, у нас люди не те». Люди-то у нас те. Бытовая культура у нас не та. И исключительно вредной представляется нам в связи с этим наблюдающаяся попытка оправдать бытовое бескультурье какими-то признаками самобытности. Отстали мы в сфере бытовой культуры, культуры повседневного поведения, хотя в области духовной, гуманистической культуры мы «впереди Европы всей», это несомненно.

Рефлексивно, теоретически у нас общество, по крайней мере значительная его часть, уже знает большинство европейских правил поведения и общения. Взрослые и школьники могут правильно ответить на многие вопросы, касающиеся повседневного общения и поведения. Основные правила речевого этикета у нас знают. Так, первоклассники, как показали исследования Н.А. Лемяскиной, осмысленно отвечают на вопросы о функциях речевого этикета, знают основные речевые этикетные формулы, но не пользуются ими в повседневном общении. Им надо напомнить – тогда скажут *спасибо* или *извините* – прямое свидетельство рефлексивности этих знаний. На уроках культуры общения дети нередко говорят учителю: «Вы говорите правильно, но, во-первых, так больше никто не говорит, а во-вторых, если мы будем говорить и вести себя так, как вы нас учите, над нами будут смеяться». И это факт: на бытийном уровне культура поведения и общения формульно регулярно не демонстрируется.

Бытовое бескультурье в стране давно стало притчей во языцех. Известно, что авторитетные носители русской культуры (дворяне, высшее духовенство, офицерство, профессура и учительство) были уничтожены революцией. Современное общество не может предложить народу какие-либо соблюдаемые устойчи-

вой социальной или профессиональной группой эталоны культурного поведения и общения. Не составляют исключения журналисты, государственные деятели и политики, учителя и преподаватели, государственные служащие, предприниматели, руководители образовательных и государственных учреждений.

Как же формировать бытовую, повседневную культуру у людей? Это вопрос далеко не теоретический. Он должен быть переведен именно в практическую плоскость, поскольку культура должна проявиться именно на бытовом, повседневном уровне.

Детей и взрослых надо учить *бытийно*. Необходимо создание *культурной бытовой среды* для ребенка, его постоянное участие в повседневных *культурных ритуалах*. Дети не будут использовать нецензурные выражения, если не будут этого слышать дома, станут вежливыми и благодарными, если будут видеть такое поведение постоянно вокруг себя. Как установили этологи, неблагодарность как форма эгоизма врожденна, поскольку основана на безусловном рефлексе-инстинкте самосохранения («прежде думай о себе»), а альтруизм (в том числе благодарность) должен быть воспитан, сформирован. Чтобы человек «прежде думал о Родине, а потом о себе», его надо в данном духе специально воспитать.

Необходимо создание элитарного культурного слоя в обществе, прежде всего в среднем классе. Учителство должно быть образцом, а оно пока таковым не является, как и вузовская интеллигенция, а также техническая интеллигенция, не всегда демонстрирующая высокую бытовую культуру. Пресса и телевидение не культивируют образцовую речь. Из кого может быть сформирована культурная среда для детей? Из взрослых. Но именно у них и нет этой культуры. От поколения к поколению передается бескультурие.

А можно ли сформировать культуру поведения и общения у взрослых? Можно, и это надо делать в первую очередь. Это должно делаться на рефлексивной основе, но обязательно подкрепляться «организационными мероприятиями».

Осложняющим фактором в формировании европейских норм культуры поведения и общения является специфика российского менталитета, который в ряде своих существенных черт «противостоит» формированию таких норм. Вот некоторые из этих черт:

1. В России, как отмечал Н. Бердяев, не склонны подражать высшим образцам – «святыми все восхищаются, но им не подражают».

2. Принято быть как все – поэтому простота в поведении выступает как бессознательный эталон и подражают именно простоте. Многие нормы культуры речи и культуры поведения осознаются русским сознанием как искусственные, надуманные, противостоящие искренности как важнейшему национальному качеству поведения. Считается, что соблюдение вежливости может быть излишним, это своего рода «церемония», отражающая неискренность поведения. Один мой знакомый на вопрос «Почему ты так грубо обращаешься с женщинами?» отвечал: «Не люблю я все эти церемонии».

3. Не принято выделяться – *белая ворона* является неодобрительной характеристикой человека, и таких не любят; трудно нести крест культурного интеллигентного человека во всех ситуациях. Легче отказаться от тех или иных норм культурного поведения и общения, нежели нести этот крест, чтобы на тебя с осуждением показывали пальцем – «ну как же, ведь он у нас культурный!»

4. Слово *интеллигент* в русском языке было долгое время ругательным; интеллигенция в наши дни не стремится к самоорганизации, не создает общественных движений, не видит в себе организационного потенциала, не любит повседневной просветительской работы, предпочитает обсуждать абстрактные нравственные проблемы.

5. В России люди не любят строгой регламентации – поэтому фактически этикета как свода строгих и соблюдаемых всеми правил у нас нет; все правила широко варьируются. Русский человек не любит «условностей», под которыми понимается фактически любая бытовая культурно обусловленная регламентация поведения. А поведенческая культура состоит именно из условностей. В России легко прощают людям допущенные ими этикетные ошибки. Законы и правила часто воспринимаются как давление на личность.

6. Нелюбопытство к правилам поведения и общения, правилам культуры речи: человек не знает, как вести себя в той или иной ситуации, какую речевую формулу употребить, но предпочитает не спрашивать, а самостоятельно искать выход из коммуникативного затруднения, вернее – не преодолевать трудность.

7. Инерционность мышления, неприятие изменений, неприязнательность поведения: годами жили, поколения выросли – и ничего, обходились без этого, без этикета и дальше проживем,

«все равно нас ничему не научишь». Интересно, что такой пессимизм в значительной степени распространен в среде сельских учителей.

8. Отсутствие привычки самому наводить справки о правильном употреблении, отсутствие привычки пользоваться словарем. Сорокалетний директор школы, историк, шепотом спрашивает преподавателя культуры общения в коридоре Института повышения квалификации: «Всю жизнь хотел узнать, как правильно говорить – ра́кушка или раку́шка». Всю жизнь хотел узнать – и не решился ни у кого спросить за сорок лет и в словарь не догадался посмотреть. Люди в массе не привыкли пользоваться словарями, не умеют ими пользоваться, боятся их.

Еще одним осложняющим моментом в формировании культуры поведения, общения и речи в России является отсутствие мотивации к этому в общественном сознании.

Для взрослых (как и для школьников) нужны осознаваемые побудительные мотивы изучения и соблюдения норм культуры поведения и общения.

Можно выделить отдельные группы мотивов, которые могут быть использованы как стимул к освоению:

- русского языка в устной и письменной формах
- образцовой культуры речи
- культуры общения.

Мы с сожалением должны констатировать, что в нашей стране пока хорошее владение родным языком, умение хорошо говорить и писать *не стало общественной ценностью*. Общественное сознание признает необходимость владения родным языком, но она весьма далека от приоритетной. Для сравнения скажем: у нас сплошь и рядом можно услышать граничащую с восхищением и завистью похвалу в адрес человека, – «он свободно говорит по-английски», «он прекрасно знает иностранный язык» и т.д. Восторженные же отзывы об образцовом владении человеком своим родным языком, о высоком уровне культуры общения и поведения мы слышим гораздо реже, к тому же это чаще выглядит как констатация факта, а не как высокая положительная оценка личности.

Слабое владение человеком родным языком, малограмотность, а то и функциональная неграмотность не становятся предметом публичного осуждения, как и отсутствие у человека необ-

ходимого уровня культуры общения. Эти факты могут с сожалением констатироваться, но подобные оценки не оказывают мобилизирующее воздействие на личность. Люди спокойно говорят о себе, причем часто с улыбкой: *Я в грамотности слабоват; У меня с русским языком со школы проблемы; С культурой общения у меня слабовато; Я слова плохо связываю.* Рядовому гражданину даже в голову не приходит, что знание родного языка, культуру общения взрослый человек должен совершенствовать в течение всей своей жизни, что и взрослый должен постоянно учиться родному языку и культуре общения на родном языке.

В обществе отсутствует идея *престижности* высокого уровня владения своим языком.

В стране *нет системы профессиональных требований* к владению родным языком при занятии определенных должностей, как во многих странах Запада. Уровень знания родного языка не проверяют при приеме на работу. В системе повышения квалификации, как правило, русский язык, культура речи, культура общения, деловое общение отсутствуют начисто.

В государственной политике культура повышения грамотности, культура речи общества только декларируются, не подтверждаясь практическими шагами. Отсутствует программа планомерной поддержки русского языка как государственного. Нет ни одного государственного конкурса или фестиваля, который пропагандировал бы родной язык и культуру родной речи, грамотность, хотя бы каллиграфию, как в Японии.

Не испытывают ответственности за родной язык и журналисты. Средства массовой коммуникации отличаются исключительно вольным обращением с языком.

Положение необходимо менять. Представляется актуальным создание условий для стимулирования мотивации образцового овладения родным языком и культурой общения.

1. Язык должен быть признан национальной ценностью, а образцовое владение им – общественным приоритетом. Усилия надо направить на *формирование общественного мнения в пользу провозглашения языка национальной ценностью*, а культуры общения – *культурной ценностью*. Образцовое владение родным языком, культура пользования родным языком должны стать престижными и приоритетными для личности, стать такой же ценностью для человека, как профессиональная подготовка, хорошая работа. Для этого необходимы организационные мероприятия:

культурно-речевые конкурсы, фестивали, соревнования, сопровождающиеся присуждением премий за языковую культуру.

Полезно проводить конкурсы, фестивали хорошей речи, грамотного письма, поощрять победителей, прославлять и награждать хороших ораторов, знатоков русского слова, риторов-практиков, знатоков культуры речи.

2. Необходимо сформировать *систему профессиональных требований* к владению родным языком и культурой общения, предъявляемых в официальных ситуациях на самых разных уровнях: прием на работу, занятие высших государственных должностей.

3. Необходимо у учащихся, специалистов, служащих развивать понимание, ощущение коммуникативного результата, осознание *необходимости, успешности речевой деятельности*, показывать эффективность хорошего владения языком и навыками культуры общения для оптимальной коммуникации, профессиональной деятельности, межличностных отношений, продвижения по службе. Они должны знать, что культурного человека замечают, уважают, о нем выше мнение, его скорее продвинут по работе, его послушают, он кажется умнее и влиятельнее, компетентнее и т.д. Кстати, здесь большое поле для экспериментальных исследований. Необходимо определить, как мы воспринимаем культурное поведение и общение личности, культурную речь, какие функции выполняют в обществе культурные знаки.

4. Важно создать общественное мнение о *престижности* высокого уровня владения родным языком, престижности культуры общения, формировать общественное мнение о статусной роли грамотности и речевой культуры в современном обществе.

Создание подобных условий будет способствовать мотивации подрастающего поколения и взрослого населения к совершенствованию навыков владения родным языком, приобретению устойчивых навыков культуры общения.

Мотивация к овладению высоким уровнем *культуры речи* также требует отдельного обсуждения. Наше общество пока не осознает необходимость высокой, элитарной культуры речи.

Нами был проведен опрос группы филологов – участников конференции «Культура общения и ее формирование», преподающих культуру общения и культуру речи в вузе и школах Воронежской области (1999 г.). Анализ ответов, полученных в результате опроса, представляет большой интерес, так как позволя-

ет выделить основные группы мотивов поддержания высокой культуры речи, характерные для современного языкового и педагогического сознания филологов и учителей-словесников и реализуемые ими в практике.

Можно выделить следующие обобщенные мотивы, вербально оформленные опрошенными в виде стереотипов (всего было выделено 68 различных мотивов).

Прагматические мотивы

- Культура речи делает речь человека более доступной для собеседника.

- Культура речи делает речь человека более убедительной.

- Культурная речь поддерживает авторитет говорящего (учителя, родителя).

- Культура речи делает наше воздействие на собеседника более эффективным:

- облегчает общение: форма запоминается лучше, чем содержание;

- создает хороший речевой имидж при общении с начальством;

- облегчает общение с детьми;

- способствует достижению различных жизненных целей;

- это наиболее короткий путь к профессиональному успеху в России;

- способствует успеху в межличностных отношениях.

- Культура речи способствует точному выражению мысли.

- Культурная речь снимает у говорящего психологические барьеры в обращении к малознакомым, официальным лицам.

- Культура речи помогает при написании различных заявлений, официальных документов.

- Владение культурой речи облегчает понимание текстов различных жанров.

- Культурная речь способствует установлению контакта, достижению взаимного согласия:

- обеспечивает счастье семейной жизни;

- благоприятствует уважительному отношению друг к другу;

- предупреждает конфликты и скандалы;

- дает больше шансов завоевать дружбу и любовь близких;

- помогает находить и формировать единомышленников;

- способствует взаимопониманию между собеседниками.
- Культура речи способствует интеллектуальному и духовному развитию личности.
- Человек, владеющий культурой речи, вызывает уважение, особенно у тех, для кого характерна низкая речевая культура.
- Культурно говорящий человек имеет больше шансов быть избранным во властные структуры.
- У культурно говорящего больше шансов сделать карьеру.
- Культурно говорящий имеет больше возможностей получить материальные блага.
- Культурная речь способствует тому, чтобы к тебе хорошо относились.
- Культурная речь вызывает доверие.
- Культура речи дает возможность избежать сложностей при объяснении в любви.
- Культурная речь повышает статус говорящего в глазах собеседников.
- Культура речи помогает личности самоутвердиться.
- Культура речи помогает убеждать без применения силы.

О плохой речи (количество стереотипов невелико):

- плохая, некультурная речь атрофирует мыслительные функции головного мозга;
- некультурная речь способствует конфликтному общению, повышению эмоциональности общения.

«Отражательные» мотивы

- Культурная речь – показатель общего культурного уровня человека.
- Культура речи – это отражение понимания собеседника.
- Бескультурная речь – отражение скудости культуры общества.
- Культура речи показывает интеллигентность человека.
- В речи отражается общая культура и интеллигентность человека.
- Культура речи человека демонстрирует его уважение и доброе отношение к тому, к кому он обращается.
- «Языковой паспорт» информативнее любого документа.

Эстетические мотивы

- Приятно слышать правильную культурную речь.

- Культурная речь дает почувствовать красоту и богатство русского языка.

- Культурная речь дает удовольствие от общения.

Культурный мотив

- Культура речи обеспечивает доступ к национальной культуре.

Моральные мотивы

Моральные мотивы представлены двумя группами:

1. Национальная гордость:

- Культура речи – это вопрос национального достоинства.

- Если не уважать русский язык, никто не будет уважать Россию.

- Культура речи – основа осознания себя как носителя национального языка.

- О нации судят по ее языку.

- Культура речи – основа национального самосознания.

2. Ценность, богатство:

- Не использовать глубокие пласты русского языка – значит пренебрегать национальным богатством, накопленным тысячелетиями.

- Культура речи – это долг каждого русского человека перед своей нацией, будущими и прошлыми поколениями русских людей.

- Русская речь – ценность, переданная нам по наследству.

- Культура речи – это сохранение языковых традиций.

- Культура речи – это условие культуры, уважения к прошлому и настоящему своей страны.

Все эти аргументы могут быть использованы в мотивации, однако обращает на себя внимание, что, как показал опрос, многие вузовские филологи и учителя не располагают набором педагогических аргументов в пользу необходимости совершенствования речи, а высказывают лишь эмоциональное отношение к проблеме, в основном отражающее *эмоциональное непонимание того, как можно не осознавать, что культура речи необходима человеку.* Это в действительности не аргументы: учащимися, студентами и взрослыми носителями языка они не воспринимаются как реальное руководство к действию. Приведем примеры подобных высказываний:

- Неуважение к родному языку безнравственно, как неуважение к матери, родине, истории.

- Язык – то, что умирает последним в нации.

- Культура речи – это вопрос национального достоинства.
- Речь – наше богатство.
- Дети должны быть грамотны.
- Мы должны сохранить, а в идеале – обогатить русскую речь.
- Нельзя неуважительно относиться к языку Пушкина!

Есть также мнение, что нам просто нужны новые методики обучения культуре речи, что старые методики устарели. Так ли то? Думается, что нет. В свое время (1969–1970 годы) методисты в области иностранных языков хором твердили, что плохое знание иностранных языков в нашем обществе – следствие несовершенства методик обучения, недостатка технических средств и т.д. Но дело было не в этом: не было мотивации. В условиях открытого демократического общества появилась мотивация – и уровень владения иностранными языками в нашей стране резко вырос, как и интерес к ним.

Методики эффективного обучения русскому языку, культуре речи, риторике, культуре общения, грамотному письму у нас есть – дело за мотивами и мерами организационного порядка.

М.Е. Салтыков-Щедрин советовал: «Просвещение внедрять с умеренностью, по возможности избегая кровопролития». Но вспомним, что Петр I не избегал жестких мер и внедрил-таки просвещение в России. Он показал способ быстрого внедрения «просвещения»: через административное насилие. И добился успеха, превратив Россию в европейскую державу.

Представляется, что для формирования взрослой культурной среды в стране в настоящее время также нужно определенное административное принуждение.

В вузах следует ввести аттестацию учителей и преподавателей по культуре речи. Необходимы специальные предметы, связанные с культурой речи, деловым общением, речевым этикетом, риторикой – с зачетами и экзаменами в школе и вузе. Нужно разработать требования к культуре речи, культуре общения, речевому этикету поведения, которые должны предъявляться всем категориям взрослых в системе повышения профессиональной квалификации.

Нужны премии за высокий уровень культуры поведения и общения и порицания за низкий уровень. Необходима речевая и культурная цензура на телевидении, радио и в печати, нужны штрафы за нарушения норм. Следует утвердить нормативные требования к культуре речи, как к устной, так и к письменной,

при приеме на работу. Желательно внедрять этикет внешнего вида и поведения на службе, за которым будут следить контролеры, как в Америке. Надо организовывать бытийные культурные ритуалы на производстве, в школе, в семье.

В настоящих условиях, когда ставятся вопросы интеграции в европейское культурное сообщество, приобщения к европейским культурным нормам, взрослых учить культуре «культурно» неэффективно. У нас нет времени. Нашу страну не будут рассматривать как цивилизованную, пока у нас не повысится каждодневная, бытовая культура. Возможен и откат назад: не прививается цивилизация – и не надо, лучше вернуться к национальным истокам, народным традициям и т.д. Тенденции возвращения к «истокам» в этом смысле представляются нам опасными (например, интерпретация участившегося обращения на *ты* к незнакомым как возвращение к «истокам» русского языка, когда «Вы» не было), они могут привести к изоляции от цивилизованного мира. Надо очень четко различать «свое» как истинно народное и самобытное, не противоречащее общецивилизационным нормам, и «свое», которое позволяет отстаивать бескультурье.

В настоящее время надо принимать административные меры для создания культурной среды, формирования элитарного культурного слоя в нашем обществе.

Суммируя сказанное, отметим следующее: для формирования адекватной культуры поведения, общения и речи в нашем обществе в настоящее время необходимы:

1. Мотивация всех слоев общества к освоению культуры поведения, общения и речи.

2. Административные меры, обеспечивающие:

- общественные и профессиональные требования к культуре поведения, общения и речи;

- организационные формы приобретения соответствующих знаний.

Литература

Голев 1977 – Голев Н.Д. Антиномии русской орфографии. Барнаул, 1977.

Голев 1998 – Голев Н.Д. Суггестивное функционирование внутренней формы слова в аспекте ее взаимоотношений с языковым сознанием // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах / Под ред. Н.А. Лукьяновой. Новосибирск, 1998.

Голев 1999 – Голев Н.Д. Когнитивный аспект русской орфографии: орфографоцентризм как принцип обыденного метаязыкового сознания // Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Т.И. Стексовой. Новосибирск, 1999.

Голев 2000а – Голев Н.Д. О метаязыковом компоненте обыденного языкового сознания носителей русского языка // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистические и когнитивные аспекты: Сб. ст. / Под общ. ред. В.А. Пищальниковой. Барнаул, 2000. Вып. 2.

Голев 2000б – Голев Н.Д. Продолжение разговора о содержании школьного курса «Русский язык» // Русский язык: Ежегод. прил. к газ. «Первое сентября». 2000. №6 (222).

Даль 1989 – Даль В. Пословицы русского народа: В 2 т. М., 1989. Т. 1.

Ейгер 1982 – Ейгер Г.В. Механизмы контроля правильности языкового высказывания. М., 1982.

Засорина 1973 – Засорина Л.Н. О некоторых эмпирических признаках металингвистики // Вопр. металингвистики. Л., 1973.

Мечковская 1998 – Мечковская Н.Б. Язык и религия: Лекции по филологии и истории религий. М., 1998.

Минеева 1990 – Минеева С.А. Полемика – диспут – дискуссия. М., 1990.

Минеева 1999 – Минеева С.А. Риторические аспекты изучения диалога // Диалог в образовательной деятельности: Материалы науч.-практ. конф. в шк. № 149. / Сост. Л.В. Горбач, С.А. Минеева. Пермь, 1999. Ч. 2.

Соссюр 1977 – Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977.

Учебные стандарты 1998 – Учебные стандарты школ России. М., 1998. Ч.1.

Шкуратов 1977 – Шкуратов А. История психологии. М., 1997.

Содержание

Предисловие	3
Ортология	13
<i>Е. Н. Ширяев</i>	
Типы норм и вопрос о культурно-речевых оценках	13
<i>Т. В. Матвеева</i>	
Об ортологии текста	21
<i>Л. П. Крысин</i>	
Социолингвистический аспект изучения речевых «неправильностей»	29
<i>О. П. Ермакова</i>	
Новые семантические оппозиции старых названий лиц	36
<i>И. Т. Вепрева</i>	
Рефлексия как аксиологическая основа формирования стилистической нормы	42
<i>Е. А. Земская</i>	
Язык русского зарубежья: проблемы нормы и речевого поведения	57
<i>Литература</i>	74
Функционально-стилевые разновидности русской речи	80
<i>Л. М. Майданова</i>	
Газетно-публицистический стиль: метаморфозы коммуникантов	80
<i>О. А. Михайлова</i>	
О чем говорит чужая речь на газетной полосе?	97
<i>О. А. Крылова</i>	
Существует ли церковно-религиозный функциональный стиль в современном русском литературном языке?	107
<i>Э. В. Чепкина</i>	
Стилевые особенности молодежных программ на телевидении	118
<i>Л. В. Зубова</i>	
Русский язык конца XX века в поэтическом отражении	130
<i>Литература и источники</i>	146

Жанры речи и грани культуры	151
<i>В.А. Салимовский</i>	
Жанры речи как функционально-стилистический феномен	151
<i>В.В. Дементьев</i>	
Фатические и информативные жанры непрямой коммуникации	167
<i>В.В. Блажес</i>	
Комический дублет русского народного разговорного этикета	186
<i>М.Ю. Федосюк</i>	
Репертуар жанров речи радиоведущих музыкальных программ	196
<i>Л.В. Енина</i>	
Идеологическое содержание современных лозунгов протеста	207
<i>Н.А. Кутина</i>	
Агитационный дискурс: в поисках жанров влияния	216
<i>Литература и источники</i>	234
Механизмы коммуникации и	
 типы языковой личности	241
<i>И.Н. Борисова</i>	
Замысел разговорного диалога в структуре коммуникации	241
<i>И.В. Шалина</i>	
Коммуникативно-речевая дисгармония: ее причины и виды	272
<i>О.С. Иссерс</i>	
Коммуникативный успех как прогнозируемая категория	287
<i>К.Ф. Седов</i>	
Речевое поведение и типы языковой личности	298
<i>М.А. Канчер</i>	
О трех аспектах описания языковой личности	312
<i>В.Д. Черняк</i>	
«Слова, которые мы не знаем» как примета речевого портрета современной языковой личности	319
<i>Литература и источники</i>	331

Технологии культурно-речевого образования 338

Н.Д. Голев

Обыденное метаязыковое сознание и школьный курс

русского языка 338

Н.Е. Богуславская

Изучают ли школьники русский язык на уроках

русского языка? 348

С.А. Минеева

Риторика в развитии культурно-речевой

ситуации России 355

И.А. Стернин

Можно ли культурно формировать культуру

в современной России? 361

Литература 374

Научное издание
и
КУЛЬТУРНО-РЕЧЕВАЯ СИТУАЦИЯ
в СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ответственный редактор
д-р филологических наук Н.А. Купина

Редактор В.И. Певухина
Компьютерная верстка Н.Ю. Михайлов

Лицензия № 020257 от 22.11.96
Подписано в печать 29.06.2000 г. Формат 60х84 1/16 Заказ №239
Бумага "Госзнак" Гарнитура «Таймс» Тираж 500 экз.

Издательство Уральского университета
620083, Екатеринбург, Тургенева, 4

Отпечатано с оригинал-макета в
Издательском доме Уральской сельхозакадемии
ООО «ИРА УТК»
620219, Екатеринбург, ул. К. Либкнехта, 42